

Григорий Шмулевич

ЗОВ ЖИЗНИ И ПАМЯТИ

Жабокрич. Синагога. 26-07-2003

Юрий Шор возле входа
в погреб дома Дувида Гершковича,
где был массовый расстрел
в июне 1941 г.

Колодезь, возле которого стоял
немецкий офицер, командовавший
расстрелом евреев в погреб
Хоне Мазлера.

Жабокрич. Бывшая еврейская школа

Дом Лейба Пельмана, куда фашисты
согнали евреев перед расстрелом.

День памяти в 60-ю годовщину
расстрела в Жабокриче. 2001 г.

МОСКВА 2015

УДК 94(4)+929
ББК 63
Ш75

Григрой Шмулевич
Зов жизни и памяти

Издание подготовлено при участии
Российского Научно-просветительного Центра
«Холокост»

Шмулевич Г. «Зов жизни и памяти». — М.: Полимед, 2015. —
X с.

Аннотация здесь

ISBN 5-88832-027-7

© Г. Шмулевич, 2015
© В. Бродский, дизайн обложки, 2015

Гетто в Жабокриче

Долгие годы евреи жили компактно в местечке, которое расположилось вдоль шоссе Крыжополь-Бершадь, в окружении села. По историческим данным в Жабокриче¹ они поселились в первой половине XVIII в. приблизительно в 1765 г.

До революции 1917-го года в местечке уже проживало около 2000 евреев, что составляло 25% всех жителей села. Практически все сферы хозяйственной жизни села: ремесленная, промышленная и торговая находились в руках евреев.

После ликвидации черты оседлости, проведения экспроприации частной собственности, а также в связи с развернутой борьбой с троцкизмом и сионизмом, произошло значительное сокращение жителей местечка. Молодежь устремилась в города на учебу, на производство. Исчезла бывшая элита местечка — арендаторы, подрядчики, оптовые торговцы, лавочники и их семьи.

Перед началом ВОВ в местечке насчитывалось 145 домов, две синагоги, еврейская школа, и проживало примерно 600 человек.

Основную часть жителей местечка составляли ремесленники (портные, кузнецы, столяры, бондари, парикмахеры, скорняки, сапожники, меховщики, стекольщики, канатчики, и пр.), часть жителей была занята в колхозном производстве, имелась небольшая прослойка интеллигенции (учителя, фармацевты, счетные работники).

Между жителями местечка и села существовали добрососедские отношения. Местечко и село взаимно дополняли друг друга. Местечко обеспечивало село хозяйственными услугами, село обеспечивало местечко продуктами питания. В будни обитатели местечка трудились, в поте лица добывая хлеб насущный, не

---

¹ Жабокрич — село Крыжопольского района, Винницкой области, на Украине в Подолии, в бывшей черте оседлости. Село расположено на берегах речки Бережанки, в 10 км к востоку от железнодорожной станции Крыжополь.

унывали, надеясь на лучшую долю для своих детей. Хозяйки ходили на базар, занимались домашним хозяйством, воспитывали детей. Дети посещали школу, весело проводили время в играх, бывали в кино. Летними вечерами молодежь выходила на улицу прогуливаться. Было весело, слышался смех, звучали песни о любви, о счастливой жизни. Люди влюблялись, справляли свадьбы, рождались дети. Местечко имело своего раввина, резника, шхиту для обеспечения жителей кошерным мясом. Повседневный язык был идиш. Еще сохранились в местечке типажи и обычаи, описанные Шолом-Алейхемом. В субботу и в праздники местечко прихорашивалось. Жители отдыхали, отдавая дань своему единому Богу, посещали синагогу. Проводили время в общении с родными и друзьями. Местечко жило полнокровной жизнью.

Все изменилось с началом ВОВ. Наступили тревожные дни, опустели улицы, не видно было играющих детей. Мужчины призывного возраста уходили на войну, старшеклассников отправляли на восток. Жители, которым посчастливилось приобрести лошадь с телегой, о другом транспорте речи не могло быть, эвакуировались.

К моменту прихода немцев в село, 22.07.41 г., через месяц после начала войны, численность жителей местечка составляла примерно 320 человек. Оставались в основном пожилые люди, дети. Одни не имели возможность эвакуироваться. Другие остались из-за отсутствия информации о злодеяниях нацистов. Они помнили 18-ый год, лояльное отношение немцев к евреям.

В то же время численность евреев в местечке возросла за счет приезжих: жителей Крыжополя, которые опасаясь бомбардировок железной дороги, искали спасение в Жабокриче, а также за счет еврейских семей из западных районов, эвакуация которых была прервана быстрым продвижением немцев на восток. В общем, приезжих собралось около 200 человек.

В конце августа 41 г. по указанию коменданта села нижнюю улицу местечка огородили колючей проволокой, устроили там гетто. Туда согнали жителей местечка, которым удалось спастись во время массового расстрела¹: одни нашли укрытие в поле или у знакомых сельчан, другие выбрались из расстрельных подвалов ночью, когда убийцы ушли отдыхать. Чудом выжившие люди, раненные и покалеченные, теряя последние силы, помогали друг другу выбираться из подвалов, и искать укрытие в домах на нижней улице.

После ухода солдат из села, число обитателей гетто стало увеличиваться: за счет вышедших из укрытий, за счет возвращения

---

¹ Зондеркомандой при содействии местных антисемитов в течении трех дней, начиная с 27.07.41 г., было расстреляно 435 человек — стариков, женщин, детей. Эти данные отражены актом госкомиссии от 21.06.44 г. по установлению злодеяний немецко-румынских преступников, составленным при вскрытии трех могил массового расстрела жителей местечка Жабокрич.

жителей местечка, эвакуация которых была прервана.

Комендант села Рачинский, парень 19-ти лет, бывший комсомолец и работник культотдела Крыжопольского района, совместно с полициями, набранными из дезертиров и уголовников, и старостой села Полищуком², похуже, задались целью довершить начатое зондеркомандой уничтожение жителей местечка. Был введен комендантский час с 6-ти часов вечера до 6-ти часов утра. Всем обитателям гетто, взрослым и детям, вменили обязательное ношение на груди отличительного знака — желтой звезды Давида. Был запрещен обитателям выход из гетто и вход в гетто без разрешения комендатуры. Не разрешалось им общение с жителями села. А так же жителям села было запрещено приближаться к ограждению гетто. За этим зорко следили полицаи. Фактически гетто было полностью изолировано от внешнего мира. Любое нарушение наказывалось побоями, заключением в подвал комендатуры на несколько дней, вплоть до расстрела. Чтобы не умереть с голоду обитателям гетто приходилось рисковать здоровьем, жизнью. Ночами они пробирались в село к знакомым сельчанам за подаванием, или чтобы обменять вещи на продукты.

К счастью, если такое выражение здесь уместно, в сентябре месяце 41 г. село Жабокрич стало частью территории Транснистрии. Появилась румынская жандармерия, которая разместилась в соседнем селе Соколовка на территории сахарного завода. По указанию жандармерии была организована артель, в которую собрали ремесленников гетто. Артель была призвана выполнять пошив и ремонт заказов для армии. Одновременно жандармерия разрешила жителям гетто в нерабочее время оказывать услуги селу. Именно это явилось спасением семей от голодной смерти. При этом в гетто сохранялись установленные комендатурой порядки и требования к его обитателям со всеми запретами и наказаниями.

Начиная с осени 41 г. пополнение численности обитателей гетто происходило за счет этапов депортированных евреев из Бессарабии и Буковины, часть которых оседали в гетто. Пополнение шло так же за счет тех, кому удалось сбежать из немецкой зоны влияния или из других гетто, из-за чего и создавалась неимоверная скученность. Жандармерия за определенную мзду разрешила расширить гетто. Была добавлена соседняя улица, что облегчило участь его обитателей.

С самого начала создания гетто его обитателей стали гонять на работы, стараясь при этом, как можно больше поиздеваться над ними. Под надзором полицаев они выполняли работы по ремонту дорог, дробили камень, перетаскивали щебень, песок,

2 Антисемиты Полищук, Вербицкий, Губернатор принимали активное участие в массовом расстреле жителей местечка: их усилиями были подготовлены подвалы, в которых производился расстрел. Во время расстрела они находились рядом с офицером зондеркоманды, давали советы. Принимали участие в разграблении домов жителей местечка.

очищали кюветы вдоль дороги, подметали дорогу и прилегающую территорию, где размещалась комендатура. В сыкотные дни их заставляли счищать грязь с дороги и выполнять другие грязные работы. Полицаи торопили людей, не давали отдохнуть, разогнуться. Провинившихся нещадно избивали, калечили.

В день Октябрьской революции согнали обитателей гетто на площадь и под улюканье, антисемитские выкрики и избиение палками, заставили их бегать и выкрикивать разные антисемитские и антисоветские лозунги. Пожилые люди, женщины не выдерживали издевательств, падали от усталости. Полицаи их избивали, заставляли подниматься и продолжать бег. Несказанное удовольствие от зрелища избитых, униженных людей получали, наблюдавшие за этим и принимавшие активное участие, комендант, полицаи, местные антисемиты и подростки. При этом большинство сельчан лояльно относились к обитателям гетто, и избегали принимать участие в подобных зрелищах. Еще одно подобное издевательство над обитателями гетто было организовано комендантом на день Красной армии в феврале 42 г.

В гетто из-за скученности, отсутствия элементарных санитарных условий, холода, голода, полного отсутствия медицинской помощи (местный врач Воскобойник отказывал жителям гетто в лечении и медикаментах) с каждым днем росло количество больных. К созданным невыносимым условиям, когда больные оставались без медицинской помощи, теряли силы, умирали, добавилось распространение вшей. Все это привело к развитию эпидемий дизентерии, сыпного и брюшного тифа, туберкулеза. Были случаи обморожения конечностей. Во избежание распространения эпидемий за пределы гетто полиция проводила облавы, выискивала больных. Их увозили, как говорили, в карантин. Но никто оттуда не возвращался. Поэтому старались успеть во время облавы больных спрятать. К тому же зима 41-42 гг. была снежная, морозная и затяжная. Обитателей гетто, несмотря на состояние здоровья и отсутствие теплой одежды, продолжали каждый день, в любую погоду выгонять на работы — на расчистку дорог от снежных заносов, направляли в лес на заготовку дров, на выполнение погрузочно-разгрузочных работ на мельнице, маслобойке. Каждый день хоронили умерших. Никто не может сказать, сколько за осень и зиму умерло людей. Это было время становления гетто, люди были из разных мест, отсутствовал учет. Продолжалось пополнение гетто из этапов. Жандармы выслеживали нелегалов. Одни люди исчезали, другие появлялись. Хоронили умерших в пределах гетто. Были одиночные захоронения и массовые, особенно устраиваемые зимой.

С наступлением весны эпидемии пошли на убыль, уменьшилась смертность. Обитатели гетто приспособивались к существующим условиям, искали возможность выжить. Отношение жандармов и полицаев к обитателям гетто оставались

без изменений.

Кроме издевательств они продолжали выискивать возможность обогатиться на их горестях и бедствиях. Продолжался изуверский бизнес жандармерии, начатый осенью с появлением первых этапов депортированных из Бессарабии и Буковины евреев, которые следовали мимо Жабокрича в сторону Бершади. Этапы появились в осенние холодные дождливые дни 41 г. Измученные, голодные, промокшие, в окружении вооруженной охраны, люди с трудом двигались по тракту, меся липкую грязь. Пользуясь отчаянным положением гонимых людей, жандармерия в сговоре с румынской охраной этапов, за определенную плату разрешала им оставаться в гетто в Жабокриче. Всех осевших в гетто без разрешения, нелегалов, жандармы и полиция вылавливали. Если у них не было возможности откупиться, их жестоко избивали, бросали в подвал комендатуры на время, и затем этапом их отправляли в Ободовку¹. Еще одним источником обогащения были устраиваемые жандармерией опели, проверки наличного состава гетто. Все ли обитатели гетто на месте, нет ли нелегалов. И главное, конечно, это было получение начальником жандармерии очередной контрибуции от обитателей гетто. Процедура опеля проводилась без спешки, была утомительной. Люди долгими часами в любую погоду, в жару и слякоть, стояли на площади в ожидании прихода начальника жандармерии. Это было, как страшный суд. Неизвестно было, что на этот раз ожидает гетто, какая его ожидает судьба. Повидимому, чтобы рядовые жандармы не завидовали начальству, или, возможно, по другим соображениям, им тоже разрешали поживиться. Жандармы всей командой совместно с полицией внезапно делали налет. Выгоняли жителей из домов, собирая их в одном месте, а сами проводили обыск. То ли они искали нелегалов, то ли еще чего, никто не знал. Нелегалы не всегда находились, но с пустыми руками мародеры никогда не уходили. После ухода жандармов обитатели возвращались в дома, которые были перевернуты мародерами вверх дном. Облегченно вздыхали. И, как всегда, благодарили Бога, что и на этот раз обошлось.

У людей лишенных какой-либо связи с внешним миром, когда они не знали, что творится не только за пределами села, но даже и в самом селе, любые неожиданности, всякие слухи вызывали постоянное беспокойство. Любые мероприятия, затеваемые жандармерией или комендатурой, вызывали опасения. Не было известно, что ожидать в каждом отдельном случае: люди вовремя не вернулись с работы, в местечке появились жандармы, очередной опель, пьяный полицейский развлекается в гетто стрельбой

1 Ободовка — село в 20-ти км на восток от Жабокрича. В гетто, организованном румынами осенью 41 г. на территории бывшей молочной фермы, депортированных из Бессарабии и Буковины евреев поселили в свинарниках, конюшнях и бараках без окон. Из-за голода, холода, сыпного тифа в гетто, до его освобождения в марте 44 г., погибло 11 тысяч человек. «Холокост на территории СССР. Издание Москва. РОССПЭН. 2011 г.».

из ружья, производится поиск нелегалов. И тут же нелепая весть из националистической, пропитанной антисемитизмом газеты, которую поведал сельчанин. Все это вызывало страх и беспокойство.

Начиная с 42 г. продолжалось использование безвозмездного труда обитателей гетто на ремонте дорог, на заготовке дров. Стали так же использовать их в колхозе на уборке картофеля. Всю осень, пока морозы не скуют землю, их направляли на уборку сахарной свеклы. Трудно было, когда начинались дожди. При отсутствии надлежащей обуви и одежды люди часто простуживались, болели. Но никто на это внимания не обращал. Пока человек не свалится с ног, его выгоняли на работу. Появление в селе немецкой инженерной команды «Тодт» прибавило обитателям гетто дополнительные переживания и страхи. По требованию немцев стали к ним направлять на работу мужчин и подростков. Работы велись в самом селе и за его пределами. Опасались немцев, их отношения к евреям, вызывало опасение, когда жителей гетто задерживали на работе, с волнением ожидали их возвращения в гетто.

Жизнь обитателей гетто казалась какой-то шаткой, призрачной, нереальной, как нечеткое изображение на бестелесном фоне, которое может исчезнуть в любое время. Люди продолжали умирать от болезней, от зверских избиений, над ними постоянно издевались, подвергали унижению. Но несмотря на это, на зыбкость существования, неуверенности в следующем миге, обитатели гетто всеми силами старались не утратить «менчлехкейт»¹. Для детей, оторванных от школы, было организовано обучение в хедере. Община гетто оказывала помощь беспомощным, заботилась о сиротах. Собирался миньян, по возможности соблюдали субботу и праздники. Глубоко в душе люди таили надежду, что сгинет фашизм и наступит день их освобождения. Старый ребе из Бессарабии, который обучал детей в хедере, говорил своим дребезжащим старческим голосом: «Дети, почему мы должны изучать и знать Тору? Потому, что Тора опора евреев. Евреи избранный народ Бога, и поэтому он вечный. Он подобен упругому стержню, который не ржавеет и не стареет. Начиная с египетского рабства, и до наших дней находятся враги, которые желают уничтожить наш народ. Они могут нас на время скрутить, согнуть, но никогда не смогут уничтожить. Потому, что Бог этого не допустит. Бог наказывает врагов нашего народа, сметает их с лица земли. И наш народ, как упругий стержень, распрямляется, и двигается вперед с верой в своего единственного Бога. Так всегда было, и так будет всегда, до прихода Машиаха.

С появлением вестей о приближении освобождения от фашистов тревога и беспокойство обитателей гетто возрастали. Люди начинали ощущать время, с глубин души все выше

1 Менчлехкейт — человеческий облик (перевод с идиш)

поднималась трепетная надежда на выживание, на освобождение. И такой день настал. 14 марта 1944 года гетто в Жабокриче было освобождено Советской армией.

С полным правом может каждый бывший обитатель гетто в Жабокриче присоединиться к записи в книге посетителей Мемориального центра Холокоста в Ванзее, сделанной бывшей малолетней узницей Лилей Глазер, которая проживает в настоящее время в Иерусалиме. Она написала: «Я была в гетто и выжила», и еще: «Я победила Гитлера»². Как не вспомнить добрыми словами мудрого старого ребе из Бессарабии.

Заключение.

Когда настало освобождение, проживавшие в гетто жители из Бессарабии, Буковины и других мест устремились в свои края. В местечке остались одни пожилые люди и дети. Вернулись солдаты, выжившие на войне. Одних встречали опустошенные безжизненные дома, других чудом выжившие покалеченные осколки семьи. Жизненные силы местечка после Холокоста истекли. Местечко умирало. Дети выросли, выучились. Они стали врачами, инженерами, экономистами, квалифицированными рабочими, и расселились в разных уголках Союза, а когда он развалился, уехали в разные страны мира. Часть пожилых людей перебралась к детям, вторая часть осталась доживать свой век в местечке. Последний еврей ушел в мир иной в 1991 году.

Холокост обескровил жизненную энергию местечка, оно исчезло. Вместе с этим утерян целый культурный пласт быта местечка, его обитателей.

В настоящее время напоминанием более чем о двухсотлетнем существовании бывшего местечка свидетельствуют старое еврейское кладбище, несколько домов старой застройки, полуразрушенные кирпичные здания синагоги и еврейской школы. А также три могилы массового захоронения жертв расстрела жителей местечка, безвинных стариков, женщин и детей, погибших от рук немецко-фашистских захватчиков.

*Цви бен Дов
Москва. 2014 г.*

---

2 Газета «Новости недели» от 25 июля 2013 г., приложение «ВРЕМЯ ЕВРЕЕВ»

От автора

Я все годы ощущал потребность изложить на бумаге воспоминания детства, прошедшего в родном, милому сердцу захолустном местечке Жабокрич в бывшей черте оседлости на Подоле в Украине. Кроме ностальгии по ушедшему детству, памяти о родном местечке, к этому зывали не дававшие покоя все годы воспоминания о горестных днях жителей местечка, связанных с трагедией еврейского народа, с Холокостом.

Отдельные жизненные события моего детства, связанные с Холокостом — с расстрелом жителей местечка фашистами, были описаны моим другом детства, проживающего в Нью-Йорке, Эмануилом Гарбером в книге «На моей памяти». Также мои воспоминания о Холокосте — о расстреле жителей местечка и о годах жизни в гетто были переданы для использования зам. директора Винницкого областного архива Ф.А. Винокуру.

Время безвозвратно уходило, но каждый раз находились причины, объективные и субъективные, которые мешали мне приступить к рассказу о моем детстве. Но, как верно замечено в пословице: «каждому овощу свое время». И вот, наступило то самое время, когда я понял, что дальше откладывать задуманное не возможно. Предлагаемые воспоминания охватывают годы детства с момента осознания себя до времени освобождения гетто Жабокрича Советской армией и до дня победы над фашистской Германией. В них отражены судьба нашей семьи и судьбы наших родственников со стороны родителей в годы ВОВ и Холокоста. Я отдаю себе отчет, что мои воспоминания о Холокосте не много добавят к тому, что уже известно из воспоминаний людей переживших Холокост. С другой стороны, я думаю, что для людей, которые интересуются историей катастрофы, важны свидетельства каждого человека. А так же важны его видение и осмысление этих трагических событий. Эта возможность появилась только после развала СССР, когда было снято табу с упоминаний о Холокосте. В приведенных воспоминаниях отражены события, участником или свидетелем которых я был, Также использованы письменные свидетельства, рассказы и воспоминания бывших узников

гетто. Большую помощь в выявлении судеб отдельных наших родственников, моментов из жизни в гетто оказывал мне мой брат Исаак, за что я ему безмерно благодарен. Я также благодарен всем, кто помог предоставить фотографии родных и всем, чьими письменными воспоминаниями я смог воспользоваться.

Хочу надеяться, что мои воспоминания в очередной раз будут поводом напоминания людям о бесчеловечной, изуверской идеологии нацизма, о трагедии Холокоста.

Цви бен Дов.

Воспоминания печальны, ибо они связаны с прошлым
Эрих Мария Ремарк. «Тени в раю»

Воспоминания

(Как все было и размышления по поводу)

I

Прошло более семидесяти лет со времени событий о которых я хочу поведать. Воспоминания, как разорванные лоскуты, местами четкие, местами еле просматриваемые, таятся в глубинах памяти. Между отдельными лоскутами воспоминаний из жизни тех лет имеются в памяти глубокие провалы, в глубине которых хранятся до поры до времени осколки воспоминаний, которые затушеваны прошедшим временем. Для меня, как для многих детей моего поколения война явилась разделительной чертой памяти воспоминаний на «до» и «после», явилась одной из вех на жизненном пути. Понятие «до и после» включает пространство и время. На протяжении жизни у человека появляется немало таких вех. Но среди них у него выделяются знаковые водоразделы памяти, знаковые вехи. На каждом определенном отрезке жизни появляется своя знаковая веха. К примеру, для старой Блюмы, которая жила в небольшом доме под соломенной крышей в конце нашей улицы, такой знаковой вехой было время эмиграции ее младшего брата Ареле в Америку. Все ее воспоминания были связаны с этой вехой: «это было до того, как Ареле эмигрировал в Америку», или «это случилось после того, как Ареле эмигрировал в Америку». Такой знаковой вехой явился для меня, для моей памяти водораздел на «до» и «после» начала войны. Воспоминания, связанные с войной, Холокостом вытеснили из памяти, затемнили многие события из довоенной жизни. Они остались в большей своей части отрывистыми, затушеванными, как затерянные в океане далекие, скрытые в тумане одинокие острова, иногда освещаемые зыбким светом.

У каждого человека имеется своя точка отсчета. Это тот момент, мгновение, еле осязаемое состояние, когда начинаешь

себя осознавать. Как будто до этого времени не существовал ты сам и все вокруг тебя. Вот таким отсчетом, как мне запомнилось, для меня явился восьмой день от рождения моего младшего брата. В этот день по еврейской традиции выполняется ритуал завета с Богом брит-мила¹, а так же нарекается имя новорожденному в память одного из предков или родных, ушедших в мир иной. Будь благословенна их память.

На церемонии брит-мила брата присутствовал миньян² из родных, соседей и знакомых, в основном, ремесленников нашего местечка — портные, бондари, скорняки, стекольщик и другие. Также присутствовал раввин и местечковый шойхет³ Хайкл, который по совместительству выполнял обязанности моэля⁴ — исполнителя брит-мила. Это был худощавый пожилой мужчина невысокого роста с жидкой, пожелтевшей от табачного дыма редкой бородкой. Миньян разместился за большим дубовым столом, который, видимо, был установлен в доме до начала его строительства. Так как ни в одни двери или окна стол пронести не было возможно. После благополучного завершения церемонии приобщения брата к еврейству, его нарекли Исааком в честь свата Ицика Патлута, который недавно ушел в мир иной, будь благословенна его память. После вознесения многочисленных добрых пожеланий новорожденному, родителям и всем евреям, героя праздника уложили в кровать. Чтобы отметить столь важное событие, несмотря на житейские трудности, на столе появились водка, вишневая наливка и закуска. После второй или третьей рюмки хорошего первача реб Тойва Вельтман, занимавшийся до революции извозом, затем был нэпманом⁵, человек крепкого телосложения с аккуратно подстриженной седой бородой на добродушном лице и с веселой искоркой в глазах, обратился к соседу по застолью: «Скажите, уважаемый реб Смил, так что мы имеем сегодня на обед — жаркое или бульон?» Сидевшие за столом участники торжества рассмеялись, даже раввин, пряча улыбку, прикрыл рот рукой. Смил, а правильное имя его Шмил, портняжка невысокого роста, худощавый, чуть сгорбленный от вечного сиденья склонившись над шитьем ужасно смутился и чуть не выронил вилку.

— Фу, реб Тойва, я не ожидал от вас такого, — заметил беззлобно раввин.

Шмил, человек простой, без выкрутасов, обращаясь к реб Тойва, тихо промолвил: «О чем вы говорите реб Тойва. «Згадала баба як дивкою була». Кто сейчас помнит вкус мяса? Какое жаркое, какой бульон? Благословен всевышний, что хотя бы на затируху

1 Заповедь Священного Писания у иудеев — обрезание крайней плоти у мужчин (иврит)

2 Кворум из не менее десяти мужчин для молитвы (иврит)

3 Резник (евр.)

4 Специально обученный мужчина, делающий обрезание (иврит)

5 Предприниматель в Советской России

можно собраться. Как ни как, а живот наполнить можно».

Что бы вы поняли, о чем речь, оставим на время миньян за приятными разговорами и закуской, а сами заглянем в дом портного Шмила. В доме одна комната с окном, выходящим в переулок, кухонька небольшая и каморка. Обычно комнату занимает Шмил со своим шитьем. Он сидит возле полуслеплого окна и, склонившись над шитьем, кладет стежку за стежкой. При этом что-то мурлычет себе под нос. Не то поет, не то жалуется. Тут же рядом на полу играют дети, смеются, спорят, плачут. К Шмилу это не относится, стежка, еще одна стежка. А на кухне хозяйничает Ципа, жена Шмила. Ципа женщина рослая, с большой грудью и большим животом. Если бог даст разжиться на кусок мяса, Ципа его варит до определенного момента (научные данные, как она определяет «момент» — отсутствуют). После чего направляется в комнату, и остановившись в дверях, подперев лицо испачканной сажей рукой, обращается к Шмилу со сакраментальным вопросом: «Смил» — она не выговаривала букву Ш — Что мы будем сегодня готовить: жаркое или бульон?» Как будто мясо больше ни на что другое не пригодно, ни на какие другие еврейские блюда. И так было всякий раз, когда Ципе посчастливилось достать кусок мяса. После обсуждения и согласования со Шмилом что готовить Ципа с разводами сажи на лице возвращалась на кухню. Эта история была притчей во языцех всех кумушек местечка.

А теперь пора вернуться к миньяну. Пока мы познакомились с кулинарными способностями Ципы, реб Тойва, верный своему характеру, между прочим, у него по любому случаю «между прочим», поинтересовался у реб Золмана как живет его младшенькой, не скучает ли она по дому.

— Как это можно, что вы себе позволяете, реб Тойва? Вы же еврей, а ведете себя как разбойник. У человека такое горе, можно сказать открытая рана, упаси нас господи. А вы живую, можно сказать кровоточащую рану бередите, — слышались упреки со всех сторон. Но не на того напали. Реб Тойва себе цену знает.

— Вас послушать так небо на землю упало. Точно такое же случилось у Хаима Баси Каплан из Мястковки, брата моей двоюродной сестры. Сын женился на шиксе¹. А дочка Велвла, верзила из Томашполя вышла замуж за шейгеца². Ну и что? Земля содрогнулась, камни с неба посыпались? Вы на улицу выгляните, глаза раскройте. Жизнь меняется. А вы — трагедия, трагедия, — отпарировал реб Тойва.

Вообще, по натуре реб Тойва был добрый человек. Немало сил и средств он тратил на благотворительность. Помогал нуждающимся жителям местечка, помощь которым была особенно

1 Девушка нееврейка (евр.)

2 Парень нееврей (евр.)

ценна в это трудное, голодное время. Не стоял в стороне при решении общественных нужд местечка, и как не принять участие в обеспечении приданным сиротке, которая выходит замуж. Сам человек веселый, общительный, он пользовался уважением жителей местечка. Одна беда, его язык. Недаром говорят, что главный враг человека его язык. Реб Тойва понимал свой недостаток, и переживал по этому поводу.

— Ну, скажите, что мне делать с такой скверной привычкой? Не успеешь подумать, а язык уже молотит бог весть что. Хоть бери и отрежь его. Уж как я не стараюсь и все равно, не успеешь подумать, как вляпаешься в какую-то скверну. При этом чувствуешь себя, как будто лягушку проглотил. До того нехорошо делается на душе, хоть сквозь землю провались. И так каждый раз, — не единожды жаловался по случаю реб Тойва.

Слушая его и видя неподдельное раскаяние, люди верили в искренность сказанного им. Видимо, поэтому многое ему прощалось.

«Конечно ему, реб Тойва, легко быть умником» — думает реб Золман, сидя с видом человека только что похоронившего родное любимое дите. Сердце его кровью обливается. Еще бы, самая любимая, младшенькая, Ривкале, умница, красавица полюбила своего одноклассника, сельского парня Николая. Сколько ей не говорили, что у евреев так не ведется, что это позор для родителей. Никого и ничего не слушает. Как горох об стенку. Два года ждала Николая из армии. Сколько женихов достойных предлагали. Ни в какую. А полгода назад приехал командир Красной Армии. Да, вы догадались, таки именно Николай, расписался с Ривкале, и увез бедняжку на край света. Видите ли, он командир пограничной заставы. Ривкале часто присылает письма. Живется им хорошо, дай бог нашим родным и близким такой жизни, но что с этого. Какой срам. Людям стыдно в глаза смотреть. Но не может он ее забыть, сил нет от нее, родной кровиночки, отказаться. Ох, уже эти теперешние дети. Они считает себя умнее нас, стариков. Разве раньше такое было? «Ох, ох, ох» — вздыхает Золман.

В то время как реб Золман был погружен в невеселые мысли, за столом разговор коснулся голода, который охватил Украину, обсудили вопрос коллективизации, раскулачивания. Потом рассмотрели некоторые международные вопросы. Поговорили о трудностях и нехватках в связи с голодом. Работы мало. Людям платить нечем.

— Село обеднело. На обновки редко у кого имеется возможность. В основном приносят перелицевать одежду, или заплату поставить. Вот и вся работа, — пожаловался скорняк Дувид.

— Трудно сейчас всем, — пожаловался шойхет Хайкл, — так к тому же у меня еще и конкурент появился. С этого неуча Хаима Зингера такой же шойхет, как с меня губернатор. Однако, хозяйки

с верхней улицы совсем ко мне дорогу забыли.

Вдоволь наговорившись, пожаловавшись на трудности жизни, мужчины попрощались и отправились по своим повседневным делам. Перед уходом все тот же неугомонный реб Тойве обратился к маме с благодарностью за столь прекрасное угощение, похвалил ее кулинарные способности и, как обычно, «между прочим» спросил: «Простите, Двойра, за нескромный вопрос: зачем вам с Берлом понадобились маленькие дети на старости лет, или, не дай Бог, это случайность. Старшие ваши, дай им Бог здоровья, скоро жениться будут. А вы тут со своими крохами, пусть они вам будут здоровы. Что-то не пойму я вас. Право, немного смешно».

— Реб Тойва, должна вас успокоить — это не случайность. Так мы решили с Берлом. Что мы одни с ним будем делать, когда старшие, пусть им Бог даст здоровья и счастья, покинут дом? Они уже сейчас редко дома бывают. Старший сын работает на сахарном заводе в Соколовке. Младший сын уехал на учебу. Через два-три года, не успеешь оглянуться, и дочка покинет дом, ведь ей тоже нужно учиться. Как бы не было трудно, но детей выучить нужно. Такое теперь, слава Богу, время, что учиться можно всем. Было бы желание. Старшим, конечно, появление маленьких не очень нравится. Видите ли, уже взрослые, почти женихи. Ну, а нам и забота, и утеха на старости лет. С божьей помощью поставим их на ноги. Вот так, уважаемый реб Тойва. Вам, видать, это трудно понять, — чуть задумчиво, с легкой усмешкой ответила мама.

Мама, женщина дородная с большими библейскими черными глазами на смуглом лице, взволнованная церемонией брит-мила, обслуживанием гостей, была особенно обаятельна, женственна.

— Дай Бог, вам здоровья, и простите меня за мой длинный язык, — смущено ответил Тойва. — Все хорошо, реб Тойва, будьте здоровы, я не обижаюсь. Не вы первый задаете этот вопрос, — заметила на прощанье мама.

В то время, когда миньян после праведных трудов выпивал и закусывал, ведя неспешный разговор, в спальне, где разместился новорожденный, было паломничество детворы местечка: соседней и дальней. В кроватке новорожденного были насыпаны леденцы, пряники, которыми одаривали каждого ребенка. Эту ответственную обязанность доверили мне, чем я очень гордился. Подарки детям нравились, они с удовольствием поедали сладости и с любопытством рассматривали новорожденного, который в свою очередь поводил глазками из стороны в сторону, рассматривая ребятишек. При этом он вел себя пайнкой, ни звука, как и во время церемонии. Один только раз, когда резник профессионально выполнил операцию, он расплакался. То ли ему стало жаль лишения кусочка крайней плоти, то ли от боли. Но тотчас замолчал, как только мозль приложился губами к оперированному месту. Воспоминания эти всплывают из глубин

памяти. Они трепетно мерцают вдали, покрытые пеленой тумана. Я к этому времени успел прожить на белом свете почти полных три года.

Когда мне было уже шесть лет, помню, как родители решили искать лучшей жизни в степях Херсонской области, на землях еврейского колхоза. Может, Бог даст, найдут они счастье в колхозной жизни. Запомнились отдельные моменты путешествия туда, жизнь в колхозе, который находился в Калининдорфском районе. По пути следования к месту назначения мы остановились на берегу небольшой речки в каком-то городке, чтобы самим отдохнуть, и дать отдохнуть лошадям, везущим арбу с нашей поклажей. После небольшой передышки, когда возница сообщил, что можно двигаться дальше, оказалось, что меня нет на месте. Виновата в этом была колонна рабочих, которая со знаменами и песнями, под звуки революционного марша, выдуваемого медными трубами в такт с барабанным боем, шествовала в свой рабочий клуб. Это было захватывающее зрелище. Я не устоял, и последовал за рабочими, стараясь идти с ними в ногу. Отец, обеспокоенный не меньше матери, начал поиски пропажи. Наступили вечерние сумерки. В домах и на улице уже зажглись лампочки Ильича, а я все еще находился в розыске.

Когда в клубе началась лекция, я остался стоять рядом со скамейкой у входа в зал.

— Ты с кем пришел? — потянув меня за руку, тихо спросил молодой парень.

— Я сам, — ответил я.

— Чей это мальчик, чей мальчик? — стал расспрашивать парень рядом сидящих рабочих.

— Тише, не мешай, — стали шикать на него.

— Отведи пацана в отделение. Наверное, его ищут, — посоветовал пожилой мужчина. На выходе из клуба нас встретил отец с милиционером. Отец взял меня за руку, и мы отправились к нашей стоянке. Ругать меня он не стал. Этим занялась мама, когда я был водружен на арбу.

Не теряя больше времени, мы двинулись в путь, миновали речку по мосту, миновали селение и выехали на широкую степную дорогу, освещаемую луной. В черноте высокого неба сверкали звезды, бодрила вечерняя прохлада, воздух был наполнен резкими запахами степных трав. Селение колхоза, куда мы прибыли, состояло из одной улицы и двух рядов домов, к которым со всех сторон примыкало поле. Половина домов были заколочены, так что проблемы с жильем не было. Мы поселились в одном из домов в конце улицы. Отец работал с бригадой в поле, мама кашеварила для всей бригады. Кухня размещалась недалеко от нашего дома. Воду привозили в деревянной бочке. Ее доставали из единственного, имевшегося на расстоянии двух километров от поселка колодца. Вода нагревалась под жгучим солнцем и отдавала

запахами дерева и тины. Основным топливом были кизяки и сухие стебли травянистых растений, которые местные жители называли кураем. Мы с братом посещали колхозные ясли. Больше всего запомнилось время моего пребывания в карантинном изоляторе, куда меня определили по болезни. Комнатка была чистая и прохладная. Запомнился вкус и запах настоящего сливочного масла. Оно отдавало желтизной и запахами степного разнотравья. Санитарка, пожилая женщина, накладывала масло толстым слоем на свежий ржаной хлеб, и приговаривала: «Кушай, дите, это полезно. Будешь хорошо кушать, быстрее выздоровеешь». Мне нравились покой и прохлада изолятора, добрая санитарка и, особенно, ржаной хлеб с пахучим маслом. Для родителей условия быта и работы в колхозе оказались не по душе. Они для них были непривычны. К осени, после завершения уборки урожая, мы расстались с колхозом, и вернулись домой, в наше местечко Жабокрич.

Довоенные воспоминания о старших братьях Науме и Самуиле, и сестре Рае так же отрывочны, расплывчаты. Смутно помнится то время, когда Наум находился на военной службе, Самуил закончил учебу и стал учительствовать в нашем селе, а Рая в это время училась в педучилище, в Тульчине.

II

В 1939 году по окончании службы из армии вернулся домой Наум. Родители были безмерно рады. В доме царил веселье. Повидаться, порадоваться вместе с родителями возвращению сына из армии приходили родные, соседи. Но радость родителей была омрачена душевным состоянием сына. Он был не весел, задумчив, много курил. Было чему печалиться. Не дождалась невеста, красавица Соня, его возвращения из армии. По настоянию ее родителей она вышла замуж за более достойного, по их мнению, претендента на руку и сердце их дочери, за врача из Киевок. Правда, печалиться Науму по этому поводу пришлось недолго. Вскоре Соня сбежала от врача и вышла замуж за своего любимого, за Наума.

В то время у нас гостила Бетя, младшая дочка тети Ривы, со своей подружкой. Они приехали из Крыжополя, районного центра, где последние годы после отъезда из Жабокрича проживала тетя Рива со своим мужем Зейлеком и детьми. Единственное, что запомнилось о времени их проживания в местечке, это дом, в котором они жили. Он находился недалеко от нас на соседней улице. Дом выделялся остекленной верандой с небольшим деревянным крыльцом, к которому вели несколько ступенек. Девочки были старше меня на год-два, более развитые и свободные в поведении, упитанные и ухоженные. Они все

время шушукались и весело смеялись, вспоминая похождения своих друзей и разные истории. Без устали они расхваливали Крыжополь. Там имеются большие дома, все улицы мощенные, есть большой железнодорожный вокзал с перроном, железная дорога с водокачкой, и днем и ночью мчатся поезда. В компании с ними я чувствовал себя не совсем уютно, мальчиком из захолустного местечка. И, наконец, чтобы совсем меня ошеломить своей городской жизнью, своим свободным поведением, они попросили меня достать им папиросу «Чапаев», которые курил Наум. Им очень хочется ее попробовать. Я достал им одну папиросу, и, таясь, мы забрались в заросли бурьяна за домами нижней улицы и попробовали ее. Нас стошнило, кружилась голова, мы усердно откашливались и утирали слезы. Чтобы я не подумал, что это они, девчата, впервые закурили, Бетя обвинила папиросы «Чапаев»: «Уж очень они крепкие, верно, Жень?» — «Да» — откашливаясь, подтвердила подруга.

Когда Бетя с подружкой собрались уезжать, мне разрешили на несколько дней поехать с ними в Крыжополь, в гости к тете Ривы. Уж очень хотелось увидеть все то, о чем рассказывали девчата. Тетя Рива обрадовалась нашему приезду. Дяди Зейлека дома не было. Он работал экспедитором, и большее время находился в разъездах. Дома была Геня, старшая дочь тети Риве. Геня, на три года старше Бети, высокая стройная девочка с мягкими чертами симпатичного лица, похожая на тетю Риву. Она увлекалась чтением книг и свысока смотрела на нас, малышей. Вечером пришел домой Нюша, взрослый парень лет пятнадцати, первенец тети Ривы. У него была своя компания. Они целыми днями играли в футбол, купались в пруду села Голубече и еще, Бог знает, чем занимались. На второй день после завтрака мы с Бетей отправились в город. Девчата говорили правду. Улицы чистые, мощенные. Вдоль улиц тянутся ограды, за которыми виднеются аккуратные дома с палисадниками. Соломенных крыш не видать, все они покрыты шифером или кровельным железом. На улице полно народу, шумно. Мы дошли до железнодорожного вокзала — большого здания из красного кирпича. На перроне и в здании вокзала, за исключением кассового зала и буфета, людей не видно. Рельсы уходят вдаль в одну и другую стороны. Чем дальше уходят рельсы, тем более они сходятся. Мимо станции прогрохотал товарный поезд. Паровоз издал несколько гудков и выбросил клубы едкого черного дыма. Я смотрел вслед поезду, пока он не скрылся вдали.

— Здесь бывает интересно, когда прибывает пассажирский поезд, — говорит Бетя, — многие приходят его встречать, погулять по перрону. Придем с тобой сюда вечером, сам увидишь.

Домой мы возвращались другой улицей. Возле своего дома нас встретила Хона, жена Фройки, сына тети Этл, которая в это время по своим надобностям вышла со двора.

— Бетя, чей это мальчик? — указывая на меня, режущим слух голосом спросила она.

— Гриша тети Двойры из Жабокрича, — ответила Бетя.

— Ой, вей, как ты вырос. Я давно была в Жабокриче. Ты старший или Изя? — обращается ко мне Хона.

Не дожидаясь ответа, она хватает нас за руки и заводит в дом.

— Сейчас вас покормлю, — говорит Хона.

— Тетя Хона, мы недавно завтракали, мы не голодные, — отказывается Бетя.

— Нет, нет. Ничего не говори. Вы мои гости, я вас угощу, — возмущено говорит тетя. Она раскрывает дверцы шкафчика, что-то ищет, — вот, сейчас будет жареная картошка с яичницей. Все время, пока она чистила картофель, жарила его, угощала нас, рот ее ни на минуту не закрывался: «Ты старший, а Изя младший. Все здоровы? Наум вернулся? — это хорошо. А я одна, все на мне. Фройка ничего знать не хочет, Рулик от рук отбился. В райпотребсоюз часто завозят разный дефицит, — одежду, обувь, продукты. Фройка, как и другие, тоже мог бы воспользоваться этим, достать дефицит. Так он слышать об этом не хочет. Все на мне. Только я...». Из соседней комнаты раздался плач ребенка. Он явно был чем-то недоволен и требовал к себе внимания.

— Раечка проснулась, я сейчас, — Хона побежала в соседнюю комнату, стала успокаивать ребенка, — сиротинушка ты моя, папе до тебя дела нет, все я одна, все на мне.

Нас от беспрестанного потока слов тети спас приход дяди Фройки, одного из первых комсомольцев местечка и верного ленинца до мозга костей. Он был в костюме, в галстуке. А на улице жара, дышать нечем. Он вернулся с совещания. Вид у него был усталый, как будто выполнял непосильную работу. Дядя поздоровался с нами за руки. Снимая пиджак и галстук, он поинтересовался здоровьем родных, нашими школьными успехами. Тетя прервала его, не дала возможности ответить: «Я тебе, Фройка, говорила...». Мы были рады попрощаться и поскорее уйти. Еще долго на улицу доносился визгливый голос тети Хоны. Когда мы вернулись домой, Бетя рассказала тете Ривы, где мы были, что видели.

— Мама, пойдем вечером к приходу пассажирского поезда, — обратилась Бетя к тете Риве, — я обещала Грише. Встречать поезд приходит очень много народу, и детей одних без взрослых на перрон не пускают. Без тебя, нас не пропустят.

После обеденного сна мы в сопровождении тети Ривы отправились на вокзал. Ожидался приход пассажирского поезда. Вокзал было не узнать. Полно народу. Кто просто прогуливается по перрону, кто собирается уезжать и с ним провожающие, тут же находятся встречающие. В кассовом зале столпотворение, в буфете очередь за пивом. Мы с трудом пробрались на перрон и заняли место у самой стены вокзала, недалеко от буфета. Вот-вот

прибудет поезд. Отъезжающие с вещами и с ними провожающие мечутся по перрону. Стоянка поезда всего одна минута, и никто не знает, где нужный номер вагона остановится. Время течет медленно, народ волнуется. Уже пора прибыть поезду, а его все нет.

— Светофор открыт, — слышится радостный возглас.

— Дежурный идет, — тотчас же с надрывом бросил кто-то волнуемую новость в толпу, которая пришла в еще большее волнение.

Дежурный по вокзалу в форменном головном уборе, полный своей значимости, степенно идет по направлению к висящему на кронштейне медному колоколу. Люди расступаются, образуя коридор. Дежурный не спеша протягивает руку к концу бечевки, свисающей с языка колокола, еще мгновение и раздается звон. С приближением поезда возрастает волнение. Слышится гудок паровоза. Он все ближе, слышится шипение выпускаемого пара. Поезд замедляет ход. Паровоз во всей своей красе приближается к перрону, с шипением, свистом и выбросом клубов дыма и пара, медленно продвигается вперед. Появляется первый вагон, второй, еще, еще, раздается стук и скрежет, и поезд останавливается. То, что творилось во время посадки пассажиров на поезд, и выхода из вагонов прибывших трудно описать. Шум, крики, вещи плывут по воздуху, провожающие и встречающие добавляют неразберихи. Но вот снова раздается звон медного колокола, гудок паровоза, и поезд начинает движение, набирая ход. Ух, здорово! Дух захватывает!

— Отвыкла я от этой сутолоки с шумом и криками, — говорит тетя, когда мы направились домой, с трудом пробираясь сквозь толпу провожающих и встречающих, — знала бы, наверное, не пошла бы.

Я тоже устал не меньше тети Ривы от впечатлений, от увиденного и услышанного за день. Казалось, что голова распухла. Всю ночь мне снились уходящие вдаль рельсы, вагоны, гудки и шипучий пар паровозов, Хона в клубах дыма что-то кричит машинисту паровоза, машет рукой.

— Мы пойдем к Жене, — обратилась Бетя к тете Риве после завтрака, — мы ненадолго. Шли мы не торопясь. Еще чувствовалась утренняя прохлада, дышалось легко. — Женя ушла проведать тетю, ей нездоровится, — сообщила ее мама, которая вышла к нам на стук в калитку, — когда придет, не знаю.

— Здесь рядом живет твой дядя Аврум, — постояв в нерешительности на улице возле калитки, говорит Бетя, — ты его знаешь? Зайдем к нему в гости.

— Знаю, но давно не встречал его, не помню даже, как он выглядит, — ответил я. — Вот, и хорошо, вспомнишь. У него полно орехов.

Дядя Аврум, брат отца, с лунообразным лицом и сиплым

голосом сидел у окна и занимался ремонтом овчинного полушубка. Наш приход не помешал ему заниматься своей работой. Да, меня он знает. Правда видел меня давно, еще до того, когда наша семья уехала в херсонские степи. Поинтересовался своими братьями и сестрами, проживающими в Жабокриче. Я ему рассказал, что знал о дяде Велвл, дяде Шлойме, тете Гитл, тете Эйди, и, конечно, о нашей семье. Его жена, женщина невысокого роста, полнотелая, с приветливым лицом, угостила нас монпансье, которое она по одной штучке доставала из круглой жестяной коробочки. Один леденец она сунула в рот дяди Аврума. Когда мы собрались уходить, тетя дала нам десятка полтора грецких орехов: «Это с прошлогоднего урожая». Орехи мы рассовали по карманам, попрощались и ушли. Во дворе на раскидистом ореховом дереве полно зеленых кругляшек. В этом году тоже ожидается хороший урожай. По пути еще раз зашли к Жене, но она пока домой не приходила.

— Еще рано, можно сходить в кино, на «Веселые ребята». я уже два раза смотрела. Очень смешное кино, — досадуя на отсутствие Жени, говорит Бетя.

— А деньги на билеты? — спрашиваю я.

Бетя показывает пару монет, которые достает из кармана.

На главной улице, которая вела к кинотеатру, нас остановил мужчина лет тридцати. С ним была женщина и мальчик лет пяти.

— Смотри, Лиза, это сыночек скорняка Берла из Жабокрича, — говорит мужчина, — мы теперь родня. Моя мама Марьяся замужем за Велвлем, братом его отца. Оказывается, он меня знал еще до того, как мы породнились. Он бывал у нас дома, когда отец шил ему овчинную венгерку.

— Фимочка захотел мороженое, идемте с нами, — указывая на мальчика, он приглашает меня и Бетю в буфет.

— Спасибо, мы торопимся в кино, — говорит Бетя.

— Мы тоже собрались в кино, — говорит сын тети Марьяси, и смотрит на часы, — успеем, не беспокойтесь.

Сливочное мороженое мне понравилось. Оно было намного вкуснее мороженого, которое я покупал у Хуны в Жабокриче. В кино мы не опоздали.

— Прибегала твоя подружка. Сказала, что завтра после обеда придет, — сообщила Геня, обращаясь к Бети, когда мы пришли домой после кино.

— Откуда орехи? — спрашивает тетя Рива, наблюдая за тем, как мы их выкладываем из карманов.

Бетя стала рассказывать, как мы очутились в гостях у дяди Аврума, о посещении кино, о том, как нас угостили мороженым.

— Молодцы, зря время не теряли, — похвалила нас тетя, — интересное кино?

— «Веселые ребята». Там Утесов поет. Ты видела это кино, в прошлом году мы все вместе смотрели, — говорит Бетя.

— Ну, ладно, потом расскажете, а теперь мойте руки и садитесь за стол. Пора обедать.

Я проснулся от шума, доносившегося с улицы. Осторожно, чтобы не разбудить девчат, еще объятых глубоким послеобеденным сном, я вышел из дому.

— В такую жару болтаешься неизвестно где, — ругала тетя Рива Ньюшу, — вот придет Зейлек, я ему все расскажу. Совсем от рук отбился. Ни вовремя покушать, ни отдохнуть. Посмотри, на кого ты стал похож, одни кости и кожа.

— Я был с ребятами, мы купались, потом я у Миши забрал свой велосипед, — оправдывался Ньюша.

— Нет больше моих сил с тобой воевать. Пусть отец с тобой разбирается, — устало говорит тетя, — иди в дом, я тебя покормлю.

Вечером Ньюша учил меня езде на велосипеде. Я с трудом доставал педали, несколько раз падал, и хотя наука давалась нелегко, и не обошлось без увечий, я ее освоил, чему был безмерно рад. Утро следующего дня началось с перебранки между сестричками. Непоседа Бетя стала в лицах представлять жену дяди Аврума, как она нас угощала леденцами и Лизу, жену Марьясиного сына, которая кривила губки при знакомстве. Мы от души смеялись, вспоминая всякие подробности. Геня побежала жаловаться тете, мы своим шумом ей мешаем.

— Бетя, почему бы тебе с Гришей не пойти в гости к Крамерам? Ведь это тоже наши родственники. Пусть Гриша с ними познакомится. Живем мы рядом, и все времени не хватает повидаться, передай от меня им всем привет, — говорит тетя.

— Женя должна прийти, а меня не будет, — ответила Бетя.

— Она только после обеда придет, — заметила Геня.

— Успеете до ее прихода побывать у Крамеров, это же рядом, — говорит тетя, — чего вам дома сидеть.

Дом дяди Аврума Крамера находился недалеко от улицы, ведущей в направления Жабокрича. Нас встретила тетя Голда, жена дяди Аврума, высокая сухопарая женщина, с продолговатым худощавым лицом, с большими серыми глазами и огненно рыжими волосами. Других обитателей дома мы не застали. Дядя Аврум отправился на свой лесной участок, старший сын Изя находился в селе Верховкка, где учился в сельхозтехникуме, младший сын Хаим ушел в свой любимый коллектив художественной самодеятельности на репетицию. В уборочную страду они будут давать представления колхозникам непосредственно на полевых станах. Обо всем этом нам поведала тетя, и угостила нас вкусным вишневым компотом с пряниками.

— Жаль, что ты не видел Фиму — Так по-городскому она звала Хаима. — Он такой же рыжий, как тетя, — говорила Бетя, когда мы возвращались домой, — он настоящий артист. Когда он выступает всегда полно народу.

Послеобеденный сон был прерван, к неудовольствию тети

Ривы, приходом Жени.

— Играйте за домом и не очень шумите, — обращаясь к Бете, говорит тетя Рива. До самого вечера мы весело проводили время. Девочки рассказывали разные истории, которые вызывали у них безудержный смех, придумывали разные игры. Правда, был небольшой перерыв, когда Бетя принесла из дому щепотку соли в бумажке, а потом из курятника три яйца. Мы с удовольствием полакомились свежими, еще теплыми, недавно снесенными яичками.

Несмотря на гостеприимство тети Ривы, на полученную массу впечатлений: от железнодорожного вокзала и громыхающих поездов, от знакомства с родственниками, от кинотеатра, где вместо скамеек установлены удобные для сидения кресла, от вкусного мороженого и много другого, я соскучился по дому, по местечку.

— Я хочу завтра поехать домой, — извещил я вечером за ужином тетю Риву.

Утром после завтрака я попрощался с обитателями дома, который стал мне родным. Нюша проводил меня, и помог мне с попутной машиной доехать до Жабокрича.

Полученные во время пребывания в Крыжополе неизгладимые впечатления остались одними из самых светлых довоенных воспоминаний.

III

В этом же году Самуила призвали на военную службу. Его место в школе было замещено сестрой. Она к тому времени окончила педучилище и работала в соседнем районе. В своей автобиографии Рая пишет: «Поскольку материальная помощь была необходима семье, то в связи с уходом брата в армию, я просила о переводе меня на работу в Жабокричскую СШ. Моя просьба была удовлетворена и в 1940-41 учебном году я работала учительницей истории средних веков и древнего мира в 5-6 классах и Конституции СССР в 7-х классах». В начале 1941 года сестра вышла замуж за Йосифа Дубинкера из Станиславчика.

В местечке проживали многие наши родственники, как со стороны отца, так и со стороны мамы. Сейчас вкратце познакомимся с ними.

Тетя Элл, старшая мамина сестра. Пожилая женщина среднего роста с добрыми, смеющимися глазами на красивом лице. Ее дом находился чуть наискосок от нашего дома, через дорогу, и она часто бывала у нас, чтобы скоротать свое одиночество. Ее муж Ушер, жестянщик, погиб при несчастном случае. Он сорвался с крыши и разбился насмерть. Четыре ее сына покинули родительский дом. Аврум и Фройка перебрались в район, дочь Хайка с семьей

проживала в Песчанке, Ицик служил в армии, самый младший сын, Нусик, уехал за моря, в далекую страну Австралию к своему дяде, бездетному брату своего отца.

Дядя Велвл, старший брат отца, с женой Сурой. Детей у них не было. Наверное, поэтому они меня с братом при любом удобном случае брали к себе домой. Тетя Сура, хрупкая, невысокого роста, симпатичная и добрая женщина, угощала нас самой вкусной едой и выпечкой, которая имелаась в доме. Когда она умерла от рака груди, дядя тяжело переносил утрату. Через два года ему сосватали средних лет женщину, видную, хорошую хозяйку. Но брак был недолгий. Через два месяца она ушла от него. Ее напугала мужская активность дяди. Он остался жить бобылем. О новом сватовстве и слушать не хотел. Каждый раз, когда он приходил в гости, родители уговаривали его взять в дом женщину. Чего мучиться одному. Женщина и за домом присмотрит, обед приготовит, стирает. Да, и вообще, негоже жить одному. Наконец, он внял советам. Он взял в дом Марьясю, женщину не молодую. Она была невысокого роста, с объемными округлыми телесами, и маленькими, излучающими добро глазами на полном лице.

— Лишь бы дом не пустовал. Чтобы скрасить одиночество, — говорил он родителям, — как вы советовали.

Дядя Йосиф-Герш, мамин брат, с женой Голдой и детьми: старший сын Наум заканчивал учебу в сельскохозяйственном институте, второй сын Арчик находился на военной службе, а дочка Рушкале к тому времени закончила четвертый класс.

Вдовствующая тетя Гитл, сестра отца, с детьми: сыновья — Волька и Сема со своими семьями жили в Жабокриче, замужние дочери Лейка и Ида — в других местах.

Тетя Эйда, сестра отца, с мужем Мойше (Олтер) и детьми: сын Велвл и дочка Фейга со своими семьями жили в Жабокриче, сын Шлойма — проживал в Одессе, сын Борис — учился в десятом классе.

Дядя Шлойма, младший брат отца, с женой Сурой и детьми: дочка Шура и сын Гриша — школьники, соответственно девятого и четвертого классов, сын Миша — дошкольник.

Из друзей довоенного времени больше других вспоминаются Муня Гарбер, Володя Пташнер, Сема Вельтман, Моня Масляк, Гецл Финкельштейн, Ривен Гитарц, Лева Мирошник, Лебеле Фукс. Мы вместе посещали школу, играли в футбол и другие игры, купались в пруду, ходили в колхозный клуб, когда приезжала в село кинопередвижка. Был у меня еще один друг, соседский мальчик моих лет, Коля Свицерский. Он был невысокого роста, хилый, широкогрудый и горбатый. Коля стеснялся своего изъяна, очень редко выходил со своего двора на улицу. Мне было его жалко, и я часто приходил к нему в гости. Нельзя не вспомнить еще об одном парнишке — Мойшеле Кармелюке.

Добропорядочные мамы советовали, а некоторые даже запрещали своим детям якшаться с Мойшеле. Это был стройный худошавый паренек с большими карыми глазами на смуглом лице. Он был старше наших лет. Настороженность родителей в отношении Мойшеле было связано с неблагополучной семьей, в которой он воспитывался. Поведение отца Мойшеле, сапожника Аврума Кармелюка, уж больно отличалось от общепринятого поведения в быту обитателей местечка. Он чрезмерно часто любил заглядывать в стакан, умел смачно материться, не стеснялся нелицеприятных высказываний, невзирая на лица, даже в праздники не всегда посещал синагогу. Видимо, поэтому он удостоился уличной клички Кармелюк, по имени известного украинского бунтаря Кармелюка. Настоящая его фамилия — Гершкович. Неприятие жителей местечка поведения Аврума было перенесено на Мойшеле по пословице: что «яблоко от яблони недалеко падает». Несмотря на советы и запреты ребята обожали Мойшеле, и не избегали его компании. Мойшеле был полон выдумок и фантазий, знал разные истории. Он знал все, в отличие от нас, что творится в пределах села. Он побывал во всех закоулках села вплоть до его окраин. Даже в лес ходил за подснежниками. Наши познания ограничивались в основном улицами местечка и небольшими пространствами, примыкающими к местечку. С одной стороны до пруда и мельницы, с другой — до дзюркала, которое находилось за трактом, идущим в сторону сахарного завода, недалеко от развилки тракта в сторону Бершади. Еще нам была знакома часть села, по которой пролегалa дорога в сторону украинской школы. Она размещалась в бывшей помещичьей усадьбе, рядом с парком. Мойшеле иногда нам рассказывал такое, о чем мы никогда не слышали и не имели понятия. Он свободно владел матерными словами на языке идиш¹ и гоиском², брал под защиту слабых ребят, и был всегда впереди при драке с сельскими пацанами. Как можно было его не уважать?

Смутно вспоминаются первые школьные годы, как в еврейской школе, так и в украинской, куда меня перевели после закрытия еврейской школы. При этом отчетливо запомнились первые учителя: Раиса Исировна в еврейской школе и Дарья Васильевна — в украинской. Отрывочны воспоминания детства. Отдельные из них встают предо мною с редкой ясностью и отчетливостью, как будто это случилось недавно, даже улавливаешь звуки, запахи и голоса. Другие — более расплывчатые, или, как кажется, полностью исчезнувшие. Но случается вдруг, неожиданно какие-то воспоминания всплывают из глубин памяти. Одни отрывочные, другие более четкие.

На общем фоне этих воспоминаний мне видятся родители: отец, вечно занятый работой, и всегда полная забот мама. Как

1 Еврейский язык (евр.).

2 Нееврейский язык (евр.).

и все другие обитатели местечка, они тяжело трудились, растили детей, переживали трудности, выпавшие на долю местечковых евреев, жаждали и надеялись на лучшее будущее. Уж если не для себя, то для своих детей и внуков. Надеялись и верили, что оно наступит. Старшие дети, слава Богу, выросли, выучились. Как говорится, стали на ноги. Дочка вышла замуж, старший сын закончил военную службу и женился на своей любимой Сонечке. Жизнь понемногу налаживается. В будущем году вернется с военной службы младший сын. Материальные недостатки? Так уже свыклись с ними, как-то решаются они. Смирились и надеются на лучшее. Чего им еще желать? Конечно здоровья, чтобы хватило сил поставить на ноги младших, чтобы дожить до лучшего времени. Ведь людям хочется немногого — обрести в жизни простое человеческое счастье, иметь нахес³ от детей и внуков. Для этого ведь требуется всего лишь малость: чтобы дали спокойно жить и трудиться, и чтобы был мир на земле. Мечты, мечты.

IV

Закончилась мирная жизнь, с ее заботами и надеждами. Навалилась нежданная война. Мужчины уходят на войну. Старшеклассников эвакуировали на восток. Отца вместе с другими пожилыми мужчинами села и местечка мобилизовали на рытье окопов, на обустройство военного аэродрома в соседнем районе. В местечке остались одни старики, женщины и дети. Страх и беспокойство за будущее темным валом обрушивается на жителей местечка. С каждым днем война все ближе. Люди в растерянности. Кто имеет возможность, эвакуируется на восток. Старший брат, Наум, сопровождал старшеклассников на восток. Второй брат, Самуил, находился на действительной службе в Эстонии, на острове Эзель, в городе Куриссаре. Сестра Рая тоже эвакуировалась. В своей автобиографии она пишет: «Объявление о вероломном нападении гитлеровских войск на нашу Родину застало меня в Виннице, откуда пешком свыше недели добиралась домой, в село Жабокрич. Родители не располагали средствами, чтобы эвакуироваться. Мать болела все годы, дома было 2-ое детей в возрасте 7 и 9 лет (брат Исаак и Григорий) и я одна, оставив родных, будучи беременна (на 3 мес.) ушла из села. До станции Валуевка добралась пешком, а в Валуевке военный комендант посадил меня в эшелон с ранеными военнослужащими, и я доехала до Ташкента».

Родители и мы, я и младший брат, как и многие другие местечковые жители, остались дома. В основном это были пожилые люди, женщины, дети, которые по разным причинам не

3 Пожелание добра, успехов (евр.)

имели возможность эвакуироваться. С началом войны оживилось движение на тракте. В восточном направлении с каждым днем увеличивается поток беженцев из западных районов. В большинстве они пользуются гужевым транспортом. На подводах, груженных домашним скарбом, восседают женщины, дети, пожилые люди. Одни проезжали, не останавливаясь. Другие, по разным причинам, оставались в местечке. За счет беженцев население местечка увеличилось почти в два раза. Местные жители, стесняя себя, предоставляли им кров над головой. В сторону запада движутся небольшие подразделения пехоты, кавалерии, армейские повозки, пушки на конной тяге. Редко, громыхая гусеницами по булыжнику, проследует танк. Также редко пролетит звено самолетов. Оставшиеся на месте жители местечка продолжали по привычке жить, трудиться. При этом жизнь стала какой-то зыбкой, неуверенной. Вскоре вечерами в местечке стали слышны отзвуки войны, гул немецких самолетов и разрывы бомб. Вечерами жители выходят на улицу, всматриваются в небо и прислушиваются. Уже много дней подряд с наступлением вечера прилетают немецкие самолеты и сбрасывают бомбы. Говорят, что бомбежке подвергается узловая железнодорожная станция. Это примерно на расстоянии двадцати, тридцати километров от нашего села. Тишина вечера нарушается неумолкаемым хором лягушек, доносящегося с пруда. Но вот в шумный хор лягушек, заглушая его, вплетается нарастающий непрерывный монотонный гул самолетов. В небе появляются огненные пунктиры трассирующих пуль и снарядов. Высоко в небе повисают осветительные ракеты. Слышны глухие звуки разрывов бомб. Налет длится минут тридцать, сорок, и снова наступает тишина. Луна беспристрастно освещает дома местечка с затемненными окнами, звезды в черном небе перемигиваются. Похоже, небу нет дела до того, что творится на земле. Война с каждым днем все ближе. Красная армия отступает. Уходят на восток солдаты небольшими группами и в одиночку. По пути отхода наших солдат у дороги в бурьяне валяются брошенные ими винтовки, ручные гранаты, боевые патроны. Одну из брошенных солдатами ручных гранат Изя нашел за нашим домом и с превеликой радостью принес находку в дом. Отец отобрал у него опасную игрушку и с предосторожностями выбросил ее в помойную яму. Пустеют улицы. Взрослые выходят из дома при крайней необходимости, и детям запрещают далеко отлучаться от дома. Слышатся приближающиеся звуки канонады и разрывы бомб. Война все ближе. Уже вторые сутки снаряды летят над селом. Слышны совсем рядом разрывы снарядов и бомб. К концу второго дня артиллерийская дуэль прекратилась. Когда наступила тишина, поздно вечером наша семья вернулась в свой дом. Пока рвались снаряды, мы отсиживались в подвале дома Сони Зильберман. С нами туда ходили так же беженцы, проживавшие

у нас.

Во второй половине следующего дня в село вошли передовые немецкие части. Это произошло ровно через месяц с начала войны, двадцать второго июля 1941 года. После двух дней отдыха немецкие части двинулись дальше на восток. В селе наступило безвластие, длившееся какое-то время. В ожидании неизвестного притаились жители села и местечка.

Накануне, после нескольких дней затишья и безвластия, снова над селом и местечком свистели снаряды. Появилась слабая надежда на возвращения наших солдат. Хотелось верить в чудо. Никто из жителей местечка не знал, что вечером того же дня в село прибыла и разместилась на ночлег воинская часть. Это была не то румынская часть, не то венгерская во главе с немецким офицером. Его приютил в своем доме сельский врач Воскобойник. Солдаты все смуглые, усатые, поджарые. Они резко отличались от белобрых, упитанных, пышущих здоровьем, жизнерадостных немецких солдат. Об этом жители местечка узнали только наутро, когда солдаты появились в местечке.

Опасаясь артобстрела, чуть свет всей семьей мы отправились в дом Сони Зильберман. Беженцы, проживавшие в нашем доме, мать с дочкой, идти с нами отказались. Они договорились утром встретиться со своими земляками. К нашему приходу в дом Сони Зильберман мы уже застали там несколько жителей местечка, которые разместились в подвале. Потом еще пришли несколько мужчин. Все расселись, места было вдоволь. Время шло. Ничего не нарушало тишину. Клонило ко сну. Одни пытались уснуть, другие зевали.

— Может, сегодня обойдется, и больше стрельбы не будет, — высказался отец.

— При чем тут обстрел? Вчера вечером пришла в село немецкая команда. Собирают мужчин на какую-то работу, — проговорил Шимен, который недавно явился, — вы что, не знаете? То-то я смотрю, и Двойра здесь, и дети.

— Откуда вы это взяли? — спросила мама.

— Солдаты идут из дома в дом, и собирают мужчин. Я это видел своими глазами на нашей улице, еле успел убежать, — ответил Йосл.

— Мы пришли из опасения обстрела, еще вчера падали снаряды, — высказалась мама.

— Может, и будет обстрел, кто его знает. Но сейчас нужно опасаться другого. Неизвестно зачем и куда собирают мужчин, — разъярил Шимен.

— Только мужчин собирают? — уточнила мама.

— То, что я видел, там были одни мужчины, — ответил Йосл.

— Тихо. Не слышно стрельбы. Вчера к этому времени уже ухало, — проговорил кто-то еле слышно.

— Может, наши еще вернутся? — послышался голос.

— Не говорите глупости. Вы, что не видели какая сила у немца? — ответил ему Мойше.

Все нехотя согласились с Мойше. Конечно, видели их танки, пушки, пеших солдат не видать, все на машинах, на мотоциклах. О чем тут говорить. Сила.

— Ты останься здесь, а я с детьми пойду домой, — спустя некоторое время обратилась мама к отцу, — печь совсем остынет, да и тесто может прокиснуть. Останемся без хлеба. Последние недели мама выпекала хлеб два раза в неделю. Часть выпеченного хлеба предназначалась для беженцев, которые проживали у нас и по соседству.

— Хорошо. Идите. Детям не мешает поспать, — ответил отец.

Еще подождали мы немного, прислушивались. Тихо, не слышно ни воя снарядов, ни разрывов бомб, и мы отправились домой. Уже рассвело. После дождя, который прошел ночью, было пасмурно. По небу разметались легкие тучки, бесшумно проплывавшие над местечком, временами закрывая взошедшее солнце. Воздух был свежий и прохладный. После затхлого подвала дышалось особенно легко. По дороге к дому мы не видели на улице ни жителей местечка, ни солдат. Было тихо и тревожно. Дома мама занялась выпечкой хлеба.

— Дети, разденьтесь и ложитесь спать. Когда испеку латкес, я вас разбуду, — обратилась к нам мама.

С тех пор, как я себя помню, у нас дома было заведено, что при каждой выпечке хлеба мама для нас выпекала латкес¹. Нас тогда, чуть свет, будили, и мы, еле продравши глаза, с удовольствием принимались уплетать одну за другой латкес, которыми нас мама обильно угощала. Ах, эти непередаваемого вкуса латкес, пахнущие свежим хлебом, пышущие жаром печи. Тепло печи и вместе с ним запах свежего хлеба наполняют дом, страшно хочется спать. Но кто в силах отказаться от латкес? Не знаю, есть ли что более вкусного на свете, чем горячие мамины латкес.

Не успели мы раздеться и насладиться мечтой об ожидающих нас латкес, как к нам прибежала наша хорошая знакомая.

— Где Берл? — запыхавшись от бега, с порога начала Марьям, — солдаты в местечке собирают мужчин для каких-то работ — Берлу нужно уйти, спрятаться.

— Он уже ушел к Соне Зильберман, — ответила мама.

— Слава Богу, я боялась не успеть. У Сони, я думаю, надежно.

Дом Сони Зильберман примыкал с одной стороны к местечку, другой стороной — к селу. Посчитали, что это самое безопасное место. Сами мы солдат не боялись. Мы видели, как корректно вели себя немецкие солдаты. К жителям местечка никакие претензии они не предъявляли. Солдаты одаривали детей конфетами. Сами солдаты весело проводили время. Умывались, играли на губных гармониках, отдыхали. Так что у жителей местечка даже в мыслях,

1 Оладьи (евр.)

не могли возникнуть какие-либо тревожные опасения.

После ухода Марьям мама снова занялась выпечкой хлеба.

— Смотри, Этл, я напрасно опасалась, что печь остынет, еще под пеплом жар сохранился, — отодвинув заслонку и заглядывая в печь, обратилась мама к своей сестре, которая по привычке, по утрам заходила к нам.

— Не мешает подкинуть пару поленьев. Пока подготовишь хлеб к выпечке, дрова прогорят, — заглянув в печь, посоветовала тетя.

— Вы вовремя пришли, — обратилась мама к нашим постояльцам, — помогите мне, тесто уже готово. Что советуют ваши земляки?

— Раз немец уже сюда добрался, говорят они, нет смысла здесь оставаться. Они решили вернуться домой, и нам советуют ехать вместе с ними.

— Дети, чего вы возитесь, раздевайтесь и ложитесь спать, — моя руки, проговорила мама. Не прошло много времени после прихода беженцев, не успели мы до конца раздеться, как в дом пришли солдаты. «Как хорошо, что отец находится у Сони» — подумали мы. Но солдаты не стали искать мужчин, и дом не стали осматривать. Их, вообще, казалось, ничего не интересует.

— Марш, марш, — стали они кричать, указывая на дверь, требуя, чтобы мы, не мешкая, выходили на улицу. Так как все происходило в спешке, и вместо вразумительных слов солдаты прикладами нас сзади подталкивали, задавать какие-либо вопросы было излишне. На улице всех нас, маму, тетю Этл, меня и брата, наших постояльцев, присоединили к группе людей, соседей и знакомых, которые двигались мимо нашего дома. В основном это были старики, женщины, дети. Куда ведут? Зачем ведут? Никто не знал. По пути к дому Лейба Пипмана, куда, как потом оказалось, нас вели, толпа гонимых людей все возрастала. Люди тихо между собой перешептывались, искали ответы на происходящее. Но их не было.

— Говорят, что Сендер Бейгельман корректировал с колокольни церкви огонь нашей артиллерии, — тихо прошамкал старик.

— Кто вам сказал об этом? — спросила старуха.

— Знакомый гой². Говорит, что по селу разносятся такие слухи, — ответил он.

— Легче поверить, что Машиах³ пришел. Да, Сендер имеет отношение к церкви. Там склад зерна, которым он заведует. Ну и что? Какой с него корректировщик. Еле ноги передвигает и к тому же он подслеповатый, — заметил кто-то.

— Не сам Сендер. Он комсомолку, Риву Спектор, в церковь впустил, — отпаривал старик.

2 Нееврей (евр.)

3 Мессия (иврит)

— Говорят, что шпионов ищут, — слышался голос другого старика.

Мы шли молча. Мама крепко держала за руки меня и брата. Когда нас подвели к дому Лейба, солдаты приказали нам войти вовнутрь.

В этом доме обитатели местечка, в основном женщины, часто бывали. Лейб занимался кошерным забоем скота¹, и по четвергам здесь выстаивалась очередь за кошерной говядиной. В отведенной под магазин комнате с входом с улицы, кроме кошерного мяса, так же продавалась свиная колбаса домашнего изготовления, которая хранилась в отдалении от кошерного мяса. Запах, исходящий от колбасы наполнял помещение. Этот запах витал в воздухе уже на подходе к магазину.

— Что это за власть, — возмущается старая Бруха, стоя в очереди за мясом, — не могут выделить отдельного помещения для кошерного мяса. Видите ли, это, как говорит председатель сельского совета, религиозные выдумки. Я должна стоять и нюхать запахи свиной колбасы. Горели бы они ясным пламенем. Кого она имела в виду, то ли колбасу, то ли председателя, или того и другого, не известно.

— Что вы расшумелись, Бруха? Ищете себе цорес² на свою голову? — увещевала ее старуха Бася, — не нравится запах, не нюхайте.

— Что вы встречаете в чужие разговоры? — с обидой в голосе возражает Бруха, — мне, Бася, не нужны ваши советы.

— Скажите спасибо, что имеется кошерная бойня.³ Лейб делает все необходимое, чтобы не смешивать кошерное мясо с трэфными продуктами, — примирительно заметила Клара, женщина средних лет.

— Клара права. Лейб старается по четвергам трэфным не торговать. Вот саму бойню нужно было бы отремонтировать. Не то скоро завалится, — замечает старик Янкл.

— Куда смотрят наши хозяева местечка? Они что, ослепли? — взрывается Бруха.

Такие и подобные разговоры затевались каждый четверг в очереди за кошерным мясом. Разговоры то утихали, то вспыхивали с новой силой. Каждый в очереди старался высказать свое мнение, свое суждение. При этом нужно отдать должное Лейбу. В любую пору года, в любую погоду по четвергам жители местечка не оставались без кошерного мяса.

V

1 Ритуал забоя скота, принятый у иудеев.

2 Неприятности (евр.)

3 Место забоя скота.

Ставни окон были закрыты, в доме стояла темень. По мере заполнения дома людьми становилось все теснее. Не хватало воздуха, становилось трудно дышать. Когда всех втолкнули в дом, двери с трудом закрылись, и послышался стук молотка. Как будто снаружи заколачивали двери. Люди были ошеломлены, перепуганы. Зачем они это делают, что надумали? Слышны были вздохи, шепот, родные переговаривались друг с другом.

— Ты где, Сурале? — спрашивал женский голос.

— Здесь я, мама, здесь, — звучало в ответ.

— Мойшеле, стой возле меня, — взывала другая женщина.

— Нас хотят сжечь, — закричал старик, расслышав стук молотка.

Слова старика как будто разбудили людей, находившихся в нервной беспокойной спячке. То, что последовало за этим трудно описать. Слышны были стоны, истерические крики, плач детей, молитва. Мама вела себя спокойно, и это спокойствие передалось мне. Ее больше беспокоило, знает ли отец, что происходит в местечке. По пути к дому Лейба и сейчас не то обращаясь к своей сестре Этл, не то к себе, она все повторяла: «Знает ли Берл, что творится?». Через некоторое время появились какие-то неясные шорохи за дверями. Раздались голоса: «Тише, тише», стали прислушиваться. Мы услышали треск отдираемых досок, и двери отворились. Люди облегчено вздохнули, стихли всхлипы, стоны. Как будто бы проснувшись от дурного сна, люди жаждали успокоения.

Солдаты стали выпускать людей небольшими группами. «Возможно, ведут людей на регистрацию, или будут отбирать для работы?» Такие разговоры слышались и раньше в толпе, еще до того, как нас впили в дом Лейба. Но это были всего лишь напрасные надежды. Нас направили в сторону жилого дома, который находился на противоположной стороне улицы. По пути мы проходили мимо колодца, возле которого стоял немецкий офицер и несколько местных сельчан, доброхотов. Они о чем-то переговаривались. Офицер, внимательно слушая, о чем говорят доброхоты, временами посматривал через пенсне в золотой оправе в сторону мимо движущихся людей. Когда мы пересекли улицу и подошли к дому, нас заставили спуститься в подвал.

В этом доме до войны размещался магазин сельпо. В одном углу магазина находился небольшой ассортимент продуктов, в другом бакалея. В свободном углу разместился небольшой столик и пара стульев. Особенно шумно бывало в магазине и возле него по воскресеньям в базарные дни. Возле прилавка толчея, местные жители и пришедшие из соседних сел ищут необходимые товары для дома, хозяйства. Тут же друзья или знакомые могут за столиком выпить, закусь, поговорить.

Базары по воскресеньям бывали многолюдные. Кроме местных на базар съезжались и приходили люди из близлежащих

сел. Базар располагался по двум улицам, образуя букву «Т». Верхняя черточка буквы соответствовала части базара, который располагался вдоль тракта, ведущего в сторону мельницы. Он начинался возле дома старого горбатого Янкеля, по уличному прозвищу «черкес», и достигал почти церковной ограды. Здесь торговали разными хозяйственными изделиями, мелким и крупным скотом. Вертикальная черточка буквы «Т» соответствовала части базара, который располагался на ближайшей к тракту, идущей в направлении районного центра, улице и доходил до магазина сельпо. Здесь торговали разной домашней птицей, молочными продуктами и дарами полей, огородов и садов. Именно, на этой улице, не без участия местных доброхотов, были выбраны подвалы для расстрела жителей местечка. Один подвал располагался под магазином сельпо, куда нас направили. Другой подвал находился под магазином, который располагался в экспроприированной после революции части дома, в другой части которого проживал сам бывший владелец этого дома портной Дувид Гершкович.

Ступени подвала под магазином сельпо крутые, скользкие. То ли я поскользнулся, то ли под напором вслед гонимых в подвал людей я не удержался на ногах и выпустил мамину руку. Споткнувшись, я упал на что-то мягкое, теплое. В темноте подвала сразу рассмотреть, обо что споткнулся, я не смог. Немного привыкнув к темноте, стараясь, чтобы меня не затоптали, я рассмотрел лежащего старика. Он был мертв. Седая, почти белая, борода и одежда были залиты кровью, которой при падении я измазал рукав рубашки. Впервые в жизни я увидел вблизи убитого, мертвого человека. «Значит, нас сюда загнали, чтобы убивать» — подумал я, и ужаснулся этой мысли. Сознание отключилось от всего, что творилось вокруг, от родных, от криков людей. Одна только мысль: «Где найти спасение?». Наверное, так чувствует себя загнанный охотниками зверь. Я осмотрел все углы подвала в поисках места для укрытия. Кажется, повезло. Я нашел не то ящик, не то бочку, в которой можно укрыться, спрятаться. О надежности укрытия думать некогда. Но увы, там уже находился ребенок. Мысль, которая возникла у меня после неудачи с поиском укрытия, мне трудно восстановить. Я был в шоке от увиденных трупов. Таких мертвых, зарезанных стариков, об одного из которых я споткнулся, было еще несколько. Они лежали на полу в разных углах подвала. То ли понимание того, что если останешься в подвале тебя убьют, и никому ты этим не поможешь, то ли нежелание быть убитым в этом грязном, дурно пахнущем подвале, лучше уж умереть на улице среди белого дня. То ли вспомнилось беспокойство мамы об отце: «Знает ли он, что творится?». Трудно ответить, что именно повлияло. Я стал упорно с трудом пробираться сквозь толпу, спускающуюся в подвал, к выходу из подвала. Когда, наконец, я добрался до выхода, первое, что я увидел — это ботинки солдата, стоявшего рядом возле входа

в подвал. Я поднял голову и заметил, что солдат смотрит в сторону от входа. Не теряя времени я подтянулся, выскочил из подвала и побежал. Мне казалось, что пуля вот-вот меня догонит. Но стрельбы не слышно было, только смех и свист. Возможно, это мне почудилось. Я об этом говорю так потому, что Хана Ройтберг, жена Йосла штрикldreера¹, которую вели на расстрел в соседний подвал, под домом Дувида Гершковича, и которая чудом выжила, потом рассказывала по поводу моего бегства: «Он так кричал, что этот крик я запомню до самой смерти». Может, так и было. Возможно, ей почудилось. Как бы там не было, я выбежал на соседнюю улицу, на тракт идущий в сторону района. Улица была пустынна и я забежал в ближайший дом, спрятался в деревянном сарае. Еле переводя дыхание я стал прислушиваться к тому, что делается на улице. Я с тревогой ожидал погони. Сердце усиленно колотилось, во рту пересохло, дышалось с трудом. В ушах стоял шум, мне слышался топот сапог. Свернувшись клубком я забился в темный угол сарая за дровами. Затаив дыхание я ожидал, что вот-вот в дверях сарая появятся солдаты. Прошло немного времени. Было тихо, погони не слышно, и я стал понемногу успокаиваться. Потом я выглянул на улицу. Как и прежде она была пустынна. Не раздумывая больше я пересек улицу, вышел к огородам скрытым домами от тракта, но открытым взорам со стороны села. На огородах, в основном, выращивались картофель и бахчевые культуры, так что укрыться не было возможности. Соблюдая осторожность, пригнувшись к земле, стал продвигаться в сторону дома, куда утром ушел отец. Мысль о том успею ли я предупредить отца, не опоздал ли я, несмотря на пережитое, заставляла меня не терять времени. Я несколько раз падал, испачкался. Когда я уткнулся в ограду сельской больницы, к территории которой примыкали подворья сельских жителей, мне, чтобы идти дальше, пришлось выйти на тракт. Это был опасный и трудный участок пути. Необходимо было продвигаться по открытой части дороги и затем пересечь улицу. Убедившись, что на улице никого не видно, стараясь быть поближе к оградкам, я осторожно продвигался вперед пока не поравнялся с нужной усадьбой и пересек улицу. Еще одна возникшая трудность была связана с преодолением деревянной ограды высотой около двух метров. Сделать это со стороны улицы я не решился. Пришлось, опасаясь хозяев, живших по соседству с усадьбой Сони Зильберман, залезть в их огород, чтобы преодолеть ограду с тыльной стороны, скрытой от улицы. С трудом, цепляясь за малейшие щели и выступы в ограде, мне удалось залезть наверх и перевалиться на другую сторону, во двор дома Сони Зильберман. Не обращая внимания на боль от падения я с предосторожностями добрался до входной двери. С сильно бьющимся сердцем, не зная кто находится в доме, я стал у дверей прислушиваться. Из дома не доносился ни один звук. Не слышно

1 Веревоchnik (евр.)

было шума шагов, разговоров, и я решился постучать в двери.

— Кто там? — сразу отозвалась хозяйка, как будто ожидала моего прихода.

Я назвалсЯ. Тотчас же послышался стук запора и приоткрылась дверь. Соня меня пропустила внутрь дома, закрыла двери на запор и повела в подвал, где находился отец и еще несколько мужчин. Вид у меня был не очень привлекательный. Весь в грязи, с царапинами на руках и ногах, с испуганным выражением на лице.

Увидев меня в таком виде, отец был удивлен и обеспокоен моим приходом.

— Что случилось? Тебя мама прислала? — тихо спросил он меня.

— Нет, — ответил я, волнуясь, не зная, как и с чего начать разговор.

— Где ты испачкался и поцарапал руки? — понизив голос спросил отец — дома все в порядке? Ему явно было неудобно за мой вид перед присутствующими.

— Всех жителей местечка солдаты загоняют в подвал и убивают — начал я рассказывать, не отвечая на вопросы отца.

— Как убивают, кто убивает? Какой подвал? — раздался голоса.

— В подвале магазина сельпо солдаты убивают. Там остались мама и тетя Этл. Изя куда-то девался еще до спуска в подвал, — обращаясь к отцу, говорил я.

Присутствующие в подвале смотрели на меня, как на человека лишенного рассудка. То ли речь моя была сбивчива, то ли вид мой не вызывал доверия.

— Не может быть такого. Немцы не петлюровцы. Рассказывали, что немцы народ культурный, — заговорили все сразу.

— Я был в подвале, видел убитых, — сказал я.

— Ребенок умом тронулся, — высказался кто-то.

Я хотел, чтобы они мне поверили. Ведь солдаты могут нагрянуть с минуты на минуту. И я начал, торопясь рассказывать, как я убежал с подвала, добирался сюда огородами, перелез через ограду. При этом я поцарапал руки и испачкался в грязи. Что им еще рассказать, чтобы поверили? И тут я вспомнил про испачканный кровью рукав рубашки.

— Смотрите, — закричал я, показывая им испачканный кровью рукав, — это кровь убитого старика. Я в подвале видел несколько зарезанных стариков. Туда людей загоняют, их будут убивать.

Разговоры прекратились, люди приутихли, призадумались. Похоже, недоверие исчезло.

— Кажется, мальчик говорит правду, — высказался кто-то, — Так что же нам делать? — спросил он обеспокоенно, обращаясь

к присутствующим. Страх неизвестности, и неверие в реальность услышанного лишили людей способности думать, принимать решения. — Я пойду, дома Рухл с дочкой остались, — сорвавшись с места и направляясь к выходу, проговорил Йосл.

— Беги, беги, сумасшедший, может и тебя убьют, — заметил Шимен.

— Там наши семьи тоже. Куда ты пойдешь, чем ты им поможешь? — обратился Мойше к Йослу, — нам нужно решить, оставаться в доме или бежать.

Йосл растеряно стал оглядываться, вернулся на свое место, и безвольно опустил на скамью.

— В доме оставаться нельзя. Если придут солдаты, они весь дом перевернут. Нужно убежать, — раздался в наступившей тишине чей-то голос.

— Куда бежать? — раздались голоса.

— Мойше прав. Когда придут солдаты, нужно бежать. Откуда я знаю куда? Куда удастся, — ответил Шимен.

Других разумных решений не нашлось, и все согласились, что самое верное это бежать. Какие-то шансы на спасение еще останутся.

— Я открою дверь, которая выходит на улицу, — сказала Соня, до сих пор не промолвившая ни единого слова, — когда придут солдаты, вы сможете через нее убежать.

На этом вопрос «что делать?» был исчерпан, и все с беспокойством стали прислушиваться к тому, что творится в доме. О чем думали эти люди, на что они могли надеяться? Только на чудо, на везение. В доме, кроме людей в подвале и хозяйки дома, еще находилась семья аптекаря Марейнис, пожилые муж и жена и их сын. В подвал спускаться они не стали, все время оставались наверху в доме. Шимен по совету Сони поднялся в дом и рассказал им о том, что солдаты убивают жителей местечка. Что находящиеся в доме люди собираются при приходе солдат бежать и советуют им сделать то же. Возможно, удастся спастись. Старик Марейнис заявил, что они остаются в доме и никуда бежать не собираются.

— Я вас предупредил, воля ваша, как поступить, — проговорил Шимен и вернулся в подвал, — старик отказался бежать, — пожимая плечами, обратился Шиман к Соне.

Прошло совсем немного времени в безвестности, в ожидании, и мы услышали настойчивый стук в двери и громкие голоса солдат. Как только солдаты вошли в дом, все находившиеся в подвале поднялись наверх, и выбрались на улицу через заранее открытую дверь. Улица была безлюдна, ни сельчан, ни солдат не видно. Как было договорено, все разбежались в разные стороны, а там уже, как кому повезет.

Отец и я направились в сторону пруда. Мы пересекли нашу улицу, потом нижнюю улицу и забрались на подворье сельчанина, рядом с подворьем Свицерских. Мы обошли дом и спрятались на огороде в зарослях, не то конопля, не то кукурузы. Отсутствие преследования при побеге из дома Сони Зильберман возможно связано с событиями, которые произошли в самом доме при приходе солдат.

— Старик Марейнис стал спорить с солдатами, — рассказывала после Соня, — он им стал доказывать, что он знает культуру немцев, что сам учился в Германии, и то, что они творят незаконно и бесчеловечно. Солдаты или не понимали его, или их это не интересовало. Они стали выталкивать его, жену и сына на улицу, ударили старика. Сын заступился, и они повалили его на пол и стали избивать. После этого, избитых и измученных стариков и сына они увели.

Поведение семьи Марейнис можно объяснить с одной стороны сохранившимся достоинством бывших интеллигентов, с другой — верой в культуру немцев, с которой старик в свое время, когда обучался в Германии, соприкасался, в-третьих, — их пожилым возрастом. Семья Марейнис была расстреляна и покойся в братской могиле.

Соня Зильберман по отношению к остальным жителям местечка находилась на особом положении. Ее дом солдаты обходили стороной. Отец Сони до революции был крупным оптовым торговцем зерновыми культурами и сахарной свеклой. Возможно, кто-то об этом уведомил немецкого офицера, или у него были данные разведки. Приход в ее дом солдат, можно предположить, был связан или с проверкой, на всякий случай, наличия посторонних лиц, или местные доброхоты что-то учуяли и уведомили офицера.

Выбранное нами место укрытия на огороде оказалось не менее опасным, чем подвал в доме Сони. Рядом, на расстоянии пяти, шести метров от нашего укрытия пролежала тропинка по которой в одну и другую сторону беспрерывно проходили немецкие солдаты-артиллеристы. Батарея располагалась ближе к пруду, примерно в сорока метрах от нашего укрытия. Нам слышны были разговоры проходящих мимо солдат, команды артиллеристов на батарею. Через небольшие промежутки времени слышалась команда «фойер»¹, и раздавался оружейный залп. Снаряды артиллерии Красной армии со свистом пролетали над нами. Были слышны глухие разрывы вдалеке немецких снарядов, и близкие звучные разрывы снарядов Красной армии.

От пережитого и вечерней прохлады, несмотря на то, что отец укрыл меня своим пиджаком, меня трясло как в лихорадке.

---

1 Огонь (нем.)

Какие мысли одолевали меня трудно сказать. Я представляю себя снова в подвале, и перед глазами все время возникают лежащие на полу трупы зарезанных стариков, залитых кровью. Я вижу, спускающихся в подвал людей, и понимаю, что их расстреляют. Там мама, тетя. И никакой возможности им помочь, уберечь от смерти. Единственное, кажется, чего очень хотелось — это забыться, а еще лучше, если бы нас накрыл снаряд.

— Хотя бы снаряд на нас упал, — высказал я свою мысль вслух.

Отец ничего не ответил. Он только крепче прижал меня к себе. С наступлением темноты прекратилась артиллерийская дуэль, и движение солдат мимо нашего укрытия.

— Сейчас пойдем домой. Узнаем, что там творится. Возьмем тебе пиджачок, кепку. Вместо босоножек обуешь ботинки. И для себя я кое-что возьму, — предложил отец.

Стараясь, как можно бесшумно, мы выбрались из укрытия, и вышли на улицу. Небо было пасмурным, ни луны, ни звезд не видно. Только временами сквозь разрывы туч, как бы играя в прятки, луна проглядывала на мгновение. Стояла оглушительная тишина, ни звука, ни шороха. Добравшись до нашего дома, мы увидели, что наружные двери настежь раскрыты. Внутри дома, несмотря на полутьму, бросался в глаза беспорядок. Все было разграблено, вплоть до мебели, за исключением стола. Он был больших размеров, и не пролезал ни в двери, ни в окно. Это был стол старой работы, дубовый, раздвижной с резными ножками. Не так давно в свободные вечера за столом собирались родные, знакомые, соседи. За чаем при свете прекрасной керосиновой лампы, которая освещала все уголки комнаты, велись бесконечные разговоры о жизни, о детях, о повседневных трудностях, делились воспоминаниями, надеждами на будущее. Было шумно, весело. Казалось, что с того времени прошла вечность. Все изменилось до неузнаваемости. Где сейчас эти люди? Кому сегодня удалось избежать смерти? А завтра? Теперь стол сиротливо стоял в опустошенной комнате. На полу валялись истоптанные молитвенники и фотографии, стекло разбитых банок, покореженная прекрасная керосиновая лампа, гордость нашей семьи, и другой мусор. До чего же сердобольны некоторые наши сельчане, ближние и дальние соседи, знакомые жителей местечка. Что с того, что хозяева домов расстрелянные лежат в подвалах. Не пропадать же добру. И старались хорошие люди. Все, что можно было, как мыши в норки, утащили в свои дома. В хозяйстве все пригодится.

— Посмотрю на чердаке, — говорит отец, в надежде что-нибудь найти из одежды.

После долгих поисков, кроме старого мешка, заскорузлого старого плаща и таких же ботинок, отец больше ничего не нашел. Похоже, грабители от этого добра отказались из-за ненадобности,

или, возможно, не заметили. Дальше оставаться в доме не было смысла. Когда мы добирались до него, то не обращали внимания на другие дома местечка. Теперь, выйдя на улицу, мы бросили взгляд на соседние дома. Несмотря на темень, было видно, что, как и в нашем доме, двери в соседних домах также настежь раскрыты. Было понятно, что ограблению подвергся не только наш дом, но и все другие дома. Постарались добрые люди. С божьей помощью разграбили местечко.

— Оставаться нам здесь опасно, — осмотревшись вокруг, после некоторого раздумья проговорил отец, — попытаемся добраться до Федорчука, в соседнее село. Там нет евреев. Был один парень, учитель. Его призвали в армию. Так что там, возможно, безопаснее.

Соблюдая осторожность, мы направились по дороге в направлении соседнего села, где проживал Федорчук. По пути мы миновали дом Сони, из подвала которого мы днем убежали от солдат, и углубились в село. Через некоторое время отец остановился. Не зная причину остановки, я стал оглядываться вокруг. Темнота поглощала ближайшие строения, ночная прохлада пронизывала насквозь.

— Почему мы остановились? — с дрожью в голосе спросил я отца.

— Идти сейчас к Федорчуку, я думаю, не безопасно, — сходя с дороги, поближе к оврагам, ответил отец, — на дороге могут быть патрули. В темноте можем их не заметить. Лучше пойти утром, когда начнет светать. Нам нужно где-то переночевать. Тебе не мешает отдохнуть, согреться.

Я отрешено слушал, что говорил отец и шел следом за ним. Дрожь не прекращалась, болела голова. Мне показалось, что откуда-то доносится шум, похожий на топот ног. Может это мне кажется из-за боли в голове? Я стал прислушиваться. Явно стало слышно, что по дороге в нашу сторону кто-то приближается.

— Кто-то идет в нашу сторону, — тихо проговорил я.

Вскоре мы рассмотрели женщину, которая бежала по дороге, издавая невнятные жалобные звуки. Вдруг она резко свернула с дороги, и направилась к колодцу, рядом с которым мы стояли в тени возле ограды. По ее невнятным всхлипам и нервному поведению отец понял, что, похоже, у нее намерение броситься в колодец.

— Выин лойфст ду¹? — отец, не теряя времени, вышел навстречу, и схватил женщину за руку, — куда ты так торопишься? — переспросил ее отец.

— Отпустите меня. Я хочу умереть, — закричала она, стараясь высвободить руку.

— Не кричи, успокойся, нас могут услышать, — тихо проговорил отец.

1 Куда ты бежишь?(евр.)

Женщина примолкла, растеряно стала оглядываться вокруг. Казалось, что она не понимает, где находится и что с ней происходит.

— Ты куда бежишь? — спросил отец.

Плача, глотая слова, она пыталась что-то рассказать. Отец прервал ее невнятный лепет.

— Как тебя звать? — спросил он.

— Дина, — не переставая всхлипывать, ответила девушка.

Девушка была не местная, видать из беженцев. И имя какое-то городское, в нашем местечке такого имени я не слышал. Дина, дин-дин, как звон колокольчика. Она была одета в легкое, с короткими рукавами летнее платье. То ли от волнения, то ли от ночной прохлады девушку, как и меня, била дрожь.

— Ты уже не ребенок, перестань плакать, успокойся, — потребовал отец, — так куда ты бежала?

— Ищу смерти, хотела броситься в колодец, — стуча зубами ответила Дина, — всех моих родных, отца, маму, младшую сестренку и бабушку расстреляли. Я осталась одна на белом свете, мне лучше умереть.

— Вы откуда приехали?

Дина назвала местечко, которое находится в направлении станции Вапнярки. Я это понял из дальнейшего разговора. С начала войны население местечка увеличилось за счет людей, которые эвакуировались из западных районов, и по разным причинам задержались в нашем местечке. Почти в каждом доме ютились семьи беженцев.

— У тебя там, наверное, остались родственники, знакомые?

— Да, там остались дядя и тетя. Они уже пожилые, и отказались с нами ехать.

— Вот тебе к ним и нужно добираться, — сказал отец, — ты девушка, можешь выдавать себя за крестьянку. Если остановят, будут спрашивать: «Кто, откуда, куда?», скажешь: «Мол, была в гостях, а сейчас добираюсь домой». И, напоследок, вынул из мешка и отдал Дине плащ, — накинь на себя плащ, ты вся продрогла.

— Если бы не вы, я уже покоилась бы на дне колодца, — сказала Дина, пытаясь натянуть на себя заскорузлый плащ, он весь топорщился. Отец помог ей справиться с плащом, чтобы накинуть его на плечи.

— Я, как вы советуете, буду добираться до своих родственников, — начала Дина, и расплакалась, — но как мне дальше жить, когда мои родные убиты? Где взять силы для жизни?

— Не плачь, успокойся, это общее горе. Не только твои родные пострадали. Слезами горю не поможешь. Теперь главное для тебя самой выжить, благополучно добраться до своих родных.

— За что? Почему? Чем они провинились? — продолжала всхлипывать она.

— Нас всегда убивали потому, что мы евреи. Не любят нас гойим. А почему, один Бог знает, — тихо, взволнованным голосом говорит отец. — Не многим удастся сегодня спастись, и еще неизвестно, что будет завтра. Такого никогда раньше не было, чтобы убивали всех подряд: женщин, стариков, детей. Это на погромы не похоже. Не дай Бог, если такое творится и в других местах. Пока имеется возможность, нужно стараться выжить.

Дина внимательно слушала отца. Слова пожилого человека, хотя до конца ею не понятые, подействовали успокаивающе.

— Тогда я пойду, — неуверенно и тихо сказала она.

Когда Дина уже собралась уходить, отец вдруг спохватился: «Подожди, ты же дорогу не знаешь, и потом, сейчас ночь. На дорогах могут быть патрули. Думаю, что безопаснее тебе выйти в дорогу утром, когда начнет светать». Он объяснил ей, через какие населенные пункты ей идти, чтобы добраться до станции Вапнярка.

— Там ты расспросишь, как дальше тебе добираться до своего местечка, — закончил объяснения отец, и спросил, — ты поняла?

— Да, поняла, — ответила Дина, — куда же мне деться до утра? — как бы про себя вслух подумала она.

— Нам тоже нужно где-то переждать ночь, — после небольшого раздумья сказал отец, — зайду к знакомой сельчанке. Ее дом рядом. Может она нам разрешит скоротать ночь у нее.

Вслед за отцом мы с Диной отправились к знакомой, и вошли во двор. Отец сам отправился к дому, оставив нас поодаль. Мы тихо стояли в ожидании решения. Над нами шелестела листва деревьев. Говорить не хотелось. Холод пронизывал насквозь. Дина притянула меня к себе и накрыла полрой плаща. Тепло ее тела передалось мне, и я стал согреваться, почувствовалась усталость, клонило ко сну.

Подойдя к дому, отец легонько постучал в оконное стекло. Прошло какое-то время.

— Кто там? — послышался настороженный женский голос за дверями.

— Это я, Ганна, — отец назвал себя.

— Уже ночь. Что вам нужно? — выходя на улицу и закрывая за собой двери, спросила женщина. Голос был какой-то отчужденный, недовольный, как будто человека оторвали от любимого занятия.

— Нам бы переночевать. Мне с сыном, — ответил отец.

После некоторого раздумья, уже более спокойным голосом она спросила: «Никто не видел, как вы заходили во двор?».

— Никто, никого не встречали, — ответил отец.

— Тогда устраивайтесь на сеновале. Вот двери в сарай, а там по лестнице на чердак. Только до утра. Если кто вас увидит, я об этом ничего не знаю, сами забрались туда.

Отец ее поблагодарил, и мы уже было собрались идти на ночлег.

— Подождите, я сейчас, — женщина юркнула в дом, закрыв за собой двери, — нате, возьмите, — выйдя из дома, проговорила она, сунув отцу в руки кусок хлеба и несколько огурцов.

В темноте, на ощупь мы по лестнице поднялись на чердак, и утонули в пахучем сене. Тепло и запах сена дурманили. Я с трудом проглотил кусок хлеба, и провалился в глубокий, беспокойный сон.

Знакомой, куда нас привел отец, оказалась тетя Ганна, которая все годы в канун субботы и праздников помогала маме в уборке по дому. Последние годы она приводила с собой внучку. Это была хрупкая девочка трех лет. Ее лучистые голубые глаза на белом личике внимательно смотрели на всех и все. Головку девочки украшала копна волнистых волос цвета льна. Маме нравилась девочка и она всегда старалась угостить Марусю, так звали внучку, вкусной едой, пряничками, фруктами. Когда Маруся была еще несмышленной, она не отходила от мамы, ходила за ней по пятам. Ганна за это ее ругала, усаживала на место, чтобы не мешала прибираться.

— Не ругайте ее, Ганна, дите малое, пусть бегаёт. Она мне не мешает, — говорила мама, и иногда интересовалась, когда ее дочка, мать девочки, собирается приехать?

— Она каждый год обещает. То у них одно, то другое не ладится. Может на Рождество приедут, а может летом, — отвечала Ганна.

Дочка Ганны вышла замуж за русского парня, — за кацапа, — говорила Ганна, и жила с ним в Томске, а дочку они подкинули бабе.

За многие годы общения Ганна и Маруся нам стали, как родные. Видать Ганну, как и других жителей села, парализовал страх. Спасибо ей, что она нашла в себе силы преодолеть его.

Я открыл глаза и не мог понять, где я нахожусь, и что от меня хочет отец. Темно, отец ухватился за мое плечо и трясет меня. В голове шум.

— Проснись. Тебе что-то приснилось? Я уже испугался, не тронулся ли ты разумом. Сначала ты все говорил, говорил во сне. Потом начал кричать.

Он говорил, а я еще был в объятиях сна, и удивленно на него смотрел, не понимая где сон, а где явь.

— Ты меня слышишь? — с беспокойством в голосе спрашивает отец.

— Где мы? — спрашиваю я.

— У Ганны, нам пора уходить, уже светает.

— Мне приснилось, — начал я...

— Потом расскажешь, успокойся, нам нужно идти, — волнуясь, говорит отец, — я обещал Ганне, что мы с рассветом

уйдем.

Спустя некоторое время, когда я немного успокоился, мы выбрались с сеновала во двор. Отец решил пробираться в соседнее село, где у него были друзья, которым он помогал, то ли во время коллективизации, то ли во время голодомора. Возможно, в том и в другом случае. Раннее утро, свежо, густой туман еще низко стелился по земле. Заметив в соседнем дворе человека высокого роста с поблескивающей каской на голове, мы приняли его за солдата, и перебежав через огородные грядки, спрятались в зарослях конопли. Заметил нас солдат, или не заметил? Он медленно продвигался по огороду. Казалось, что он направляется в нашу сторону.

— Похоже, что он нас заметил, — шепнул мне отец, — если он будет приближаться к нам, убегай.

Когда солдат подошел немного ближе, мы в нем узнали знаменитого на все село печника Полона. Он жил по соседству с Ганной. В прошлом году он ремонтировал нашу печку. Я наблюдал, как тщательно он готовил сметанообразный глиняный раствор. С каким вниманием он подбирал, осматривал каждый камушек, как какую-то драгоценность. И долго возился, укладывая его на место. Затем он аккуратно по вымоченной в глине мешковине оштукатурил отремонтированные места печки. Мастерство печника в полной мере проявилось, когда затопили печку. Она мгновенно нагревалась и долго держала тепло. Особенно радовал небольшой расход топлива. Полон был настоящий мастер своего дела. Это его большую абсолютно лысую голову со лбом Сократа мы приняли за каску. Он нас выругал за то, что потоптали его коноплю, и, закончив ругаться, потребовал, чтобы мы немедленно отсюда убрались. Оно и понятно. Кому понравится, чтобы топтали его коноплю. Мало ли, что вам грозит опасность. Опасность опасностью, а коноплю не смей топтать. Осознав правильность и гуманность суждений Полона, мы без лишних слов покинули убежище, двор и отправились в путь. На улице было тихо, село еще отдыхало. Из-за густого тумана улица плохо просматривалась. Мы медленно продвигались вперед, останавливались каждый раз при подозрительном шорохе или звуке. Нам чудились на каждом шагу патрули, засады и бог весть что еще.

— Дина давно ушла? — спросил я, вспомнив про девушку.

— Немного раньше, — ответил отец, — мы сейчас идем по той же дороге, по которой она ушла. До соседнего села у нас одна и та же дорога.

— Она могла бы пойти с нами, — заметил я.

— Одной идти ей безопаснее, — ответил отец, — Дина, даст Бог, сумеет добраться до своей родни. Она женщина, ей проще, чем нам. Она может выдать себя за сельчанку.

— Зачем ты плащ отдал Дине? Если бы ты знал, как мне

было холодно, — с обидой в голосе проговорил я.

— Разве можно было поступить иначе? Я понимаю, что тебе нужна одежка. В конце концов, можно воспользоваться моим пиджаком. К тому же, надеюсь, что знакомые нам помогут. А девочке кто поможет? Она одна, в чужой стороне, знакомых у нее нет, — ответил отец и, помолчав, добавил, — я ей еще косынку нашел. Она висела на лестнице. Правда, старая. В ней больше дыр, чем концов. Но ничего, Дина ее постирает, и будет ей, чем голову покрыть.

«Конечно, отец прав, — подумал я, — она одна, в чужой стороне. У нас все же имеются знакомые. Где бы мы ночевали, если бы не наша добрая знакомая, тетя Ганна?». Я продолжал думать о неизвестных мне добрых знакомых, которых много у отца. Что они непременно нам помогут. И приютят, и накормят, и одеждой помогут. Да, Дине намного труднее.

Дина ушла в неизвестность. С тех пор мы ее не видели, и ничего о ней не слышали. Мы даже не расспросили ее, как ей удалось избежать смерти, в то время как все ее родные, по ее словам, погибли. Не до расспросов тогда было, когда вопрос шел о выживании. Нашла ли она родных? Удалось ли ей выжить в годы Холокоста?

Спустя много лет, однажды на собрании бывших узников гетто, в беседе с женщиной, которая сидела рядом со мной, я стал рассказывать о встрече с Диной в день расстрела жителей местечка. Что девушка, как будто бы, была из Томашполя. Внимательно слушая, женщина прямо впиалась своим взглядом в меня. Я смутился. Не знал, что подумать, и замолчал.

— Не поверите. Я об этом слышу уже второй раз, — к моему удивлению произнесла женщина.

— Может быть, — неуклюже заметил я. Мало ли какие бывают совпадения, подумал я про себя. Но не может же быть две Дины и оба из Томашполя.

— Мне об этом рассказала сама Дина, — заметив мое замешательство, сказала женщина.

Я облегченно вздохнул. Оказалось, что она знала Дину, что она ее землячка. Они встретились случайно в Одессе незадолго до отъезда Дины в Израиль. Она поведала мне, что случилось с Диной после нашего расставания. С какими большими трудностями ей удалось выжить в годы Холокоста. После войны Дина вышла замуж, была счастлива в семейной жизни. Любящий муж, прекрасные дети и внуки. К сожалению, к этому времени Дины уже не было в живых. Пусть земля ей будет пухом.

Мы шли по проселочной дороге, вглядываясь в даль, опасаясь случайных встреч. Туман рассеялся, наступил рассвет, когда с предосторожностями мы добрались до соседнего села Терновка. Из села доносилось мычание коров, лай собак. Идти по сельской улице мы не решились. Обходя стороной жилье,

мы миновали село, и направились в сторону села Чеботарка, где проживал добрый знакомый отца. Солнце поднималось все выше, прогоняя утреннюю прохладу. Можно было согреться. С каждым часом становилось все теплее. Одолевала жажда, хотелось есть.

— Еще далеко до села? — спросил я.

— Нет, не далеко. Мы уже почти пришли.

Было еще достаточно светло, когда мы подошли к селу. Я надеялся, что сейчас же пойдем к знакомому отца. Можно будет там утолить голод и жажду.

— Нам нужно переждать пока стемнеет. Сейчас идти к Федорчуку опасно, — проговорил отец, и мы расположились в посадке, недалеко от дороги. Чувствовалась усталость, я прилег в тени на траву.

— Возьми, подстели мешок и накройся пиджаком, простудиться можно, — посоветовал отец.

Сам он присел на землю, прислонившись к дереву. От наступившей вечерней прохлады я проснулся. Солнце садилось за горизонт, уже не слышно было пения птиц.

— Может, пойдем? Уже стемнело, — обратился я к отцу, который сидел на том же месте, опершись об дерево. Донимала жажда, и хотелось утолить голод.

— Пусть еще немного стемнеет. Тогда пойдем к Федорчуку. Там нас покормят, — ответил отец, как будто он прочитал мои мысли.

Когда достаточно стемнело, стараясь, чтобы никто нас не видел, мы пробрались ко двору Федорчука. Собака, почуяв чужих людей, залаяла. На лай собаки в дверях появился хозяин.

— Кто там? — раздался негромкий голос со двора.

Отец назвал себя. Хозяин спустился с крыльца, прогнал собаку и открыл калитку.

— Проходите, — пригласил он нас и повел в дом, в холодную половину, — присядьте, я сейчас.

В комнате было темно. Слышно было, что хозяин в сенях о чем-то переговаривается с женщиной, он что-то ей объясняет. Вскоре он вернулся, занавесил окно и зажег лампаду. Хозяйка, пожилая женщина, принесла еду.

— Покушайте на здоровье, — приветливо проговорила женщина, — уже не помню, когда в последний раз у вас в гостях мы были.

— Откуда, или куда вы идете в такой поздний час? — спросил хозяин, когда мы поужинали, — сейчас небезопасно.

Отец рассказал о расстреле солдатами жителей местечка, и что в связи с этим мы вынуждены были уйти оттуда, спастись.

— Так что же это творится на белом свете? Слыхано ли такое, чтобы людей ни за что убивали, — заламывая руки, стала причитать хозяйка, не переставая охать и ахать.

— Помолчи, Мария, дай поговорить. — просит хозяин,

и обращаясь к отцу, спрашивает: «Куда же вы сейчас идете?».

Отец, похоже, такого вопроса не ожидал, и как-то совсем сник.

— Я, Матвей, надеялся, — вяло и неуверенно заговорил отец, — что мы у вас сможем переждать несколько дней, пока не утихомирится.

Отец замолчал, как будто не было больше сил говорить. Хозяин с хозяйкой переглянулись, как бы ища подсказки один у другого.

— Не забудь, — обратилась хозяйка к мужу, — у нас малые дети, наши внуки.

— Видит Бог, мне бы очень хотелось вам помочь, — после недолгого раздумья проговорил хозяин, — но кроме меня и старой, в доме с нами дочка и трое ее малышей. Не дай Бог, если кто проведает. Я уже не говорю о солдатах. Здесь рядом с нами такого выродка имеем, хуже немца. Он ходит по селу, все вынюхивает и всем грозит, что разоблачит всех большевиков, комсомольцев и активистов. Как будто с цепи сорвался человек.

Отец молчал. «Понятно, люди боятся за себя, за своих родных» — думал он. Молчали и хозяева. Наступило неловкое молчание. Решения не было. Все наши надежды найти временное убежище у хороших знакомых не оправдались.

— Я вот что думаю, — начал хозяин, нарушив молчание, — вы заночуете у нас, а рано утром уйдете. Люди говорят, что фронт не далеко ушел, где-то около Верховки. Может вам удастся перейти линию фронта к нашим.

Вот и решение. И мы ухватились за эту мысль. Как известно, утопающий хватается за соломинку. Особенно, когда другая помощь не предвидится.

Нам постелили в холодной половине дома, а рано утром, вернее еще поздно ночью, мы покинули дом доброго знакомого отца. На дорогу нам дали немного харчей. Мне хозяйка подарила старенький с заплатами пиджачок и такую же кепку.

При свете лампы я узнал дядю Матвея и тетю Марию. Я не знал, что их фамилия Федорчук. Я их знал с малых лет. Когда они приезжали в наше местечко в базарные дни, всегда заходили к нам в гости. Иногда одни, в другой раз с ними приходили еще и другие, их знакомые. Родители принимали их всегда радушно. Они обычно приходили к концу базара, чтобы отдохнуть, пообедать. Еду и выпивку они приносили с собой. Мама им давала сервировку, тарелки, вилки, стаканы, а дальше они сами хозяйничали. Все проходило спокойно, степенно. Потом они уходили. Так повторялось каждый раз, когда они посещали базар.

Отец, по его словам, также часто пользовался гостеприимством в доме Федорчука, когда приходилось по работе бывать в этом селе или в ближних селах.

Федорчук проводил нас до калитки, предусмотрительно

убрав собаку. Мы попрощались с ним и ушли. С трудом различая в темноте дорогу, мы обошли стороной село и направились в сторону местечка Верховка. Чтобы избежать опасности мы решили в посадке у дороги дожидаться рассвета. По пути нам предстояло миновать несколько сел: Соколовку, Левков и другие. По дорогам беспрерывно двигались немецкие машины, пушки, танки по направлению к фронту. Пробирались мы в обход сел, подальше от дорог. Надежда, что скоро мы достигнем фронта, заставляла нас торопиться. Правда, рисковали при этом встретиться с немецкими солдатами или местными недоброжелателями. В одном селе, на пути нашего следования, мы стали пробираться низами, за огородами. Стежка была узкая и влажная. С одной стороны находились огороды. С другой стороны — затопленные луга вдоль которых росли склонившиеся ивы. Выдалось чудесное летнее утро. Солнце только начинало свой круговорот. Высокое синее небо было чисто вымыто. Лягушки временами лениво перекликались. Слышны были голоса птиц. На огородах местами можно было увидеть работающих сельчан. Отец с мешком за плечами шел впереди меня. Я, не глядя по сторонам, шел вслед за ним. Погруженные каждый в свои мысли, мы шли молча. Согретый солнцем воздух омывал лицо, руки. Я почувствовал, как меня охватывает нежность в этом отрешенном от мира уголке земли. Будто нет войны, расстрела жителей местечка, зарезанных стариков в подвале. Повалиться бы сейчас в высокую сочную траву, лежать лицом к небу и без конца смотреть в его синеву.

— Стой, — неожиданно раздался зычный голос.

Как из под земли перед нами возник молодой, здоровый парень, оголенный по пояс и с закатанными до колен штанинами. Видать это был один из тех защитников родины, которые дезертировали, побросали оружие, и отправились по домам. Или, возможно, это был один из тех, кому удалось сбежать из немецкого плена. Без всяких расспросов в смысле: «Кто такие, откуда, куда, зачем?», парень потребовал от нас вывернуть мешок и показать содержимое. В правой руке за спиной он держал блестящий плоский немецкий штык. Пока он осматривал ценности, хранившиеся в мешке, я неотрывно, как мне казалось, незаметно для гоя, поглядывал на блестящий штык. «Наверное, такими штыками зарезали стариков, трупы которых я видел в подвале, — думал я, — этот гой и нас может убить». Рухнул радужный мир, недозволенная роскошь. Снова перед глазами встало пережитое, навалилась усталость, и меня охватило какое-то безразличие, я даже не чувствовал страха. Единственное, что мне было обидно и больно, это видеть худощавого, согбенного отца, стоявшего с отрешенным видом перед молодым, здоровым гоем, который прятал за спиной острый нож. Я сознавал нашу беспомощность, и что от прихоти этого искателя наживы зависит наша жизнь. Он осмотрел наше богатство, состоявшее из старого пиджачка, пары

заскорузлых старых ботинок, несколько кусков хлеба и немного травы. Траву для видимости мы рвали, когда приходилось идти вдоль дороги, по которой проезжали немецкие машины и техника. А также, когда мы замечали кого-нибудь из местных жителей. Пусть думают, что мы собираем корм для скотины. Внимательно изучив содержимое мешка, для чего он большим пальцем босой ноги каждую вещь переворачивал и брезгливо откидывал в сторону, парень потребовал от нас вывернуть карманы. В них также ничего существенного не было. Недовольство, переходящее в злость, отразилось на «благородном» лице «рыцаря с большой дороги». Честно, мне было его жаль. Человек столько труда потратил, столько было надежд, и ничего. Даже стыдно стало, что у нас не было чем ему поживиться. Несмотря на праведную злость, он ограничился одним отборным матом, не упустив вспомнить Божью мать. Ругань была грубая, непристойная, более объемная, намного превосходящая ругань печника Полона. Она завершилась смачным плевром свозь зубы в сторону. Возможно, как недавний комсомолец, или кандидат в члены партии, он вспомнил лозунг «о дружбе, равенстве и братстве», и поэтому, измерив нас свысока уничижительным признанием, со злостью изрек: «Заберите свое барахло, и убирайтесь к чертовой матери. Чтобы духа вашего здесь не было, не то...» — не договорив, что он имеет в виду под «не то», с отвращением пихнул ногой безвинный мешок, развернулся и ушел.

Пережитые неприятные минуты тяжело отразились на отце. Он еле держался на ногах. Я собрал в мешок наше имущество.

— А за гзынтер гозлен¹ — проговорил отец, и добавил, — слава Богу. Пошли. Добавка означала, что все благополучно завершилось, и можно продолжать путь. Настроение и так было не радостное, но после встречи с бандитом стало еще хуже. К вечеру со всеми предосторожностями мы добрались до соседнего села. Чувствовалась усталость, жажда и голод. Однако, зайти в село опасались, и остались ночевать на пшеничном поле. Год был урожайный, хлеба стояли высокие.

— Утром зайдем в село и попросим немного еды, — прижимая меня к себе, чтобы было теплее, говорит отец, — а теперь постарайся поспать.

— Этот гой, который нам встретился, похож на дядю Матвея. Только моложе его, — говорю я.

— И тот человек, и этот человек. Вот и похожи. Спи, — поправляя пиджачок на мне, отвечает отец.

Но не спится. Кажется, в мешке остался кусочек хлеба, Но мы мешок подстелили под себя. Отца тревожить не хочется. Я сорвал несколько колосков и лежа стал жевать зерна, вглядываясь в черноту неба. И снова видится мне этот гой с ножом за спиной. Только сейчас я понял, что под носом у него были небольшие

¹ Здоровенный бандит (евр.)

усы, рыжеватые. Когда он смачно сплюнул, как-то смешно шевельнулись усы вместе с носом. Но мне ничуть не было смешно. Теперь я вижу только немецкий штык, зажатый в кулаке за спиной этого голя, и окровавленную белую бороду старика в подвале. С тех пор мне противны большие ножи. Я все всматриваюсь в бороду и нож, глаза слипаются, и я засыпаю. Сквозь сон я чувствую, что отец уже не спит и открываю глаза. Наступило серое утро. Солнце еще не взошло, было прохладно и очень тихо.

— Выспался, не замерз? — спрашивает отец, — нам пора идти.

Мы собрались. Я пошарил в мешке. Пучок травы я принял за кусок хлеба.

— Кушать хочется, — говорю отцу, а сам понимаю, что говорю глупость.

— Сейчас зайдем в село. Найдутся добрые люди. Подадут кусок хлеба.

Мы пошли вдоль улицы. Никого не видно, еще рано. В одном дворе мы увидели старую женщину, которая возилась с крынками возле ограды.

— Добрый день, — обратился к ней отец, — не дадите мне кусок хлеба для ребенка?

— День добрый, — ответила старуха, подойдя к ограде, — заходите во двор. Я сейчас.

Она вынесла из дома крынку молока, две чашки глиняные и два шмата хлеба.

— Вот парное молоко. Только что подоила корову, — говорит старуха, — садитесь на лавку и кушайте на здоровье. Даже не поинтересовалась кто мы, откуда мы. Война. Чего расспрашивать. Она оставила нас одних, а сама занялась своими делами. До чего же было все вкусное. Еще теплое парное молоко, пахнущее коровой, и свежий сытный хлеб. Я насытился, и еще кусок хлеба у нас остался про запас. Мы поблагодарили добрую женщину за угощение, попрощались и вышли за село. До Верховки оставалось несколько верст. Мы шли, не торопясь за огородами. Шли молча. «Возможно ли, чтобы у такой доброй женщины родился сын-бандит, похожий на того голя с ножом за спиной, который встретился нам вчера? — идя вслед за отцом, задавался я вопросом — нет, не может, решил я». И вдруг в памяти всплыло одно событие, из которого вытекает, что я не прав. У хороших родителей, оказывается, могут быть плохие дети. Это случилось в солнечный летний день. Я и мой друг Муня, он тогда еще проживал в Жабокриче, очутились на церковном дворе. Возле той самой церкви, в которой колхоз устроил склад зерна, которым заведовал Сендер Бейгельман. Церковный двор отделялся от бывшей поповской усадьбы высокой оградой из белого камня. Из любопытства мы взобрались на стену, чтобы посмотреть, что за ней скрывается. Нашему взору открылся большой, чудесный

фруктовый сад. Чего там только не росло. И яблоки, и сливы. Прямо против нас, ну, рукой подать, росла груша. На дереве полно груш. Они большие, душистые, так и просятся: «Берите нас». Но как взять, если рукой не дотянешься. Вглядываемся в тенистый сад. За деревьями не видать бывшего поповского дома. Теперь в одной его половине размещалась аптека, где старый Марейнис с сыном колдовали над порошками и микстурами. Во второй его половине проживала семья аптекаря, старик Марейнис с женой и их сын. Но сейчас в саду никого не видно. После небольшого раздумья с трудом спускаемся со стены и направляемся к груше. Не успели мы по несколько груш сунуть за пазуху, как услышали крик: «Кто разрешил?». Оказывается, жена старого Марейниса в саду варила не то варенье, не то повидло, и заметила нас. Муня более ловкий, он успел убежать. А я очутился у нее в плену. Взяв меня за руку, она повлекла меня в сторону дома.

— Подожди, я сейчас, — проговорила она. Взяла со столика, заваленного ложками, тарелками и еще всякой всячиной деревянную лопатку и стала помешивать булькающее в медном тазу варево.

«Может, убежать» — подумал я. Но вспомнив о высокой ограде, от этой мысли отказался и остался стоять в ожидании расплаты.

— Что это у тебя пазуха так оттопырена? Покажи, что ты туда насовал, — потребовала она.

Я достал и выложил на столик несколько липких груш. «Как я не догадался их выкинуть, пока она помешивала варево?».

— Ты знаешь, что воровать нельзя?

— Знаю, — промямлил я, и в свое оправдание добавил, — я не воровал, я с земли поднял.

— Это что-то новое. Значит, если в чужом саду крадешь груши не с дерева, а упавшие на землю, это уже не воровство? — улыбнулась она. Взяла деревянную лопатку и снова стала помешивать варево.

Я стоял, понутив голову, глядя себе под ноги, как будто там я мог найти решение, как избавиться от жены аптекаря и охватившего меня стыда.

— Кто твои родители? — закончив помешивать, спросила она.

Когда я ей сказал, она всплеснула руками: «Боже, кто бы мог подумать, что у таких почтенных родителей такой невоспитанный мальчик. Стыд и срам. Я им должна рассказать, пусть знают». Услышав эти слова я не смог сдержать себя и расплакался.

— Я вижу, что ты понял свой проступок, — начала она совсем другим, мягким голосом, когда я немного успокоился, — ладно, родителям не расскажу.

— Правда, бабушка? — всхлипывая, спросил я.

— Правда, правда, — ответила она. Потом улыбнулась

и покачала головой так, будто прощает меня и сказала, — лгать так же стыдно, как и воровать. «Лучше бы я ее не спрашивал, — подумал я, краснея, — вот вредная старуха». Пока я думал, что нехорошо человеку напоминать его проступок, когда он уже осознал его, она снова взялась за мешалку, подправила огонь под треножником, на котором покоился медный таз с варевом. Я перестал плакать, вытер глаза и стал смотреть на булькающее в тазу не то варенье, не то повидло, и подумал, что Муне повезло. Видать, она его не заметила. Иначе стала бы расспрашивать, кто был со мной. Еще этого мне не хватало. Попробуй говорить ей неправду.

— Груши можешь взять себе, — вернувшись к столику, возле которого я стоял, сказала она. Я отказался, мне уже груш не хотелось, поскорее бы убраться отсюда.

— Идем, — она снова взяла меня за руку. Мы зашли за дом, прошли по дорожке до калитки, и она выпустила меня на свободу. Я тут же изменил свое мнение о старухе. Она добрая, — решил я, — другая бы крик подняла на все местечко. Я не представлял себе, кто эта другая, но так думать мне было приятно. Когда я пришел домой, по моему виду мама заметила что-то неладное и испугалась, не заболел ли я, — я набегался и немного устал — успокоил я ее. «Лгать так же стыдно, как и воровать» — слышались мне слова старухи. «Чего она привязалась?» — чтобы забыться, я прилег на кушетку и прикрыл глаза. Все это четко промелькнуло в моей памяти. «Какое отношение имеют груши в саду аптекаря к гою с ножом за спиной?» — подумал я, и вспомнил убитых стариков в подвале. Я пытался как-то все это увязать. Разболелась голова, навалилась странная усталость, больше думать я не мог и опустив голову плелся вслед за отцом. Вскоре мы снова вышли к проезжей дороге, которая вела в сторону Верховки.

Нам пришлось идти полем вдоль дороги, держась на расстоянии от нее. По дороге беспрерывно двигались немецкие войска на машинах, мотоциклах. Тут же двигались самоходные пушки, полевые кухни.

— Это уже Верховка, — прервав мои мысли, говорит отец, когда мы вышли к первым домам местечка. Я поднял голову и осмотрелся. Мы шли по сельской улице, открытой со стороны дороги, с белыми хатками и зеленью за оградами. По дороге все так же беспрестанно двигалась военная техника, солдаты. Противоположная обочина дороги была запружена машинами, военной техникой, солдатами. То ли они остановились на отдых, то ли по каким-то другим причинам там расположились. На нашей стороне улицы тоже было полно солдат, попадались местные жители, спешащие по своим делам. Где-то впереди горело здание. Вокруг стоял шум от работы двигателей, слышались команды и громкий говор солдат. На нас никто внимания не обращал. Именно здесь, в Верховке, по заверениям дяди Матвея, должна

была проходить линия фронта. Но, увы.

— Добрый день, — отец с опаской обратился к старику, который вышел со двора и остался стоять возле калитки, — я добираюсь до Тростянця. Не знаете, как далеко продвинулся немец?

— Та Бог його знае. Мабуть уже далеченько звидси, бо гарматив уже не чути. Вин пре як скажений¹ — ответил старик, и добавил, — зараз не пройдете, мист порушений. Хиба що човнем².

— Придется нам повременить туда идти, — обратился ко мне отец, так чтобы его услышал старик. Затем отец с ним попрощался, и мы отошли в сторону. Постояли, как бы в раздумье, пока старик не ушел во двор.

Стало понятно, что идти дальше нет смысла. Что нам не догнать, и не пробраться через линию фронта.

— Дальше не пойдем, — сказал отец, — возвращаемся домой.

Отец спокойно воспринял крушение наших надежд догнать фронт. По виду отца я понял, что он не особенно расстроился по этому поводу. Может, даже и был доволен сложившимися обстоятельствами, что давало возможность по-другому взглянуть на наши действия. С того времени, когда мы в ночи покинули дом Федорчука отец неоднократно вслух упрекал себя за то, что он ушел из местечка, не выяснив, что случилось с мамой и Изей. Я понимал его переживания, его сомнения в трудности сделанного выбора. Несмотря на то, что я сам был в подвале, видел зарезанных стариков и как в подвал загоняли для убийства жителей местечка, а также рассказ Дины о расстреле ее родных, все же где-то в глубине сознания таилась слабая надежда. Надежда, что может мама и Изя каким-то чудом спаслись от смерти, не покидала нас. И мы решили, что единственное правильное решение в данном случае, это вернуться в Жабокрич, домой. Уже там по обстоятельствам решать, как быть дальше.

VII

Снова дорога с ее опасностями, обходом стороной селений, с ночевками в поле. На этот раз мы расположились на ночлег в посадке, заросшей кустарником. Несмотря на усталость, сон не шел, я ворочался с боку на бок.

— Ты не спишь? Тебе холодно? — отец поправил, накинутый на меня пиджак.

— Не хочется спать, — ответил я, и добавил, — дядя Матвей

¹ Бог его знает. Наверное, далеко продвинулся. Уже не слышно пушек. Прет как ненормальный. (укр.)

² Сейчас не пройдете. Мост взорван. Если только воспользоваться лодкой. (укр.)

и тетя Мария добрые люди, но боятся. Сейчас все боятся. Я помню, как часто они у нас бывали в гостях.

— Было время, когда я немало помогал ему и его отцу, когда создавались колхозы. С тех пор дружим с их семьей. Да, люди они не плохие. Но рисковать не у каждого находятся силы, — проговорил отец и вздохнул, — мы тоже рисковали. Мне с мамой немало волнений пришлось пережить. Но можно ли их осуждать?

Я не стал расспрашивать, о какой помощи идет разговор. Да какое это сейчас имеет значение? Понятно, что нам помочь они опасаются, боятся. Можно ли их винить? От этих раздумий спать совсем расхотелось.

— Так что тебе на чердаке у Ганны приснилось такого страшного, что кричал со сна? — вдруг обратился ко мне отец. То ли он вспомнил, что я ему говорил о сне, то ли для того, чтобы скоротать время.

— Мне снилось, — начал я, — что мы, я, ты, мама и Изя куда-то едем на подводе. Впереди сидит возница с вожжами в руках и правит лошадьми. Дорога гладкая, лошади легко бегут. Вдоль дороги деревья, кусты, сквозь ветви которых пробиваются солнечные лучи. Мы долго ехали и о чем-то вели разговоры. Незаметно все изменилось. Небо закрыли тяжелые темные тучи, с него потекли холодные струи дождя. Дорогу развезло, колеса грузли, кони с трудом стали тянуть телегу.

— Остановись, — обращаешься ты к вознице, — мы пешком пойдем, коням легче будет.

Ты и мама слезаете с телеги и идете рядом. Дождь все усиливается, становится холодно. Я вижу, как ты и мама увязаете в липкой грязи на дороге, и все больше отстаєте от подводы.

— Подожди родителей, — кричу я вознице, а он меня не слышит, или делает вид, что не слышит. Вы все больше отстаєте, я вижу, с каким трудом вы переставляете ноги, вытаскивая их из липкой грязи.

— Остановись, родители отстали, — кричу, взываю к вознице, хватаюсь за вожжи, а он все погоняет лошадей. И тут ты меня разбудил.

Отец молчал, я прижался к нему, согрелся, и стал засыпать.

— Боже, что с нами делается? От страха теряем рассудок, — глубоко вздохнув, проговорил отец.

— Я не потерял рассудок, — сказал я, думая, что отец имеет в виду мой сон. — Спи, спи, нам рано вставать.

Еще было совсем темно, когда меня разбудил отец.

— Еще очень рано, — протирая глаза, проговорил я.

— Нам нужно сегодня добраться до нашего села, — говорит отец.

Мы собрались в дорогу. Ночная прохлада пробирала насквозь. Даже пиджачок мало помогал. Полумесяц на черном небе, усеянном звездами, сопровождал нас.

Мы шли медленно. Старые болячки одолевали отца. Приходилось часто останавливаться, чтобы отдохнуть. С трудом к середине дня мы добрались до села Терновка. Мне было жаль отца, и сам я чувствовал усталость.

— Давай остановимся, заночуем в поле, — предложил я, — отдохнем и рано утром пойдем домой.

— Не нужно тратить время. Я знаю, что ты устал. Но пройти осталось не так уже много. Доберемся до села, там и отдохнем. Пока еще мы в силах, нужно идти, — ответил отец на мое предложение.

С трудом, во второй половине дня, когда день клонился к вечеру, мы добрались до села. В пути проявляли осторожность, и были рады, что избежали встречи с солдатами. Идти в местечко в такой час, и еще в таком состоянии, когда от усталости еле переставляли ноги, опасались, и решили заночевать на еврейском кладбище, которое располагалось на краю села, недалеко от колхоза «Парижская коммуна». На улице людей не видно. Только куры возле одной хаты копошатся в пыли. Тихо. Пройти на кладбище решили с улицы через ворота, которые находились ближе к верху склона. Мы прошли мимо дома кладбищенского сторожа, который одновременно занимался покосом травы, срезкой кустарников, уходом за могилами. Кладбище было старое, и располагалось на склоне. Верх пологого склона прилегал к ровному полю, внизу протекал ручей. Первые захоронения почти двухсотлетней давности, поросшие мхом, начинались с низины. Чем выше по склону, тем более поздние захоронения, более свежие надгробья. Два или три склепа возвышались между могильными плитами. Над ручьем и между рядами могил в старой части кладбища, в низине, росли деревья. Высокий травяной покров, который дожидался покоса, сплошным ковром застилал кладбище. Стояла особая тишина. Видны только могильные надгробья. Воздух пропитан пряным запахом трав, земли и надгробных плит. Голодные, усталые, отец еле держался на ногах, мы искали место для отдыха и направились к стоявшему рядом с одним из склепов старому, обветшалому от времени строению, которое ранее служило ритуальным целям.

Как же мы были удивлены и обрадованы, когда встретили там нескольких выживших жителей местечка: двух пожилых женщин, старика и двух малышей, мальчика лет пяти и девочку трех лет. У всех обитателей был настороженный вид. Они сидели на полу, сгрудившись в углу строения. Старуха, которая постарше, прижимала к себе перепуганных детей.

— Так это вы шли от ворот? — спросила другая старуха, которая выглядела моложе той, которая привлекла к себе детей. Ее звали Нехам.

— Да, мы, — ответил отец.

— Слава Богу, — сказала Нехам и продолжила, — я услышала

шаги, выглянула и увидела вас. Подумала, что это гойим что-то ищут. Кто может знать, чего они ищут на еврейском кладбище? Решили сидеть тихо, может, не увидят нас, пройдут мимо.

— Давно вы здесь?

— Мы уже третий день, а реб Мотл — четвертый, — указывая на старика, который сидел в углу сарая, ответила вторая старуха, успокаивая девочку.

— Вы не были в местечке? Не знаете, что там делается? — спросил ее отец.

— Нет, не знаю. Реб Мотл может вам рассказать. Он вчера там был, — ответила она.

Старик сидел с отрешенным видом. Он даже не взглянул в нашу сторону. Голову он склонил на руки, которые опирались на поджатые колени.

— Реб Мотл, — обратился к нему отец, — кого вы видели в местечке, что там вы узнали, солдаты ушли?

— Да, я вчера был в местечке. Хотел узнать, что-нибудь о своей невестке и внуке, — после небольшой паузы, подняв голову, с неохотой сказал старик, и замолчал.

— Вы видели кого-нибудь из местечковых жителей? — спрашивает отец.

— Когда пришли солдаты, меня дома не было, — проговорил старик, похоже, что он не расслышал обращение отца, — я рано утром пошел в село к знакомому гою отнести работу, я ему сшил штаны. Мне пришлось подождать, пока он возился по хозяйству. Когда я возвращался домой, крестьянка, которая встретилась мне, сказала, что она видела, как солдаты в местечке жителей из домов выгоняют. Куда и зачем она не знает. Я побежал домой, но невестку уже не застал. В доме дверь была не заперта, внутри ничего не тронuto, постель не застлана. Как будто люди недавно проснулись и вышли на время из дома. Я заглянул в дом к соседу. То же самое, все в доме на месте, ничего не тронuto, а люди исчезли. Тогда я вышел на улицу, и оторопь меня взяла. Местечко опустело, людей не видно. Как будто морок опустился. Стою и не знаю, куда идти, где искать невестку с внуком. Побежал на соседнюю улицу. Добрался до базарной площади, к дому Марьям Вигдорс и увидел, как людей загоняют в подвал под домом Дувида Гершковича. Для чего, зачем? Сердце стало щемить. Я понял, что солдаты затеяли что-то недоброе. Тогда я перебежал улицу, и зашел в дом, кажется Йоси Вельтмана, и забрался на чердак. Оттуда стал смотреть, что твориться возле дома Дувида. Когда всех людей загнали в подвал, послышалась стрельба. Что вам сказать? Человек таки крепче стали. Видеть такое горе, и не можешь ничем помочь. Не помню, как и зачем я очутился возле мельницы, и прибежал сюда, на кладбище. Старик замолчал. Глаза его наполнились слезами. Он стал часто икать и задыхаться, — Реб Мотл, перестаньте себя казнить. Что

вы могли сделать против вооруженных бандитов? — проговорила старуха, прижимая к себе девочку.

— Один я остался на белом свете, — шатая головой из стороны в сторону, и глубоко вздохнув, еле слышно проговорил Мотл, прикрыв глаза.

— Реб Мотл, вы кого-нибудь, из местечковых жителей встретили? — спустя некоторое время, переспросил его отец.

Старик, погруженный в свои горестные мысли, видать, не понял, что обращаются к нему, и о чем его спрашивают. Его безучастный взор был устремлен куда-то вдаль.

— Реб Мотл, вы евреев в местечке встречали? Вы кого-нибудь видели? — настойчиво повторил вопрос отец.

— Да, я встретил Йосла Горбань, — после некоторого раздумья ответил старик, и снова замолчал.

— Ну?

— Он сказал, что имеются выжившие, им удалось выбраться из подвалов. Раненных и покалеченных он собрал в свой дом.

— Вы не знаете, кто среди выживших, раненных?

— Нет. Я только о своей невестке спрашивал. Но он о ней ничего не знает и ничего не слышал.

От реб Мотла ничего больше выудить не удалось. Он снова ушел в себя.

— Я пойду в местечко, к Йослу, — обратился я к отцу. Я готов был бежать сейчас же. Реб Мотл говорит, что имеются выжившие люди после расстрела, раненные, покалеченные. Может быть, что мама и Изя среди них, что им удалось спастись.

— Завтра, рано утром отправись. Уже поздно. Тебе нужно отдохнуть.

— Тогда я схожу выпросить немного еды, — предложил я.

— Иди, только недалеко, и будь осторожен.

Несмотря на усталость, я отправился в село к ближним домам, как советовал отец. Собрав немного хлеба, вареной картошки, овощей, я вернулся на кладбище. Всем обитателям сарая досталось немного из собранной еды, чтобы утолить голод.

— Почему вы здесь сидите, не идете домой? — спросил отец.

— Боимся. Побудем еще день-два здесь, на кладбище, — ответила Нехама. Не успела она произнести последние слова, как девочка, воздев молящий взгляд к старухе, с криком: «Ой-ой-ой» стала ее тянуть за руку. Старуха, не мешкая, поднялась и увела девочку. Жалобный зов девочки вырвал старика из охватившего его оцепенения.

— Это все этот босяк натворил, — помахивая пальцем руки в сторону мальчика, повысил голос старик.

— Реб Мотл, побойтесь Бога, он же сиротка, — заступилась за мальчика вторая старуха, Хайка.

— Сирота, сирота, — ворчливо, передразнивая старуху,

начал старик, и продолжил, — говорил же паскуднику¹ не кушать зеленые яблоки. Так нет же. Сам наелся и девочке дал. Тут сорвался с места мальчик, главный виновник, и побежал, держась за живот.

— Вот, вот. Вот так все время, то один, то другой ребенок хватается за живот и бежит в кусты. Еще бы, зелени наелись и водой из канавы напились. Теперь бегают. Что они из себя выдавливают не знаю. За день только по кусочку хлеба поели. Чем мы им бедным можем помочь? — продолжал брюзжать старик.

— Нехам, — обратился к ней отец, когда она вернулась в сарай с девочкой, — что вы себе думаете? Детям нужно достать немного творогу, чтобы укрепить желудок. Слава Богу, сельчане в куске хлеба не отказывают, Детей пожалейте. Идите, и просите немного творога. Найдется хозяйка, которая сжалится, поможет. Посмотрите на детей, они уже позеленели. Идите, Нехам, идите, пока совсем не стемнело.

— А что делать? Вы правы. Сейчас же пойду, — кряхтя, решительно собралась Нехам, и уже собираясь идти, добавила, — совсем с ума выжила. Как же я сама не додумалась?

В свободном углу сарая, поближе к выходу, мы устроили себе постель из свежего сена, пряные запахи которого дурманили.

Нехаму выручила первая же сельчанка, в двери которой она постучалась. Она оказалась ее знакомой. Вдобавок к творогу она дала Нехаме пару кусков хлеба. Нехам была довольна добычей, и пока кормила детей творогом не переставала нахваливать свою знакомую, ее доброту. При этом дети, как птенцы, открывали рты в ожидании следующей порции творога.

— Все, хватит, дети, — спохватилась Нехам, — а то животики еще больше разболеются. Остальной творог потом покусаете, — добавила она назидательно.

Ночью я проснулся от плача девочки. Она тихо всхлипывала. Старуха ее успокаивала. Спать мне расхотелось. Чтобы не потревожить отца, я осторожно поднялся с намерением выйти наружу.

— Ты куда собрался? — услышал я его голос.

— Я выйду, спать не хочется, — ответил я.

Темень окутывала кладбище. Я стою и думаю о маме, о брате: «Я верю, я надеюсь, что они выжили. Завтра я их увижу. Быстрее бы наступило утро». Я не знаю, откуда эта вера. Она зыбкая, еле уловимая. Но я верю. Высокое черное небо усеяно мерцающими звездами, большими и маленькими, яркими и бледными. Луны не видать. Если долго смотреть на звезды, начинаешь замечать их дрожание. Как будто они чего-то опасаются, или им очень холодно. Кажется, что ощущаешь их жизнь в необозримом просторе неба. Я не раз видел звездное небо, и в лунные, и в безлунные ночи. Но, кажется, впервые я ощущаю величие

¹ Пакостник, человек делающий мерзости

ночного неба. Оно меня захватывает. Даже не чувствую ночную прохладу. Смотрю на небольшую мерцающую звезду. Кажется, она мне мигает. О чем это она, что она хочет сказать? И тут же она теряется из виду, когда я обращаю взор на падающую звезду. Свыкшись с темнотой, я замечаю ближайший склеп, он рядом. Вижу чернеющее пятно входа в него. Становится тревожно, чувствую, как мурашки ползут по спине. Склеп, могилы, вспоминаются всякие истории о привидениях, о мертвецах, которым нет покоя. Страх непонятного вливается в сердце, сжимает его, дрожь охватывает тело. Мне кажется, что откуда-то доносятся невнятные шорохи и вздохи. Бесшумно отступаю к входу в сарай и ложусь рядом с отцом, прижимаюсь к нему. В сарае тихо. Слышно дыхание и сопение рядом спящих людей. Кто-то поудобнее укладывается, кричит. Присутствие людей успокаивает и я засыпаю. Мне снится друг Самуила по школе — Коломыец. Его и Самуила в одно время призвали в армию. Их провожала рыжеволосая Надя, учительница младших классов, в которую оба были влюблены. Снится мне, что я прибегаю с улицы домой и застаю Коломыйца. Они с братом о чем-то ведут беседу. Увидев меня, Коломыец радостно восклицает: «Вот, и «А да?». Вопросы приготовил?» — и смеется. Коломыец надсмехался над моими местечковыми познаниями украинского языка. Я в то время учился в еврейской школе, и повседневным языком для меня был идиш. Всегда, как только Коломыец приходил в гости к брату, я приставал к нему с разными вопросами, требуя от него подтверждения правильности моих суждений. При этом, чтобы получить подтверждение, правильно ли я понимаю, я вместо того, чтобы спросить его: «так ли это?», или «правда?», я делал прямой перевод вопроса с идиш «А йо?» на украинский «А да?». «А да?» — повторял Коломыец и заливисто смеялся. При этом он всегда поправлял меня, учил, но безуспешно. Я не мог расстаться с выражением «А да?». Но на Коломыйца за его смех по этому поводу я не обижался, потому что он всегда серьезно отвечал на мои вопросы, старался, чтобы ответ был верным и понятным. Коломыец мне нравился своим прямотушием и веселостью, дружеским отношением и своим заразительным смехом.

С охватившим меня непередаваемым чувством чего-то светлого, доброго я проснулся. Отец поправлял на мне пиджачок, которым я укрывался. В двери сарая заглядывало серое утро. Уже можно идти в местечко. Вспомнился день расстрела жителей местечка, убитый старик в подвале и тут же тот гой с ножом за спиной, который нам встретился по дороге. Больше не было сил спокойно лежать, дожидаться рассвета. Нужно идти, и я поднялся с постели.

VIII

— Уже светает. Я пойду в местечко. Разузнаю, как там обстоят дела, и сразу же вернусь, — обратился я к отцу.

— Будь осторожен, и не задерживайся, — говорит отец и глубоко вздыхает.

Ни отец, ни я о маме, об Изе не обмолвились.

Раннее утро, травы обильно покрыты росой. Природа дремлет, ни ветерка, ни шороха. Окрестности напоены тревожной тишиной. Жители села еще отдыхают. Я иду вдоль колхозного двора по улице мощеной булыжником. Затем сворачиваю на проселочную, без покрытия, улицу, которая ведет к местечку. Сначала она устремляется вниз к заливному лугу, заросшему камышом. По берегу — ивы, склонившиеся над водой. За мостиком с деревянным настилом, под которым лениво протекает речка, дорога поднимается вверх. Она вся изборозжена колесами телег и рытвинами, промытыми стекающей дождевой и талой водой, в которых местами просматривается желтизна глины. По обеим сторонам проселочной дороги за оградами виднеются белые хаты со спящими оконцами под соломенными и шиферными крышами. Кругом буйная зелень трав, кустов и деревьев. Утренняя прохлада бодрит. Дорога пролегла мимо дома Ганны, в котором мы заночевали в день расстрела, мимо колодца, у которого встретились с Диной. Дальше сельская улица проходит мимо усадьбы Сони Зильберман и плавно переходит в улицу местечка, на которой находится наш дом. За прошедшие дни с момента, когда я выбрался из расстрельного подвала, может, не до конца сознавая это, я стал понимать глубину различия между надеждой и реальностью. Я всю дорогу бежал, торопился быстрее добраться к дому Йосл Горбань. Временами какая-то неведомая сила заставляла остановиться. Минута, вторая, и я снова бегу. Добежав до нашей улицы, я в который раз останавливаюсь. Улица выглядит пустынной, заброшенной, похожей на кладбище с осиротевшими домами-склепами, которые в гробовом молчании ожидают своих расстрелянных жильцов, тела которых покоятся в подвалах. Я на мгновение прикрываю глаза, и перед моим взором оживает знакомая с малых лет улица. Вот в этом доме жил кузнец Гершл Копман с семьей, а рядом в полуземлянке находилась его кузница. Какое захватывающее зрелище. Смотришь в открытую дверь полутемной землянки, где трудится кузнец. Он раздувает мехом огонь, выхватывает щипцами раскаленную железную полосу, бросает ее на наковальню. Кузнец играет молотом, поворачивая полосу в одну и другую сторону. Снова в огненное пекло, и снова на наковальню. И так много раз. Огненные искры сыплются в разные стороны. Еще немного, и вот у него в щипцах появляется аккуратная законченная лошадиная подкова, или другое изделие. Он бросает их в воду. Слышится шипение и кузница наполняется паром. Напротив нашего дома, рядом с домом тети Этл, на

свободной площадке бондари из клепок с помощью стальных обручей собирали бочки, а по соседству штальмейстер Гедалья на токарном станке точил деревянные втулки для колес, готовил спицы и элементы обода. Трудились сапожники и портные, скорняки и столяры. Женщины были заняты домашними заботами, слышны были голоса играющих детей. Улица была полна жизни. Где теперь эти люди, кому удалось избежать расстрела? Проходя мимо нашего дома, я обратил внимание, что наружная дверь открыта настежь. Странно, мне помнится, что когда ночью после расстрела мы уходили, я прикрыл двери. Кто приходил и зачем? Я не мог удержаться, чтобы не заглянуть, посмотреть, что делается внутри его. Из коридора я посмотрел в комнату. В полутьме можно было рассмотреть на полу все те же разбросанные книги, похожие на растерзанных птиц, фотографии и битое стекло. Книги для нас были священны, любовь к ним отец привил нам с малых лет. Сиротливо стоял посреди комнаты стол. Глядя на него, снова перед глазами оживают воспоминания из прежней жизни. За этим столом недавно, в свободные вечера и по праздникам собирались соседи, родные. Самовар горячо дышал, пили из блюдец душистый чай вприкуску. К чаю подавались домашние пряники. Было шумно, обменивались новостями, воспоминаниями, наболевшими вопросами, мечтали и надеялись на лучшую жизнь. Часто в такие вечера отец надевал очки, брал в руки сочинения на идиш Шолом-Алейхема или Менделе Мойхесфурим, и начинал читать. Становилось тихо, все внимательно слушали. То раздавался смех, то кто-то смахивал слезу или шмыгал носом. Рассказы о маленьких людях черты оседлости и их быте волновали. Они были близки и понятны обитателям местечка.

Это было давно, в той жизни. «Книги нужно будет собрать и спрятать, — решил я, — а сейчас нужно идти скорее». По дороге к дому Йосла Горбань я то ускорял шаг, то замедлял его, особенно, со времени входа в местечко. «Что меня ожидает? Что я узнаю?». Надежда, вера и страх, сомнения смешались в одно целое, неповоротное месиво. Я ощущал давление этого месива. Казалось, что тело сжимается, тяжелеют ноги, а голова распухает. Прикрыв наружные двери, я проулком между нашим домом и соседским, в котором проживала семья скорняка Дувида Шмойсмана, еле переставляя ноги, спустился на нижнюю улицу. За домом с высоким крыльцом, под железной кровлей заготовщика Йосл Гальперина находился дом Йосла Горбань, где, по словам реб Мотл, находились выжившие в подвалах. Дом наполовину влез в землю, придавленный соломенной крышей и большим дымоходом из сплетенных прутьев, обмазанных глиной. Маленькие окошки расположились невысоко над землей. Это придавало дому вид лилипута с нахлобученной на голову непомерно большой шляпой. Соблюдая осторожность,

осмотревшись вокруг, я пробрался к этому дому. Сердце усиленно билось, меня охватила слабость. Наружная дверь не была закрыта на запор. Спустившись по ступенькам, я очутился в комнате, где в полутьме я с трудом рассмотрел людей. Их было много. Стоял удушливый, спертый запах. Пахло гнилью, карболкой, йодом. Осмотревшись, свыкшись с полутемнотой, царившей в доме, я рассмотрел поближе бывших там людей. Они лежали на подстилках, уложенных на полу. Это были в основном женщины и дети. Сколько я не вглядывался, не мог рассмотреть кто они такие. Я растеряно стал осматриваться по сторонам, и в мечущейся по дому женщине узнал тетю Голду. Она все время бегала по дому с мокрыми тряпками. То она стирала их, то ставила компрессы, или накладывала перевязки раненым. Ей помогал отец Табл Горбань, Йосл. В какой-то момент мы с тетей Голдой встретились взглядами, она безучастно на меня посмотрела, и вдруг закричала: «Двойра, Гришеле пришел, он живой». «Жива, мама жива» — волнующая радость, когда с трудом веришь в сбывшуюся надежду, охватила всего меня. Стал смотреть по сторонам в поисках мамы.

— Мама прострелена во многих местах. Имеются раны на животе, ногах, руках. Но к счастью кости не задеты. Она потеряла много крови, очень обессилена, — торопливо проговорила тетя Голда, указывая мне рукой на соседнюю комнату. Осторожно обходя израненных людей, которые лежали на полу, я пробрался в указанную комнатку. При тусклом свете я увидел маму. Она лежала на кровати, рядом с ней лежала еще одна женщина. Не знаю, услышала ли она крик тети Голды, но когда я вошел, мне показалось, что она ждала меня. Мама еле повернула голову в мою сторону, посмотрела невидящим взглядом и отвернулась. Я не стал ее тревожить, и вернулся к тете Голде. В доме были и другие тяжело раненные: Рушкале тети Голды с раздробленной костью щиколотки ноги, Табл Горбань с раздробленной кистью руки и предплечья, и другие незнакомые мне женщины и дети. С разных углов дома слышались стоны и кряхтенье.

— Мама в забытии все время зовет Берла, Ты не знаешь где отец, он жив? — немного освободившись, одновременно рассказывала и спрашивала тетя Голда.

— Папа жив, он находится на кладбище. Прислал меня разузнать, кто из наших спася, что здесь делается, — ответил я.

— Моего Йосиф-Герша убили, — продолжала тетя Голда, не проронив при этом ни слезинки. Наверное, выплакала их все, а, может, забота о раненных, Рушкале и других не оставляли время подумать о себе. Йосиф-Герш ее муж, приходился братом моей маме.

— Откуда известно, что его убили? Кто видел? — спросил я.

— Никто не видел, но я знаю. Если бы он был жив, давно пришел бы.

— Его же не одного мобилизовали. Разве кто вернулся?

— Никто не вернулся, — ответила тетя Голда.

— Вот видишь, никто не вернулся. Закончат работу, и вернутся, — пытался я успокоить ее.

Уже четыре дня миновало с тех пор, как солдаты мобилизовали мужчин для выполнения каких-то работ. Это случилось часа за два до начала расстрела жителей местечка. Видели, что их увели в сторону села Цибулевка, и неизвестно, что с ними стало. Но согласиться с тетей Голдой, что дядю убили, я не мог. Правда, ничего хорошего нельзя было ожидать. Но вот же, мама спаслась. Почему бы не спастись дяде?

Позже выяснилось, что сначала мобилизованных на работу мужчин, среди которых был Йосиф-Герш, солдаты повели по дороге, ведущей в сторону села Цибулевка. Дойдя до школьного парка, солдаты свернули с дороги в том месте, где находился колодец с журавлем. Мужчин повели через парк, мимо школы, и дальше на подворье колхоза имени «Шляхом Ленина». Там их вместе с пленными красноармейцами расстреляли и скинули в кагат. Всего там было расстреляно 27 жителей местечка и 12 военнопленных.

— Изю вы не видели, не знаете, жив он?

— Жив, жив, он отправился в село выпросить немного еды. Сейчас, кто в силах ходит за подаванием. Спасибо сельчанам, не отказывают в куске хлеба, — ответила тетя Голда.

— Так я пойду, позову отца.

— Слава Богу, что Берл жив. Воскобойник отказался лечить, медикаменты не дает. Нужно, чтобы он срочно поискал врача. Лечить некому, и медикаментов нет. Сколько можно было собрали по домам йода, зеленки. Все израсходовали. Если срочно не начать лечение, не дай Бог, может начаться заражение.

— Солдаты еще появляются? — спросил я.

— Нет, не видать их. Спасшиеся от расстрела люди понемногу возвращаются в местечко, — спеша на зов Йосла, на ходу ответила тетя Голда.

Я не стал дальше задерживаться в местечке, и как обещал отцу, сразу же отправился на кладбище, и рассказал ему обо всем увиденном и услышанном.

— Врача, который бы согласился лечить раненых, раз наш местный отказался, придется искать в районе, — выслушав меня, после некоторого раздумья, сказал отец, и добавил, — ты иди в местечко, будь рядом с мамой, с Изей. Тете Голде скажешь, что я направился в Крыжополь. Может быть, там удастся найти врача. Надеюсь, что родные, знакомые, если, дай Бог, там не случилось такого, как у нас, помогут мне в этом. «Конечно, нужно идти, нужно искать врача, — думал я, — но отцу нездоровится, он всю ночь стонал. И дорога по тракту небезопасная, и что творится в Крыжополе неизвестно».

— Возьми меня с собой, — обратился я к отцу.

— Нет, делай то, что я просил. Будь возле мамы, помоги тете Голде.

Отцу повезло. К счастью, в Крыжополе не было массового расстрела евреев. Он отправился к Авруму Крамеру, маминому брату. Дома он застал Аврума одного. Сыновья ушли на войну, жена его, тетя Голда, вместе с невестками и внуками эвакуировалась.

— Я переговорю с соседом. Человек он добрый, но не побоится ли он помочь? Буду просить его. Может согласится, — выслушав отца, проговорил Аврум.

Соседом дяди Аврума был врач районной больницы Рачинский.

По просьбе дяди Аврума, доктор Рачинский, выслушав о состоянии раненых и об отсутствии какой-либо врачебной помощи на месте, согласился принять тяжелораненых на лечение в больницу. Несомненно, он понимал, что это связано с риском. Но он решился.

Дядя Аврум Крамер, будь благословенна его память, не дожил до освобождения от фашистов. До войны он работал лесничим. Осенью 42-го года немцы заподозрили его, как бывшего лесничего, в связях с партизанами. Он был арестован, и впоследствии расстрелян. Где его похоронили, никто не знает.

Получив согласие врача принять раненных в районную больницу, отец организовал перевозку их в район. Для этого воспользовались бесхозной телегой, которая, возможно, принадлежала одному из беженцев. Лошадь и упряжь согласился дать знакомый сельчанин. На следующий день тяжело раненных людей погрузили на телегу, и под покровом ночи благополучно перевезли в районную больницу. Для раненых, которые остались в местечке, доктор Рачинский выделил, сколько было в его силах, необходимых медикаментов и перевязочных материалов.

— Неужели в селе не было своего врача? — может удивиться и задать вопрос, читающий эти строки. Как может быть такое? Большое село — и без врача.

— Был, конечно, был врач в селе. Была и амбулатория, и было чем лечить. Но доктор Воскобойников, видимо, считал, что нечего тратить время и медикаменты на жидов. Не сегодня, так завтра их убьют. Единственное, в чем проявилась «гуманность» этого врача, так это засыпать расстрелянных в подвалах хлорной известью и полить карболкой во избежание эпидемии среди сельчан. Чтобы больше не вспоминать этого «гуманного» доктора, нужно заметить, что и позже, когда жители местечка оказались в гетто, он также отказывал им в медицинской помощи. Кто мог себе представить, что эти сельские интеллигенты, доктор и его супруга, тоже врач, которые до войны были в самых дружественных отношениях с жителями местечка, так себя поведут? В их руках была вся медицина села и медикаменты, имевшиеся в аптеке, которой заведовал Марейнис. Чего у них не было, так это простой

человечности. Даже данная ими клятва Гиппократы для них ничего не значила.

Все время, пока мама и Рушкале находились в Крыжополе, я с братом, груженные рюкзаком с харчами и необходимыми для раненных вещами, бегали десять километров в одну сторону, и десять в другую. Из района мы приносили медикаменты, перевязочный материал, которые врач Рачинский выделял для раненных жителей местечка. Два километра дороги лесом были более или менее безопасны. Намного опаснее было преодолевать открытые участки пути, до и после леса. Мы старались держаться поближе к огородам, лесозащитной полосе, где при необходимости можно было найти укрытие.

После ухода из села солдат стали возвращаться жители местечка, выжившие во время расстрела. Стекольщик Мойше Маламуд, бывший староста погребального братства местечка, собрал выживших мужчин и подростков, и вместе с ними занялся погребением жертв расстрела, которые все это время продолжали лежать в подвалах. Для их захоронения была расчищена яма, служившая ранее хранилищем для льда бывшей сельской кооперации. Яма была расположена на небольшом расстоянии от пустыря, где росли три старые липы, источавшие опьяняющие запахи во время цветения, и недалеко от одного из расстрельных подвалов, который находился под домом портного Дувида Гершковича. Под воздействием летней жары, разъедающей тела убитых, едкой извести, которой они были засыпаны, разбухшие тела расстрелянных, покрытые червями и облепленные мухами стали разлагаться и издавали невыносимый смрад. Земляной пол подвала был пропитан человеческой кровью. Наваленные кучей тела представляли собой единое месиво. Пожилые люди, которые не раз встречались со смертью и в дни погромов, и во время гражданской войны с ее бандитскими налетами, не все могли выдержать увиденное. Впережку лежали женщины, дети, старики. Скудный свет с улицы освещал ближайшие трупы. При попытке поднять тело, отделить его от других, чтобы уложить на носилки, тело распадалось. Приходилось разложившиеся трупы переносить до места погребения отдельными частями. Жутко было видеть, когда на носилках рядом с головой старика, неизвестно чьим телом, ногой в кирзовом сапоге, лежала детская ручонка. Перенести за один раз к могиле человеческие останки из-за смрада было невозможно. Приходилось делать остановку на полпути, чтобы перевести дыхание, отойти на несколько минут в сторону от носилок с останками. Глядя на яму от бывшего хранилища льда, которая наполнялась останками жертв из расстрельных подвалов, на останки на носилках, можно было потерять рассудок. Казалось, что мир обезумел. Что все вокруг: дома, деревья, земля вызывают к небесам, исторгают безмолвный крик, ужасаясь увиденному горю. Казалось, что даже камни на пустыре

источают горькие кровавые слезы. С трудом можно было узнать отдельные жертвы по не совсем обезображенному лицу, или по остаткам одежды, не до конца разъеденной едкой известью. Как не старался стекольщик Мойше найти среди трупов свою жену, ему это так и не удалось. Яма бывшего хранилища льда размером три с половиной на шесть с половиной метров и глубиной четыре метра была до краев заполнена останками жертв, расстрелянных в двух подвалах, жителей местечка: стариков, женщин и детей. Перенос тел к месту захоронения продолжался в течение трех недель. И еще две недели ушли на засыпку могилы землей, которую доставали, скапывая откос, прилегающий к тракту. По завершении работ прикатали к могиле камень, долженствующий служить временным надгробием. После чего старый Янкель, бывший колхозный винодел, при миньяне из пожилых людей и подростков, прочитал кадиш¹ по расстрелянным фашистами безвинным жителям местечка.

IX

После временного безвластия в селе появился комендант, назначенный немецким руководством района. Это был парень девятнадцати лет. Выглядел он совсем юнцом, худощавый, с невыразительными чертами лица, невысокого роста. Комендантом была создана сельская полиция, набранная из местных сельчан, бывших уголовников и дезертиров. Также был назначен староста села.

Спасшиеся от расстрела жители местечка стали возвращаться в свои дома. Мама после перенесенных ранений была не совсем здорова. Родители решили, что возвращаться в наш большой опустошенный дом при создавшемся положении не имеет смысла. И наша семья поселилась в небольшом доме дяди Велвла на нижней улице вместе с его оставшейся одинокой вдовой Марьясей.

Сам дядя Велвл, красивый статный пожилой мужчина, с окладистой бородой и большими черными глазами на смуглом лице, широкоплечий, еще довольно крепкий для своих лет, был застрелен недалеко от своего дома. Его мертвое тело обнаружил Изя. Из дома Лейба Пипмана он вместе с нами: мной, мамой и тетей Этл шел к подвалу. На подходе к нему он увидел, как солдаты загоняют в его открытые двери людей, и это сильно его напугало. Он вырвался из рук мамы и убежал в сторону пекарни. Из его воспоминаний: «... Возле дома Добы Талисмахер я остановился, чтобы отдышаться. Одиночество усиливало страх. Я понимал, что мама, Гриша, тетя Этл в погребке. Но что там происходит, сообразить не смог. Вернуться к ним было еще

1 Молитва по умершим (иврит)

страшнее. Я решил пробраться к дяде Велвлу, старшему брату папы. Он жил в маленьком доме на нижней улице, и я хотел ему все рассказать. Но я опоздал. При подходе к его дому, напротив него, на пригорке я увидел дядю. Он лежал на спине, распростертый во весь свой богатырский рост. Дядя был мертв. Крови я не видел. Повидимому, стреляли в спину. Это был первый убитый, которого я увидел в этот день. Лицо дяди выглядело спокойным, как будто он прилег отдохнуть. Кажется, я даже не испугался, а только еще больше ощутил свое одиночество. Я решил бежать домой. Была надежда, что жив отец. Пробегая мимо дома Бенчика Шмойсмана, я увидел знакомых женщин, которые хлопотали возле походной кухни. Я намерился к ним подойти, рассказать, что происходит и услышать совет, что делать. Но одна из них начала поспешно подавать знаки, чтобы я поскорее убрался отсюда. Я быстро спустился вниз к еврейской школе и крадучись по огородам, стал пробираться к нашему дому. Когда я проходил около дома кузнеца Ици Вейбермана, там приоткрылась дверь и Бобале Куперман поманила меня пальцем к себе. В чулане за печкой сидел ее сын Мойшеле и их соседка Момце-ди-Шварце. Бобеле мне сделала знак, чтобы я разговаривал тихо. Когда я ей рассказал о том, что видел, она сказала, что все, кто попал в погреб, погибли. Я не мог себе это представить. Она прошептала, что нужно сидеть тихо. Если нас до темноты не найдут, то мы огородами уйдем в поле. А там видно будет, что дальше делать... в это время донесся шум с соседнего двора...».

По соседству с домом кузнеца Ици Купермана года за два до войны поселился дядя Ваня, старовер, с женой. Борода дяди Вани и соседство с евреями чуть его не погубило. Солдаты, проходившие мимо, приняли дядю Ваню за еврея. Они стали выталкивать его со двора. На шум, из дому выбежала жена.

— Мы православные, мы православные, — напуганные до смерти стали молить и кричать дядя Ваня и его жена. Они били себя в грудь, зывали к Богу, что никакие они не евреи, а православные.

— Я православный, вот мой нательный крест, — кричал дядя Ваня, наспех расстегивая рубаху.

Однако, солдаты не обращали внимания на крики старика и старухи. Они прикладами ружей подталкивали их к калитке, на выход со двора. Старик упал на колени и стал креститься. Старуха подняла руки к небу, призывая его в свидетели. Потом начала неистово креститься. Но солдаты были непреклонны. Они ударами приклада заставили старика подняться, и один из них направил на него ружье.

— Ваня, скинь штаны, покажи им, — надрывным голосом закричала жена. Неизвестно, как обычно он слушался своей жены, но на этот раз повеление ее было исполнено молниеносно. Солдаты от крика старухи и действий дяди Вани на минуту

опешили. Потом они стали хохотать. Доказательство было до того веским и бесспорным, что у солдат напрочь исчезли всякие сомнения в отношении православия дяди Вани. Насмеявшись вволю, солдат толкнул дядю Ваню в плечо, указывая на дом. Мол, все в порядке, поняли, что ты истинно православный, не еврей, можешь идти домой. Еще долго были слышны попеременно говор и смех уходящих со двора солдат.

Похоже, Изя прав, что стреляли дяде Велвлу в спину. Тетя Марьяся рассказывала, что когда дядя Велвл заметил подходящих к дому солдат, он посоветовал ей спрятаться в сених и сидеть тихо. Когда в дом зашли солдаты, поднялся шум. Дядя с ними о чем-то спорил, потом солдаты его увели, и стало тихо. Стол, сдвинутый в сторону, опрокинутый стул, как после побоища, увидела тетя, зайдя в комнату. Выглянув в окно, она увидела лежащего на пригорке дядю Велвла. Рядом с ним стояли два солдата и о чем-то переговаривались. Один из них пытался винтовкой не то сдвинуть тело, не то его перевернуть. После нескольких неудачных попыток рядом стоящий солдат что-то ему сказал, указывая рукой в сторону тракта, и они, оставив дядю, присоединились к группе солдат, которые шли в ту сторону. Тетя Марьяся, хотя стрельбы не слыхала, поняла, что дядю Велвла убили. Перепуганная до безумия она совсем растерялась. Не зная, что ей теперь делать, она снова вернулась в сени. Забившись в угол, она стала ожидать, чего именно, сама не зная. Уже на дворе темнело, когда она услышала топот и говор людей в доме. Она не стала дожидаться их прихода. Тетя Марьяся выбралась из сеней на улицу и увидела людей, бегущих с пригорка, где лежало тело дяди Велвла, в сторону нижней улицы. Не теряя времени, она через проулок убежала в сторону еврейской школы и спряталась в зарослях кукурузы. Когда наступила тишина, поздно вечером она вернулась домой. Она прилегла на скрипучую софу, единственную мебель, оставшуюся после разграбления дома. Следующий день она снова провела в сених, питаясь одними сохранившимися сухарями.

X

К ночи убийцы ушли отдыхать, на улицах местечка стихли возбужденные голоса и шум, которые сопровождали бойкое разграбление еврейских домов их православными соседями и знакомыми. В это время к подвалу в доме Дувида Гершковича, где проводился расстрел жителей местечка, направился Мойшеле Кармелюк. Там находились его мама и двухлетний братик.

—«Идн гейт аройс» — позвал Мойшеле, когда приблизившись к входу в подвал, уловил доносящиеся неясные стоны. Еще до его прихода в подвале начались осторожные, незаметные движения выживших людей после расстрела. Те, кого пули не заделали и легко

раненные стали помогать людям, которые подавали признаки жизни. Они начали выводить их из подвалов. Мойшеле оказывал посильную помощь. Он стоял у входа и помогал выходящим.

— Вы не видели мою маму? — спрашивал он всех, кто появлялся из подвала, помогая им выбраться на улицу. Он все надеялся найти живыми мать и братика. В ответ одни отвечали: «нет», другие проходили молча. Услышав от раненной женщины, которую последней выводили из подвала, ответ на свой вопрос о матери: «нет», он стал спускаться в подвал.

— Мойшеле, — крикнула она, — не ходи туда, там одни мертвые.

В подвале под домом сельпо происходило то же, что и в подвале под домом Дувида Гершковича. Выживших после расстрела людей выводили из подвала. Из того самого подвала, из которого мне удалось убежать до начала расстрела. Мама и тетя Этл оставались там. В выводе выживших людей принимал участие старик Йосл Горбань. По его совету раненых и покалеченных отвели в его дом, на нижнюю улицу. В подвалах, заваленных телами расстрелянных жителей местечка, под сенью ночи после ухода выживших наступила тишина. Там покоились в безмолвии жертвы нацистов — старики, женщины, дети, единственная вина которых была в том, что родились евреями.

Как об этом я уже вспоминал раньше, мама с тетей Этл, после моего побега из подвала под домом сельпо, куда нас загнали, оставались там. Вечером, после расстрела, когда из подвала выводили раненных, мама находилась в беспамятстве, не подавала явных признаков жизни. В темноте, в спешке люди не обратили внимания, что она жива. Спустя какое-то время после того, как были уведены выжившие, мама очнулась от беспамятства.

Это случилось на исходе ночи, примерно за два часа до того, как мы с отцом спустились по лестнице с сеновала на чердаке сарая в доме Ганны. Еще задолго до встречи со славным печником Полоном, который в изысканных выражениях посоветовал нам поскорее убраться со двора, и мы, следуя его совету, сделали первые шаги в направлении соседнего села. Спустя много лет, вспоминая события тех дней, трудно и больно объяснить себе, как мы могли убежать из местечка, не выяснив судьбу мамы и Изи. Можно по этому поводу много размышлять, искать оправдания. Можно ссылаться на провидение, на то, что пути Господни неисповедимы, и еще на массу придуманных людьми объективных оправданий. Но это не приносит успокоения. Только углубляет боль. Мама лежала обессиленная, с закрытыми глазами. Было тихо. Временами ей чудилось, что откуда-то доносится шуршание. «Наверное, мыши, — мелькнула мысль, — нужно Берлу сказать. Не буду его будить, утром скажу. «Ребецн»¹ совсем

¹ Жена раввина. В данном контексте имеется в виду нарицательное прозвище кошки, которая раздобрев, перестала ловить мышей.

разленилась. Нужно взять котенка». Чувствовалась слабость. Кружилась голова. Мысли с натугой то появлялись, то исчезали. Охваченная беспокойством, мама с трудом приоткрыла глаза. Кругом стояла крошечная тьма. Только откуда-то, со стороны просачивался слабый свет, который не в силах был разогнать тьму. «Где я, что со мной?» — она пыталась приподняться, оглядеться. Ее пронизала острая боль, охватившая все тело. Болели руки, ноги, одежда липла к телу. Она опустилась на пол и прикрыла глаза. Всплыли отрывочные картины с момента спуска в подвал. Внизу по всей ширине лестницы она увидела распластанные тела стариков. «Ясно, на какую свадьбу мы попали» — подумала мама. Она не растерялась, не кричала. Только в который раз она задалась вопросом: «Знает ли об этом Берл?». Куда делись дети, она не знала. Она понимала, что судьбы не избежать, и возможно даже рада была, что их нет рядом. Может им удастся спрятаться, выжить. Они с сестрой присели на нижние ступени. Сестры обнялись, поцеловались, попрощались, всплакнули каждая о своем. Мимо них толпа непрерывной рекой текла в подвал. Под ее напором мама с тетей потеряли друг друга. Когда подвал был наполнен людьми, ненадолго были закрыты двери и наступила полная темнота. Отовсюду слышались плач, крики, стоны. Когда двери подвала раскрылись, туда что-то бросили. Раздался сильный грохот, и вслед за ним сразу же застрочил пулемет. Стрельба смешалась с воплями и криками толпы, плачем женщин и детей. Мама повалилась навзничь и потеряла сознание. Случилось это до того, как ее ранило, или после ранения она не помнила.

Мама повела руками, которые ужасно болели, в одну сторону, в другую. Руки натыкались на людей. «Все мертвые» — поняла она. Ни о чем думать не хотелось. Вот так бы и лежать уже, чтобы никто не тревожил. Но беспокойство о Берле и детях, может они спаслись, звало ее к жизни. Но подняться она не могла, не могла двинуть правой ногой. Вот только бы ее освободить. Она, видимо, чем-то придавлена. Мама изо всех сил старалась вытянуть ногу. Не получалось. Она приподнялась, хотела столкнуть груз, но не хватало сил, и она обессилено опустилась на прежнее место. Кричать, звать на помощь не будешь. Видимо, такова судьба, и она прикрыла глаза. Вдруг мама почувствовала, что якобы нога освободилась от навалившегося груза. Не успела она этому удивиться, как почувствовала, что кто-то пытается ее поднять. «Это явь или мне снится?» — подумала она. Еле держась на ногах с помощью неизвестного, ступая по мертвым телам, она продвигалась к выходу из подвала. Неизвестный помог ей преодолеть ступени, и она очутилась на улице. Все происходило при полном молчании, ни одного слова не проронил спаситель. Ей бы удивляться, посмотреть на своего спасителя. Но не хватало сил. От нахлынувшего свежего воздуха закружилась голова, она чуть не упала. Неизвестный так же молча поддержал ее, отвел на

несколько шагов от входа в подвал. Постоял какое-то время рядом и отпустил ее. Мама готова поклясться, что это был румынский солдат. Она его рассмотрела, когда он оставил ее, а сам отправился в сторону подвала.

История своего чудесного, загадочного спасения, которую поведала мама, заставила меня призадуматься. В том, что мама в незнакомом спасителе рассмотрела солдата, я ничуть не сомневался. В каком бы тяжелом состоянии она не находилась, не могла она ошибиться — будь этот человек в гражданской одежде, она не приняла бы его за солдата. Кроме того, его безмолвие. Человек обычно молчит, если он немой или, когда мысли его витают далеко. Но немой не может быть солдатом, значит, солдат чем-то был озабочен. Будь этот человек сельчанином или жителем местечка, разве мог бы он, помогая маме выбраться из подвала, не проронить ни единого слова, разве не помог бы он ей дойти до дому? Уверенный в том, что это был солдат, я представляю себе события, которые произошли в день расстрела жителей местечка, участником и свидетелем которого был этот солдат. Что же могло подвигнуть его, убийцу, к спасению выживших жертв расстрела?

Отчего солдату-убийце не спится? Что привело его в ночное время к подвалу, в котором днем расстреливал невинных жителей местечка: стариков, женщин и детей? Может, командир отправил его сторожить жертв расстрела, чтобы они не восстали из мертвых? Может, потерял он что-то ценное и вернулся, чтобы найти? Причина была в другом, она таилась в кошмарном сне, который поднял его среди ночи. Это сон привел его сюда. Солдат стоит возле входа в подвал под сумрачным ночным небом, дрожь пробегает по его телу, кошмарные видения мелькают перед его глазами: над ним высокое синее небо и катящееся по нему горячее солнце. Он стоит на берегу стремительной реки, стесненной обрывистыми берегами. По берегу раскинулись плантации кукурузы до самого горизонта. Птицы зигзагами прочерчивают небо, отзываясь разными голосами. Вдруг он замечает лежащие на земле распластанные тела людей: старая женщина и старик лежат рядом, прикасаясь плечами. Он приближается и узнает в женщине с морщинами и изможденными годами и работой лицом свою старую мать, а в старике с непокрытой седой головой своего отца. Они мертвы, груди их проткнуты плоскими штыками, раскачивающимися на ветру. Он опускается на колени, хочет обнять стариков, прижаться к ним. Но какая-то невидимая сила уносит их в сторону сада, наполненного спелыми сочными плодами. Он поднимается с колен и бежит за ними. Небо заволакивают черные тучи, темнеет. За садом расположен виноградник. Он бежит, цепляется за виноградные лозы, которые под тяжестью спелых гроздей винограда пригибаются к земле. У него силы на исходе. Становится совсем темно. Но он все пытается их догнать. Он бежит, спотыкается, и упирается на

своем пути в строение. Он узнает этот погреб. Это их семейный винный погреб. Оттуда доносятся надрывные крики его жены, детей и звуки стрельбы. Быстрее, быстрее в погреб. Под слабым светом, льющемся с потолка, он видит мертвые тела жены и детей. Они плавают в крови смешанной с вином, которое выливается из расстрелянных бочек. Его сковывает ужас. Он понимает, что опоздал, что он не в силах ничего изменить. Солдат, охваченный страхом, покрытый холодным потом, просыпается. Придя в себя, он тихо, чтобы не разбудить других солдат, утомленных убийством жителей местечка, одевается и бежит, не зная зачем, к подвалам, где покоятся жертвы расстрела. Его тянет к своим жертвам. Он хочет замолить, искупить свою вину. И он спасает женщину. Может быть, не только ее.

Одежда на маме от сочившейся из ран крови намокла. Усиливалась боль от ранений. «Домой, нужно добираться к дому» — решила мама. Собрав последние силы, она с трудом стала продвигаться. Она еле держится на ногах. Ее бросает из стороны в сторону. «Была бы палка, — думает она, — можно было бы опереться». С трудом добралась она до дома Ханы Халупы. Пытается идти, опираясь на стену дома, но силы ее на исходе, и она обессиленная, теряя сознание, опускается на землю.

В это время Йосл Горбань, озабоченный ранеными, находился в поисках йода, зеленки, ваты, марли для перевязок.

— Голда, я загляну в дом Суры Талисмахер. У нее всегда можно было достать немного зеленки, ваты. Может гои не заметили, или им они ни к чему, — отправившись на поиски, проговорил Йосл.

Когда он проходил мимо дома Ханы Халуп, он увидел маму, лежащую под стеной дома. Убедившись, что мама жива, он попытался поднять ее, но у него не хватило сил. Тогда, не теряя время, он вернулся домой за подмогой.

— Голда, там, возле дома Ханы Халуп лежит ваша Двойра, она тяжело ранена. Идемте со мной, я сам не могу ее поднять.

Вдвоем они помогли маме дойти до дома Йосла. Тетя Голда сняла мокрую от крови одежду. Выстирала платье, а нижнюю рубашку использовала на бинты. Маме, по возможности, смазали зеленкой раны, и перебинтовали их.

Две ночи Изя со своими спасителями прятался в поле, питаясь початками кукурузы. Из его воспоминаний: «Ты похож на сельского мальчишку, сходи в село. Может, что-нибудь узнаешь. Только смотри, не заблудись, — говорит мне утром Момця. Меня уговаривать не нужно было. Где-то таилась надежда, что кому-нибудь из нашей семьи удалось выжить. Вот, побегу в село и узнаю. Когда я стал огородами приближаться к домам сельчан, собаки, почуяв чужого, начинали с лаем носиться по двору. Меня это пугало, я их опасался. Переходя с опаской от одного двора к другому, один из них показался мне знакомым. К тому же там

не слышно было лая собак. Подойдя ближе, в сельчанке, которая возилась во дворе, я узнал нашу знакомую. Ее звали Феодосия, с детства она была лишена слуха. Когда я подошел к ней, она, почувствовав присутствие постороннего, оглянулась. В ее глазах мелькнул испуг, а затем она заплакала. Она меня узнала, она была дружна с родными. Не спрашивая, откуда я явился, она усадила меня на скамейку, принесла кружку молока и пресную лепешку. Вкус и запах лепешки запомнились мне на всю жизнь. От нее я узнал, что в местечке спокойно. Говорят, что в доме Йосла Горбаня находятся спасшиеся жители. Но конкретно кто именно, в том числе и о моих родных ей ничего не известно. Когда я уходил, она дала мне еще одну лепешку и половину буханки хлеба. Известие о том, что в местечке не стреляют и что имеются выжившие люди, обрадовало моих спасителей. Я готов был сейчас же бежать в местечко, но мне не разрешили. Только под вечер, со всякими оговорками, они отпустили меня... Когда я зашел в дом Йосла Горбаня, меня увидела тетя Голда и громко запричитала. Она сказала, что мама жива, но тяжело ранена, об остальных наших ей ничего не известно. Тетя Голда провела меня в маленькую комнату, где на кровати лежала мама. На ней, кроме рваной рубахи ничего не было. На той же кровати лежала раненная Сура Басис. Мама на меня внимания не обратила. Раны уже сильно гноились, стоял терпкий запах, вокруг жужжали мухи. Я не мог оторвать свой взгляд от мамы, я больше ничего не видел, и был абсолютно беспомощен. Когда стемнело, я вернулся к своим спасителям. Рассказал им обо всем, что мне удалось узнать и вернулся к маме. В доме слышались стоны искалеченных людей. Мама бредила. Звала Гришу, меня, тетю Этл. Я не отходил от нее, менял компрессы, отгонял надоедливых мух... По совету тети Голды я заглянул в наш дом и в дом дяди Велвла в поисках перевязочного материала. В другой раз я отправлялся в село к знакомым за продуктами».

XI

Милое сердцу местечко, в котором мы родились и провели детство, к которому мы привыкли с малых лет и любили, несмотря на его неказистость: вдоль улиц, пыльных летом и с непролазной грязью осенью и весной, расположились в основном старые дома под соломенными крышами и редкие дома, покрытые кровельным железом. Местами дома жмутся один к другому, как будто ищут взаимной опоры. Зелень особенно не балует местечко. Возле нескольких домов небольшие садики, в которых в основном растут фруктовые деревья: яблоня, слива, вишня. Радовала глаз одиноко растущая старая развесистая дикая груша на нижней улице возле дома стекольника Ушера, напротив дома Йосла

заготовщика. Детям нравились ее кислые терпкие плоды, и они с удовольствием лакомились ими. Примечательностью местечка были несколько старых лип, растущих за домом старого Янкеля, бывшего колхозного винодела. В пору цветения в тихие летние вечера, когда обитатели местечка после душного летнего дня выходили на улицу насладиться вечерней прохладой, к вечерним запахам от нагретых за день жарким солнцем земли, трав, стен и крыш домов, примешивался дурманящий запах липового цвета. Местечко располагалось вдоль мощенного булыжником тракта. На уровне нижней улицы местечка с восточной стороны тракт раздваивается. Одна дорога уходила в сторону Соколовки, к сахарному заводу, другая дорога — в сторону Бершади. Со всех сторон местечко окружало село, среди зелени которого виднелись побеленные хаты, крытые соломой, шифером и черепицей. Местечко и село дополняли друг друга. Местечко обеспечивало село необходимыми хозяйственными услугами, село обеспечивало местечко продуктами питания. Населяли местечко в основном ремесленники: портные и сапожники, скорняки и столяра, стекольщики и кузнецы, канатчики и модистки, бондари и парикмахеры, виноделы, шорники, всех не перечислить. Многие трудились в колхозе. В будни обитатели местечка трудились, в поте лица добывая хлеб насущный, не унывали, надеясь на лучшую долю для своих детей. Хозяйки посещали базар, занимались домашним хозяйством, воспитывали детей. Дети ходили школу, весело проводили время в играх, бывали в кино. Летними вечерами молодежь выходила на улицу прогуливаться. Было весело, слышался смех, звучали песни о любви, о счастливой жизни. В субботу и в праздники местечко прихорашивалось. Жители отдыхали, отдавая дань своему единому Богу, посещали синагогу. Проводили время в общении с родными и друзьями. Местечко жило полноценной жизнью.

Теперь местечко опустело. Сиротливо стоят опустошенные дома, не видать людей, ничего живого. Местечко истекло кровью, потеряло жизненные силы. Большинство жителей, вина которых в том, что они родились евреями, убиты, и покоятся в братских могилах. Даже на нижней улице, где собираются чудом уцелевшие от расстрела, пустынно. Редко можно увидеть на улице человека, все вокруг кажется призрачным, нереальным, размыта грань между жизнью и смертью. Что людей ожидает сегодня, на что им надеяться?

Проходили года, но память не давала покоя, неоднократно возвращала меня к дням расстрела жителей местечка. Я видел убитых, безвинных жертв. Я сам был дичью, на которую охотились убийцы. Каким сердцем, каким разумом можно объять, понять смерть безвинных, беспомощных людей, стариков, женщин, детей, которых убили только за то, что они родились евреями? Разве можно найти этому разумное человеческое объяснение?

Вместе с тем неведомая сила, то ли провидение, то ли чудо, то ли случай, помогли избежать полного уничтожения жителей местечка. Помогли избежать судьбы, которая постигла жителей многих местечек в бывшей черте оседлости в западных областях, где местное население активно помогало убийцам, и само ринимало участие в издевательствах над евреями и их убийстве.

Одним жителям нашего местечка удалось своевременно убежать от убийц, спрятаться, другим — израненным, искалеченным удалось выбраться из расстрельных подвалов наперекор смерти. Избежала смерти наша семья, семья парикмахера Шики Гершберг, семья бондаря Цоля Пташнера и другие. Избежали смерти отдельные члены других семей, в том числе старики, женщины, дети. Они превратились в одиноких стариков и старух, во вдов и вдовцов, в сирот.

Ребенок, на которого я наткнулся в подвале, когда искал укрытие, много лет спустя после тех событий, отозвался. Таня Дралюк, проживающая в Израиле, поселок Шоам, прочла мои воспоминания о расстреле жителей местечка Жабокрич, которые мой друг детства Эмануил Гарбер поместил в своей книге «Этот хрупкий мир». Она прислала мне письмо: «Сегодня услышала по телефону из Германии от Исаака Шмудевича, что в Виннице проживает его брат, Григорий. 62 года тому назад, в самые страшные дни зверской расправы с нашим народом, мы с Вами, Гриша, будучи детьми (Вам было 10, а мне 4) оказались рядом. Я сидела в бочке, а Вы пытались в ней спрятаться... Несмотря на то, что из-за меня Вам пришлось искать другой выход из невыносимого положения, нас обоих Всевышний помиловал и подарил Жизнь. Так как вышедших из того кровопролития были единицы, то все мы бережно храним и ценим то, что нам досталось в наследство: святую память о всех, кто ушли, будучи Героями, не сражаясь...». Из 12 человек ее родных девять были расстреляны. Спаслись только трое. Девочка пятнадцати лет, которой удалось выбраться из под груды трупов. Мальчик двенадцати лет, раненный в бедро, и сама четырехлетняя Таня.

В стихотворении о своем спасении Таня Дралюк, пишет:

«... в бочке узкая щелка была и в нее я со страхом глядела,

Мало в жизни еще поняла, а увидела черное дело.

И стало тихо вдруг. Я вылезла из бочки.

Меж трупов к маме поползла. Одеда дырявый платочек,

И тихо плакать начала...

Худой безрукий Украинец в тот жуткий погреб заглянул:

Услышал: плачет там младенец. Меня от Мамы оттянул.

Она холодная лежала. Изранено лицо, глядит куда-то вверх.

Она, как я не понимала, как я оторвана от всех.

Кто знает, как могла судьба моя сложиться?!

Оставил меня этот человек и обещал за мною возвратиться.

Он женщину с тремя детьми просил меня пригреть...».

Родные Тани эвакуировались из Крыжополя, и как многие другие беженцы из западных районов застряли в Жабокриче. Еще об одном ребенке, мальчике из Крыжополя, которому удалось выжить в день расстрела, вспоминает Изя: «После долгих поисков в нашем большом опустошенном, разграбленном доме ничего пригодного для перевязок я не нашел. Возвращаясь в дом Йосла Горбань, я услышал детский плач. Он доносился из дома Куперманов, мимо которого я проходил. Когда я зашел в дом, то увидел в углу мальчика лет пяти. Нога у него была прострелена, вся в крови. Как он раненный сюда добрался, сам или с чьей-то помощью я так и не узнал. Мальчик понимал идиш. Я его успокоил, взял на руки и принес его к Йослу. Через некоторое время этого малыша забрали родственники из Крыжополя».

Спасение от расстрела ребенка, женщины, старика воспринималось как чудо.

Чем же обусловлено счастливое, чудесное спасение части жителей местечка от расстрела, что благоприятствовало этому? Вот они, на мой взгляд, два основных момента:

— Первый из них, что сопровождал этому чуду, была усталость и пресыщенность убийц. Солдаты айнцакоманды, которые прибыли в село, по пути от западной границы до нашего местечка беспрестанно занимались убийством евреев. Руки у них были по локоть в крови. Убийство людей для них стало обычной рутинной работой. Даже самое увлекательное занятие не в меру, как известно, надоедает. При этом не всем солдатам эта работа была по душе. Упоенные реками пролитой еврейской крови, потерявшие человеческий облик, солдаты, которые занимались длительное время рутинной кровавой работой, устали от нее. В отличие от солдат СС и некоторых наших земляков-националистов, пропитанных духом расизма и нацизма, они не стали особо рьяно гоняться за жителями местечка, их выискивать, добивать раненых. Во время расстрела жителей местечка этих убийц ничего не интересовало. Ни имущество, ни драгоценности. Они тупо выполняли, надоевшую им кровавую работу. Боже, как бесчеловечна, бездушна, страшна и опасна простота и обыденность этой трагедии для любого народа, не только для евреев. А также для исполнителей этого злодейства.

«Опасен тигр, сломавший двери.

Опасно встретиться со львом,

Но человек любого зверя

Страшней в безумии своем»

Шиллер.

— Второй момент, что сопровождал выживанию части жителей местечка, обусловлен лояльным отношением сельчан к ним в дни расстрела. Они не оказывали содействие убийцам, не выдавали прятавшихся евреев. Наоборот, большинство, по возможности, оказывали евреям посильную помощь для их

спасения. Примеров таких немало. Известно спасение семьи Гершберг соседкой сельчанкой, семью Масляк Фейги приютил сельчанин Иван Рак. Мария Працько, сельчанка, наткнувшись в своем яру на беременную Марушку Кравчик с детьми, которые там прятались, взяла их в свой дом и оказывала ей и детям необходимую помощь. Несомненно, что были и многие другие случаи оказания сельчанами помощи в спасении евреев в дни расстрела жителей местечка.

Что касается имевшихся в селе трусливых маргиналов — антисемитов (этих самых доброхотов), таких, как Вербицкий, Губернатор и ряд других, то к счастью их было немного. Не будь этих ублюдков, возможно, еще многие евреи могли бы спастись от смерти.

Нет никаких сомнений, что акция по уничтожению жителей местечка была заранее спланирована и продумана до мелочей убийцами с непосредственным участием местных антисемитов. Об этом имеются следующие свидетельства:

1. Распространение в селе заведомо ложных слухов о корректировке евреями огня артиллерии Красной армии с колокольни церкви, о наличии в местечке шпионов.

2. Жители села были извещены о предстоящей акции. С утра село замерло. Не видно было на улицах не только сельчан, но и живности, даже собак. Знали сельчане, с чем это связано и что последует? Трудно на это ответить. Однако, исходя из косвенных данных, можно утверждать, что если не все, то многие знали, или догадывались. Из воспоминаний Цили Гершберг, проживающей в Израиле: «незадолго до того, как солдаты стали выгонять жителей местечка из домов для отправки их на расстрел, к ним в дом прибежала соседка и предупредила их, что фашисты что-то затевают в отношении жителей местечка. Благодаря этой славной, мужественной женщине их семья выжила, избежала расстрела. Три дня они прятались в подвале этой сельчанки».

3. После расстрела жителей местечка дома их были отданы на разграбление. Активное и массовое участие сельчан в разграблении местечка говорит о готовности их к этой акции в назначенный час.

4. После разграбления местечка село снова затаилось.

5. Для расстрела жителей местечка были определены и подготовлены заранее самые большие подвалы, которые имелись в черте местечка, и кагаты на территории колхоза «Шляхом Ленина» для расстрела мужчин и военнопленных.

6. Во время расстрела жителей местечка в подвалах антисемиты (доброхоты) оказались рядом с немецким офицером, который руководил расстрельной командой.

К концу августа месяца нижнюю улицу, два ряда домов, оградили в три ряда колючей проволокой, превратив ее в гетто. Создание гетто было воспринято выжившими после расстрела жителями местечка, как это может показаться парадоксальным, как надежда на выживание. «Не будут же ограждать проволокой на один день» — рассуждали обитатели гетто. Это вселяло призрачную определенность, надежду на выживание.

Проявляя рьяность служения новой власти, комендант своим указом обязал обитателей гетто нацепить на верхнюю одежду, на левой стороне груди, отличительный знак в виде шестиконечной звезды Давида желтого цвета. Своим указом комендант также запретил жителям гетто выходить за колючую проволоку и общение их с сельскими жителями. В гетто был введен комендантский час с восьми вечера до восьми утра. Полицаи, которым поручили следить за выполнением комендантского указа, свою приверженность новой власти проявляли не менее рьяно, чем сам комендант.

Никому в голову не могло прийти, что комендант, этот изверг, может иметь что-то общее с доктором Рачинским. С человеком, которому, все кто знали его, были благодарны за лечение и проявленную человечность. Известие об их родстве отец не мог спокойно воспринять. Ему было обидно за доктора Рачинского. Лучше бы Марьям не приносила эту новость. Но такая она уж, Марьям. Новость, какая бы ни была, хорошая или плохая, появившуюся мысль, она в первую очередь приносила в наш дом, родителям. Так было заведено с давних пор.

— Что я вам скажу, не поверите, — еще с порога, прибежав под вечер, с одышкой от скорой ходьбы говорит Марьям, — этот подонок, подлец, оказывается племянник доктора Рачинского.

— Вы о ком, Марьям, говорите? — не поняла мама.

— О ком? Об этом злодее, о коменданте.

— Откуда вы это взяли? — не веря в услышанное, спрашивает отец.

— Кецеле¹ похвалился Йослу заготовщику, что комендант не какой-нибудь отброс, а из хорошей семьи. Дядя у него известный в районе врач.

— Кецеле может всякое наговорить. Он же поступил в полицию. При этом хочет сказать, что ничего, мол, в этом плохого нет. Смотрите, сам комендант из уважаемой семьи, — говорит отец, — но если это правда, мне жаль доктора, честного, доброго человека.

Чего только в жизни не случается. Такое даже представить себе трудно. В то время, как дядя коменданта, рискуя собственной жизнью, помогал выжить несчастным израненным людям, которым удалось спастись от расстрела, комендант, его

1 Прозвище одного из активиста комендатуры.

племянник, жаждал их уничтожения.

С первых же дней устройства гетто встал вопрос о продуктах питания. Полицаи, их было трое, одержимо следили за исполнением указа коменданта. Ни выйти из гетто, ни войти в него невозможно было без риска быть избитым. Такую власть заимели комендант с полициями, такие неограниченные возможности поиздеваться над обитателями гетто. Как же им, отпетым злодеям, этим не воспользоваться.

— Куда прешь, жидовская морда? Палки захотел? — завидев поблизости ограждения человека, кричал полицай, размахивая палкой.

— Не разрешено, уходи, — прогоняли полицаи селян, пытавшихся проникнуть в гетто.

С одной стороны — гетто требовались продукты питания, с другой стороны — селу требовались услуги портного, сапожника, бондаря и других ремесленников. Однако, комендант на это не обращал внимания. Жителям приходилось рисковать быть избитыми и очутиться в подвале комендатуры при попытке выйти за пределы гетто. С риском поздно вечером или рано утром выбирались из гетто его обитатели, чтобы обменять вещи на продукты, или выпросить подавание у знакомых сельчан. Вспоминает Илья Гершберг, проживающий в Австралии, в городе Сиднее. Воспоминания изложены в статье, в газете «Голос из Австралии»:

«Гетто огородили колючей проволокой. Однажды, я и старик Хуна решили отлучиться, чтобы достать хоть какую-нибудь еду, но нас заметили полицаи и стали стрелять. Мы, спасаясь, огородами добрались домой, когда уже стемнело».

В сентябре месяце наше село стало частью территории Транснистрии, и отнесено к Ямпольской управе. Появилась румынская жандармерия. Она обосновалась в селе Соколовка, на территории сахарного завода.

С появлением румынской жандармерии, условия жизни в гетто улучшились. Оставшихся в живых ремесленников: портных, скорняков, сапожников, модисток собрали в артель выполнять заказы для армии: ремонт шинелей, ремонт и пошив нижнего белья, пошив подшлемников, рукавиц из овчины, ремонт и пошив овчинных полушубков. Работы выполнялись за мизерное вознаграждение продуктами питания. При этом жандармерия разрешила жителям гетто в нерабочее время оказывать услуги селу. Это было спасение от голода. В обмен на услуги для села в гетто поступали продукты питания.

Вспоминает житель г. Бельцы Юрий Рашкован, доктор исторических наук, ныне проживающий в Израиле, в Кирият-Хаим: «Одним из чудес, позволившим евреям выжить в лагерях и гетто Транснистрии, было разрешение работать. Сохранялись гетто, колючая проволока, продолжались расстрелы, погромы,

издевательства. Но и в этих условиях, под ежедневным страхом смерти, евреи шили и ремонтировали одежду, обувь, головные уборы, изготавливали бочки, мыло... а какие мастера работали в Жабокриче! В тех невероятных условиях, при полном отсутствии сырья, мастеровые люди умудрялись производить превосходные товары. По сей день помню прекрасного скорняка Шмулевича, делавшего отличные дубленки; резника, отца двух красавиц дочерей, Геллера, который стал мыловаром; мельника Шварца, человека феноменальной силы. Еврейские головы и «золотые руки» умельцев делали все возможное и невозможное для спасения своих семей от смерти».

Артель разместилась в пустующем доме Аврума Тительмана возле тракта, где он сворачивал в сторону сахарного завода. Работники артели получили пропуска на выход из гетто, и вход в него.

С наступлением осенних дней небо заволокли черные дождевые тучи, гонимые порывами ветра. Деревья теряли последние листья, и сиротливо раскачивались, взывая к небу оголенными почерневшими ветвями. Земля от дождей раскисла, похолодало. Холодно было на улице, холодно было в доме, тоскливо было на душе, тоска и безысходность наполняли все пространство.

— Двойра, пока я к вам прошла, насквозь промочила ноги, — снимая платок с плеч, пожаловалась Голда.

— Что случилось, Голда? На тебе лица нет. С твоими болячками, и в такую погоду, — с беспокойством проговорила мама, — Сними, Голда, туфли и чулки, еще простудишься. Я тебе дам сухие.

— Всю ночь глаза не сомкнула. Все те же видения. Я, наверное, схожу с ума, не могу усидеть на месте. Готова бежать, не зная куда, — всхлипывая, говорила Голда, пока мама доставала для нее чулки и сухую тряпку, чтобы вытереть ноги.

Мама понимала ее горе, ее переживания. Чтобы на время отвлечь ее от печальных мыслей, она стала говорить о несносной погоде, о непролазной грязи, что не в чем выйти на улицу. «Слава Богу, что в эти дни не гонят на работу» — говорила она.

Неотъемлемым атрибутом в прежние времена в такую погоду были сапоги кирзовые, боты резиновые, или хотя бы калоши. Но где их теперь взять?

— Я за Берла очень беспокоюсь. Ни сапог, ни калош, ничего нет, даже чуней. Ему каждый день на работу. По мостовой еще как-то можно пройти, а до мостовой сплошная грязь. Не знаю, что придумать. Хотя бы чуни достать. Не дай Бог, он промочит ноги и заболит, — продолжала мама, — только перед войной новые кирзовые сапоги купили. Хотя бы старые сапоги оставили грабители, все утащили.

Слушая разговор мамы с Голдой, я вспомнил, что когда мы

с отцом убегали из дома Сони Зильберман, отец на ходу скинул калоши. Видимо, они ему мешали бежать. Я их подобрал одну за другой, и бросил в заросли возле ограды, через которую перебрались в огород сельчанина. Зачем я это тогда сделал, о чем я думал в эти минуты, подбирая калоши, когда вопрос шел о жизни и смерти? Сейчас мне трудно объяснить этот поступок, как и другие необъяснимые поступки, совершаемые в подобных условиях. Пока женщины вели разговоры, я вспоминал путь, по которому мы убегали, место, куда я кинул калоши. Не совсем уверенный, что калоши остались на месте, я не стал об этом говорить. Мои поиски оказались успешными. Я нашел то самое место. Калоши лежали в высохшей траве, чуть присыпанные влажной землей. Они лежали на месте, никто их не заметил. Я испытал гордость и непередаваемые чувства настоящего следопыта. Если бы я не вспомнил о них, возможно, они бы еще долго там покоились. К всеобщей радости, и в первую очередь мамы, ноги отца от промокания были спасены. Теперь самое главное, чтобы на калоши, почти новые, возвращенные из небытия, не позарились полицаи или жандармы. Дожди не прекращались, земля не успевала просохнуть. Только ночью и рано утром, когда слякоть сковывала наступившие заморозки, под ногами чувствовалась подобие тверди. Днем снова разверзалась слякоть. В такую самую слякотную погоду с пронизывающим холодным ветром впервые на тракте появилась колона евреев, депортированных из Бессарабии. От увиденного жители гетто, несмотря на свои беды, были потрясены до глубины души. Люди, похожие на тени, не защищенные от ветра, дождя, в рваной обуви, а то в обмотках из лоскутков тряпья, безвольно плелись по слякотному тракту, подгоняемые румынскими солдатами. Рядом с артелью, где работал отец, после ухода этапа, у обочины дороги остался лежать старик. Его подняли и занесли в дом. Но он уже был мертв. За домом артели, на пригорке, рядом с могилой массового захоронения расстрелянных жителей местечка, его похоронили. Потом появилась еще одна могила, и еще многие.

Впоследствии, когда отдельным бессарабским евреям удалось поселиться в гетто, мы от них узнали об издевательствах румынской охраны на этапе. В первую очередь солдаты охраны старались избавиться от стариков и больных, которым трудно было самостоятельно передвигаться. Их убивали массово в каком-то месте, или прямо в пути, если кто отставал. Кормиться можно было только за счет денег, ценностей, одежды, которые охрана обменивала на продукты, или, если повезет, за счет подаяния добрых людей. Некоторые люди в обмен на продукты отдавали последнее с себя, и умирали от холода и болезни. Люди, доведенные голодом до отчаяния, выбегали из этапа, когда проходили мимо огородов, полей, чтобы в грязном месиве на огороде или поле найти оставшуюся картошку, морковку или

свеклу. Что-нибудь, чтобы утолить голод. Охрана начинала по ним стрелять. Кому-то везло избежать смерти, другие оставались лежать навечно на чужой земле. Люди, у которых имелись средства, могли на этапе пользоваться некоторым комфортом. Они могли даже воспользоваться конным транспортом охраны. Погрузить свои вещи, самим немного проехать на телеге. Местная жандармерия в компании с румынской охраной этапов на страданиях людей создали изуверский бизнес. За определенную мзду люди могли оставаться в гетто, находящимся на пути этапа. Беглецов жандармерия вылавливала, жестоко избивала и отправляла следующим этапом. Этапы стали частыми. Жители гетто старались по возможности помочь этим людям. Дети с опаской выбирались из гетто, опасаясь полицаев. Незаметно для конвоиров, передавали гонимым, голодным людям несколько теплых вареных картофелин, кусок хлеба. Этапы двигались транзитом мимо Жабокрича в сторону сел Цибулевка, Ободовка, в сторону Бершади. Иногда этап на ночь оставался в селе. Людей размещали в коровнике, за мельницей, рядом с православным кладбищем, а утром следующего дня этап продолжал свой путь. Коровники были без дверей, с разбитыми окнами. И каждый раз после ухода этапа в коровнике оставалось несколько трупов замерзших, умерших от голода людей.

Был обычный осенний день. С неба, затянутого тучами, моросил мелкий, холодный, въедливый дождь. Очередной этап остановился на повороте тракта, рядом с домом, где размещалась артель. К отцу, который находился в это время на улице, подошел молодой человек лет тридцати.

— Я прошу меня извинить, — несмело обратился он к отцу, указывая рукой на маленькую девочку, — не могли бы вы, или подскажите, кто может, на время приютить мою девочку. Как только мы с женой устроимся на новом месте, мы сразу же ее заберем. Мы были бы очень благодарны.

— Берите дочку и идите со мной, — не раздумывая, ответил отец.

Молодой человек позвал свою жену, взял на руки девочку, которая сидела на телеге, и вместе с отцом они пришли к нам домой. Отец рассказал маме о просьбе пришедших. Мама раскутала девочку, сняла влажное пальтишко. Пока девочка знакомилась с новой обстановкой, мама согрела чай и угостила родителей, дала попить девочке. Отдохнув немного, и согревшись, родители девочки стали собираться уходить.

— Мы ненадолго отпросились, нам пора вернуться, — сказал мужчина, и обратился к девочке: «Ты, милая, останешься здесь у тети. Веди себя хорошо. Через день, два я за тобой приеду».

— Как только мы устроимся на новом месте, — обратился он к родителям, — можете быть уверены, что мы сразу же заберем девочку. В голосе, казалось, звучало какое-то опасение, что

его могут заподозрить в обмане. Жена его, неотрывно глядя на девочку, не проронила ни слова.

— Не беспокойтесь, — сказала мама, — мы за ней присмотрим. Вы можете быть в этом уверены.

Девочка, трех-четырёх лет, внимательно слушала, о чем говорят старшие. Она непрестанно переводила взгляд своих больших черных глаз на круглом белом личике, обрамленном золотистым волнистым волосом, с одного говорящего на другого.

— Мили очень понятливая девочка, общительная. Я ей говорил, что на время оставим ее у тети. Как только устроимся, я приеду за ней, — пытался объяснить поведение девочки отец. Он и жена расцеловали девочку, пообещали скоро за ней приехать. Девочка не проронила ни одного слова. Только глаза, казалось, стали еще большими.

— Не беспокойтесь. Как только устроимся на новом месте, сразу же заберем девочку, — еще раз, на прощанье заверил родителей мужчина.

Уходя, уже, будучи в дверях, мать девочки расплакалась, вернулась и стала судорожно одевать и укутывать девочку.

— Нет, я не могу ее оставить, она должна быть с нами, — сквозь плач прорывались слова женщины. Муж посмотрел на нее укоризненно, но ничего не сказал. Девочка, как раньше на других, теперь смотрела безмолвно на мать. Казалось, что это взгляд умудренного жизнью человека. Мои родители были потрясены этим недетским взглядом. Казалось, что это взгляд человека, много повидавшего в жизни. Еще долго после ухода гонимого семейства никто не мог слова вымолвить. Где была их конечная остановка? Как сложилась их судьба? К кому из них она была милостива, кто дожил до освобождения? Только после развала союза мы узнали правду об уничтожении евреев в лагерях смерти Ободовки и Цыбулевки. Они ниже приведены в воспоминаниях Юрия Рашкована, которому вместе с родителями удалось сбежать оттуда.

XIII

Количество жителей гетто увеличивалось за счет депортированных из Бессарабии и Буковины евреев, которые с разрешения жандармерии получали право проживания здесь. А также за счет местных жителей, которые выходили из своих убежищ. За счет тех, которые вынуждены были прервать эвакуацию, и возвращались домой.

Из воспоминаний Юрия Рашкована: «Бежав из Кодымы, мы попали в Ольгополь, а затем в Чечельник — место концентрации массовой гибели евреев Бессарабии и Буковины. В конце августа — начале сентября 1941 года нас перегнали в гетто города

Крыжополя, а 2-го декабря того же года в составе большой колонны узников мы были отправлены в концлагерь села Цыбулевка. Этот лагерь входил в Ободовскую зону массового уничтожения евреев. Зима 1941-1942 годов была суровой. В коровник, рассчитанный на несколько десятков голов скота, фашисты загнали около двух тысяч человек. Колючая проволока, охрана из жандармов и полицейских, никакой еды, повальный сыпной тиф... Это был настоящий ад! Отец организовал побег из лагеря, и нас спрятала семья украинского крестьянина Тудосия Литовчука. Хозяин, его жена, трое детей относились к нам с исключительной добротой и душевностью. Мы находились в погребе под скотным сараем. В ночь на 18-е декабря хозяева взяли маму и меня к себе в хату. Шла подготовка к празднику Святого Николая, Они решили нас обогреть, угостить. Неожиданно началась облава. Когда жандармы и полицаи начали стучать в дверь, Ольга Литовчук спрятала меня на русской печи рядом со своими детьми. Мама же стала у широкой двери, которая ее прикрывала. Ворвавшись в дом, фашисты начали бить Ольгу Литовчук, требовали указать, где она спрятала евреев. Но женщина нас не выдала. После этого мы бежали в местечко Жабокрич Крыжопольского района Винницкой области. Как стало известно позднее, в этом гетто были расстреляны более 400 человек. С 19 декабря 1941 года по 15 марта 1944-го мы находились в гетто Жабокрич. 28 января 1942 года от тифа скончался отец. Мы с мамой также переболели сыпняком, но выжили. Мама умела шить, научила меня ремеслу. Это нас и спасло».

Вспоминает Илья Гершберг.

«...За неделю до оккупации наша семья на двух подводах пустилась в неизвестность. Доехав до села Ободовка, мы были обстреляны немецкими самолетами. Когда закончилась бомбежка, мы добрались до села Терновка, расположенного на реке Буг, но там оказалось много отступающих частей Красной Армии, которые тоже ждали переправы. Тут передовые немецкие части на мотоциклах окружили нас. Взрослые решили, что надо возвращаться домой (в Жабокрич). Нас остановили румынские солдаты, но офицер приказал отпустить. И мы тронулись в путь, в местечко Бершадь, где жил наш дядя с семьей. Приехав на место, сразу попали в гетто. В Бершади командовали румыны и венгры, они к евреям относились терпимо, но из-за отсутствия нормальных гигиенических условий мы все переболели тифом. Прожив до января, тайком уехали из Бершади домой (в Жабокрич). Зима была очень холодная. Добравшись до села Верховка, стали просится на ночлег, но никто не хотел нас приютить, кричали: «Жиды пархати, идить геть!». Проезжая мимо конюшен на окраине, увидели замершие трупы. По приезду в Жабокрич мы поселились в гетто. Один из местных жителей рассказал нам, что в местечке было убито 400 евреев. ... Гетто располагалось на

одной улице. По несколько семей теснилось в одной квартире. Санитарные условия были жуткими. Отлучаться куда-либо было нельзя. Гетто огородили колючей проволокой».

Стараниями коменданта и жандармерии для обитателей гетто, находившихся за колючей проволокой, были созданы все «благоприятные» условия для мучений: голод, холод, скученность из-за недостатка жилья, и сопутствующая антисанитария. Медицинская помощь отсутствовала. Одним словом, были созданы все необходимые условия для успешного распространения эпидемий тифа (брюшного и сыпного), дизентерии и других болезней. Избежать заболевания практически было невозможно. Редко кому выпадала такая удача. Смерть собирала обильную жатву. Каждый день хоронили обитателей гетто, умерших от болезней, холода и голода. Хоронили всех в одной могиле. Количество таких безымянных братских могил, рассеянных по территории гетто увеличивалось с каждым днем.

Глубокой осенью, когда заморозки уже сковали землю, тиф не преминул заглянуть в наш дом. Брат и я заболели. По прихоти тифозного злодея, помощника старухи с косой, у меня оказалась особенно тяжелой форма сыпного тифа. Болезнь оказалась затяжной, протекала очень напряжено. К этому добавились опасения попасть в карантин. В связи с ростом эпидемии, увеличением смертности, власти предприняли профилактические меры. Полицией проводились обходы с целью выявления и изоляции тифозных. По их заявлению, больные будто отправлялись в карантин районной больницы для лечения. Однако, никто из увезенных в карантин назад не возвращался. Поэтому при обходах больных старались прятать. Меня прятали то на печи, то в сенях. Я все время был без сознания, бредил, температура доходила до сорока градусов. Время шло, а кризис все не наступал. Родители уже были готовы к худшему. Когда казалось, что это уже конец, что никакие молитвы уже не помогут, глубокой ночью начался кризис, который, к удовольствию всех, милостиво со мной обошелся. Наконец, я открыл глаза. Однако не сразу стал сознавать, что я дома, и что болею. Со временем я пошел на поправку. Но болезни видать показалось, что без меня ей будет скучно. После кризиса выяснилось, что болезнь дала осложнения на зрение, а на берцовых костях ног появились гнойные нарывы. Они все увеличивались в объеме, и вместе с этим усиливалась боль. При попытке встать на ноги боль усиливалась. Мы надеялись, что нарывы созреют и сами вскроются. В противном случае потребуются хирургическое вмешательство. Молодой врач Бромберг, депортированный из Буковины, который «лечил» меня без всяких медицинских средств, одними советами, все оттягивал операцию. Он все надеялся, что нарывы сами вскроются. Но время шло, и мое состояние все ухудшалось. Опасались общего загнивания костей. На семейном совете было принято решение

вскрыть нарывы. И вот, без наркоза, без каких либо медикаментов, имея в наличии только скальпель, доктор Бромберг решился меня прооперировать. Ассистентами были отец и мать. Отец держал меня за руки, мать прижала ноги. Доктор Бромберг бледный, с капельками пота на высоком открытом лбу сделал скальпелем надрез нарыва на правой ноге. Я потерял сознание, и только на второй день очнулся. Хотя рана гноилась, боль по сравнению с дооперационным состоянием намного снизилась. И я уже сам попросил вскрыть нарыв на левой ноге, боль от которого была нестерпима. Но доктор Бромберг больше не приходил. Мне сказали, что румыны его отправили этапом в Бершадское гетто. Создалось безвыходное положение, и когда казалось, что помощи уже ждать неоткуда, отец сам собрался вскрыть нарыв. Ведь у него уже был богатый опыт, сам ассистировал доктору при операции. Правда, второй ассистент, мама, возражала. Неизвестно, чем бы закончился их консилиум, если бы к счастью нарыв сам не вскрылся, и операционное вмешательство отца не потребовалось, к удовольствию обеих ассистентов. Мама, конечно, как женщина, при этом не могла не всплакнуть. Хотя, и ассистент наравне с отцом, но все же женщина. Переживания родителей можно понять. Два старших сына на войне. Где дочь, которая вышла замуж перед войной неизвестно. Потом выяснилось, что она тоже на войне. Дома остались, избежавшие смерти в дни расстрела двое меньших детей, я и младший брат. Не один раз я видел, как мама, отвернувшись, старалась незаметно от меня утереть слезы. Плачут мамы, идише мамы, сердца кровью обливаются. Беспокоятся мамы о своих детях, взрослых и малых.

В детстве нам трудно себе представить, что родители тоже были когда-то детьми, особенно, это трудно понять, если ты не застал в живых ни дедушек, ни бабушек.

Мама была восьмым ребенком в многодетной семье знатока лесного хозяйства Крамера Нусн и его жены Рахиль. Всего в семье было девять детей — три парня: Йосеф-Герш, Мойше и Аврум, и шесть девушек красавиц: Фейга, Хана, Момця, Этель, Двойра и Рива. Нусн, как знаток лесного хозяйства, приглашался консультантом помещиками, владевшими лесными массивами, арендаторами и подрядчиками. Свои знания он передал младшему сыну, Авруму, который при Советской власти стал лесничим. По обычаю девушек отдавали замуж по старшинству. Дождалась своей очереди и моя мама. Ее избранником, не без участия уважаемого шодхена¹, стал скорняк Берл. В 1914 году они, родители, поженились. Через год родился первенец Наум. Началась первая мировая война, и отец два года был на войне, до начала 1918 года. К концу этого же года появился на свет второй сын — Самуил. Время было тревожное. Шла гражданская война, бесчисленные банды третировали население. Однажды

1 Еврейский сват (евр.)

мама собралась навестить дядю Велвла. Нужны были деньги, чтобы справить субботу, а отец по работе задержался в соседнем селе. Она с собой взяла старшего сына, а двухмесячного Самуила оставила на попечение соседки. В это время одна из банд, которая буйствовала в соседнем селе, была настигнута красноармейским отрядом. Отход банды пролегал через наше местечко. Жертвами бандитов, пронесшихся вихрем через местечко, становились все, кто встречался им на пути. Бандитами был зарублен насмерть старик, покалечена женщина, которой чудом удалось увернуться от смертельного удара шашкой. Соседка с Самуилом успела спрятаться у себя на чердаке в потайной комнате. Опасаясь бандитов, она просидела в укрытии около трех часов. Все это время в поисках соседки с Самуилом мама пережила не легкие минуты. Какие только тревожные мысли не приходили, какие только страшные картины не представлялись. Только мать способна это понять.

Через три года после рождения второго сына родилась дочка Рая. Когда я родился, старшему брату, парню шестнадцати лет, почти жениху, было ужасно стыдно. Он грозился меня выбросить в яр, который находился недалеко от нашего дома. Мама, вспоминая этот случай, с улыбкой добавляла, что к рождению через три года моего младшего брата, Изи, Наум уже отнесся более сдержанно.

Через некоторое время, когда я набрался немного сил и уже мог вставать на ноги, мне рассказали правду о судьбе доктора Бромберга. Никто и никуда его не отправлял этапом. Он заразился сыпным тифом и умер. Доктор Бромберг был первым моим знакомым из Буковины. До того, как заболел, я встречал людей в основном из Бессарабских этапов, которые получили разрешение поселиться в гетто. Они в своей массе были похожи на наших местечковых евреев. Тот же язык, то же поведение. В основном это были ремесленники разных специальностей, люди добывающие хлеб своим трудом. Ограбленные и изгнанные из своих домов, обобранные жандармами на этапе, они были плохо одеты, жили впроголодь. Насколько было возможно, местные жители старались им помогать всем, чем можно: куском хлеба, несколькими картофелинами, поленицей дров.

Доктор Бромберг резко отличался от наших местечковых и Бессарабских евреев. После кризиса, когда я стал понимать окружающее, первое ощущение было, что доктор сошел с какой-то волшебной картинки, что где-то я читал или слышал рассказы о таких людях. Это был молодой человек лет тридцати, с большими серыми глазами и тонкими, холеными чертами лица. Высокий открытый лоб и пенсне придавали ему величавость. Всегда опрятно одетый, чисто выбритый, спокойный, он вызывал уважение и доверие. Даже маленький блестящий складной ножик, который он мне подарил перед операцией, казался сказочным, под стать

доктору. Иногда, глядя на доктора, мне вспоминался молодой Марейнис, которого я иногда встречал в местечке. Последний раз я видел его в доме Сони Зильберман в день расстрела. Я находил в нем отдельные черты, напоминающие доктора Бромберга.

Временами, когда я бодрствовал, лежа в полутемной спальне, я часто слышал доносившиеся из соседней комнаты разговоры. Там вели беседу в основном женщины. Я прислушивался, улавливал знакомые и незнакомые голоса. Говорили о разном. Иногда женщины, возбужденные событиями, о которых вели беседу, повышали голос. Особенно, выделялась Марьям Выгдорс с ее прямоотой в суждениях. В таких случаях мама обращалась к ним, указывая рукой на спальню: «Прошу вас, говорите тише, ребенок спит». Часто к нам приходила тетя Голда, жена дяди Иосиф-Герша, как она говорила: «на минуточку». У нее были свои заботы о раненой дочке Рушкале и о хлебе насущном. Также бывала старая Фейга. Иногда заходили незнакомые люди. Это были наши новые соседи, которые были репатриированы из Бессарабии и Буковины. С некоторыми бессарабскими евреями я общался еще до болезни. Что касается буковинских евреев, то единственными знакомыми были доктор Бромберг, который меня лечил и дочка Готта, которая меня обучала арифметике и немецкому языку. Кроме самих близких у нас часто гостила Голда Нудельман. Очень обаятельная женщина, одаренная идешер красотой, лет тридцати. Смуглолицая, с большими черными глазами на чуть вытянутом полном лице, и пышным черным волосом на голове. Горесть гибели детей, родных отразилась на ее измученном, страдавшемся лице, на ее отрешенном взгляде. Ее взор был обращен в никуда. Родные Голды и ее дети погибли во время ариги¹. Она тоже была покалечена. Одинокая, без семьи и родных, муж был на войне, она находила какое-то слабое утешение в нашем доме. Не находя покоя изболевшемуся сердцу, Голда уходила в себя, тихо всхлипывала, глотая слезы, приговаривая: «Почему не я, а мои бедные дети? Чем они провинились? Печаль моя неизбывная, как мне с этим дальше жить?». Тяжело было слушать плач души матери, пережившей смерть своих детей.

В 19 лет красавица Голда, единственное дите вдовы Бейлы Шмойсман по любви вышла замуж за 21-го летнего парня, шапочника Исула Нудельмана. Казалось, благодать осенила эту пару. Они жили радостно, счастливо. Жителям местечка приятно было встречать их во время прогулки и в праздники. Сначала их вдвоем, затем с детишками. К началу войны в семье было три дочери, Рушкале 14-ти лет, Люба 7-ми лет и грудной ребенок Манечка. Во время расстрела жителей местечка Голда с детьми оказалась в расстрельном подвале в доме Дувид Гершковича. Дети были убиты. Сама Голда была тяжело ранена, потеряла много крови. Когда она пришла в сознание, то увидела своих

1 в данном контексте — во время расстрела (евр.)

убитых детей. Манечка мертвой осталась у нее на руках. Она обняла детей, и на все увещевания отказывалась их оставить. С большим трудом удалось ее вывести из подвала. Оставшись одна без детей, без родных, с тяжелыми ранениями, она все порывалась покончить с собой, была близка к умопомешательству. Очень долго она приходила в себя. Но, как известно, время лечит. Единственным спасительным якорем для нее была надежда на возвращение мужа с войны. Не знала она тогда, что муж ее погиб в плену. Однополчанин выдал его немцам, когда те выискивали политруков и евреев.

Пока я становился на ноги, чтобы попусту не тратить время, меня обучала соседка, одна из дочек буковинского еврея Готта, бывшего владельца лесопилки. Девушка была стройная, с открытым добрым лицом. Говорила она тихо, но внятно. Материал преподносила доходчиво. Она обучала меня немецкому языку и арифметике. В связи с осложнением после болезни мои глаза не выносили дневного света, поэтому в спальне окно было занавешено. Так что обучение проходило в полутьме, в основном в устной форме. Несложные задачки по арифметике я решал в уме. Немецкий язык тоже я изучал устно. Она произносила предложение. Я старался его повторять. Новые слова она мне объясняла, делая перевод на идиш. Таким же методом, когда я стал посещать хедер, ребе при изучении Пятикнижия толковал нам новые слова. Она знала много стихов, и читала их, как мне казалось, с удовольствием, с таким же, как я их слушал. Особенно, мне нравилось стихотворение Генриха Гейне «Лорелей». Дочка Готта читала стихотворение выразительно. Казалось, что каждое слово, как волшебную хрупкую ценность, она аккуратно и с волнением подносит на раскрытых теплых ладонях своих рук. Меня волновал настрой стихотворения. Мне было жаль одинокой Лорелей, и жаль лодочника. Я слушал ее чтение, лежа с закрытыми глазами. Мне представлялся склон, похожий на склон к нашему пруду, но более крутой, заваленный большими камнями и поросший густым лесом. Пруд превращался в быструю речку с водоворотами, с ревом падающей воды через запруды у моста в сторону мельницы. Мне казалось, что именно в этом месте тонул лодочник. Надолго запомнились первые волнующие строки стихотворения:

“Ich weiss nicht, was soll es bedeuten,
Dass ich so traurig bin...»²

Волновавшие меня ощущения от стихотворения были созвучны разговорам, которые доносились из соседней комнаты, о переживаемых трудностях и витающим надо всем чувством

2 Не знаю, о чем я тоскую.

Покою душе моей нет.

Перевод с немецкого С.Я. Маршака.

безнадежности.

Когда я немного окреп и уже смог передвигаться по дому, я научился вязать шерстяные носки и варежки. Занятия отвлекали на время от болячек, которые все гноились и плохо заживали. Каждая семья должна была в месяц связать определенное количество пар носков и варежек для замерзающих в снегах России солдат вермахта. Вязанью меня обучала старая Фейга. У нее, несомненно, был незаурядный педагогический дар. Она показала, как спицы держать, как набирать петли, вести их счет. Особенно, при вязке мне не давалась пятка носка. Фейга спокойно распускала ошибочную часть вязки, и в который раз показывала, как правильно ее выполнять.

— Прекрасная пятка, — похвалила меня старая Фейга, когда я, наконец, усвоил урок, — не каждый такую свяжет.

XV

Наконец, я заново освоил хождение на своих двоих, встал на ноги. Вместе с этим появилось желание поскорее выйти на улицу. Я с нетерпением ожидал этого момента. Случилось это в начале весны. Меня, впервые за время болезни, стали выводить на улицу. Солнце уже поднималось высоко. Снег слепил глаза. От слабости, от мириадов разноцветных отблесков кружилась голова. Снега были еще высокие. Люди ходили по расчищенной дорожке между снежными сугробами, высящихся с двух сторон. Дети прорывали в снежных сугробах пещеры, тоннели. Солнце с каждым днем поднималось все выше, и как не сопротивлялась зима, таял снег, текли ручьи. Земля покрывалась зеленой травой, а деревья молодой листвой.

Болячки здорово надоели, медленно заживали. Я передвигался с трудом, скоро уставал. Моим обществом по-прежнему были все те же домашние, и близкие знакомые, которые заходили в гости. За вязкой носков и варежек велись разговоры о жизни теперешней, о знакомых, вспоминалась довоенная жизнь.

— До сих пор не могу отойти от парада. Я чуть Богу душу не отдала, когда поскользнулась, и упала на мерзлую землю. Поцарапала ноги, руки, а он, этот бандит, «комсомолец»¹, стал палкой бить по спине, по ногам, куда попадет. Спасибо молдаванину, кажется, его Лейзер звать. Он помог мне подняться, и так под руку меня тащил во время бега, — рассказывала старуха Фейга об издевательствах коменданта и полицаев, которые решили поизмываться в свое удовольствие над обитателями гетто в ознаменовании дня Октябрьской революции.

— Когда нас заставили ползти, я с трудом тянула ногу. Рана до сих пор гноится. Я просила Бога, чтобы я там уже осталась

¹ Прозвище одного из полицаев комендатуры.

навсегда, чтобы закончились мои мучения. К чему мне жить, для кого? — жаловалась Голда.

С кухни, где тетя Марьяся занималась стряпней, послышался шум. Что-то свалилось на пол. Мама направилась на кухню выяснить причину.

— Голда, сколько можно себя изводить? Перестань. Оглянись. Сколько горя вокруг. Беда коснулась не только тебя, — между тем обратилась к ней, тяжело вздыхая, старая Фейга, утирая слезящиеся глаза концом головного платка, который покрывал ее седую голову. Перед ее взором встали ее дочь и двое внуков, расстрелянных в подвале.

— Что мне, Фейга, до других. У меня мое горе, и жить больше не хочется, — ответила Голда.

— Ты только думаешь о себе. Я понимаю, Голда, что умереть куда легче, чем все время жить с ноющей раной. Но даст Бог, придет с войны твой Исрул, и что тогда? Пусть все горести лягут только на его плечи? Ты этого хочешь? — казалось, со злостью проговорила Фейга.

Голда расплакалась, захлебываясь невнятным бормотанием: «Нет, нет. Исрул... Господи, горе мне, дети,.. Исрул, как мне быть?.. Что делать?...». Фейгу охватила жалость к Голде и ее слезам и она, виня себя за свою несдержанность, быстро заработала спицами, тихо шепча: «Голденю, доченька, прости меня старую дуру. Успокойся милая, прошу тебя. Даст Бог, все будет хорошо».

— Что случилось? — войдя в комнату, спросила мама.

— Разве мало причин? — утирая глаза, немного успокоившись, ответила Голда, и добавила тихо, обращаясь к Фейге, — может, вы правы.

С кухни снова послышался шум, и недовольный голос тети Марьяси.

— Марьяся с кошкой все воет. Мешает она ей. Никак припечек² не поделят, — объяснила мама происходящее на кухне.

— Я тоже не люблю, когда кошка в горшки заглядывает. Я свою кошку отучила, — проговорила Фейга.

— Наша к горшкам и близко не подходит, — стала мама на защиту нашей кошки.

Неизвестно чем бы закончилась эта благодатная тема, которая хотя бы на время отвлекла от действительности, если бы в это время не раздалось сильное хлопанье входной двери.

— Двойра, ты не знаешь, когда ожидается очередной опель? — спросила прямо с порога маму, забежавшая, как всегда, на минутку, чем-то взволнованная тетя Голда.

Я вспоминаю ее, такую же взволнованную, на свадьбе ее старшего сына Наума, незадолго до войны. Родственники, проживающие в местечке, родня из Песчанки и Крыжополя, из Славуты и других далей, и друзья вместе весело праздновали

2 Место перед устьем русской печи, шесток.

свадьбу. Помню хупу¹. Наум и Рая, взволнованные и смущенные, стоят под белой простыней, которую высоко вытянув руки держат четверо мужчин. Ребе читает благословение. Разбивают тарелку. И радостные возгласы: мазл тов, мазл тов². Мамы жениха и невесты, тетя Голда и тетя Мышка расцеловались, всплакнули. Махетуным³, гости обнимаются, целуются. Дядя Иосиф-Герш, мужчина пятидесяти пяти лет, рослый, полный сил, со смеющимися глазами и удивительно приятной улыбкой на симпатичном лице, полного хейна⁴, танцевал и пел с гостями. Невысокого роста, стройная, юркая тетя Голда суетилась, чтобы, не дай Бог, никто из гостей не был обижен, чтобы на столах было всего вдоволь. К радости примешивалась грусть. Второй сын, Арчик, не мог присутствовать на свадьбе старшего брата. Он был на действительной службе. Она его уже никогда не увидит. Он не вернется с войны. К общему шуму присоединялись радостные голоса детей. Какими только вкуснятинами их не угощали, и штрудлом, и лейкехом⁵, и конфетами, всего не перечислишь. Играли клезмер⁶. Танцевали фрейлекс, краковяк и другие танцы. Пели песни на идиш, украинские и русские. Особенно, мне понравилась песня о том, что «Ицек от шойн хосене гегот»⁷ и «махетунем майне, махетунем гетрае..»⁸. Мне было жаль Ицика и переживаний махтейнесты. И, конечно, на свадьбе не забыли об отце народов. Песня веселая и задорная:

«...Ломер тринкен лехаим фар дем лейбн, фар дейм наем,
фар ди конституции, фар дем ховер Сталин.
Ай-ай-ай-ай». ⁹

Радость переполняла сердце бондаря Йосиф-Герша. Он был полон радужных надежд. Нелегко ему далось с Голдой поставить на ноги детей, выучить их. Теперь жизнь начинает понемногу налаживаться. К осени из армии вернется Арчик и снова, даст Бог, будет свадьба, а там, смотришь, и Рушкале невестой станет. Счастливые, радостные, немного взволнованные, любовно бросали взгляды друг на друга Йосиф-Герш и тетя Голда.

— Скажите, что плохого в том, когда человеку достается немного радости, когда он полон добрых надежд на будущее, кому это может мешать? — это было любимое изречение тети Этл, пусть земля ей будет пухом. Я часто слышал это ее высказывание, когда приходила радостная писира¹⁰ от родных, соседей, знакомых, чьих

1 Обряд бракосочетания в иудаизме (иврит.)

2 Дословно «хорошего счастья»(иврит.)

3 Родня (евр.)

4 Симпатия (евр.)

5 Медовый пряник, кекс (евр.)

6 Бытовая музыка евреев (иврит)

7 Ицик уже женился (евр.)

8 Моя преданная родня (евр.)

9 Выпьем за новую жизнь, за конституцию, за товарища Сталина (евр.)

10 Известие (евр.)

то родителей или детей.

Но кому-то это мешало. Внезапной грозной бурей ворвалась в мирную жизнь война. Она рассеяла, как дым, все надежды мирных дней.

Теперь тетя Голда овдовела. Убили фашисты ее Йосиф-Герша. Наум и Арчик на войне. И только одна покалеченная Рушкале с ней осталась.

XVI

— Нет, Берл ничего не говорил. Придет, я его спрошу, — ответила мама на вопрос тети Голды об опеке. Отец иногда узнавал от девушек, которые якшались с руководством жандармерии, о времени опеки и других намечаемых жандармерией мероприятий. Девушки работали в одной артели с отцом. Хотя Роза и Лена, так звали девушек, утверждали, что они сестры, они были очень разные. Роза — невысокого роста, пухленькая, белолицая. Лена — высокого роста, стройная, со смуглым лицом.

— Какие они сестры? Вы только посмотрите на них, — говорила Мариям, женщина дородная, с добрейшей душой, злым языком и которая в карман за словом не полезет, — у них ничего общего. Одна черная, костлявая и длинная как жердь, стерва, похожая на молдаванку, — это о Лене. — вторая что тебе пампушечка и к тому же сучка симпатичная. Какие вьющиеся волосы, белое личико, а какие глаза, утонуть можно. — А вот это уже о Розе, — что их может роднить? Возможно, одна мать их родила от разных отцов, или роднит их только отец, а матери разные. Да еще их роднит этот кобель. Кобель — это начальник жандармерии, мужчина лет сорока с большим животом и одутловатым лицом, среднего роста. Он вечно потел и не выпускал платок из рук, которым беспрестанно вытирал то шею, то лицо.

При встрече на улице с Розой я всегда вспоминал ночь после расстрела евреев местечка. Тогда нам, мне и отцу, встретила девушка, пытавшаяся броситься в колодец с намерением утопиться. Ее звали Дина. Было темно, я ее не рассмотрел, но мне казалось, что именно так она должна была выглядеть.

Отец сестер уважал. Они вели себя скромно, прилежно относились к работе и всегда старались вовремя предупредить о намечаемых жандармерией мероприятиях. Конечно, о тех, о которых им удавалось узнавать.

— Я уже пойду. Завтра мой день кормить сиротку. Картошка есть, хлеб, немного крупы тоже. Но жира — ни грамма. Зайду к поляку. Попрошу немного подсолнечного масла. Потом с ним рассчитаюсь, — собираясь уходить, говорила Марьям, и добавила, — вчера мне гойка свеклу принесла, так что и чай будет. Двойра, у тебя луковица найдется?

Мама дала ей пару луковиц и Марьям ушла. Оставшихся в живых, после расстрела жителей местечка, детей-сирот кормили в разных домах в определенные дни недели. Эта мицвот¹ была обязательна. С уходом Марьям беседа не прерывается, ведется дальше. Рассказывают и вспоминают о разном. О чем принято было говорить с сомнениями и опаской, так это о будущем. Это была, как будто, запретная тема, которой вслух касаться опасались. Я сижу рядом с женщинами, занимаюсь какой-то работой, слушаю разговоры. Иногда рассказываемые истории повторяются, то в расширенном, то в сокращенном варианте. Вот совсем новая история из теперешнего бытия, или воспоминания из прошлой жизни. Все это интересно. Но устаешь, становится скучно. Хочется скорее выздороветь, стать на ноги, побегать, пообщаться с ребятами. А на улице все еще непролазная грязь. Но с каждым днем солнце все выше, дни удлиняются, уже появились сухие тропки. Еще немного, и земля просохнет.

— Голда, — обращается старая Фейга, — ты видела этого гонефа², когда нам полицаи устроили праздник?

— Какого гонефа вы имеете в виду? Там их много было.

— Я говорю о Вербицком. Он стоял как пурец³ в пальто и шляпе на голове, и улыбался. Ему этих вещей не пришлось покупать. Он нагребил их не мало, — ответила Фейга.

— Нет, никого я не видела. Пусть Бог покарает этого бандита. Он везде успевает, — говорит Голда, — мне Хона Мазлер говорила, что видела Вербицкого ночью накануне расстрела возле своего дома. Он и еще несколько человек выносили из подвала магазина сельпо ящики, бочки и грузили на телегу. Хона подумала, что они воруют. Пользуются безвластием. А они, оказывается, готовили подвалы для нас. — Конечно, кто-то их очистил. Не могли же подвалы сами очиститься, — заметила тетя Марьяся.

— Я слышала такие разговоры, и не поверила, — говорит Фейга, складывая незаконченный вязаньем носок, — наперед все знали сволочи, готовились. Ну, я вас спрашиваю, есть Бог на небе? Куда он смотрит?

После прошедшей холодной, голодной зимы с болезнями и смертями, когда обитателей гетто ежедневно выгоняли на расчистку дорог от снежных заносов, заготовку дров, люди радовались наступлению теплых дней. Несмотря на постоянные тревоги и неуверенности в завтрашнем дне, люди понемногу стали приспособливаться к выживанию в трудных условиях гетто.

XVII

1 Заповедь (иврит)

2 Вор (евр.)

3 Помещик (евр.)

С наступлением лета мое здоровье поправилось. Я стал проводить больше времени на улице, знакомиться с соседями, встречаться с ровесниками.

В первую очередь у меня произошло знакомство с семьей Зудман, которая проживала в соседнем доме. Семья была депортирована из Буковины. В дороге умер глава семейства, бывший владелец магазина.

— Муж болел уже долгое время, еще до того, как нас выгнали из дома, — рассказывала Мини, — мы сделали для него все, что было в наших силах. Заплатили жандармам охраны этапа за его проезд на подводе, сами мы шли пешком. Здоровье мужа с каждым днем ухудшалось, он прямо таял на глазах. И ничем больше мы ему не могли помочь. Ни за какие деньги не могли достать нужные медикаменты. А тут еще эта слякоть днем и заморозки ночью. Ночевали в каких-то сараях на голой земле. Не знаю, как мы все не заболели. Перехода два отсюда, недалеко от какой-то железнодорожной станции, он умер. Там его похоронили вместе с другими, умершими в эту ночь.

Остаток семьи, который поселился в нашем гетто, состоял из двух сестер — Мини и Эстэр. У Мини было двое взрослых детей: дочь Дора восемнадцати лет и сын Мозес пятнадцати лет. Особо заботой о пропитании, насколько я понимаю, они не были обременены. У них имелись деньги, драгоценности, разные вещи для обмена. Еще они подрабатывали вязаньем свитеров, кофточек. Этим занимались Эстер и Дора. Мини занималась хозяйством. Ну, а Мозес, единственный мужчина в семье, бездельничал. Все его понемногу ругали, воспитывали, но без толку. Он мог часами стоять, расставив ноги, засунув руки в карманы, и смотреть в одну ведомую ему даль. Мозес думал. Он знал много занимательных историй и любил их рассказывать. О королях, походах, битвах на суше и на море. Не менее интересные истории он рассказывал о первобытных племенах, которые обитают в джунглях и на далеких островах.

— Наш историк оседлал своего любимого конька, — посмеивалась Дора, — лучше принес бы ведро воды, бездельник. Ничего не допросишься у него.

— Дора, оставь его в покое. Что ты хочешь от мальчика? — отзывалась в защиту Мозеса Мини, и добавляла не то всерьез, не то насмехаясь, — подожди, мы еще доживем, когда он весь мир объедет.

Напротив нас, через улицу, проживала семья Готт, также депортированная из Буковины. Отец Янкл, бывший владелец лесопилки, и его две взрослые дочери, имена их не помню. Мать семейства умерла в дороге. То ли при депортации они не успели захватить с собой одежду, ценности, то ли они их на этапе растеряли. Теперь материально им приходилось тяжело. Семья жила в основном за счет частных уроков французского

и немецкого языков, математики, которые дочери давали детям гетто, в большинстве из буковинских семей.

В этом же доме, с противоположного торца, проживала семья Рашкован, депортированные из Бессарабии, город Бельцы. Глава семьи умер в гетто от сыпного тифа. В живых остались его жена Чарна и сын Юра. Добытчиком была Чарна, которая владела ремеслом портнихи. Это была хрупкая, подвижная женщина с вечной печатью заботы на смуглом лице. Юра был стройным юношей, физически развитым, выглядел старше своих тринадцати лет. Всегда спокойный, уравновешенный, с открытым вдумчивым взглядом больших серых глаз. Он был верным помощником и советчиком Чарны. Часто в разговорах она ссылалась на него: «Юра сказал, Юра считает». Эти семьи были нашими самыми близкими знакомыми, с которыми мы дружили.

Вообще, обитатели гетто негласно были разделены на три общины, состоящие из местных евреев, бессарабских евреев и из буковинских евреев. Общины редко пересекались. Общим для них было только проволочное ограждение гетто, сборы во время опеля, участие в принудительных работах, и в других мероприятиях по требованиям жандармерии и комендатуры, а также участие в вопросах благотворительности. Общины отличались по менталитету, культуре, социальному положению. Особенно отличие просматривалось между буковинскими евреями с одной стороны, и прочими евреями, местными и бессарабскими, имеющие много общего, с другой стороны. Буковинские евреи были более раскрепощенные, не горбатились, как в прочих общинах. Это были бывшие владельцы магазинов, частных предприятий, врачи, педагоги, банковские работники. Они прекрасно были одеты. Невиданная для нас, детей, родившихся и выросших при Советской власти и не покидавших родное местечко одежда, обувь, вплоть до головных уборов казались нам в диковину, как из сказочного мира. Для пожилых обывателей местечка в одеянии буковинских евреев виделось что-то давно забытое, когда-то встречавшееся изредка в дореволюционные времена. На их фоне сгорбленные, запуганные ремесленники местных и бессарабских евреев, в своих одеждах, смотрелись шлеперами¹. Это давало право буковинским евреям, с учетом знания румынского языка, смотреть на всех остальных обитателей местечка свысока. Но не только деловые люди и интеллигенция составляли буковинскую общину. Встречались среди них также шантажисты, доносчики, рэкетеры и прочие люмпены. Одного из них, по фамилии Зис, жандармерия назначила руководителем гетто. Это был грубый, неотесанный тип, с бицепсами мясника и большим животом. У него была жена болезненного вида и сын, толстый оболтус в возрасте десяти лет. Двери их дома всегда были на запоре. Они ужасно боялись заразных болезней. Возможно,

1 Бедняки, нищие (евр.)

поэтому никогда, никому не подавали подаяния. Или, возможно, просто из жадности и черствости души. Если свои, буковинские евреи, такие как Кастнер, Мозес, Лефнер и некоторые другие, фамилии которых я уже не помню, относились к нему с презрением, и не давали ему особо лезть в их личную жизнь, то всех других обитателей гетто Зис с его пособниками третировали. Самым любимым изречением одного доносчика и шантажиста из этой «прекрасной компании» было: «Где я ступаю ногой, там трава не растет».

Несмотря на различие во всех житейских отношениях между условными общинами, дружественные связи между ними поддерживались. Наша семья, как и многие другие, поддерживала дружественные отношения как с буковинскими, так и с бессарабскими евреями.

XVIII

Не могу пройти мимо еще одного человека, знакомство с которым, к моему большому сожалению, не состоялось. Прохаживаясь по улице в хорошую погоду недалеко от нашего дома я несколько раз видел молодого парня, греющегося на солнце. Он был худощавый, с небольшой головой на узких плечах. Парень с трудом, опираясь на палку, выходил из дома, который наполовину погрузился в землю, и усаживался на стул. Он протягивал длинные худые ноги и откинувшись на спинку стула, подставлял исхудалое, в морщинах, желтое лицо на котором выделялся заостренный тонкий нос, солнцу. После чего он застывал и оставался недвижим. Со стороны тело выглядело безжизненным. Порой ему помогал передвигаться сгорбленный старик с лохматой бородой и сверлящим взглядом. Иногда он приносил парню небольшую фанерку и тот, оживляясь, что-то писал на бумаге. При этом чувствовалось какое-то напряжение во всех его движениях: то он низко наклонялся над листом, то откидывался назад. На вид ему было лет двадцать пять. Измученное желтое лицо, чисто выбритое, с тонким носом было сосредоточенным. Казалось, что для него кроме бумаги, которая перед ним лежала, ничего на свете не существует. Однажды, проходя мимо, я заметил, что он, оказывается, не пишет, а что-то рисует. Я чуть приостановился, но рассмотреть рисунок не смог. Он был небольшой. На нем я увидел что-то наподобие зонтика и перевернутые деревья. Остановиться и рассматривать рисунок я постеснялся. «Здорово рисует» — позавидовал я его умению. Я не знал, какая у него была профессия. Но если судить по внешнему виду, то его можно было представить себе художником, учителем, аптекарем и мало ли еще кем. Я даже не знал, откуда он прибыл

к нам, из Бессарабии или Буковины. «Как было бы хорошо научиться рисовать» — размечтался я, медленно продолжая путь. «Что с того, что не знакомый? Не прогонит же он меня, если подойду и попрошу разрешить мне постоять рядом, посмотреть, как он рисует» — решил я. Вдохновленный такой мыслью, я повернул назад, и стал медленно приближаться к художнику. И тут я заметил, что он по обыкновению откинулся назад на спинку стула, прикрыл глаза, подставив лицо солнцу. «Наверное, отдыхает или спит» — подумал я, и тихо отошел, чтобы не мешать ему. «Приду позже, когда он проснется» — решил я, и отправился домой.

— Хорошо, что ты пришел, — встретила меня мама, — мой руки, и садись к столу, покушаешь свежий супчик. Изю не видел?

— Нет, не видел.

— Тоже поел бы свежий супчик. Где его только носит целый день? — озабоченно проговорила мама.

Когда я поел, мама отправила меня к тете Голде с каким-то поручением. Возвращаясь от тети, я направился к месту, где сидел художник. Но уже его не застал. «Приду завтра» — решил я. На завтра его не было, и на второй день его не видно было. Каждое утро я просыпался с надеждой, что уже сегодня его увижу. Меня охватывала радость, когда я себе представлял, что стою рядом с ним и смотрю, как он рисует. Но время шло, а художник все не появлялся.

Мои ожидания рассеялись в один прекрасный солнечный день, когда, глядя в глубокое синее небо, на плывущие белые облака, я думал, что не сегодня, так завтра встречу художника, буду стоять рядом с ним, и увижу, как на чистом листе бумаги по волшебству появляется рисунок. Мечта оказалась несбыточной. Я узнал, что художник умер, и почувствовал себя, как человек, у которого нечаянно выпало из рук что-то очень ценное и погрузилось в пучину моря, откуда его не достать. Почему мечта бывает такой ненадежной, такой хрупкой? Мне казалось несправедливым, что он такой молодой, и умер. Почему? Я знал старика, который выводил художника на улицу. У него было угрюмое, морщинистое лицо и колючие глаза. Я боялся его. Но любопытство оказалось сильнее страха. Однажды при встрече с ним я набрался смелости, и обратился к нему.

— Вы отец художника, который умер? — спросил я.

— Зачем тебе это? — вопросом на вопрос ответил старик, сверля меня злым взглядом.

— Я видел, как он рисовал, — растерявшись, пробормотал я.

— Никакой он не художник. Он учитель, преподавал историю в старших классах, — смягчившись, ответил старик.

— Отчего он умер? Он же не старый, — продолжал я.

— От чего умирают, спрашиваешь? Люди не вольны ни над своим рождением, ни над своей смертью. Так ему на роду было

написано. Все под Богом ходим. Он болел туберкулезом, все свои легкие выплюнул, вот и умер.

— Разве от этого умирают? — спросил я.

— Я что, доктор? Откуда мне знать? Приходил один. Говорил, что болезнь его запущена. Но если создать ему особые условия, возможно, еще какое-то время проживет. Не смешно ли, в нашем положении создать какие-то особые условия? — совсем расстроившись, ответил старик, и добавил, — все что ни делается, все — к лучшему. Спасибо людям. Помогали всем, чем могли.

— Почему это лучше, что он умер? — спросил я его. — сумасшедший старик — решил я.

— Ты еще ребенок, тебе не понять. Он умер среди евреев и его придали земле по нашему обычаю. Бедняга отмучился, слава Богу, а иначе напрасно бы продлились его мучения. Что его могло ожидать? Одни мучения, и не дай Бог этап, его бы жандармы тут же убили и бросили в поле на растерзание зверей, как они это делали со многими другими беспомощными больными, — устало ответил старик, махнул рукой и ушел. Мол, о чем с тобой говорить. Подрастешь, тогда поймешь.

Понятие смерти в гетто стало обыденным. Как будто разговор шел о погоде, об обычных повседневных делах. Мне было жаль учителя и этого странного старика. Взволнованный его рассказом и непонятными суждениями, я даже не расспросил его, откуда он и кем приходится учителю.

Был бы жив доктор Бромберг, — подумал я, — может, он вылечил бы учителя, и он бы не умер. От всего этого стало тоскливо, грустно. Я бесцельно пошел по улице без всяких намерений.

XIX

В один из теплых дней, когда я вышел погулять, увидев меня, Мозес позвал: «Иди сюда, я тебе расскажу о теплых странах». Мы уселись в тени, и он стал рассказывать о всяких чудесах: что там круглый год тепло, зимы там не бывает. Что имеются места, где половину года засуха, ни капельки дождя. А вторую половину года дожди льют беспрестанно. Что людям не нужно беспокоиться о еде. Полно в степях разной дичи, а на деревьях растут всякие вкусные фрукты. Мозес говорил беспрестанно, он не мог остановиться, как жаждущий напиться воды. Слова вырывались фонтаном и затапливали меня. Спасла меня от потопа Дора. Она позвала Мозеса домой.

Переполненный впечатлениями от рассказов Мозеса о далеких невиданных странах, где полно всякой дичи и много разных вкусных фруктов, я решил еще немного побыть на улице. Еще до конца не сознавая, что привлекло мое внимание,

я остановился и стал осматриваться. Напротив меня был садик Шлоймы Чванько.

Лето близилось к концу, в садах созревали яблоки, груши, слива. Мое внимание привлекли поспевающие в саду сливы. Я стоял, как замороженный, и смотрел на них. Настоящая фамилия Шлойме — Герцберг, но все его знают по уличной кличке — Чванько. Любил человек почваниться. О чем бы ни шел разговор, у Шлойме всегда все лучше, краше, больше. По правде сказать, повод чваниться у Шлойме был. Каждый знает, что когда слякоть под ногами, гулять в калошах и резиновых ботах с прорезами не очень приятно. Кроме насморка и простуды ничего не нагуляешь. А как играть в футбол, когда камера футбольного мяча лопнула, или покататься на велосипеде, когда в камеру влез гвоздь, и она испустила дух. Вот тут на помощь приходит Шлойме. Он один на все местечко и все село умеет лечить и калоши, и боты, и камеры. Да еще и как лечить! В новом месте появится прореза, а поставленная заплатка целой остается. Не было у него в этом деле конкурентов. В других ремеслах сколько угодно конкурентов, а у него нет. До войны в местечке даже резников было двое, а умельца лечить резиновые изделия только один. Кроме того, у Шлойме был единственный садик, из немногих в местечке, который оказался в пределах гетто. Вот, теперь сами посудите, разве не имел он право чваниться? Ему можно было только завидовать.

Так вот, я стоял и любовался видом поспевающих слив, покрытых бархатной пеленой, отдающей синевой. Я уже чувствовал во рту давно забытый их вкус. Я продолжал стоять, глядя на сливы и при этом думал о рассказе Моисея о разнообразных фруктах, которые растут в далеких теплых странах, с чудными названиями.

— Тебе мальчик слив захотелось? — вывел меня из раздумья зычный голос. Я повернулся на голос. Рядом стоял здоровый молодой мужчина лет тридцати и насмешливо смотрел на меня. У него было лицо с крупными чертами, на котором выделялись полные губы и смеющиеся глаза. В больших сильных руках он держал какой-то сверток.

— Очень, — ответил я.

— Они еще не поспели. Придется подождать, — улыбаясь, высказался мужчина, при этом обнажив крепкие белые зубы.

— Знаю. Разве это ваша слива?

Он громко рассмеялся, поглаживая свободной рукой непокорный чубчик на голове.

— Пока слива созреет, мы еще встретимся, поговорим. А сейчас я тороплюсь, — не отвечая на мой вопрос, он улыбнулся и ушел.

После этой встречи мы встречались еще несколько раз, уже как старые знакомые. Еще до того, как созрела слива, мы с ним подружились. Жил он недалеко от Шлоймы Чванько¹. Оказалось,

¹ Человек любящий похвалиться (укр.)

что ему всего двадцать семь лет, звать его Мендл. Он познакомил меня со своей женой, молодой миловидной женщиной. Ее звали Эльза. Уже в гетто недавно она родила девочку. Мендл рассказал, что они депортированы из Бессарабии, из небольшого городка. О родных им ничего не известно. Они были депортированы раньше. Но он пытается через жандармерию их разыскать. Сам он, Мендл, по профессии краснодеревщик. О себе он говорил, что он социалист и атеист. Он терпеть не может буковинских евреев, называя их эксплуататорами и спекулянтами. В Бога он не верит, так как, по его выражению, ни одним из данных человеку чувств его познать невозможно.

— Религия полна выдумок и фанатизма, которые вносят раздоры, ненависть между людьми, народами, — говорил он.

Не смотря на то, что к тому времени я уже посещал хедер, слова Мендла о религии мне, как бывшему советскому школьнику, были созвучны. Об этом я слышал с малых лет. Иногда Мендл брал меня с собой в мастерскую, где он творил. Мне нравилось бывать там, смотреть, как он работает, просто беседовать с ним. Однажды, когда мы, как обычно, шли с ним в мастерскую, разговаривая о чем-то, нас остановил шедший навстречу полицей. Полицай хорошо знал Мендла, где и чем он занимается. Также знал, что он находится в близких отношениях с жандармской верхушкой.

— Куда пацана ведешь, разрешение имеется? — обратился полицай к Мендлу, — ну, думаю, попадет нам.

— Мне разрешил начальник жандармерии взять помощника, — спокойно ответил Мендл.

— Где письменное разрешение?

— Начальник сказал, что его слову должны верить, — ответил Мендл.

После небольшого раздумья полицай махнул рукой, мол, идите.

— Уважает жлоб начальство, — рассмеялся Мендл, когда мы расстались с полицаем. — когда ты со мной, не бойся, — добавил Мендл, заметив, что я испугался.

Мастерская находилась на территории бывшего колхоза имени Калинина. Мендл открыл двери мастерской, которая располагалась в небольшом помещении. От резкого запаха лака, клея заслезились глаза, запершило в горле и носу. На стеллажах стояли готовые изделия и заготовки. Жаль, что его творения были только для жандармов. Мендл не просто работал, он именно, творил с помощью простых дощечек, шпона разных пород дерева, столярного клея, лака. Он пилил, строгал, клеил, лаком покрывал, шлифовал. И, как по волшебству, появлялись невиданной красоты доски для игры в шахматы, для игры в нарды, и всякие разных размеров шкатулки, другие мелкие изделия, инкрустированные шпоном разных пород дерева. Во время работы

Мендл был сосредоточен, молчалив, движения были выверенные, он колдовал. Казалось, что любые посторонние шумы, звуки могут нарушить это таинство. И я сидел молча, затаив дыхание, и видел только волшебные движения его рук. Однажды я ему стал рассказывать о хедере, в котором мы, ребята из гетто, постигали святое Писание и веру в Бога. На кого еще могли возложить свои заботы и надежды обитатели гетто, кроме Бога?

Создание хедера в гетто решало сразу две проблемы. Первая — это то, что дети, лишенные возможности учиться в обычной школе, могли свободное время тратить не впустую. Вторая — решала материальное обеспечение ребе и его семьи. Каждый обитатель гетто находил свою нишу для выживания.

Из воспоминаний Юрия Рашкована: «...Но самым главным, на мой взгляд, была забота о духовном воспитании детей, молодежи. Раввин из Липкан (к сожалению, я не знаю его фамилии) стал обучать нас, мальчиков, достигших 13-ти лет, молитвам, чтобы мы могли говорить «кадиш» в память о погибших родителях. Самые теплые воспоминания сохранились у меня о семье Янкеля Готта из города Рэдэуц, что в южной Буковине. Две его дочери стали готовить нас, малышей, к школе. Особенно им удавалось преподавание французского и немецкого языков, которыми они владели в совершенстве. Знания, полученные мною по французскому языку на уроках двух подвижниц, послужили в дальнейшем основой для изучения этого языка в средней школе, университете и сдачи экзамена на кандидатский минимум».

Обучал нас старый, благообразного вида ребе. Говорили, что он из Бессарабии, из города Липкан. Помогал ему его зять, мужчина лет около сорока, юркий, с огненными рыжими бородкой и пейсами, всегда чем-то недовольный, то ли болезненной женой, то ли капризничавшим ребенком. Ребе с семьей занимал часть дома, которая находилась под одной крышей с бондарем Тойве Тительман. Там имелись две комнаты и кухня, которые в одно и то же время служили для жилья, хедера и молельни. Раньше здесь проживал местный шойхет с семьей. Они все погибли во время ариги¹. Теперь днем здесь в меньшей комнате дети изучали Тору, утром и вечером в большей комнате собирався миньян для молитвы.

Ребе был старенький, с длинной седой бородой, изможденным бледным лицом, сутуловатый. Одет был в длинную; не первой свежести, черную капоту, черная кипа покрывала его почти лысую голову. Он обычно сидел в старом обветшалом кресле и указкой водил по словам изучаемого отрывка Торы. Мы, ученики хедера, прочитывали слова священного писания и толмачили их на идиш. Значение новых, неизвестных слов он нам подсказывал. Таким способом мы постигали Пятикнижие. Иногда, когда его зятю удавалось увильнуть от общественных работ, ребе поручал

1 Разбой, убийство (евр.)

ему проводить с нами занятия, а сам в это время углублялся в какие-то фолианты и что-то про себя шептал, прикрыв глаза и шевеля губами. Нам ребе больше нравился, чем его зять. Ребе более спокойно относился к нашим шалостям, не возмущался, если мы не точно толмачили слово, подсказывал. Зять, в отличие от ребе, был человек нервный, резкий и нам порядком от него попадало — и указкой по рукам, и подзатыльниками угощал, и ушам доставалось.

Пока Мендл готовил клей, я не переставал расхваливать нашего ребе на все лады. И добрый он, и знающий, и как страстно он молится. Видно, что он предан Торе, и всем сердцем верит в Бога.

— Таких людей, которые истинно верят в Бога, нельзя не уважать, — отставив в сторону мисочку с клеем, к моему удивлению, с какой-то завистью, как мне показалось, проговорил Мендл, и продолжил, — вот фанатов, ханжей не терплю. Первые — безумные слепцы, вторые — мошенники. Бога и людей пытаются обмануть. Много лет спустя я где-то вычитал, что человек, который говорит не лукавя, что завидует тем у кого есть вера, по сути является верующим, поскольку, сам того не понимая, прошел большую часть тернистого пути к истине.

— Когда ребе не то читает, не то молится, он ничего не видит и не слышит, что творится вокруг, — продолжал я расхваливать ребе.

— Что, если сорвать сливу, когда Шлойме молится? Как ты думаешь, он как твой ребе в это время ничего не увидит и не услышит? Или молитва, конечно важна, но сливы дар Божий, и не смей никто трогать? — как бы про себя, возможно, что-то вспомнив смешного, проговорил Мендл, и расхохотался. Смех его был звучный, заразительный. Мне тоже стало смешно. Я воспринял это, как шутку. Но эта шутка имела самые неприятные последствия для меня.

После нескольких дней ветреной погоды с частыми дождями, когда кроме хедера, я из дома никуда не выходил, уже второй день как потеплело, земля просохла, небо очистилось от туч, вернулось лето. Настроение было приподнятое. Обычно ребе расхваливал и ставил нам в пример прилежность в учебе и поведении внука старого Янкеля, винодела. Внука звали Рувим. Ему удалось избежать расстрела. В тот день были расстреляны его мать и два младших братика. Отец его находился на войне. Старый Янкель не спускал с Рувима глаз. Это была его единственная родная душа, выжившая после расстрела. Рувим замыкался в себе и редко принимал участие в наших играх. Но к учебе, ребе был прав, он относился очень серьезно, был лучшим среди нас. Иногда, правда, похвалы ребе устаивались и другие ученики. Так, сегодня ребе впервые похвалил меня. Ему понравились мои знания пройденного материала об исходе евреев из египетского

рабства. Удивленный этим, на радостях, по пути из хедера домой я помог соседке Доре донести ведро воды до ее дома. Довольный собой я забежал домой, наскоро поел и направился на пустырь, где обычно собираются ребята поиграть в ножичек, прятки, войнушку или затевают другие игры. Прекрасная погода. По синему небу плывут небольшие белые облака, временами закрывая солнце. Настроение хорошее, и я выбрал самый короткий путь к пустырю, который пролегал мимо дома, в котором под одной крышей жили семьи Готт и Рашкован. Когда я прошел вдоль дома, за его углом, недалеко от пустыря я увидел обычное для гетто представление. Полицай объяснялся с обитателем гетто. Так как они вели разговор на разных языках, еврей что-то лепетал, а полицай заезжал ему кулаком то в лицо, то в бок, они друг друга не могли уразуметь. В других случаях полицай вместо кулака применяли палку, но от этого общая картина не менялась. За что, почему? Причин сколько угодно. Прошел за ограду гетто без разрешения, не то сказал, не так посмотрел, не так что-то сделал, в общем, провинность всегда находилась. Бывало, что сначала полицай побьет человека, а уже после уточняется за какую такую провинность наказание. Такое случалось в гетто не раз. Чтобы не испытывать судьбу, я решил пройти на пустырь другой дорогой, в обход. Нужно было пройти вниз по улице и завернуть в следующий проулок, ведущий к пустырю. По пути оказался дом Шлоймы с палисадником и спелыми сливами на дереве. Когда я проходил мимо дома, рука самовольно потянулась к сливе на ветке достать которую, даже если бы я подпрыгнул во весь свой рост, не было возможности. Озадаченный своим поступком я вспомнил шутку Мендла и на всякий случай посмотрел в окошко дома. Нет, Шлойма не молился, он чем-то занимался и, как будто, ничего не заметил.

— Слава Богу, — решил я, — кажется, пронесло.

Не успел я сделать несколько шагов, как услышал грохот открывшихся дверей. Оглянувшись, я увидел Шлойму с ремнем от штанов в одной руке, другой он поддерживал штаны. Его намерения были очевидны. Сначала я решил ему объяснить, что ничего плохого я не сделал, что сливы не срывал. Но по его виду я понял, что всем моим заверениям он не верит. Поэтому, по мере его приближения, я отступал на приемлемое расстояние. Куда бежать? — раздумывал я, осматриваясь по сторонам, — в сторону пустыря или домой уже поздно. Протыкнуть мимо Шлоймы не было возможности и я продолжал уходить от него, приближаясь к ограждению гетто. Наконец, не находя другого решения, я пробрался за проволочное ограждение, в надежде, что Шлойма не решится меня там преследовать. Я прилег в бурьяне и, затаив дыхание, следил за его действиями. Шлойма приблизился к ограждению и стал ругаться, грозить пальцем в мою сторону. Ну, и хорошо. Пусть себе ругается, — подумал я, — видно,

что боится выходить за ограждение. Мне вдруг стало смешно, я вспомнил Мендла с его шуткой. Нужно будет ему рассказать — решил я. Вскоре Шлойме притих, видимо, ему надоело ругаться. Возможно, он устал от погони, ругани. Помахав напоследок пальцем в мою сторону, Шлойме подтянул штаны, затянулся ремнем и ушел к себе домой. Как только он скрылся за дверями, я не стал долго раздумывать и, проделав обратный путь через ограждение, последовал его примеру. Я отправился домой. Играть с ребятами на пустыре мне расхотелось.

Лишь бы родители не узнали, не то попадет мне, — рассуждал я, — и что за человек этот Шлойме? Говорит одно, а поступает иначе. Чего он гонялся за мной? Ведь я ни одной сливы не сорвал. Даже если бы сорвал, ну и что? Все равно ему их девать некуда. Я сам слышал, как он говорил соседям — Ох уж эти дети, разве я им жалею слив, как говорит моя Фейга: «Сейчас варить компоты, повидло не для нас. Теперь только гойим могут себе это позволить. У них сахар имеется, а у нас только одни цорес. Так что пусть уже дети полакомятся, получают удовольствие, не пропадать же сливам». — Ну, теперь вы сами посудите, разве мы жалеем детям сливы? Но дайте же им созреть, и тогда пожалуйста, всех угостим. Что вы так вздыхаете, Янкл, разве я не прав?

— Вы правы, Шлойме, — ответил как-то отрешенно старик Янкель. На него рассуждения Шлойме о сливах и детях отразились гнетуще. Они, возможно, напомнили ему его внуков, мальчиков пяти и десяти лет, Лерина и Абрама, которые были расстреляны в подвале вместе с невесткой, и теперь покоятся в братской могиле.

Все знали слабость Шлойме поговорить, почваниться. Ну, и на здоровье. Ну и чванься сколько тебе угодно, только не лезь в душу к другим. Но уже такой у Шлойме характер. Нелегко ему менять свои привычки. Шлойме остался верен себе и на этот раз. Он не только родителям, но и всем соседям рассказывал какой я злодей и как ему, слава Богу, удалось спасти сливы.

— Не замечь я вовремя, — с пеной у рта рассказывал Шлойме, — этот хуцпеник¹, это он обо мне, оборвал бы все сливы. Еще немного, и ни одной сливы на дереве не осталось бы.

XX

Я не знаю, насколько серьезно отец воспринял рассказ Шлойме, но о моем поведении и кто я такой, он мне довольно доходчиво на словах объяснил. Он внимательно выслушал мои объяснения. О причастности к этой истории Мендла я не стал рассказывать. Сам виноват.

— Я тебе верю. Без особой надобности к дому Шлойме

1 Нахал, бессовестный (иврит)

нечего подходить. Лучше, вообще, обходить его стороной, — в заключение сказал отец.

С того времени дом Шлойме Чванько я стал обходить десятой дорогой.

Когда при встрече с Мендлом я, едва не плача от незаслуженной обиды, рассказал ему, как я нечаянно попытался сорвать сливу и как за мною гнался Шлойме, он вместо того, чтобы посочувствовать, расхохотался.

— Вам смешно, — проговорил я с обидой, — Шлойме всем соседям рассказывает, какой я невоспитанный, что я хотел все сливы оборвать. Еще и отец мне выговор сделал. — жаль, что все так вышло, — перестав смеяться, говорит Мендл, — не переживай. Ничего плохого ты не сделал. Отец твой прав. От таких людей, как Шлойме, лучше держаться подальше. Шлойме самовлюбленный гордец и настоящий скряга — это точно. К тому же это человек, у которого слово и дело расходятся. Можно его только пожалеть. Если хочешь, завтра пойдешь со мной в мастерскую, там поговорим. А сейчас, извини, мне пора идти.

Отец, человек строгий, никогда не позволял себе поднять руку на нас (меня и брата) за наши шалости или проступки. Если со старшими детьми он был на равных, советовался с ними, то к нам, младшим, относился заботливо, ласково. При этом он был немногословен. Он мог проявить свои чувства, разве что самое большее в том, чтобы засыпающего или приболевшего ребенка погладить по голове и сказать: «майн тойбеле»¹. Но мы чувствовали его любовь и взаимно любили его и уважали. Он всей душой был предан семье. Детей родители старались оберегать от житейских неурядиц, не выяснять при них спорные вопросы. Никогда при нас в разговоре они не повышали голос. Не помню случая, чтобы они при нас осуждали какие либо чужие проступки. Вот, похвалить взрослого или ребенка — это допускалось, я думаю не без умысла, в назидание нам.

Родился и вырос отец в многодетной семье скорняка Герша и его жены Ривы. У них было шестеро детей, две девочки, Гитл, Эйда и четыре парня — Велвл, Берл, Абрам, Шлойме. Дед обучил ребят своему ремеслу. После выдачи замуж дочек и женитьбы старшего сына Велвла, когда отец женился, дед помог ему купить недорого, по случаю, большой дом под железной кровлей. Хозяин этого дома занимался оптовыми поставками зерна. В Одессу зерно доставлялось конными обозами. С появлением на расстоянии десяти верст от местечка железной дороги он поспешил перебраться ближе к ней, и продал свой дом. Ремесло скорняка было весьма распространенным занятием, так как основная одежда села была связана с овчиной. Она шла на пошив тулупов, кожаных, поддевок, венгерок и других изделий. Работа скорняка была ручная, трудоемкая. В отличие от своих коллег по

¹ Мой голубок (евр).

ремеслу, работавших по старинке, отец старался улучшить методы работы, облегчить по возможности труд, повысить качество. Отец первый среди своих коллег по ремеслу стал в работе пользоваться швейной машиной фирмы «Зингер» для выполнения отделки изделий. Он также стал пользоваться индивидуальной выкройкой, сам ее изготовлял по лекалам. Он любил свою профессию, досконально знал ее — от выделки овчины, ее окраски, и до пошива изделия. Выполненные им изделия радовали глаз. Манжеты, борта и накладные карманы поддевок, венгерок обрамлялись каракулем и отделялись вышивкой из различных цветов мулине. Отец с одинаковой тщательностью относился к выполнению работ по пошиву сложных изделий, простых и ремонту их. За что его заказчики уважали. Модные тогда, дорогостоящие изделия, как поддевка или венгерка, могли себе позволить заказать в основном районные высокопоставленные чиновники, директора предприятий. Большинство их заказов выполнял отец. Но основными заказчиками был все же простой люд с пошивом или ремонтом тулупа, кожуха и других несложных изделий.

Отец, как было принято во времена его детства, обучался в хедере. Он не был ортодоксом, однако прекрасно разбирался в священном Писании, Талмуде. Дома соблюдалась суббота и все еврейские праздники. В эти дни он посещал синагогу. В доме чувствовалось праздничное настроение. Праздники мы с братом различали в основном по праздничной кулинарии. Какой праздник Пурим без гоменташн²? Песах³ — волнующий праздник с массой забот. Это беспокойство родителей о выпечке мацы, это радость обновок к весне: если одежда и обувь поизносились, можно ожидать новый костюмчик, новые ботинки и даже новую кепку. Песах — это маца и куриный бульон, фаршированная рыба, кугель⁴ и блинчики из мацы. Праздник Ханука⁵ — это манный пирог, латкес⁶ и вкуснейшие пончики в масле. Кроме того, у тебя через плечо висит сшитый из ткани кошелек, в который ты складываешь подаренные родными и добрыми знакомыми деньги. Деньги, правда, небольшие, но их все же достаточно, чтобы приобрести чудесные конфеты — подушечки с начинкой. И лакомись в свое удовольствие. В Шевуот⁷ мы поднимали часть крыши, что было специально предусмотрено при ее устройстве, а мама нас потчевала сырниками, штруделем. Помнится еще куриный бульон с кнейдликами⁸.

Любимым занятием отца в свободное время было чтение

2 Печенье в виде треугольника с начинкой, чаще с маком и медом (евр.)

3 Пасха, евр. праздник (евр.)

4 Пудинг (евр.)

5 Евр. Праздник (иврит)

6 Оладьи (евр.)

7 Евр. Праздник (иврит)

8 Отварное изделие из теста или картофеля (евр.)

книг, что передалось нам, детям. Его любимые писатели были Шолом-Алейхем, Менделе Мойхер Сфурим, Ицхок-Лейбуш Перец. Жизнеописание маленьких людей, таких похожих на наших местечковых, с их заботами и надеждами, его волновали. Читал он обычно вслух с чувством, каждый персонаж выступал рельефно. Часто у нас за столом собирались знакомые, соседи, чтобы за чаем послушать его чтение. При этом были и смех и слезы, не было равнодушных слушателей.

XXI

Однажды, уставший и довольный после игр и беготни, я возвращался домой с пустыря. Я не торопился, чтобы к приходу домой остыть.

— Ты чего болтаешься на улице? — выругала меня наша соседка, выглядывая из приоткрытых дверей своего дома.

— А что случилось? — спрашиваю ее.

— Беги быстрее домой, ожидается опель. — отвечает она.

Я ускоряю шаг. Опель — дело нештучное. Нужно быть дома. То ли по домам будут ходить с проверкой, то ли на плац соберут для счета. Ходить по домам с проверкой — любимое занятие жандармов и, особенно, местных полицаев. Проверjali, все ли обитатели дома на месте. Так же осматривали дом от погреба до чердака, заглядывали в печь, раскидывали постели, искали в коробках и даже в горшках — нет ли посторонних. Иногда поиски производились уж очень тщательные в отсутствие обитателей дома, которых выгоняли на улицу. Ну уж, если чужака не находили, то пара старых кальсон, пара вязаных носков, часики, которые давно уже никуда не спешат, компенсировали служебное рвение жандармов. При этом полиция из всех сил старались проявить свою преданность власти.

Опель проводился по одному известному жандармерии расписанию, на плацу, в присутствии самого начальника жандармерии. Никто не знал, когда ожидается опель и чем он может закончиться. Одни, оптимисты, говорили, что все закончится, как всегда, поборами. Ну, еще поиздеваются, в назидание побьют несколько человек, может, бросят кого в подвал на несколько дней. Вторые, пессимисты, ожидали переселения в другое гетто или лагерь, отправку неизвестно куда на работы и даже, возможно, уничтожение гетто. Были еще и третьи, которым все уже было безразлично. Для обитателей гетто каждый день, каждый час был ожиданием неизвестного. Похоже, что опель проводился в зависимости от административного рвения начальника жандармерии. При этом он старался совмещать одновременно с проведением опеля улучшение своего материального и душевного состояния. Ответственным

за материальное состояние была община гетто под руководством председателя общины, грубияна Зиса. Душевное состояние начальника жандармерии обеспечивалось сестрами Леной и Розой. От общения Зиса с руководством жандармерии обитатели гетто ничего другого не ожидали, кроме как очередных поборов, или, не дай Бог, каких-нибудь других пакостей. Совсем другое дело — сестры Лена и Роза. Их близость с шефом жандармерии и другими шишками давала им возможность иногда своевременно узнать об ожидающейся проверке или обыске. А также о времени проведения очередного опеля.

Начальник жандармерии был мужчина крупный, с большим животом, на котором служебные ремни чувствовали себя не совсем уютно. Крупная голова с грубыми чертами лица, большие натруженные руки и ноги в громадных сапогах дополняли его облик. Если закрыть глаза и представить себе его в холщевом костюме и растоптанных башмаках, так он даже очень напоминал виноградаря или хозяина небольшой скобяной лавки. В нем было что-то очень домашнее. Всех обитателей гетто, в том числе больных и калек, собирали на плац. Жандармы и полицией группировали людей, размещали их по им одним ведомым принципам. Из-за «непонятливости» и несвоевременного выполнения команды обитатели гетто получали удары палками по голове, плечам, в общем — куда попадет. Это могло продолжаться два часа, три и более. А время шло. Люди уставали томиться. Особенно доставалось, когда солнце нестерпимо светило и от жары некуда скрыться и жажда одолевала. Не лучше, когда под ногами сырость и холодный ветер пронизывает насквозь. Стоять нужно было тихо, не разговаривать, без головного убора. В противном случае можно было схлопотать очередную порцию палочных ударов. Когда, наконец, с божьей помощью маневры по группировке завершались, начиналось второе действие — ожидание начальства, которое гостило у девчат или было занято другими важными делами. Если в этот день начальству было недосуг, или не все вопросы решены с руководителем общины, жандармы отпускали людей домой, и опель переносился на следующий день.

А на завтра все повторялось по заведенному порядку. Время в гетто тянулось бесконечно, ви дер идешер гулес¹. Несмотря на это, близилась вторая зима проживания в гетто. Человек так устроен, что привыкает к любой ситуации. Ищет пути выживания. Обитатели гетто научились добывать хлеб насущный, выполняя разные услуги для села, старались не терять человеческий облик, занимались благотворительностью. Отмечались еврейские праздники, собирався миньян для молитвы, дети посещали хедер. Для приготовления пищи и обогрева зимой пользовались дровами от разборки осиротевших домов. По ночам, рискуя встретиться с полицаем, тащили доску или бревно. Как уже кому повезет. От

1 Как время рассеяния евреев в диаспоре (евр.)

одного полицая, Гришки, по прозвищу Гришка Немец, можно было откупиться бутылкой самогона. Другой полицай, Губернатор, по прозвищу Комсомолец, уж такая у него была натура, что не мог он не побить человека, а затем притащить его в подвал на отсидку. Правда, иногда подвала удавалось избежать снова-таки благодаря той же бутылке самогона. Ну, а третий полицай — Данылко Рак, был просто гонеф¹. Его так и прозвали — Данылко Гонеф. Он занимался открытым грабежом. Что не увидит, все ему нужно. Был еще активист, неофициальный сотрудник комендатуры, Михайло, по прозвищу Кецеле². Не дай Бог с ним встретиться. Он не ругал, не избивал, в подвал не бросал. Но от него можно было ожидать любую подлость. Он занимался шантажом, особенно от этого терпели местные евреи, о семейном положении которых он был прекрасно осведомлен. Он выматывал душу, от него откупиться было нелегко.

Несмотря на все переживаемые трудности и невзгоды, вторая зима для обитателей гетто была несравнимо легче первой.

Чтобы обитатели гетто не особенно скучали, комендант со своей командой решили их порадовать, устроить им, как и в прошлом году, демонстрацию в честь праздника. На этот раз в ознаменовании дня Красной армии. Из воспоминаний Ильи Гержберга: «23 февраля всех жителей гетто, стар и млад, вывели на площадь. Полицай приказали всем взяться за руки, бегать и кричать: «Мы, жидаы, крали дрова». Демонстрация продолжалась два — три часа. Поиздевавшись вдоволь, их загнали обратно в гетто».

— Слава Богу, обошлось, — вздыхая, измученные, еле держась на ногах, возвращались по домам обитатели гетто.

XXII

Однажды кто-то из ребят похвастался, что ему удалось достать несколько сахарных свекл прямо из кузова грузовика, следующего в Соколовку на сахарный завод. Делается, мол, это очень просто. Когда грузовик замедляет скорость на повороте дороги, нужно сзади ухватиться за борт, подтянуться и схватить свеклу с кузова, и затем аккуратно прыгнуть на землю. Что может быть проще. Я был полон желанием достать сахарную свеклу, из которой можно изготовить вкусные конфеты, и еще много чего хорошего. Раз другие могут, смогу и я. Я пришел к отцу в артель, которая находилась на повороте дороги в сторону сахарного завода. Было начало зимы, мороз сковал землю. Я с нетерпением стал ожидать машину, груженную свеклой. Как только она появилась, я приготовился к операции. Машина на повороте замедлила

---

1 Вор (евр).

2 Кошечка (евр.)

ход, я ухватился за борт, подтянулся, и вот она такая желанная цель — полный кузов свеклы. Не успел я протянуть руку, чтобы ухватить свеклу, как получил сильный удар. Это свекла, кинутая хлопчиком, который сидел в кузове, попала мне в голову. Я не удержался и брякнулся на землю. Так сильно болела голова, что я даже сразу боль в коленях не почувствовал. Поднявшись на ноги, я стал искать свой трофей. И, о радость, я его увидел. Это была крупная добротная свекла. Несмотря на боль, довольный добычей, я подобрал свеклу и отправился домой. О своем подвиге я никому не рассказывал, однако, видать, были свидетели. При встрече с ребятами, один из них, задира по имени Сема, улыбаясь во весь рот, заметил: «Смотрите, летчик пришел». Я оглянулся в поисках летчика. Но никого летчика я не увидел. Никто никогда меня летчиком не называл.

— О каком летчике ты говоришь? — спросил я.

— Не я же слетел с машины, — резонно, уже смеясь, ответил он. — Ты думаешь, что никто не видел, как ты шлепнулся с машины на дорогу?

Теперь уже все смеялись. Мне стало обидно до слез. Я пытался объяснить, как это вышло, как мне было больно, но это почему-то еще больше рассмешило ребят. Особенно им понравилось, как свекла угодила мне в голову. Еще долго ребята, вспоминая этот случай, потешались над моей нерасторопностью. Конечно, обидно было выслушивать насмешки ребят. Но какое это имело значение в сравнении с вкусными конфетами, которые изготовила мама и сладким малаем, который она испекла. Я готов был еще раз повторить этот «подвиг».

— Вы вовремя пришли, — обратилась мама к входящей в дом старой Фейге, — я вас угощу свежим малаем³.

Фейга, как обычно, пришла с недовязанным носком, нанизанным на спицах и клубком шерсти.

— Умерла бедная Рейзл, отмучилась несчастная, — усевшись на свое место и мастерски действуя спицами, сделала глубокий вздох, проговорила она. Как будто она не слышала предложение мамы.

— Вы о чем, Фейга? Какая Рейзл? — спросила тетя Марьяся.

— Я о Риве, дочке кузнеца Ици с нижней улицы, вашего соседа. Хорошо, что ее мама не дождала до этого, — глубоко вздохнув, обращаясь к маме, объяснила Фейга.

Мама знала эту девочку. Дом кузнеца Ици находился на нижней, недалеко от нашего дома. Как гордилась Ривина мама своей красавицей дочкой. Она мечтала выучить ее на врача: «Мы с Ицей решили, что наша Ривочка будет доктором. Все для этого сделаем, ничего не пожалеем».

— Когда уже кончатся наши муки? Бедная девочка, — с печалью в голосе проговорила мама.

3 Выпечка из кукурузной муки (евр.)

— Бог их накажет. Это же не люди, изверги. Так поиздеваться над ребенком, — смахнув ладонью слезу, проговорила Марьяся.

Это случилось вскоре после появления в Соколовке жандармерии. Для подготовки помещений комендатуры, по требованию жандармерии, туда были направлены люди из гетто. Они там побыли несколько дней, и вернулись обратно в гетто. Одну Риву, девушку семнадцати лет, они оставили для работы на кухне. Однако, с ней жандармы обошлись по зверски. В течении недели она подвергалась ими групповому изнасилованию. Поруганную, покалеченную, обессиленную Риву жандармы вывезли за село и бросили на дороге. Ей помог сельчанин, который заметил ее лежащую на обочине дороги. Он на телеге привез ее в гетто. На нее страшно было смотреть. Она похудела, лицо было искажено. У нее был вид человека болеющего чахоткой, она с трудом передвигалась. После перенесенной травмы Рива оправиться уже не смогла, она угасала у всех на виду. При отсутствии медицинской помощи ничем ей не могли помочь. Женщины погоревали по поводу смерти Ривы, вспомнили еще другие похожие случаи. Все это было знакомо и много раз пережито.

— Фейга, я по вашему совету испекла малай с использованием сахарной свеклы, — говорит мама, отрезая кусок малай, — покушайте, Фейга.

— Я уже не помню, когда ела такое вкусное печенье, — похвалила Фейга маму, отправляя в рот по кусочку малай — прямо тает во рту. Я всегда говорила, что немногие наши хозяйки могут сравниться с вашим умением делать выпечку. Тетя Марьяся, которая уже отведала малай, согласно кивала головой.

— Уже кто умел делать выпечку необыкновенной красоты и вкуса, — смущенная похвалой Фейги заметила мама, — так это вдова Бася. Ее, несчастную, расстреляли в подвале Дувида Гершковица.

— Что эти убийцы, эти нелюди натворили, — тяжело вздохнув, говорит Фейга, — где наш великий Бог, куда он смотрит? Куда ни посмотришь, о чем не заговоришь — всюду смерть.

— Что я хотела сказать о Басе — чтобы отвлечься от охвативших всех горьких раздумий — не было равных ей, что в выпечке, что в приготовлении всяких яств. Вы не хуже меня знаете, что в местечке ни один праздник — то ли свадьба, то ли брит-мила или еще какой, без ее участия не обходился.

Соседка Чарна, которая пришла попросить в долг немного черных ниток номер 10, тоже не осталась без угощения, без куса малай. Она не стала его кушать, только отщипнула кроху.

— Пусть Юра полакомится. Мы дома часто пекли малай, — сказала Чарна, — моему мужу он нравился с начинкой ягодами и орехами, и чтобы он был в меру сладкий, и в меру жирный. Даст Бог, еще будет у нас возможность испечь такой малай, как любил мой Дувид, пусть земля ему будет пухом. Еще один кусок

малая мама отложила для Рушкале тети Голды. Мне и брату тоже досталось по куску вкусного малая и по несколько конфет. Это был настоящий праздник. Жаль только, что малая было немного.

XXIII

За нашим домом, в пределах гетто, был небольшой участок свободной земли. Туда сбрасывали мусор, летом он зарастал бурьяном. С братом мы решили, что участок можно использовать под огород. Это могло облегчить решение продуктового вопроса. Мы увлеклись его решением. Для этого нужно было расчистить участок от мусора и травы. Чем мы и занялись, как только оттаяла земля. Наши усилия увенчались успехом, и мы успели вовремя перекопать участок, подготовить его под посадку картофеля. Трудности начались с приобретением посевного материала. Мама считала, что это детская забава, напрасный труд.

— Они только перепортят картофель. Он что, легко тебе достается? — обращалась она к отцу.

— Но они трудились, расчистили участок, вскопали его. Пусть попробуют.

— Переведут картофель без толку. Его еще и достать нужно.

— Я достану немного картофеля для посадки, — заверил отец.

— У тебя столько же ума, как у них, — заметила мама, как обычно в таких случаях, на всякий случай. Она всегда к нашим затеям относилась с сомнением. Это вызывало у нас стремление доказать обратное.

Отец слово сдержал. В уплату за работу ему дали с полведра мелкого картофеля. Отец объяснил нам, как высаживать его.

— Ну-ну, — проговорила мама, слушая его.

Мы справились с посадкой картофеля, и еще вдобавок по краям посадили несколько подсолнухов. С каким нетерпением мы ожидали, когда появятся первые всходы. И как мы радовались им в надежде на урожай. Все свободное время мы уделяли огороду, пололи сорняки, разрыхляли грунт, при необходимости поливали.

Был теплый летний вечер. Слава Богу, день прошел без особых происшествий. С братом вдвоем закончили полив огорода, и зашли в дом поужинать.

— Мария принесла за работу почти два фунта крупы и два стакана фасоли, — за ужином обрадовала мама отца.

После ужина отец прилег отдохнуть, мать убирала посуду, тетя Марьяся, как всегда, воевала с кошкой — они не ладили. Мы с братом собрались, пока не стемнело, идти на улицу к друзьям.

— Здесь живет Шмудевич? — спрашивает пришедший в дом полицай Гришка Немец.

— Я Шмудевич, вставая с кушетки, — отвечает отец.

— Гайда, собирайся, в комендатуру вызывают.

— Кто, зачем?

— Не знаю. Там скажут, — отвечает полицей, и уводит отца.

Тетя Марьяся, на всякий случай, забилась в угол и сидит молча. Мы с братом остались сидеть за столом, мама ищет себе занятие, не находит себе места, все волнуемся. Делаем всякие догадки, выглядываем в окна, выходим на улицу, ждем возвращения отца. Уже на дворе стемнело, а отца все нет. Нет худшего испытания, чем ожидание чего-то неизвестного, не зависящего от тебя. Наконец, когда уже совсем стемнело, пришел отец. Он еле переступил порог, мама помогла ему добраться до кушетки. Она уложила его, помыла измазанное кровью лицо. Отец молчал, и мы его не стали расспрашивать. Было видно, как ему тяжело. Потом, отойдя немного, он нам сам рассказал, что с ним произошло.

В сопровождения полицей отец идет в комендатуру, старается угадать причину вызова. Не найдя объяснения, он понуро плетется рядом с полицаем. Полицай торопит: «Быстрее, быстрее». В комендатуре полицей оставил отца в прихожей, а сам зашел в кабинет коменданта.

— Заходи, — крикнул отцу полицей в приоткрытые двери.

Не успел отец переступить порог кабинета, заполненный вечерними сумерками, как к нему ринулся комендант.

— Где костюм, жид паршивый, сколько мне его ждать? — подпрыгивая, стараясь кулаком угодить отцу в лицо, орал комендант.

— Какой костюм, я ничего не знаю, — пробовал защищаться отец.

— А ну, всыпь ему, чтобы вспомнил этот жид проклятый, — крикнул он полицая, не переставая тыкать кулаком в лицо, пока кровь из носа не полилась, и добавил, — привыкли обманывать православных. Ух, отродье Иродово. Богоубийцы.

— Не знаю, не видел. Какой костюм? — лежа на полу, стараясь перекричать коменданта, от боли и страха взывал отец.

— Что за черт, — уставший от своего крика и жалобных стонов отца, охрипшим голосом проговорил комендант и добавил, обращаясь к полицая, — беги, позови сюда Михайло.

Пока полицей разыскивал Михайло, отец избитый, без сил, лежал на полу. Комендант нервно ходил по кабинету, высказывая все, что он думает о жидах. Какие они обманщики, бездельники, привыкшие жить за чужой счет, жалко, что не всех уничтожили и теперь он должен с ними возиться. Открылись двери, ввалился запыхавшийся Михайло с полицаем.

— Он говорит, что ничего не знает о костюме, — указывая на отца, проговорил комендант, и добавил, — как это понимать?

— Это же не портной. Он скорняк, — присмотревшись к лежащему на полу человеку, ответил Михайло, по прозвищу

Кецеле.

— Ты почему не того привел? — набросился он на полицая.

— Как не того? Было сказано Шмулевича, я и привел Шмулевича, — ответил полицай.

— Портной — Дувид Шмулевич, а это скорняк Шмулевич Берко, — разъяснил Михайло.

— Почему портной не принес костюм? Еще вчера должен был принести, я обещал братику в субботу привезти, — вызверился комендант на Михайло.

— Вы же говорили, что сами зайдете к портному, что хотите еще раз посмотреть, может какие замечания будут, — ответил Михайло, и добавил, — я предупредил портного, чтобы пацан, с которого снимали мерку, был на месте.

— Фу, черт, закрутился и забыл. Выгоните этого жидка домой, а ты, Грицько, больше не путай, ха-ха-ха, — смеясь, примирительно проговорил комендант и добавил, — не то и тебе перепадет.

XXIV

Обитателей гетто, взрослых и подростков, осенью направляли на сельскохозяйственные работы по уборке картофеля, сахарной свеклы, кукурузы. Особенно трудоемкой, с непривычки, была копка сахарной свеклы. Свеклу из земли вытаскивали специальным крючком, насаженным на длинное древко. При этом требовалось свеклу зацепить так, чтобы вытянуть ее целиком. Люди теряли особенно много сил и здоровья на уборке сахарной свеклы поздней осенью, когда начинались холодные дожди и заморозки. Обувь и одежда плохо защищали от дождя и ветра. Люди простужались, болели. Роботы велись под надзором бригадиров. Недоедание, болезни, ежедневная изнурительная работа на дорогах, в поле в любую погоду, с постоянными обидами и побоями, при отсутствии надежды на будущее требовало немалых душевных сил, чтобы вынести все это. Можно только удивляться той стойкости и выдержке людей в этих тяжелейших условиях, их стремление выжить наперекор всем трудностям, дожидаться освобождения от безнадежности.

В конце лета или в начале осени в селе появилась немецкая воинская часть, организация «Тодт», которая расположилась на территории бывшей семилетней школы, а еще до этого — бывшей панской усадьбы. Для обслуживания персонала организации «Тодт» направляли из гетто девушек и молодых женщин. Они занимались стиркой белья, работали на кухне. Их там кормили. Иногда им даже удавалось что-нибудь прихватить домой. Кроме выполнения обитателями гетто работ на дорогах и в поле, в последнее время с прибытием организации «Тодт», стали отправлять на работу к немцам мужчин и подростков.

Из воспоминаний Юрия Рашкована: «С сентября 1943 по март 1944 года меня трижды брали на работу к немцам. В таких случаях надежда на возвращение в гетто была минимальной. Первый раз в декабре 1943 года нас вернули в Жабокрич по настоянию румынских властей. Второй раз меня взяли на строительство укреплений в самом Жабокриче в январе-феврале 1944 года. Через местечко проходила стратегическая дорога из Умани на Ямполь — Сороки — Бельцы — Яссы. ... 13 марта в третий раз меня взяли на работу. Пришлось вытаскивать из грязи три немецких грузовика».

Правда, некоторым удавалось избегать отправки, откупиться. Жандармерия при содействии руководства общины не упускала любого случая для обогащения. При этом не гнушались обманом.

— Ну, скажите, не подлец ли наш Зис? Обещал больше Мозеса на работу к немцам не отправлять. И снова обманул, мальчика отправили к немцам. Ни копейки не дам ему больше, — жаловалась соседка Мини маме, когда принесла несколько картофелин, взятые ею в долг, — мы очень переживаем за него. Был бы жив мой муж, Зис и его дружки не посмели бы к нам так относиться.

XXV

Вне гетто, огороженного колючей проволокой, протекала своя жизнь, отличная от выживания в гетто. Село вживалось в новые условия, в жизнь под новой властью. Только в край обленившиеся люди не воспользовались возможностями в первое лето войны запастись урожаем с колхозных полей — зерном, корнеплодами, бахчевыми культурами. Некоторые сельчане приобрели в хозяйство лошади, телеги, плуги, бороны и прочий инвентарь. Не обошлось также без приобретения колхозных буренок, поросят и прочей живности. Давно село так богато не жило. Несмотря на то, что надежды получить наделы земли пока все еще оставались только надеждами, в остальном к новой власти у сельчан претензий не было. Правда ощущался дефицит в вещах первой необходимости — мыла, спичек, керосина и прочего. Было оправдание — на то война. Да и раньше, до войны, не все можно было свободно достать. Между тем новая власть разрешила открыть церкви, заниматься торговлей и частным предпринимательством, даже разрешила самогоноварение. Появились арендаторы, заработала мельница, маслобойка и другие производства. На производства выполнять погрузочно-разгрузочные и подсобные работы направлялись жители гетто. Первые два года оккупации в селе недостатка, что молоть не было, и из чего масло добывать тоже.

К тому, что творится в гетто, сельчане, за исключением нескольких маргиналов, проявляли полное безразличие. Как

будто всегда так было, так оно должно быть, и так оно будет всегда. После расстрела жителей местечка, разграбления их домов и поселения выживших в гетто, у сельчан не было больше поводов для зависти к евреям, не было чему завидовать. И, как следствие, снизилось осознанная и неосознанная неприязнь к ним. При этом у сельчан появилось явное чувство превосходства над евреями. Второсортность евреев, может быть подсознательно, во все времена отвечала их понятиям. Даже при советской власти часто можно было услышать из уст людей и безграмотных, и образованных, и даже от людей, обличенных властью выражение «еврейчик». «Мой знакомый еврейчик...», «Я говорил с еврейчиком...». При этом социальное положение еврея не имело для них значения. Будь то учитель, ремесленник, врач, командир Красной армии или нищий. Все они были «еврейчики». В большинстве случаев человек не задумывался над выражением «еврейчик». Это объяснялось ощущением им своего, якобы более высокого статуса по отношению к еврею. Ничего удивительного, если учесть, что унижение евреев, презрение к ним, вдалбливалось народу веками церковью, государственным антисемитизмом и интеллектуалами-антисемитами. Теперь при новой власти сельчане и впрямь ощутили свое превосходство над евреями. Они видели проводимую нацистами политику по отношению к евреям. Они питались националистической антиеврейской пропагандой, которая во всех бедах обвиняла жидов. Еврей превратился в «жида», и как утверждали ретивые националистические писак: «Скоро жиды можно будет увидеть разве что только в музее». Националисты всеми силами старались как можно больше унижить евреев, довести их до состояния бессловесной твари. Однако, некоторые сельчане, которые не до конца растеряли человечность, одновременно с чувством своего превосходства, и существующей свободой на презрение к жидам, проявляли жалость к обитателям гетто. Проявлялась, именно, жалость, а не сочувствие, за редким исключением. Это было проявление обычной человеческой жалости к живой твари, в которую с яростью пытались националисты своими действиями и пропагандой, пронизанную нацизмом, превратить евреев. При невыносимых условиях, существовавших в гетто, даже обычная человеческая жалость сельчан к обитателям гетто много значила для их выживания, и они были безмерно благодарны за это сельчанам.

Возможно, если бы сельчане не нуждались в услугах ремесленников гетто, основная масса их вообще не обращала бы внимания на существование гетто и его обитателей. На то, мол, имеется власть — жандармерия, комендант и полиция. Это их работа. Когда проводились опелы или комендант со своей свитой решали поизмываться над жителями гетто, мало кто из сельчан, за исключением отдельных маргиналов и подростков, принимали

в этом участие. Основная масса сельчан, снова-таки за редким исключением, не была отягощена агрессивным антисемитизмом.

У сельчан были свои заботы: о личном хозяйстве, о создании небольших коллективных хозяйств, о выплате налогов. Почти в каждом дворе, или через двор, в Красной армии, на войне, находились родные. А война ушла далеко на восток, и никаких вестей от них. Из националистических газет можно было узнать об успехах немецкой армии, о разгроме советов, о скорой победе вермахта. Тут же можно было узнать о врагах украинского народа жидо-большевиках. Что вскоре Украина будет свободна от жидов. Что больше жида не будут сидеть на шее украинского народа.

По воскресеньям и праздникам церкви наполнялись празднично одетым людом всех возрастов и полов. Хлопцы и девчата одевались в национальные наряды и украшения, сохранившиеся в бабушкиных сундуках. Цветастая, веселящаяся молодежь собиралась кружками на церковном дворе. По виду одежды и убранству было видно, какого достатка тот или иной парень, та или иная дивчина. Шумно, весело справлялись свадьбы и церковные праздники.

По различным случаям, религиозным и бытовым, проводились крестные ходы с хоругвями, иконами, молитвами и пением псалмов.

XXVI

Лучше всего наблюдать за тем, что творится за колючей проволокой вне гетто можно было с нижней улицы и соседней с ней, с пустыря, если обратить взгляд в сторону развилки тракта, уходящего в сторону Бершади и Соколовки. По вечерам на поляне у развилки дорог хлопцы собирались в кружок, пели душевные украинские песни, отзвуки которых разносились по селу и гетто. Также слышно было приглушенное расстоянием пение и из других уголков села, более удаленных от гетто. Девчата не отставали, устраивали девичники с пением, и их мелодичные голоса смешивались с голосами хлопцев.

В будни днем на тракте особо ничего интересного не увидишь. Разве что нескольких редких прохожих. Одни, не торопясь, идут по своим делам, другие с поклажей за плечами останавливаются отдохнуть. Вот две женщины, чем-то озабоченные, спешат куда-то, громко переговариваясь между собой. Иногда можно увидеть одну, две подводы, которые неторопливо движутся в том или другом направлении. И еще можно увидеть шумливую стайку веселых мальчишек и девчонок, идущих домой из школы. Становится обидно. Им, гоям, можно все, а ты только смотреть можешь и вспоминать. Недавно и мы, местечковые ребята, посещали школу, в парке в футбол играли, ходили в колхозный

клуб в кино. А как здорово было в жаркий день с друзьями искупаться в пруду, позагорать. Или поваляться в тени на мягкой траве возле дзюркала и утолить жажду холодной ключевой водой.

Пруд расположен в низине между местечком и сахарным заводом. Тихая речка Бережанка течет с запада на восток, заливая по пути встречные углубления, превращая их в небольшие озера и заливные луга. По пути она упирается в плотину и образует пруд. Тракт, идущий из района в сторону сахарного завода проходит по мосту. На подходе к нему слышен шум падающей воды, которая тонким слоем преодолевает плотину и продолжает свой путь до впадения в реку Дохна. Пруд служил жителям села и местечка не только для купания. Он также служил им для водопоя крупного рогатого скота, для водопоя и купания лошадей. Для ребят из местечка пруд был самым любимым местом для отдыха и игр летом и зимой. Летом дети купались и загорали под жгучим солнцем, играли на прибрежном лугу, где паслись козы и гуси. Зимой пруд служил катком, а по склону, идущему в сторону пруда, можно было спускаться на санках и лыжах.

В один из дней, когда люди изнывали от жары, искали прохладу, мы с ребятами сидели в тени лип на пустыре. Нас разморил зной. Ни разговаривать, ни играть не хотелось.

— Эх, сейчас бы пробраться до дзюркала или искупаться в пруду, — говорит Гецл. Да, неплохо было бы утолить жажду холодной родниковой водой, или искупаться в пруду и позагорать. Но рискованно. Может встретиться полицей, да и сельские хлопчики не всегда относятся к нам дружелюбно. Все же решили испытать судьбу. Может, повезет пробраться к пруду, искупаться.

— Вы как хотите, но к пруду я не пойду, — говорит Мехл, мальчик из Бессарабии, — только вчера мы с ребятами туда ходили.

— Ты как хочешь, а мы пойдем. Уже не помню, когда купался в пруду, — заметил кто-то из ребят.

— Мы не купались, нас прогнали сельские пацаны, — ответил Мехл, и стал рассказывать, как они с ребятами незаметно выбрались из гетто и огородами, мимо кирпичного здания еврейской школы, добрались до склона, ведущего к пруду. Осмотрелись, никого не видать. Только возле мельницы, которая находится недалеко от моста, возились люди, разгружая мешки с зерном. Не теряя времени, буквально скатились ребята по склону вниз и подошли к пруду. На противоположном берегу они заметили несколько сельских пацанов, которые чем-то были увлечены, и не обращали на них внимания. Довольные, они стали быстро раздеваться. Но не успели ступить в воду, как пацаны подбежали к ним и стали бросать в их сторону комья засохшей грязи.

— Перестаньте, хлопцы, бросать камни, — попросили ребята.

— Мы хотим купаться, — хором закричали сельские пацаны.

— Здесь места всем хватит, — ответили местечковые.

— Мы не будем вместе с жидами купаться, — было ответом и снова полетели камни и вслед крики: «геть звидсы»¹.

На поднятый шум прибежали еще пацаны.

— Жида погани, геть звидсы, не то побьем, — подхватили прибежавшие и стали тоже забрасывать ребят комками засохшей грязи. Им ничего не оставалось делать, как уходить. Они схватили в охапку одежду и бросились бежать, а сельские за ними, не переставая кричать и бросать в них камнями. Почти до самого оврага, что наверху (он имел ввиду яр Працько) сельские их преследовали. Уставшие, еле переводя дыхание, ребята вернулись в гетто.

Рассказ Мехла отбил у ребят охоту к посещению пруда. Даже о дзюркале не вспомнили, и стали расходиться по домам.

— Не всегда так было, — выслушав рассказ Мехла, уже уходя, заметил Гецл, — мы не раз прогоняли сельских пацанов.

Гецл прав, — думал я по дороге домой. Действительно, до войны тоже иногда случалось противостояние сельских и местечковых пацанов. Но тогда было все по-другому. Мы свободно сюда приходили, не было никакого запрета. Купались вместе и сельские и еврейские пацаны. Иногда, правда, возникали между нами стычки.. Сам не раз принимал участие в драчке с сельскими пацанами. Но это больше было похоже на игру под кличем: «кто сильнее», и заканчивалось успехом одной или другой стороны в зависимости от того, чья сила была больше. Сейчас все выглядело по-другому, шансы победить имела только одна сторона — сельская. Теперь мы, как обитатели гетто, вынуждены всегда отступать. Потому, что для нас это место стало запретной зоной. Все здесь было против нас. Этим с успехом пользовались сельские пацаны.

По воскресным дням с самого утра вдоль тракта оживает базарная площадь. До войны она была намного обширнее, доходила до церковной ограды и занимала половину улицы, которая шла ниже тракта. Чем здесь только не торговали. Овощами и фруктами, бахчевыми и зеленью, птицей и яйцами, молочными продуктами, мелкой живностью и крупнорогатым скотом. Тут же можно было приобрести разные изделия ремесленников — гончарные, кепки и сапоги, дубовые бочки разных объемов, деревянные корыта и бабды, кузнечные изделия. Базар был полон народа. Одни присматриваются, другие торгуются. Слышится блеянье овец, визг поросят, мычанье коров. Все спешат, торопятся. Базар — кормилец и для местечка, и для села. Нужно успеть продать свой товар и закупить нужные товары для дома. Вот очередь к прилавку, где расположился Хуна с йольтерской водой и мороженым. Настежь раскрыты двери лавки Йосла, туда выстраивается очередь за белой и красной глиной, за известью. Марьям, с вечно пропитанными краской пальцами, которая

1 Уходите отсюда (укр.)

продает синьку и разные краски. А что говорить о шапочниках и сапожниках, о портных и красильщиках. У каждого свой товар на выбор: подходите, покупайте, заказывайте. Местечковые хозяйки, уставшие и объятые сомнениями, носились по базару, приценивались, торговались. Каждая копейка на счету. Теперь базар только для гойим. Что не говорите, не тот теперь базар. Ни в какое сравнение с бывшим.

Теперь базар был намного скромнее. Он в основном заполнялся мелкой живностью, кормом для скота — зерновые, кукуруза, сено. Если повезет, можно купить по заоблачным ценам кусок мыла, десяток спичек, бутылку керосина. Тут же можно купить старое ведро, бывшую в употреблении одежду и обувь и другой дефицит.

XXVII

Закончилась слякотная осень с дождями, льющимися сверху из серого неба, и непролазной грязью внизу под ногами. Первые заморозки сковали землю. Люди с опаской готовились встречать наступающую следующую зиму в гетто. Не дай Бог, снова болезни, снова эпидемия. Медицины, как не было, так и сегодня ее нет. Для лечения пользуются давно забытыми средствами. Используют мел, золу, толченый уголь, листья подорожника, настой луковичной шелухи и другие подручные средства. Вечером увлеченный вкусным ужином, затирухой с поджаренным луком, я не сразу понял, о чем мама рассказывает отцу.

— Приходил Кецеле, наговорил целую майсе², — рассказывает мама.

— Что, у него претензия к полушубку? — пытался угадать отец.

— Я сначала тоже подумала об этом. И спросила его, понравился ли ему полушубок, нет ли каких претензий. — Что вы, — говорит он, — наоборот, я очень им доволен — и стал расхваливать его. И что удобный он и что красиво сшит. Что Дудя, у которого он постоянно шил себе изделия из овчины, никогда бы не смог так хорошо пошить.

— Так что же он хотел?

— На то он и Кецеле, ты же его знаешь. Я его слушала, и в толк не возьму, что ему нужно. При этом он мне моргнул в сторону Марьяси, которая крутилась по дому. Я ее отправила к Чарне узнать, не вернулся ли Юра с работы.

— Скажите, не стесняйтесь, если вам что нужно, — обратилась я к нему, когда вышла Марьяся.

— Нет, мне ничего не нужно, — начал он, — я, собственно, чего зашел к вам. Как добрым знакомым, хотя я не имею права,

2 Истории, небылицы. (евр.)

хочу вас уведомить, что комендант дал мне поручение. Я должен составить список жителей гетто с указанием у кого кто находится в армии, у кого в семье имелись коммунисты, комсомольцы. Я же вашу семью знаю. И вашего старшего сына, который часто принимал участие в хлебозаготовках по поручению горкома. И дочку вашу знаю. Она читала лекции по атеизму. Но вы можете не беспокоиться. Я уважаю хороших людей, и зла им не сделаю.

— Спасибо, Михаил Федорович, я вам верю. Мы вас отблагодарим.

— И, вот что еще. Я думал застать Берка. Мне нужно с ним посоветоваться. У меня пять овчинных шкур имеется. Хочу себе поддевку пошить. Но шкуры не вычиненные. Вот я хотел с ним посоветоваться, кто бы мог их вычинить.

— Муж придет, я ему передам вашу просьбу, — ответила я.

— Так я надеюсь на вас, — проговорил он, попрощался и ушел.

— Ну и Кецеле, ну и сволочь. Нашел мне работу. Мало ему, что я пошил ему полушубок. А насчет списков, думаю, это выдумка, — вздохнув, высказался отец и, помолчав, добавил, — выдумка не выдумка, а чинить шкуры придется. А потом еще и поддевку пошить. А чему собственно удивляться, у него власть. Раньше она была у фининспектора, тогда пришлось ему поддевку пошить, а теперь власть у Кецеле — придется и ему пошить.

После второй зимы оккупации настроение у жителей села стало ухудшаться. Растаяли надежды на получении надела земли, расстаться навеки с колхозом. К тому же румыны массово вывозили зерно, сахар и другие сельхозпродукты, крупный и мелкий скот, увеличились налоги. Жить становилось труднее. Националистические газеты продолжали писать о военных успехах немцев. Чем хуже обстояли дела немцев на фронтах, тем громче в газетах звучали реляции об их победах, и усиливались антисемитские высказывания.

— Двойра, что я вам расскажу, — проговорила, прибежавшая, запыхавшаяся от скорой ходьбы, Марьям.

— Что случилось, Марьям? — не ожидая ничего хорошего услышать, привыкшая к неприятностям, сопровождавшим жизнь обитателей гетто, с волнением спросила мама.

— Даст Бог, Двойра, — сделав глубокий вздох, как будто ей не хватало воздуха, Марьям продолжила, понизив голос, — немцам скоро конец придет. Так говорят.

— Чтобы вы были здоровы, Марьям, — успокоившись и в то же время взволнованная новостью, сказала мама, и продолжила, — Дай-то Бог. Где вы об этом слышали?

— Знакомая гойка рассказала, что появились в селе листовки, в которых об этом пишут.

С нетерпением, дождавшись прихода отца с работы, мама сообщила ему эту волнующую новость.

— Хотелось бы верить. Может, Бог, наконец, обратил внимание на наши бедствия. Но по поведению жандармов и полицейав этого не скажешь, — ответил отец.

— Ведь раньше таких разговоров не слышно было, — резонно заметила мама.

— Всем надоела эта власть, я уже не говорю о евреях. Но и гоям тоже. Ни земли, ни свободы они не получили. Может, люди выдают желаемое за действительное? — с сомнением и грустью говорит отец.

Однако, с каждым днем усиливалось распространение слухов о том, что немцы терпят поражения, заговорили о появлении в наших краях партизан.

Спустя некоторое время в местечке стали распространяться слухи, знакомые между собой шушукались. Говорили, что во время работы в лесу на заготовке дров жители гетто встретили настоящих партизан, которые подтвердили написанное в листовках, что нужно ожидать скорого освобождения от фашистов.

— Я узнала, что сын Песи, жены стекольщика Ушера, Фойця с другими обитателями гетто были в лесу на лесозаготовке. Рассказывают, что они там встретили партизан, — придя, в гости, рассказывала Марьям.

— Что с этого? — спрашивает мама.

— Что значит, что с этого? Я таки нашла его и говорю, — Фойцале, расскажи, как все это было. Правда, что вы встретили партизан или это выдумка? Он начал мяться, мол, дал слово никому не рассказывать. Я ему и так, я ему и эдак. Наконец, он стал рассказывать, но просил никому об этом не говорить. Если ему верить, вот как это было: утром, как обычно, когда распределяют на работу, меня и еще троих бессарабских мужчин, — говорит Фойця, — определили на заготовку дров. Полицай с винтовкой за плечами повел нас в сторону леса. Ничего не говорит, только указывает направление. Шли мы долго и уже начали волноваться. Комсомольца мы хорошо знаем, и всякие мысли приходят в голову.

Идем молча. Куда идем, зачем? Ни топора, ни пилы — какая заготовка дров? А полицай молчит, ничего не говорит. Только время от времени торопит, подгоняет хворостиной, которую обломал по дороге.

Впереди показался небольшой домик лесничего. Подходим ближе, на зов полицая выходит лесничий.

— Дай им пилу и топор, — обращается к нему полицай, — проследишь, чтобы торцевали по размеру отобранные бревна. Метки на бревнах имеются. Вот видите нарезки на бревне, это и есть метки. Смотрите мне, чтобы все бревна были сторцованы, — обращается он к нам, — не то в подвале заночуете. Вечером приду за вами.

— Ну, слава Богу, торцевать, так торцевать, — облегчено

вздыхаем и принимаемся за работу. Бревна плохо ошкуренные, тяжелые. Ворочаем их, находим метки и пилим.

— Фойцале, — говорю ему, — бекицер¹, зачем мне знать, как вы пилили, ты мне только ответь, видел ли ты партизан. Он меня не слышит, глаза горят, руками размахивает, — спасибо леснику. В обед он нас покормил. Дал нам по кружке молока и куску хлеба, — продолжает Фойця, — После небольшого отдыха мы снова принялись за работу. Бревен еще оставалось много, нужно было торопиться. Теперь слушайте самое важное, — он понизил голос до шепота, из глаз искры сыплются, — приходит парень лет двадцати с винтовкой за плечами, с красной ленточкой на шапке. За работой мы не заметили, откуда и когда он появился.

— Добрый день, мужики. Для кого бревна готовите? — спрашивает он.

Смотрим на него, как, возможно, люди будут смотреть при встрече с Машиахом². Во рту пересохло, язык к гортани прилип, молчим.

— Для полиции, — наконец, отвечаю я.

— Добрые бревна, — говорит парень, — они могут нам пригодиться. Доложу командиру. Где лесничий не знаете?

— Нет, недавно был здесь, куда ушел, не знаем.

— Вы сами, откуда будете?

— Из Жабокрича мы, из гетто, — отвечаем.

— Ну, теперь уже недолго вам оставаться в гетто.

— Это почему? — испугано спрашивает бессарабец Янкл.

— Скоро Красная армия придет и освободит вас. Немца бьют и в хвост, и в гриву. Скоро прогонят его к чертовой матери.

От услышанных слов мы буквально обомлели: стоим, смотрим друг на друга, слов не находим, я сразу понял, что это партизан.

— Возьмите меня к себе, — прошу его.

— Не могу, командир не разрешает. Потерпите еще немного, — ответил он, повернулся и ушел.

Бессарабцы накинудись на меня, чуть не побили.

— Откуда ты знаешь, что это за человек? Может переодетый полицай из соседнего села, или провокатор, — ругают они меня.

— Ну да, — рассмеялся я и говорю, — стал бы он с нами разговаривать, рассказывать о Красной армии, что немцам скоро капут. Расстрелял бы нас, и все. Это точно был партизан. Только не понял я, что ему командир не разрешает, или вообще чужих людей не приводить, или он имел в виду именно евреев.

— Ну, смотри — кричат мне бессарабцы, — и с таким усердием взялись за работу, как будто это может приблизить приход Машиаха. Так мы работали до самого вечера, пока все бревна не обрезали. Появился лесничий, мы ему вернули пилу, топор, и стали ожидать полицая.

1 Короче (евр.)

2 Мессия (иврит)

— Приходил молодой парень. Вас спрашивал, — обратился я к лесничему.

Он промолчал, сделал вид, что не расслышал и ушел к себе. Вскоре пришел полицай. Осмотрел бревна, ничего не сказал и повел нас домой. Я не знаю, как бессарабцы, но я от радости встречи с партизаном даже усталости не почувствовал — закончил Фойця говорить и смотрит, какое впечатление это произвело на меня и еще раз просит никому не рассказывать.

— Знаете, Двойра, хочется ему верить, — этими словами закончила Марьям волнительную историю о партизанах.

— Соню бы расспросить. Она связана с селом, и больше знает, что творится вокруг. Что-то давно ее не видно. Уже не помню, когда она приходила в последний раз, — говорит мама.

— Она и раньше не особенно общительной была, — заметила Марьям.

Дом Сони Зильберман оказался вне гетто, вне колючей проволоки. Она очень редко заходила в гетто и не так часто встречалась с его обитателями. Поэтому не удивительно, что никто не заметил ее исчезновения.

Вечером, когда отец пришел с работы, мама рассказала ему новость о встрече жителей гетто с партизаном.

— Если это правда, значит народ что-то учуял, и стал пробуждаться, — говорит отец, — Фойця, говоришь, просился в отряд к партизанам и ему отказали. Может, правду говорит. Но почему ему отказали?

— Вот если бы встретить Соню. Она многое должна знать.

— Вообще в последнее время она редко появляется на улице. Может, ей нездоровится, — проговорил отец.

Спустя несколько дней после этого разговора отец вечером, когда пришел с работы, рассказал маме, что сегодня случайно встретил Соню.

— Где ты ее встретил? — спрашивает мама.

— Утром, когда шел на работу встретил ее возле маслобойки. Она приходила купить бутылку подсолнечного масла, — ответил отец и добавил, — вид у нее болезненный, похудела.

— Чему удивляться. Целыми днями одна. Раньше хотя бы иногда с жителями местечка встречалась. Может, она болела, — пыталась мама объяснить ее болезненный вид.

До войны Соня, несмотря на свой замкнутый образ жизни, часто к нам заходила пообщаться. Она находила о чем поговорить с мамой. С отцом любила обсуждать произведения еврейских писателей, поговорить о жизни.

— Нет, не болела она. Причина была более серьезная. Она мне рассказывала, что ее арестовали и больше месяца продержали в управе, в Ямполье, — говорит отец.

— Все время ее не трогали, и вдруг арестовали. Что такого могло случиться? Она не рассказала причину ареста, в чем ее

обвинили? — спрашивает мама.

— Подробности не знаю, не стал ее расспрашивать. Если бы посчитала нужным поделиться происшедшим, сама бы рассказала. Но по ней видать, что нелегко ей там пришлось.

— Несчастный она человек. Хранит от всех свое одиночество и свои переживания. Я представляю себе, как ей тяжело, — пожалела Соню мама.

Вести о скором освобождении волновали обитателей гетто. Об этом говорили шепотом, делились новостями и соображениями только со знакомыми, с близкими людьми. Радость омрачалась неизвестностью. Как поведут себя румыны, немцы при отступлении. Жители местечка очень хорошо запомнили их приход, расстрел жителей местечка. Тем временем особых перемен не видно было. Продолжались опели, поборы, издевательство жандармов и полиции, выходы на работы.

Незадолго до Рош-ха-Шана¹ жандармерия устроила очередную облаву. Как обычно, неизвестно было, что или кого ищут. Единственное, что знали, так это то, что перевернут вверх дном весь дом и что понравится — утащат. Жандармы уже были недалеко от нашего дома, когда соседка Эстер прибежала, зовет меня, и вручает небольшой неизвестно с чем узелок и просит его спрятать. Раздумывать некогда, у нас дома в подвальчике вырываю ямку, прячу узелок, засыпаю землей, разравниваю и выскакиваю из погребка. Успел, нас уже начали выгонять из дома. Пока нам не разрешили вернуться домой, я не находил себе места. Боялся, вдруг жандармы или полицаи найдут узелок. Что я скажу Эстер? К счастью, по возвращении он оказался на месте. Я тут же побежал к Зудманам вернуть им его. В комнате у них все было перевернуто, разбросано, как после погрома. В отдельных местах сорваны доски пола, отбиты куски стен.

— Спасибо тебе. Это все что у нас осталось, чтобы добраться домой, когда наступит такое время, — сказала Эстер, обняла меня за плечи и поцеловала в голову.

— Дай мне, Эстер, сверток. Я посмотрю броши, камушки могли выпасть, — проговорила Мини и развязала узелок.

Там лежали серьги, запонки, броши, кольца, часики, цепочки с подвесками и еще всякая мелочь. Холодок прошел у меня по спине, когда я подумал: «А вдруг бы жандармы или полицаи нашли этот клад. Что тогда?». Я был рад, что отделался от узелка. При этом я даже не обратил внимания на беспорядок в комнате.

— Почему вы сами у себя не спрятали? — с обидой спрашиваю Эстер.

— Посмотри, что творится, — ответила она, — живого места не оставили. Все матрасы и подушки порезали. Это шантажист и вор Зис, чтобы Бог его покарал, постарался. Сколько крови выпил он у нас, подлец. Ему все мало. Нас поздно предупредили,

1 Иудейский Новый год (иврит)

что Зис навел жандармов на нас. Хорошо, что успела тебе отдать узелок, дома оставить его никак нельзя было. Я об этом случае даже родным не стал рассказывать. Ох, уж эта Эстер, — не мог я долго успокоиться, — хорошо, что все обошлось. Трудно себе представить, что было бы, если бы узелок с ценностями нашли у нас жандармы.

XXVIII

Подошло время праздников Рош-ха-шана и Йом кипур². За определенную мзду община местечка выторговала у коменданта на дни праздников освобождение от работы обитателей гетто, за исключением тех, которые отправлены на работы к немцам. На праздник люди приоделись. Чувствовалась приподнятость. В доме бондаря Тойве проходила молитва. Хазаном³ был зять ребе. У него оказался приятный голос. Помещение не вмещало всех желающих. Были открыты двери и окна дома и многие слушали молитву и шофар⁴ с улицы. Ребе в хедере нам говорил, что звук шофара призывает молящихся: «Очнитесь те, кто дремлет, кто тратит отпущенные годы бессмысленно. Обозрите души свои и добрыми сделайте дела ваши». Я до конца не понимал смысл этих слов, но при звуках шофара ощущалось какое-то внутреннее волнение. После обеденной молитвы многие, в основном пожилые люди, направились к единственному в гетто колодцу совершить ритуал ташлих⁵ — выбросить грехи наши в воду. До войны этот ритуал совершался у пруда, куда приходили верующие. Теперь туда доступа не было, и люди заменили место совершения ритуала у пруда колодцем. При встрече обитатели гетто желали друг другу быть вписанным в Книгу Жизни. Эти пожелания доходили до самого сердца, ощущались физически. Особенно много было народу в Йом Кипур. Вечером, люди возвратившись с работы, приоделись и отправились на вечернюю молитву. На второй день люди с утра до вечера не покидали молельный дом. В доме всем места не было и многие находились на улице. Даже дети как будто бы повзрослели, они вели себя с достоинством. Чтобы лучше была слышна молитва и разглядеть, что творится внутри, я переходил с одного места на другое. Вдруг, чего никак не ожидал, я увидел в толпе Мендля краснодеревщика, социалиста и атеиста. Он, как и все остальные в толпе, стоял смиренно, задумчиво. Я с интересом смотрел на него. Вот тебе и атеист — размышлял я. Вспомнил его рассуждения о религии и его отношение к людям, которые искренно верят. Задумавшись,

2 День покаяния и отпущение грехов в иудаизме (иврит)

3 Ведущий молитву собрания в синагоге, иудаизм (иврит)

4 Духовой музыкальный инструмент в иудаизме (иврит)

5 В иудаизме очистительный обряд (иврит)

я не сразу понял, что вокруг изменилось. Прекратились движения, шорохи. Люди застыли в смирении, наступила особая тишина. Началось чтение закрывающей молитвы, когда как бы закрываются врата милосердия на небесах. Все дожидались звуков шофара и призыва: «В следующем году — в Иерусалиме». Обитателей гетто было не узнать. Умиротворенные лица с верой в доброе будущее, задумчивые и спокойные они возвращались домой. Людям не хотелось думать о завтрашнем дне, полном неизвестности, унижений и трудностей.

Женщины с Богом общались дома, душевные боли окроплялись горькими горячими слезами, которые сами собой лились из глаз. В эти дни можно было вдоволь поплакать. Бедные женщины. Причин для слез у них было предостаточно: погибшие и покалеченные родные в дни расстрела, неизвестность судьбы мужей, братьев, детей на войне, беспросветная, без надежд, невыносимая жизнь в гетто.

И без праздников мама часто плакала. Она обычно вставала у кухонного окна, взгляд ее, обращенный на улицу, упирался в стену соседнего дома и таясь от нас, детей, проливала горькие слезы, вспоминая старших сыновей и дочь, о судьбе которых ничего не известно. Возможно, это были слезы и о родных, расстрелянных фашистами: тете Этл и дяде Йосифе-Герше и о теперешнем нашем положении. При моем появлении она старалась незаметно вытереть глаза, скрывая от меня слезы. Я делал вид, что ничего этого не вижу. Мне жаль маму. В моих глазах тоже появляется невольная слеза, чувствую, как щемит сердце.

В дни после празднования Рош-ха-Шана и до наступления Йом кипура, чтобы обитатели гетто не бездельничали, их направляли на работы по расчистке кюветов вдоль дороги и в поле на уборку картофеля. Вместе с мамой я тоже отправился в поле помочь ей выполнять норму. Неубранного картофеля было еще много. Местами ботва картофеля полностью высохла, так что не всегда можно было определить место нахождения куста. Картофеля под кустом было много, несколько штук среднего размера и больше мелкого. Убирая картофель, я подумал о нашем огороде. Давненько, с тех пор как перестали выбирать под кустами отдельные картофелины, никто туда уже не заглядывал. Может, и в нашем огороде высохла ботва, что кустов не найти, — подумал я, — и решил сегодня же проверить. Вечером, придя, домой, я пошел на наш огород. Ботва картофеля усохла, однако кусты виднелись четко. Часть нижнего ряда была выкопана. Рядом лежала сухая ботва и несколько мелких картофелин. Наверное, отец выкопал — подумал я.

— Я заходил на огород. Ботва совсем высохла. Пора выкопать картофель, — высказал я свое мнение за ужином.

— Пора, ты прав, — подтвердил отец, — скоро дожди начнутся.

— Много картофеля в кусте? — обратился я к отцу.

— Не могу сказать, когда выкопаем, узнаем.

— Я думал, что это ты выкопал грядку. И рассказал об увиденном на огороде.

— Кому-то очень понадобился картофель, — заметил отец, — тем более пора его выкопать, не дожидаясь помощников.

Утром мы убедились, что помощник или помощники снова приходили. Стало меньше убирать еще на несколько кустов. Больше дожидаться помощников мы не стали. За день мы с братом справились с уборкой урожая, не упуская самый мелкий картофель. Несмотря на то, что в течении лета мы понемногу доставали из под кустов картофель, было собрано почти три ведра. Не знаю, чья заслуга, но на нашем огороде картофель оказался более крупный, чем в поле, и совсем немного было мелкого.

— Посмотрите, какой урожай картофеля собрали дети с нашего огорода, — с гордостью показывала мама знакомым урожай.

При этом нас с братом переполняла гордость. Еще бы. Достигнут нами такой успех. Мы до того возгордились, что стали строить планы по расширению огородного хозяйства. Правда, наша мечта сбылась уже только после освобождения, когда мы вернулись в свой дом. Мы расчистили большой участок под огород, напротив нашего дома, через дорогу. В том месте, где раньше рядом с домом тети Этл размещались небольшой деревянный сарай и открытая площадка, которыми пользовались бондари для хранения инвентаря и сборки бочек. Сарай еще в первую зиму разобрали обитатели гетто на топку.

XXIX

Прошли праздники Суккот¹ и Симхат Тора². Погода людей не баловала, вконец испортилась. Зачастили мелкие холодные дожди. Настроение у обитателей гетто было тоскливое, под стать сквалыжной погоде. Разговоры о партизанах не прекращались. Рассказывали, что где-то они напали на жандармерию, в другом месте совершили диверсию. Даже кто-то их видел в нашем селе.

— Добрый день. Вы слышали, Двойра, новость? Говорят, что партизаны возле села Крикливцы, по дороге на станцию, отбили у румын обоз с зерном, — тяжело дыша, произнесла Марьям, переступив порог дома.

— Может, Бог, наконец, обратит на нас свой взор, — проговорила мама. Вдруг Марьям, готовая что-то произнести, осталась стоять с открытым ртом, устремив взгляд на Марьясю, к ногам которой ластилась хромая кошка.

1 Праздник кущей, один из основных праздников еврейского народа (иврит)

2 Буквально «радость Торы», праздник иудаизма (иврит)

— Что с вами, Марьям? — мама дотронулась до ее руки.

— Что это за кошка? — забыв о партизанах, заговорила Марьям, указывая рукой на прыгающую на трех лапках кошку, которая жалась к Марьясе.

— Это наша кошка, ее покалечили, — ответила мама.

— Кто ее покалечил? — спросила Марьям.

Когда кто-то к нам приходил и интересовался покалеченной кошкой, почему вместо четырех лап она пользуется только тремя, тетя Марьяся чувствовала себя именинницей. Ее маленькие, добрые глаза сияли, но при этом она проявляла такую скромность, как будто этот вопрос ее не касается.

— Вы разве не слышали о выходе этого бандита, полиция Комсомольца? — глядя на зардевшееся лицо тети Марьяси, спросила мама.

— Что он злодей ей сделал? Чтоб Бог его уже покарал. Мало ему над людьми издеваться, так он еще бессловесную тварь калечит, — придя в себя, возмущено проговорила Марьям.

— Это случилось после Рош-ха-Шана. Марьяся была в кухне. Услышав какой-то шум на улице, она посмотрела в окно, и увидела полиция. Он шел, как обычно, глядя по сторонам, в поисках жертвы, чтобы побить, поиздеваться над кем-нибудь. Рядом с нашим домом он поднял камень с земли. По-видимому, он бросил камень в кошку, которая в испуге забралась на дерево. Чем кошка ему не понравилась неизвестно. Он выстрелил в нее из ружья и отстрелил ей лапку. Кошка через несколько часов приползла к дверям дома, и стала мяукать. Дома была только Марьяся. Теперь представьте себе, Марьям, как повела себя Марьяся, которая не ладила с кошкой. Она внесла ее в дом, промыла и перевязала рану и ухаживала за кошкой до полного ее излечения.

— Никогда бы не поверила, — с удивлением проговорила Марьям. — Марьяся, что я слышу? Ушам своим не верю. То-то смотрю, что кошка все к вам жмется. Все понимает бессловесная тварь.

— Если бы вы видели, как плачет кошка, — тихо, смущено проговорила тетя Марьяся, добрейшая душа. При этом ее добрые глаза увлажнились.

Теперь кошка не отходила от тети, ластилась к ней. Тетя не возражала. Когда мы перешли в свой дом, кошка осталась верна тете Марьясе.

Я помню эту кошку с тех пор, когда она только появилась в нашем доме. Это был очень славный котенок, рыжей окраски с белыми подпалинами, шаловливый. Когда котенок подрос, он стал грозой для мышей. При этом он проявил характер. Был недотрога, разборчив в еде, облюбовал себе место на припечке. Кто его первым назвал Песей — не помню. Видимо в повадках кошки было что-то общее с одной из знакомых по имени Песя.

Кошкой не могли нахвалиться. Мыши боялись высунуться из норок, не то, что гулять по дому. И кошка явно стала задаваться. Не миновал ее грех гордыни. С каждым днем она все полнела, шерсть стала лосниться, а вот бороться с мышами поручила нам. Так что теперь мышей мы стали сами ловить, аккуратно выставляя разные ловушки возле норок. При этом Песя с припечка, как учитель на учеников, лениво посматривала одним глазом: «Ну-ка, покажите, как вы усвоили науку?». Со временем демонстрировать свои способности всем надоело.

— Она ведет себя, как «ребецн» — заметила мама, и добавила, — нужно взять котенка. Это же не дело все время возится с мышеловками.

После расстрела и разграбления местечка «ребецн» пропала. Может, кому-то из грабителей понравилась кошка, и он унес ее в свой дом. На этом похождения «ребецн» не закончились. Осенью, еще до того, как меня свалил сыпной тиф, «ребецн», тощая и грязная, как блудный сын, пришла под двери нашего нового жилья. Она не звала, не царапала двери. Свернувшись клубком, она лежала возле дверей пока на нее не наткнулись. Похоже, долго она нас искала. Мы ее с радостью приняли. Помыли ее, почистили, расчесали, накормили. Она снова почувствовала себя хозяйкой. Несмотря на то, что Песя исправно ловила мышей, освободив нас от этого занятия, тете Марьясе она не нравилась. Марьяся ее просто не выносила. Причины было две. Первая — в привычке Песи к припечку. Вторая — с желанием Песи показать, что она недаром хлеб ест. Поймавши мышь, она прежде чем ее употребить по назначению, носилась с ней по дому, чтобы все видели. Это тетю Марьясю доводило до истерики. Все, к обоюдному удовольствию тети Марьяси и кошки, изменилось после ее ранения.

XXX

Зима не торопилась, серое небо нависало низко над землей, голая замерзшая земля дождалась снежного покрова, серые деревья под напором ветра безрадостно раскачивали своими голыми ветвями. Только к концу ноября землю припорошило снегом. Обитатели гетто, чувствуя, вернее надеясь на скорое освобождение, с нетерпением ожидали этой минуты. Пока их, как и раньше, направляли на работу к немцам, на расчистку дорог от снега, на заготовку дров. Не видно было движения войск, не слышно было гула самолетов, не слышны звуки артиллерии, свист и разрывы снарядов. Казалось, что все застыло, остановилось время. В один из таких зимних дней, когда небо заволочло тучами и ветер на улице играл порошей, к нам заглянула в гости Чарна. Из ее разговора стало понятно, почему она выглядит изможденной,

болезненной. Она беспокоится о сыне. Юру второй раз вместе с другими обитателями гетто забрали на работу к немцам. Никто не знает, куда их отправили и как скоро они вернутся. Когда Юра рядом, ей спокойнее. Она ночами не спит, чувствует себя очень одинокой. От волнений она даже кушать не может, кусок хлеба в горле застревает. Марьяся временами смахивала с глаз слезу. Она сидела за столом, подперев рукой подбородок, и внимательно слушала, о чем говорит Чарна. Мама старалась успокоить Чарну. Мол, это не первый раз, когда людей забирают к немцам на работу. Даст Бог, как и в прежние разы все благополучно вернутся домой. Стало темнеть, мама зажгла каганец, поправила фитиль. В это время вернулся с работы отец. Несмотря на слабое освещение от каганца, мама заметила, что у отца на голове чужой головной убор. Хотя у отца кучма¹ была поношенная, но не такая старая, истертая. Может, перепутал его с товарищем по работе.

— Чья эта кучма? — спросила мама, — с кем ты ее перепутал?

— Подожди, дай раздеться. Добрый вечер, Чарна. Утром, когда я шел на работу, — рассказывает отец, — мне встретился жандарм. Уже не молодой. Их тут последнее время много появилось. Когда мы поравнялись, он показал на свою кучму и говорит: «Будем меняться». Что я должен был делать? Взял и отдал ему взамен свою. Жандарм что-то буркнул, и мы разошлись. При этих словах Чарну, всегда такую выдержанную, спокойную, охватил истерический смех, она сгибалась, хваталась руками за бока. Нервный припадок, решила мама и видя растерянность отца, шепнула ему об этом. Марьяся догадалась принести Чарне кружку воды. Чарна захлебываясь смехом, пыталась хлебнуть воды из кружки, больше проливая на пол. Все мы с жалостью смотрели на бедную женщину.

— Герр Шмулевич, — Чарна всегда к отцу обращалась по фамилии. — Стараясь унять смех, она проговорила, — вы не поняли жандарма. Никакого обмена он вам не предлагал. Он к вам обратился со словами: «буну диминаца», он пожелал вам доброго утра по румынски. В Молдавии принято при этом из уважения к встречному рукой коснуться головного убора, или чуть приподнять его — едва не подавившись смехом, выдавила из себя Чарна. Ее смех был до того заразителен, что все стали смеяться. Только Марьяся, не поняв до конца, о чем речь, с удивлением переводила взгляд своих добрых глаз с одного на другого.

— Знаете, Чарна, за такой смех я не пожалею еще одну кучму, — когда все насмеялись вдоволь, проговорил отец, — я уже не помню то время, когда пришлось слышать такой добрый, душевный смех. Спасибо вам.

— Может, я рассудка лишаюсь. Смеюсь, как ненормальная в то время, когда не знаю ничего о Юре, — как-то скиснув, чуть не плача, проговорила Чарна.

1 Головной убор из овчины (укр.)

— Чарна волнуется за Юру. Его вместе с другими забрали к немцам на работу. Неизвестно, куда их увезли, и как скоро они вернутся, — пояснила мама отцу о чем речь.

— Не волнуйтесь, Чарна, не первый раз берут на работы к немцам. Пока, слава Богу, все возвращались домой. И на этот раз, нужно надеяться, все будет хорошо, — заметил отец.

Немного успокоившись, Чарна попрощалась и ушла.

Незадолго до праздника Пурим отец раньше обычного поднялся с постели. Он оделся, стал умываться.

— Ты куда собрался в такую рань? — спросила его мама.

— Никуда я не собрался, — ответил он.

— Так, что тебя так рано, ни свет, ни зоря, подняло?

— Какой-то странный сон приснился, — взволновано проговорил он. — Что за сон, чем он так тебя встревожил? — спросила мама.

— Приснилось мне, — не торопясь, как бы вспоминая сон, начал он рассказывать, — что жителей гетто, как во время опея, будто бы собрали возле обрыва у яра Працько, недалеко от нижней улицы. Склон яра скопан отвесной стеной. С него легко сорваться в непроглядную, чернеющую пропасть. Люди волнуются, пытаются отойти дальше от кромки обрыва, чтобы не сорваться вниз. Тут же ты стоишь с детьми. Стоим и ждем, что будет дальше. Полиции с палками в руках бегают вокруг и как принято при опе, равняют шеренгу. Чтобы передние на одной линии стояли. Время идет, люди устали, дети хнычут, а мы все стоим. Смотрите, смотрите, — слышались тревожные крики. Гляжу — прямо на нас движется громадная темная стена с захватами по бокам. Во всю стену портрет Гитлера. Глаза у него злые до дикости, рот, полный больших кривых зубов, раскрыт и рука его протянута в нашу сторону, как будто показывает, куда двигаться стене. Она бесшумно и медленно приближается к нам. Все ближе и ближе. Люди в панике. Еще немного и стена нас сметет с горы. Хотя бы детей спасти. Ищу выхода, но ничего не нахожу. Полиции избивают всех, кто пытается бежать в сторону. Слышатся крики, плач. Я вместе с другими, стоящими впереди выставляю руки, чтобы остановить стену. Но понимаю, что нам ее не остановить, что это конец, что неоткуда ждать спасения. Стена сметет нас вниз в пропасть и навалится сверху. Прикрываю глаза, время тянется медленно. Уже я чувствую силу, исходящую от приближающейся стены. Сейчас, сейчас все будет закончено, говорю я себе. Вдруг раздаются радостные голоса, люди чему-то радуются. Смотрю, и не могу поверить. Стена остановилась почти рядом с нами, еще немного и она коснется рук, выставленных навстречу. Стена начинает все сильнее вздрагивать, и в ней появляются бесчисленные трещины. Местами со стены отваливаются отдельные куски, которые тут же превращаются в пыль, уносимую ветром. Вместе со стеной исчезает портрет

Гитлера. Вот исчез один глаз, потом искривленный рот, часть лица, а рука все указывает на нас. Под конец и рука начинает исчезать. С удивлением оглядываюсь вокруг. Я стою один, оглядываюсь, ищу вас. Но вблизи никого не видно. Замечаю, что вдали на нижней улице местечка расхаживают люди, играют дети. Небо синее-синее, ни облачка, чувствуется теплынь солнечных лучей. Из яра доносится пение птиц. Стою, думаю, делаю какие-то предположения, и просыпаюсь. Приснится же Бог вещь что.

— Славный сон. Успокойся, — говорит мама, — я толковать сны не умею. Но вот, что скажу. Скоро праздник Пурим. Может, с Божьей помощью, наступит конец этому Аману-Гитлеру, и нашим мучениям.

— Кто может возражать? Уже давно пора ему сгинуть, — согласился отец.

На праздник Пурим после поста в синагоге приступили к чтению Свитка Эстер. Слушатели с волнением вникали в историю седой старины, и такой понятной, как будто речь идет о сегодняшнем дне. По окончании чтения Свитка, несмотря на желание поскорее чем-нибудь перекусить после поста, люди не спешили расходиться. Обменивались новостями, высказывались надежды и опасения.

— Ша, евреи, — повысив голос, призвал старый Янкл, бывший винодел колхоза, — нужно верить и жить с надеждой. С Божьей помощью Гитлер мапулэ зан¹ еще в этом году. И тогда, в будущем году, будем праздновать Пурим, как предписано. Я обещаю вам столько вина, чтобы напиться всем так, чтобы не могли различать между Мордехаем и Аманом.

— Амен, амен, — послышались со всех сторон в ответ голоса, — чтобы ваши слова до Бога дошли.

Оживившись и повеселев люди отправились по домам. Их не удивило обещание старого Янкеля всех напоить вином. Их удивило непонятное пробуждение Янкеля. Со дня расстрела жителей местечка никто не слышал такого многословия от него. После гибели родных он замкнулся, редко вступал в беседу.

Когда началось таянье снега и почувствовалось приближение весны, как будто бы прорвало плотину, оживился тракт. В сторону запада уходили немецкие войска. Грязные, усталые, они двигались, кто пеший, кто верхом, кто на машинах. Слышалась немецкая речь, румынская, русская и Бог знает, еще какая. В неразберихе бредущего,двигающегося воинства некоторые обитатели гетто, по известным только им признакам, рассмотрели даже партизан. Когда воинская часть оставалась на ночь в селе, в дома, расположенные в гетто, так же определяли на ночлег солдат. В один из таких дней к нам на постой, это уже было после Пурима, привели двух немецких солдат. Они очистили свои сапоги от липкой дорожной грязи и оставили их у дверей. Умывшись, стали ужинать. Маме

1 Погибнит (иврит)

они дали гостинец — несколько кусков колотого сахара. Когда разговорились, оказалось, что это грузины. Они стали жаловаться на свою судьбу. Дома у них остались пожилые родители, молодые жены, маленькие дети. Они пытались объяснить, что не по своей вине им пришлось надеть немецкую форму. Сейчас они не знают, как им быть дальше. Война идет к концу и что же им теперь делать. Утром они ушли своей дорогой, к своей судьбе.

— Не знаю, куда делись девочки. Уже больше недели, как они не появляются на работе, — вечером за ужином, как бы в раздумье, высказался отец, обращаясь к маме.

— Ты о сестрах, говоришь? Может, они дома? Может, болеют, или в Соколовку уехали, в жандармерию, — делала догадки мама.

— Да, о них. Они получили разрешение на три дня съездить в Бершадь на Пурим к родственникам. Они и раньше ездили туда, но всегда вовремя возвращались. Не знаю, уехали они в жандармерию, или нет. Но дома их нет. Мотл заходил к ним, — ответил отец.

— Я, думаю, не стоит беспокоиться. Ну, задержались. Может им разрешили. Они могли и в Соколовке задержаться. Появятся. Никуда они не денутся, — высказала мама свои соображения.

Однако сестры, Лена и Люба, больше в местечке не появились.

Только после освобождения мы узнали об их трагической судьбе. Сестры, как связные подпольной организации, были в Бершади арестованы гестапо и расстреляны.

Поток, отступающих немецких войск, с каждым днем уменьшался, иссякал. На дорогах были брошены застрявшие в непролазной грязи автомашины и боевая техника. За день до освобождения, до прихода Красной армии, 14 марта, партизаны атаковали жандармерию в Соколовке. Среди погибших оказался переводчик, парень, депортированный из Буковины. Выжившие жандармы с начальником сбежали. Об этом я узнал, когда пришел к Моне Масляк, где проживала мать переводчика. Кто-то принес ей это известие. Еще накануне комендант с полицией тоже сбежали. Наступило безвластие. Весь день и всю ночь жители гетто провели в беспокойстве. Только во второй половине дня 15 марта в село вступили передовые части Красной армии. Радости не было предела. Солдат, усталых, покрытых грязью дорожной распутицы, встречали, как родных. Им помогали очистить обувь и одежду от грязи, высушить ее. После мытья и ужина солдатам отдавали лучшие места для отдыха.

По мере продвижения Красной армии на запад, вслед за ней двинулись депортированные евреи Буковины и Бессарабии, а также избежавшие расстрела беженцы из западных районов, которые осели в начале войны в местечке. Они не успели эвакуироваться из-за быстрого продвижения немцев на восток. Люди по разному добирались в свои края. Одни уходили пешими. У кого было чем уплатить, уезжали на подводах. Людей никто не

гнал, не торопил. Они сами, как птицы, устремлялись к своим покинутым гнездам. Прощания были недолгие. К радости возвращения к родным очагам примешивалась боль оставленных навечно в чужой земле родных, грусть расставания с людьми, с которыми прожили нелегкие дни в гетто. Ушли пешком: Мендл краснодеревщик с ребенком на руках и своей Эльзой. Так же Рашкованы, Чарна с Юрием, и с ними ушли дочери Готта со стариком отцом. Уехали семьи Зудман, Кастнера и другие. Проводили мы в путь капризную, изменчивую, «как ветер в мае», буковинскую красавицу Еву, девочку лет десяти. В нее были влюблены мальчишки местечка. Из-за нее ссорились лучшие друзья, устраивались дуэли. «Что ожидает их дома?» — Они над этим не задумывались. Зов родных мест, родного дома захватывал, не давал опомниться, думать. Ими владела только одна мысль: «Домой, домой. Как можно скорее домой».

С каждым днем местечко все больше пустело.

XXXI

После освобождения гетто разгородили, исчезла колючая проволока. Выжившие жители местечка вернулись в свои дома. Многие дома лишились своих жильцов и стояли заколоченными. Дети вернулись в школу. Можно снова учиться, в парке играть в футбол, бегать на речку купаться, ходить в кино. До окончания войны, до Победы еще оставалось больше года. Наступил праздник Песах, праздник избавления из рабства, он был нам созвучен, он был первым свободным праздником после избавления из гетто.

В июне месяце в местечко прибыла государственная комиссия для составления материалов о злодеяниях, совершенных немецко-румынскими захватчиками над мирными гражданами СССР и советскими военнопленными во время оккупации в июне 1941 г. Комиссией были вскрыты все три могилы массового захоронения расстрелянных жителей местечка. В акте вскрытия могил отмечено количество выявленных жертв мирных граждан — 427 человек.

Чего не было отмечено в акте, так это то, что указанные в нем «мирные граждане СССР» были именно евреи. Советская власть, проникнутая государственным антисемитизмом, не могла во всеуслышание сказать, кто эти «мирные граждане», если это касалось евреев, также, как и допустить признание холокоста.

Первым из родных после освобождения, в начале мая, навестил нас сын тети Момци, Наум Сухерман. Я навсегда запомнил стройного всадника на красивой, буланой масти лошади под седлом. На всаднике была прекрасная военная форма, перехваченная скрипучими ремнями, и золотыми погонами на плечах. К этому времени мы уже получили письма от старшего брата Наума и от сестры Раи. Мы узнали, что они

находятся в действующей армии, живы, здоровы. От Самуила и Иосифа, мужа Раи, писем не было, и никаких известий. Родители недоумевали, почему Рая оказалась на войне. Ведь она не врач. Все разъяснилось, когда получили письмо от тети Ривы. Она писала, что с мужем и детьми успели эвакуироваться. Обустроились они в городе Мары. К ним из Ташкента приехала Рая. Она устроилась там на работу. В декабре 41-го года она родила мальчика, который умер через полгода. На все запросы Раи о своем муже, Иосифе, ответ был один: «В списках убитых, умерших от ран, пропавших без вести, не значится, установить место нахождения не предоставляется возможным». О зверствах фашистов на оккупированной территории она была немало наслышана. Все вместе взятое, как только здоровье позволило, подвигло ее в конце 1942 года добровольно идти в армию. Тетя пишет, что ее отговаривали, но она настояла на своем.

Наум Сухерман нам рассказал о гибели на войне своих братьев — Иосифа и Абрама, и что он беспокоится о судьбе родителей. Они до войны жили в Одессе, не эвакуировались. На все его письма один ответ: «Здесь такие не проживают». Он отправил письмо в Одесский военкомат с просьбой узнать о судьбе родителей. Пока ответа он не получил. Он знает о массовых расстрелах, но надеется. Остается только ждать и надеяться — ведь кому-то же из жителей города удалось выжить. Потом мы узнали, что его отец и мать погибли в лагере Березовка, куда были высланы румынами.

Лошадь, на которой верхом приехал Наум, мне сразу понравилась. Я помог Науму расседлать ее, напоить. Мне хотелось повести лошадь на речку, чтобы выкупать. Но мама не разрешила. Утром, когда Наум собрался уезжать, он усадил меня рядом с собой. Не знаю, насколько это понравилось лошади, но мне очень. Только жаль, что была рань, и никто из мальчишек не видел меня верхом. Уже на выходе из села, Наум опустил меня на землю. И еще мальчишки не видели, как на прощанье он мне дал подержать пистолет ТТ, а затем разрешил сделать один выстрел из него. После чего мы попрощались. Наум вскочил на лошадь и ускакал. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся в утреннем тумане. Переполненный радостью и гордостью я побежал домой.

Каждая встреча с родными была для родителей праздником. Она давала надежду на скорое возвращение детей с войны.

В конце сентября, во второй половине дня, к нам заехал сын дяди Аврума, Изя Крамер. Часть, в которой он служил, проезжала станцию Крыжополь и он отпросился на два дня. От соседей он узнал о смерти своего отца. Аврума расстреляли немцы, заподозрив его в связях с партизанами.

— Я не мог не заехать к вам, не повидаться с вами. Сколько бед принес проклятый немец. Но уже недалек тот день, когда ему свернут шею. Слава Богу, что вам удалось выжить, — здороваясь,

говорил Изя.

От него мы узнали, что его братья Нусим и Хаим, как и он, находятся в действующей армии. Правда, Хаим сейчас в госпитале. Он тяжело ранен. Вспоминали родных, живых и погибших, и тех о которых пока нет вестей, но жива надежда. Вспомнили расстрел жителей местечка, жизнь в гетто. Поздно вечером, когда вдоволь наговорились, чтобы немного рассеять навеянную грусть, Изя своим приятным голосом спел песни из фронтового репертуара: «У самовара я и моя Маша», «А я сам, я не верю чудесам».

Утром он собрался вернуться в Крыжополь, к матери.

— Не унывайте мои родные. Скоро война закончится, вернутся дети домой. Жизнь наладится, все будет хорошо, — с волнением говорил он, прощаясь с нами.

Село оскудело, мужчины призывного возраста мобилизованы в армию. Теперь немногие могут себе позволить обновку из овчины. Работы для скорняков мало, в основном это ремонт поношенных овчинных изделий. Заработок недостаточный, чтобы прокормить семью, избежать голода. В поисках заработка отец освоил технологию изготовления мыла. Изготавливалось мыло из жира дохлятины и каустической соды. Во время варки мыла вонь стояла невыносимая. Но мыло тогда наравне с керосином, спичками, солью являлось дефицитом. Мыло можно было продать, обменять на продукты питания. Это обеспечило нашей семье относительно безбедную жизнь, мы не так голодали, как другие жители местечка. Иногда я с отцом, учитывая его состояние здоровья, ходил по селам, помогал ему нести мыло и продукты, полученные в обмен. Для этого приспособили фанерный ящик с ляжками, который я взваливал себе на плечи. Если за день вернуться домой не получалось, мы оставались ночевать в селе, где нас заставала ночь. Изготовление мыла, и его сбыт был нелегальным. Нужно было опасаться встречи с фининспектором, милицией, опасаться доноса. Но все эти заботы и беспокойства меркли перед переживаниями о судьбе родных, находящихся на войне. От Наума и Раи приходили письма. От Самуила и мужа Раи, Иосифа Дубинкера, так и не было никаких вестей. Приход почтальона вызывал двойное чувство — страха и надежды. Мама по-прежнему уединялась на кухне, чтобы незаметно для детей, излить слезы наболевшей души. В село и местечко каждый день приходили похоронки. То в одном месте, то в другом слышались безутешные крики и плач о погибших на войне.

Наступила весна 1945 года и надежда на скорое окончание войны. День Победы жители местечка, как и вся страна, встречали с радостью и болью, с надеждой на мирную, счастливую жизнь. С большим нетерпением жители местечка ожидали возвращения выживших на войне мужей, братьев, сыновей. Многие не вернулись с войны, другим не к кому было возвращаться.

С войной и холокостом связаны неисчислимые жертвы

и трагедия еврейского народа. Эта участь также не миновала двух родственных фамилий Шмулевич и Крамер.

Ниже приведена таблица состава и численности этих семей по состоянию на начало войны, июнь 1941 г. в ней также отражено место нахождения людей в период ВОВ 1941—1945 гг. и понесенные жертвы в холокосте и на войне.

Семьи Шмулевич и Крамер во время Холокоста и ВОВ 1941—1945 гг.

Фамилия	имя, отчество	год рожд.	Холокост	В	О	В
1941—1945 гг.						
м?	место	участник				
1						
2	3	4	5	6		
Шмулевич	Берл Гершкович	1888	х			
м.Жабокрич						
Шмулевич (Крамер)	Двойра	1894	х	ранения	—	«-
Наум Борисович	1915					
Наум						
Самуил Борисович	1918					
Самуил	пропал б/в					
Раиса Борисовна	1921					
Раиса						
Дубинкер	Йосиф	1916	пропал б/в			
Григорий Борисович	1931	х	—	“	-	
Исаак Борисович	1933	х	—	“	—	
Шмулевич	Велвель Гершкович	1882	х	убит		
м.Жабокрич						
Марьяся (Фукс) (жена)	1884	х	—	«-		
Шмулевич	Абрам Гершкови	1891	х		п. Крыжополь	
Шмулевич	(Новак) Голда	1898	х	у	б	и
м.Жабокрич						т а
Шмулевич	Шлойма Гершков.	1894				
Шлойма	Шмулевич Сура	1891	х	убита	—	« —
Александра Семеновна	1925	х	ранение	—	“	—
Григорий Семенович	1928	х	убит	—	«-	
Михаил Семенович	1937	х	убит	—	“	—
Шмулевич (Маламуд)	Эйдя Гершковна	1884	х	—	“	—
Маламуд	Мошко (Олтер) Шмульевич	1884	х	—	“	—
Вэлвл	Мошкович	1905				
Велвл						
Штейнберг	Таня (жена)	1911	х	—	“	—
Евгения Владимировна	1932	х	ранение	—	«	—
Нюся Владимировна	1939	х	—	«	—	
Шлоймке Мошкович	1913	г.Одесса		погиб		
Дора (жена)	1915	х	—	«	—	

Борис Мошкович 1924
 Борис
 Фейга Мошковна (Масляк) 1906 х ранение м.Жабокрич
 Гершл Манусович (муж) 1902 х убит — « —
 Моня Григорьевич 1930 х — « —
 Рая Григорьевна 1935 х — « —
 Григорий Григорьевич 1942 х — « —
 Шмулевич (Маламуд) Гитель Гершковна 1879 х
 — « —
 Елизавета Борисовна (дочь) * 1902
 Гитман Абрам Ушеревич (муж) 1898
 Юзя Абрамович 1924
 Юзя инвалид
 Борис Абрамович 1927
 Борис Маламуд Владимир 1909
 Владимир
 Клара Марковна (жена) 1911 х м. Жабокрич
 Борис Владимирович 1937 х — « —
 Раиса Владимировна 1940 х — « —
 Маламуд Семен 1912
 Семен
 Раиса Иссировна (жена) 1918 х — « —
 Бетя Семеновна 1938 х — « —
 Ида Борисовна 1906 х Гордковка
 Вейберман Соломон (муж) 1902 х Городковка
 Борис Соломонович 1931 х — « —
 Ева Соломоновна 1936 х — « —
 Крамер Абрам Нусиевич 1885 х у б и т
 п.Крыжополь
 Голда Хаимовна (жена) 1889 — « —
 Израиль Абрамович 1912
 Израиль
 Табакман Зинаида (жена) 1916 — « —
 Борис Израилович 1939 — « —
 Нусим Абрамович 1917
 Нусим Фрида (жена) 1916
 Галина (дочь) 1936
 Ефимм Абрамович 1923
 Ефим инвал.
 Крамер Иосиф — Герш Нусимович 1883 х убит м.Жабокрич
 Голда (жена) 1887 х — « —
 Наум Иосифович 1914
 Наум Арон Иосифович 1916
 Арон погиб Раиса Иосифовна 1928 х ранения — « —
 Крамер Мойсей Нусимович 1888
 Мойсей умер Миля Вольфовеа (жена) 1891
 Слава Мойсеевна 1922

Раиса Мойсеевна 1920
 Леонид Мойсеевич 1937
 Крамер Двойра Нусимовна (см. выше: Шмулевич Берл Гершкович)
 Крамер (Гитман) Этэль Нусимовна 1882 х у б и т а
 м.Жабокрич
 Абрам Ушерович (см. выше: Шмулевич (Маламуд) Гитель
 Гершковна)
 Фроим Ушерович 1905
 Фроим
 Анна Исаевна (жена) 1907
 Роман Фроимович 1930
 Раиса Фроимовна 1938
 Исаак Ушерович 1911
 Исаак погиб Фира (жена) 1916
 Дора (дочь) 1936
 Нусим Ушерович 1912
 Австалия
 Хайка Ушеровна 1915 х убита м.Песчанка
 Лейб Жорницкий (муж) 1914 х убит — « —
 Дети, двое (Арончик, Миша) х убиты — «-
 Крамер Хона Нусимовна 1876
 Школьник Шлема (муж) 1872
 Йосиф Соломонович 1900
 Йосиф погиб Шука Соломонович 1903
 Шука погиб
 Абрам Соломонович 1900
 Абрам
 Эстер (жена) 1905
 Школьник Нина Абрамовна 1925
 Бизер Марк 1921
 Марк Рива Соломоновна 1923
 Спивак Мортхе (муж) 1920
 Мортхе погиб
 Роза Шлемовна 1907
 Сарра Солмоновна 1913
 Колпакчи Григорий Йосифович (муж) 1907
 Григорий Галина Григорьевна 1937
 Раиса Григорьевна 1941
 Крамер Рива Нусимовна 1899
 Забокрицкий Зейлык 1899
 Наум Зейликович 1925
 Геня Зейликовна 1927
 Бетя Зейликовна 1930
 Крамер Момця Нусимовна 1879 х убита г.Одесса
 Сухерман Мойсей 1880 х убит — « —
 Йосиф Мойсеевич 1905
 Йосиф погиб Абрам Мойсеевич 1908

Абрам погиб Наум Мойсеевич	1916	
Наум Эстер (жена)	1918	
Маня Мойсеевна	1915	
Яблонский Михаил	1911	
Михаил инвалид Рита Михайловна	1936	
Крамер Фейга Нусимовна 1873 х	с.Марковка	
Абрам Григорьевич (сын) 1898	Софья (жена)	1912
Матя Григорьевна	1904	
Факорман (муж)	1899	
Факорман		
Факорман Фаня (дочь)	1929	

Всего: 114 чел., в том числе: а/ х — находившиеся на оккупированной территории, в гетто — 44 чел., в действующей армии — 32 чел., в эвакуации — 38 чел.

Жертвы Холокоста: Убитых — 15 чел. Раненные — 5 чел.

Жертвы ВОВ: Погибло — 11 чел. Инвалиды — 3 чел.

* Необозначенные места нахождения людей — соответствуют их нахождению в эвакуации.

XXXII

Недавно мы отмечали семьдесят лет со дня расстрела фашистами жителей местечка, и двадцать лет, как в мир иной ушел последний еврей местечка — Ленья Фукс. После возвращения с войны Ленья Фукс застал в живых только малолетнего сына Леву. Остальные члены семьи, восемь человек: жена, дети, родители были расстреляны фашистами в подвалах.

Спустя несколько лет после окончания войны, оставшиеся в живых жители местечка, несмотря на материальные затруднения, и полного безучастия государства к жертвам холокоста, обустроили могилы массовых захоронений безвинных жертв Холокоста: стариков, женщин и детей. Они были расстреляны фашистами лишь только потому, что родились евреями.

Местечко Жабокрич, которое находилось в бывшей черте оседлости на Подоле в Украине, просуществовало свыше двухсот лет. Холокост и война обескровили его, лишили его жизненных сил, и оно исчезло, перестало существовать. Вместе с ним канул в вечность целый пласт местечковой культуры.

Новостройки на месте бывшего местечка изменили прежний его облик. Снесены дома бывшего местечка, исчезли его улицы и проулки.

Еще сегодня можно увидеть остатки былого: полуразрушенный дом Лейба Пипмана, усадьбу Сони Зилберман, развалины бывшей еврейской школы и одной из двух синагог. Но не эти развалины являются памятью о бывшем местечке. Не сегодня, так завтра

они исчезнут.

Сегодня о существовании бывшего местечка напоминают только старое еврейское кладбище и три могилы массового захоронения жертв холокоста.

Бывшими малолетними узниками гетто, которые избежали расстрела и выжили в условиях гетто, принимаются меры по сохранению памяти о бывшем местечке Жабокрич. За счет их средств производится реконструкция и обустройство могил массовых захоронений жертв Холокоста. Пока жива память — живы жертвы Холокоста.

Все это делается несмотря на трудности, вызванные тем, что бывшие узники гетто и их потомки в связи с существовавшим в стране государственным антисемитизмом и ростом бытового антисемитизма, особенно после развала Союза, вынуждены были оставить страну, родные места своих предков, где родились и выросли. Теперь они проживают в разных странах мира, но хранят память о бывшем своем местечке и о безвинных жертвах Холокоста.

Они безмерно благодарны Марату Наумовичу Вильшанецкому из Крыжополя. Человеку, без преувеличения, с большой буквы и большой души. Без его непосредственного участия, без его помощи трудно себе представить, как можно было бы выполнять работы, как по реконструкции могил, так и по организации ухода за могилами.

Бывшие узники гетто, их потомки и все люди, которым не безразличны жертвы трагедии Холокоста, имеют возможность прийти, приехать к могилам массовых захоронений жертв Холокоста, поклониться им и с болью и надеждой в сердце повторить призыв, знакомый и понятный евреям всего мира: «Никогда больше». Никогда больше не допустить ужасов нацизма и повторения трагедии Холокоста.

*Цви бен Дов
Москва 2013 г.*

СКОРО ПРАЗДНИК ПЕСАХ.

Вспоминаю Песах¹ в нашем маленьком, славном штетл² Жабокрич. Оно находилось на Подоле, в бывшей черте оседлости. Я пишу «находилось» потому, что Холокост обескровил штетл, и его больше нет. Только могилы массовых захоронений, где покоятся расстрелянные фашистами безвинные жители местечка³: старики, женщины и дети, напоминают о бывшем жизнерадостном штетл. Да еще старое еврейское кладбище, которое служило обитателям штетл более двухсот лет⁴, где находятся могилы предков.

Сейчас пойдет разговор не о самом праздновании Песах. Эка невидаль праздновать Песах, когда в доме все приготовлено к празднику. Конечно, и Седер⁵ будет, и Агада⁶ о вечном исходе евреев из Египта, из рабства. Но все это после. А пока я расскажу историю о предпасхальных приготовлениях.

Как давно это было, но картины, запечатленные в детстве, оживают, волнуют. Сразу после Пурима⁷, с обязательными гоменташами⁸ и трешотками, обитателей штетл охватывает беспокойство. Скоро праздник Песах. Его нужно встретить болеботыш⁹. И своевременно мацу¹⁰ выпечь, и к столу, чтобы было, и детям обновку справить. Самое главное, безусловно, это маца. У каждого еврея, самого бедного, на Пасху должна быть и маца и к столу. Об этом уже позаботятся наши самые почтенные болеботым местечка.

Весна все больше о себе заявляет. Пуримская непролазная грязь, блестящая под солнцем и остатки почерневшего снега в местах, куда солнечные лучи никогда не заглядывают, ближе к Песах исчезают. Солнце поднимается все выше, грязь просыхает, так что можно пройти, не теряя калоши.

Мука — вот, что самое, самое. Чтобы выпечь добрую, красивую мацу нужна хорошая мука. Мука должна быть белая, тонкого помола из твердой пшеницы. Не так легко ее найти. А еще клейкость. Да, местечковые жители понимали в этом толк.

1 Песах (иврит) — центральный иудейский праздник об исходе из Египта.

2 Штетл — местечко (идиш)

3 С 25 по 27 июля 1941 года фашистами были расстреляны 435 мирных жителей местечка: старики, женщины, дети.

4 Евреи начали селиться в с. Жабокрич в 1765 году. Умер последний еврей местечка в 1992 году.

5 Седер (иврит) — ритуальная семейная трапеза в праздник Песах.

6 Агада (иврит) — иудейские исторические предания и легенды.

7 Пурим (иврит) — библиеский праздник в память о спасении евреев от полного истребления царем Персидской империи.

8 Гоменташ — сладкая сдоба треугольной формы, которыми угощают в праздник Пурим.

9 Болеботыш (идиш) — по хозяйски с чувством достоинства.

10 Маца — пресные лепешки из теста.

Наконец, после долгих поисков и переборов, слава Богу, мукой запаслись. Ее хранят в специально отведенном месте, очищенном от хамеца¹¹. Не дай Бог, чтобы завалялась крошка квасного. Хотя в местечке в основном обитатели не ортодоксы. Им некогда сидеть над Торой¹², им нужно хлеб насущный добывать. Столяра и кузнецы, меховщики и канатчики, портные и сапожники, бондари и стекольщики, скорняки, всех не перечесать. Целыми днями в поте лица трудятся они. Разве что, только по субботам и в праздники можно заглянуть в Хумаш¹³, почитать Мишну¹⁴. Но требование кошерности¹⁵ и святости в праздники соблюдаются.

Уф, теперь можно подумать и о других не менее важных делах. Мука, как вы сами понимаете, это еще не маца. Мацу нужно выпечь. Вот тут-то и встают вопросы от которых голова кругом идет. Во-первых — где, во-вторых — с кем и, наконец, в-третьих — кто? Каждый вопрос требует обсуждения. От выбора правильного решения многое зависит. Взять, к примеру, вопрос, где выпекать мацу? Тут имеет значение и сам хозяин дома и еще большее значение имеет качество печи и, главное, кому доверить выпечку.

— Помните, в позапрошлом году Хайя, жена Мендла портного, все тарахтела, всем уши прожужжала, — в кругу хозяек штетла говорит дородная Фрейда, — у меня печь, говорила Хайя, золото. И емкая она, и жар держит, дрова расходует совсем ничего. А что вышло? Все наоборот. Все жаловались на плохо выпеченную мацу, — заканчивает Фрейда свои критические замечания.

— Что Вы такое говорите? Да, Ваша правда, что печь никудышная. Дрова пожирает без меры. И это верно. Но вы лучше вспомните, кто у печи стоял, — горячится вдова Цейтл,

---

11 Хамец (иврит) — мучнистые блюда, в том числе хлеб, при приготовлении которого произошел процесс брожения.

12 Тора (иврит) — Пятикнижие, совокупность иудейского традиционного закона.

13 Хумаш (иврит) — то же, что и Тора.

14 Мишна (иврит) — первый письменный текст Устного Закона.

15 Кошерность (иврит) — в соответствии правилам иудаизма: пригодный в пищу продукт, правила приготовления и приема пищи

у которой муж недавно отправился в далекие края, откуда весточки не подают, оставив на ее попечение кучу малых ребят. — Ага, вспомнили. Так вот, что я Вам скажу: от Велвла никакого толку, только что умеет бахвалиться. Вот возьмите Янкеле Суры-Леи. Золото. Золотые руки. Какую мацу он выпек в прошлом году. Надо сказать, что печь у Хоны кривляки не такая уже славная, а маца получилась хоть на выставку.»

— Вы все печь, да печь, — вмешалась в спор Хана, жена сапожника Мойше, — я не спору. Хорошая печь нужна. Но не забывайте о дровах. Дрова должны быть сухие, держать жар. Йоселе, вы не дадите мне соврать, в этом понимает. Он всегда говорит, что без хороших дров хорошей мацы не выпечешь. Ему можно верить.

Это мы уже вклинились в вопрос, кому доверить выпечку. А кто за вас решит, в какой компании выпекать мацу? Голова кругом. Вопросы, вопросы, переживания. А время идет, нужно все хорошо обдумать, все решить. К этому времени обитатели штетл, на основе опыта, глубоких раздумий и бесконечных суждений, начинают сбиваться во временные коллективы, с определением места основных действий, и выбора мастера по выпечке мацы.

Да, должен вам сказать, решения легко не даются. Сколько переговорено, передумано, заслушаны советы знакомых и близких. И, наконец, жребий брошен. Определились. Известно с кем, где и когда. Очередь расписана. В хате, где будет выпекаться маца, проводится генеральная уборка, вычищается от хамеца, раскладываются очищенные и вымытые катальные доски¹, устанавливается посуда для замесов теста, заготавливаются дрова, расставляются мешки с мукой в порядке очередности выпечки мацы. Все готово. Завтра выпекаем мацу.

Раньше всех, еще затемно приходит мастер по выпечке. Он растапливает печь. Затем приходят члены временного коллектива. Женщины, каждая со своей качалкой, белым передником. Готовность полная, все расположились за катальными досками и ждут теста для раскатки.

Тут и женщины, и невесты, и подростки. Все желают друг другу хорошей выпечки, здоровья и радостного праздника. Вымесить тесто каждому не поручишь. Этим занимаются самые опытные хозяйки, которые очень горды своим умением. Вот и первый замес теста. Его быстро по кусочкам разбирают и только стук качалок, и тихий шепот женщин нарушают тишину. Очередница ревниво наблюдает за качеством раскатки теста. — Бейлкале, — тихо говорит она девочке, — тonyше, дитя мое, тonyше. Бейлкале смущено улыбается и в знак согласия кивает головой. А качалки стучат все громче, раскатанные листочки взлетают вверх и, переворачиваясь, ложатся на катальную доску. Кажется, то тут, то там вспархивает испуганная кем-то стайка белых птиц.

1 Катальные доски — на них раскатывают кусок теста в мацу.

Заготовки подаются Зелику. У него в руках играет зубчатое колесико, расчерчивая заготовку квадратами и ромбами. И быстрее ее к печи. Здесь Йосел водонос, мастер по выпечке, весело орудует лопатой, и не успеешь оглянуться, и маца готова. С пылу, с жару маца круглая как солнышко, тонкая, славная. И пошло, поехало. Только успевай. Командует Йоселе, и все, все стараются поддерживать заданный темп.

— Славные евреи, — призывает Йоселе, — быстрее, печь не должна простаивать. Жар печи наполняет комнату, становится душно, пот мешает работе. Приходится все чаще утирать лицо, руки. Йоселе водонос, крепкий мужчина лет сорока, с вздутыми жилами на руках и сильными бицепсами, недавно овдовевший, играючи работает лопатой. Ну, настоящий артист. Одно удовольствие за ним наблюдать. Лопата то продвинется вперед, то назад, то вдруг взлетает в воздух. И готовые диски солнечной мацы одна за другой укладываются в корзину. Когда Йоселе становится очень жарко и пот заливает ему глаза, Мирале своими тонкими ручонками любовно и нежно утирает его полотенцем, смоченным холодной водой.

— Вы только посмотрите на Мирале, — толкая соседку, тихо говорит сухопарая Блюма, — она к нему липнет, как пчела к меду. А что вы думаете, — помолчав, продолжает Блюма, — она добрая, славная девушка. Сироткам будет хорошей матерью. Соседка ничего не отвечает. Только кивает головой, мол согласна с Блюмой.

— Закончено, — весело объявляет Йоселе. Это значит, что выпечка порции мацы одного из «акционеров» выполнена. Теперь очередь следующего очередника. Печь дышит жаром, народ весь в поту. Ну, еще немного и выпечка будет закончена. Слава тебе Господи. Евреи на Пасху не останутся без мацы.

Дни предпраздничные ускоряют ход. Еще столько дел, а времени все меньше. И кухню побелить нужно, полы глиняные смазать, заделать выбоины. И постирать, и починить, еще продукты прикупить и мало ли еще что. За день до первого седера начинается очистка дома от хамеца, уборка, протираание оконных стекол. Полы деревянные и мебель смазываются отработкой машинного масла. Запах от него удушающий. Не то, что в доме, вся улица наполнена запахом отработки. Но как блестит пол, ножки стульев и стола, а буфет — одно загляденье. Проветритесь и будет прекрасно. Завтра праздник. Ничего, что устали. Евреи, не унывайте. Пусть ваши сердца наполнятся радостью и любовью. Веселого и кошерного Песаха всем вам с надеждой в следующем году в Иерусалиме.

*Цви бен Дов.
Винница 04.2006 г.*

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

Часто, когда я просыпался среди ночи, мне представлялась одна и та же картина, которая мне была знакома, кажется, со дня моего рождения. Дом погружен в тишину, слышится ровное дыхание спящих, тихое тиканье настенных часов, где-то в подполье скребется мышь. Из соседней комнаты просачивается слабый желтоватый свет. Мне не требуется туда заглядывать, узнавать, откуда свет среди ночи, что там происходит. Я лежу с закрытыми глазами и мысленно рассматриваю соседнюю комнату, откуда струится свет. Дощатый пол в комнате на две ступеньки ниже глиняного пола в передней. Приятно в летний жаркий день, когда земля, воздух, наружные стены и крыши домов пропитаны жарой, спуститься по невысоким ступенькам из передней в комнату и ощутить живительную прохладу свежeweымытого дощатого пола. У входа в комнату с правой стороны у окна стоит швейная машина марки «Зингер» на станине. Ее отец приобрел года два тому назад. Во время работы она негромко строчит, как пулемет вдалеке. Сейчас ее не слышно. Значит, отец занят другим делом. Дальше, в глубине комнаты стоит большой раздвижной дубовый стол на толстых резных ножках. На столе примостилась керосиновая лампа, освещающая человека, склонившегося над изделием из овчины. Это мой отец. Он старательно, без спешки, стежок за стежком ровным крепким швом сшивает две части изделия. Я вижу, как усилием наперстка, надетого на палец правой руки, он с усилием проталкивает иглу сквозь сдвоенную овчину, затем он протягивает ее вместе с вошеной ниткой, которую крепко затягивает, и стежок сделан. Стежок за стежком, шов удлиняется, часы тихо тикают в такт бесшумно уходящему времени. Тишина нарушается вздохами мамы. Ее беспокоит состояние здоровья отца. Ему приходится много работать, он мало отдыхает. Мама жалеет отца, и мне его жалко, и маму тоже жалко. Мне больно слышать ее вздохи. Я лежу, и наперед знаю, что последует.

— Хватит сидеть, уже поздно, тебе скоро идти на работу, — обратится мама к отцу. — Я сейчас уберу, еще пару минут, — ответит отец. Он берет овчинное изделие, над которым трудился, и относит его в кладовую, машину «Зингер» снимает со станины и прячет в сундук, а станину застилает скатертью. Убирает со стола ножницы, иголки, нитки, подметает пол. Так он поступает всегда по окончании работы.

Когда мама ему говорит, — оставь, я утром все уберу сама — отец ей отвечает, что это невозможно. Потому, что «он» может заявиться в любое время. «Он», мол, только то и делает, что высматривает, вынюхивает. Если «он» что-нибудь заподозрит, то может устроить скандал, или что-то еще похуже, не приведи Господи. Кому нужны лишние неприятности?

О каком скандале говорит отец, кто этот «он» и почему «ему» не нравится, что отец работает по ночам? Ничего не понимаю. Возможно, это человек, который следит за тем, чтобы ночью люди спали, а не работали, решил я. Станные эти взрослые, думаю я, если бы не было необходимости, разве кто работал бы по ночам? Отец раздевается, задувает лампу и укладывается спать. Он долго ворочается, тихо стонет. Всякие мысли приходят мне в голову. Но глаза мои слипаются и я засыпаю беспокойным сном. Когда утром я просыпаюсь, отца уже дома нет. Он ушел в свою артель выполнять свой план, который все растет, а заработная плата остается на месте, как будто ее заколдовали. Несмотря на все усилия и старания отца, в доме всегда не хватает денег и тогда мама нередко высказывает сожаление, почему она не родилась у Ротшильда¹? Ей бы тогда, говорит она, не приходилось ломать голову над тем, как соблюсти идишкейт² в доме. Чтобы не было голодно, чтобы, как принято у евреев, достойно встречать субботу и праздники, чтобы детям к пасхе сделать обновки, чтобы были заготовлены дрова на зиму, да и мало ли еще какие есть потребности. Как назло, то отец заболел, то нет заказов, то заказчики не спешат рассчитаться за работу, и нет денег, чтобы встретить, как надлежит, субботу или праздник, или закупить дрова.

— Я у Мейлеха попрошу несколько рублей, — обращается мама к отцу.

— Хорошо, — соглашается отец, — думаю, что на следующей неделе сможем рассчитаться.

Слушая эти разговоры, я начинаю думать, что Мейлех, наш сосед и есть один из тех самых Ротшильдов, о котором иногда говорит мама. Ротшильд упоминается в рассказах Шолом-Алейхема³, которые отец нам читал в свободные вечера. Особенно

1 Европейский банкир.

2 Вековой уклад еврейской жизни, язык идиш, культура

3 Псевдоним. Настоящее имя Шолом Нохумович Рабинович. Выдающийся еврейский бытописатель-юморист. Освещал быт «маленьких людей», живущих горемычной жизнью.

мне нравилось слушать чтение отца в зимние вечера, когда на улице завывает метель и трещат морозы. В доме убрано, тихо, печь протоплена. Мы усаживаемся возле печки, отец придвигает ближе к себе керосиновую лампу, водружает на нос очки и начинается волшебство. Отец читает рассказы Шолом-Алейхема или Менделе Мойхер-Сфорима ¹ о трудной, беспросветной жизни евреев, таких похожих на наших местечковых. Мы с братом тихо внимаем чтению и переживания за горести людей переполняют нас. Они проявляются в виде непрошенной слезы, или слезами сквозь смех. Еврейские толстосумы, богачи, которым безразлична тяжелая жизнь бедняков, вызывают у меня отвращение. Пиня, сосед с нижней улицы, говорит, что это было ого, как давно, еще при царе. Поэтому, была революция и царя прогнали, и всех богатеев тоже, чтобы не мешали строить светлое будущее. Хорошо, что нет богатеев в нашей стране. Пиня учится во втором классе, он очень грамотный. Говорит, что его вскоре примут в пионеры.

— У меня есть хорошая книжка, в которой рассказывается, как трудно теперь живется людям за границей под властью капиталистов и буржуев. Там также рассказывается, как хорошо живут люди в нашей стране, где нет богатых, — говорит Пиня.

— Дай мне книжку, я тоже хочу знать, — прошу я его.

— Ладно, дам тебе, только на два дня. Потому, что мне пора ее обменять в библиотеке на другую книгу, — говорит Пиня, и добавляет, — вот, прочитаешь и все поймешь.

О несметных богатствах Ротшильдов я слышал не раз. Рассказывали, что живут они далеко, за границей, где полно буржуев и капиталистов. Что у Ротшильдов несметные богатства хранятся в железных комнатах. Я себе представлял этих Ротшильдов, этих злых буржуев. Сами они живут в хороших больших домах, разъезжают на автомобилях, хорошо одеваются, веселятся. А рядом впроголодь живут простые люди, которые тяжело работают на их фабриках и заводах, гнут спины за гроши. Об этом я вычитал в тонкой книжке, которую на время мне дал Пиня. У меня сердце болит и слезы затуманивают взор, когда я читаю рассказ о тяжелой жизни простых людей за границей под гнетом буржуев. Мне жалко бедных детей, которых буржуи выгнали из дома потому, что отец их лишился работы и у него нет денег, чтобы уплатить за жилье. Дети в школу не ходят, они голодные, раздетые. На улице мокнут под дождем, им некуда деться. Я ненавижу этих капиталистов и радуюсь, что у нас теперь их нет. И тут я вспоминаю о Мейлехе. Кем приходился Мейлех этим Ротшильдам я не знал, но то, что у него нет этой самой железной комнаты, я был уверен. Я не раз бывал в этом небольшом под соломенной крышей доме, в котором живет Мейлех со своей женой Фейгой и ни разу не видел там какой-

¹ Псевдоним. Настоящее имя Шолом Яков Абрамович. Основоположник еврейской литературы на идиш, старший классик.

либо железной комнаты. Даже в большом сарае дома, где хранятся дрова, никакой железной комнаты не видать. Я подумал, что возможно, Мейлех боится железной комнаты. Сами подумайте, кому это нужно хранить свои богатства в такой комнате, чтобы в ней умереть с голоду, лежа на груде золота, как рассказывали про случай, который произошел с одним из Ротшильдов? Где же тогда он хранит свои богатства? Я даже начал сомневаться, настоящий ли Мейлех Ротшильд. Ведь я много раз слышал, что нет больше у нас в стране богатых. Теперь все равны. О нашей счастливой жизни написано в книжке, которую мне дал Пиня. А как же Мейлех, думал я, этот Ротшильд? Может, я ошибаюсь, и никакой он не Ротшильд? Но с другой стороны, ведь нет сомнений, что деньги у Мейлеха имеются. Иначе, чего бы мама к нему обращалась за несколькими рублями? Расспрашивать маму или старую Фейгу, жену Мейлеха, я стеснялся. Своими сомнениями я поделился со своим другом Ньюмой. Но он ничем мне помочь не мог. Какие они эти богатые? Я их никогда не видел, — говорил он.

Однажды, когда я переступил порог в парикмахерской, куда пришел подстричься, дядя, который сидел в кресле с намыленной щекой, отодвинул руку парикмахера, в которой тот держал бритву в сторону.

— Реб² Велвл, не задавайте ненужные и глупые вопросы. Занимайтесь своим делом, — говорит тихо дядя с намыленной щекой, — я не слышал от вас ни о Барском³, ни о Лейбе⁴ и вы не слышали мой ответ.

— С ума можно сойти, — сделав глубокий вздох, так же тихо ответил парикмахер, — был человек и нет человека, как будто корова языком слизала.

— Успокойтесь, реб Велвл, я же вас просил, — говорит дядя.

Парикмахер отложил в сторону бритву, и снова начал намыливать щеки дяде.

— Сема, — обратился он к сидящему в кресле, — хорошо, Бог с ними. Я сейчас о другом. Хочу тебя попросить в отношении бондаря Симхи. Ты же его знаешь. Семья его очень бедствует.

— Подождите, реб Велвл, — говорит Сема, прервав парикмахера, и улыбается, — я вижу, что вы озабочены всякими вопросами. Что бы мир делал без вас? И после этого у вас еще хватает сил на жалость к Симхе. Вам, что, мало своих забот? Что касается Симхи, то я его отлично знаю. Он строгаёт детей не хуже, чем клепки. Только обеспечить весь кагал у него сил не хватает. Причем же тут я? Разве он со мной советовался?

2 Почтительное обращение к старшему (евр.)

3 Имеется ввиду, что человек этот арестован, как враг народа: как троцкист, или сионист,

4 Имеется ввиду Лев Троцкий.

— Сема, замолчи. Я тебя спрашиваю, где твое менчলেখкейт¹? Мне стыдно и больно от тебя такое слышать. Семья, можно сказать, пропадает, а у тебя все смешки, — говорит недовольно парикмахер, костлявый, невысокого роста пожилой мужчина и в который раз намыливает Семе щеки и бороду, — вот закончу брить и тогда поговорим и, заметив меня, добавил, — видишь, клиент дожидается очереди.

Это он имеет в виду меня, догадался я, так как кроме меня в парикмахерской никого не было.

— Так о чем еще разговор, дядя? — вставая с кресла, с усмешкой спрашивает Сема, — какие еще заботы вам спать не дают?

— Я все о Симхе. Помогите его старшей дочке с работой, ей уже шестнадцатый год пошел, — говорит парикмахер, — все же лишняя копейка в дом. Это в твоих силах, Сема. Ты же теперь у нас а гонцер кнакер², большой человек.

Из разговора между парикмахером и Семой я сразу догадался, что речь идет о Ньюином отце и его семье. Еще бы, ведь я часто заходил в гости к Ньюе и видел, как им нелегко живет. Мне показалось, что Сема чем-то походит на богача. Как здорово парикмахер обругал его! Так ему и надо — со злорадством подумал я.

— Да, — с горькой усмешкой ответил Сема, — большой человек, как вы говорите. Только он не знает, надолго ли. Никто ничего не знает. Ладно, подумаю. Будьте здоровы, реб Велвл, передайте привет тете.

Сема, средних лет мужчина с полным лицом и смеющимися глазами, уже уходя, добавил, — советую вам, реб Велвл, поменьше задавать вопросы, спокойнее спать будете, — махнул на прощанье рукой и ушел.

— Давай, пионер, забирайся в кресло, — тяжело вздыхая, сказал парикмахер, когда Сема ушел.

— Я еще не пионер, — залезая на кресло, с обидой ответил я.

— Не переживай парень, подрастешь и станешь пионером, — говорит парикмахер, — никуда это от тебя не уйдет. Какую стрижку, как всегда?

Я в знак согласия мотнул головой. Когда он закончил стрижку, я соскочил с кресла, поблагодарил его и направился к выходу.

— Куда спешишь, парень? Кто, милый, рассчитывать будет? — спросил парикмахер.

— Отец сказал, что придет в пятницу бриться и рассчитается, — ответил я, остановившись у дверей.

— Ну-ну, — хмыкнул недовольно парикмахер, — приучил на свою голову. Ладно, ступай пионер к своему светлому будущему. Не забудь передать отцу, что жду его в пятницу.

1 Человечность (евр.)

2 Ироническое выражение «большой делец» (евр. свободный перевод).

Я шел домой после стрижки и все думал о светлом будущем, о котором знает парикмахер. Я спрошу Пиню он, кажется, тоже говорил о светлом будущем. Пиня очень грамотный и, наверное, знает все об этом светлом будущем. Как, ты не понимаешь? — восклицает Пиня, когда при встрече я его об этом спрашиваю, — при царе люди жили в темноте. Они были безграмотные, в школу не ходили. Много и тяжело работали на помещиков и капиталистов, голодали. Теперь нет богатеев, заводы и фабрики принадлежат народу. Все равны и могут учиться. А дальше еще лучше будет. Это и называется строить светлое будущее. Директор школы сказал, что для этого мы должны хорошо учиться. Пионеры должны показывать пример в учебе и дисциплине. И еще он сказал, что скоро у нас появится электрическое освещение и радио. Электричество намного лучше светит, чем керосиновая лампа, и о керосине не нужно думать. А по радио, сказал директор школы, будем слушать о достижениях страны, о нашей счастливой жизни и разные песни, — я слушал Пиню, он так хорошо рассказывал, и я пожалел, что нет рядом Ньюмы. Ничего, решил я, сам расскажу ему, чтобы он тоже знал, что такое светлое будущее.

— Пиня, что ты думаешь о нашем соседе Мейлехе? Богач он или нет? Ты грамотный, скоро тебя примут в пионеры, наверное, знаешь, — говорю я.

— Ну, о чем ты говоришь, какой Мейлех может быть богач? — отвечает Пиня на мои сомнения, — я же тебе давал книжку в которой ясно написано, что у нас богатых нет, что все равны. Если бы у нас были богатые, разве могли бы мы жить счастливо, строить светлое будущее?

Нюма никогда богатых не видел, Пиня точно знает, что нет богатых — думаю я и снова остаюсь со своими сомнениями? С ума можно сойти, как говорит парикмахер, реб Велвл.

— Парикмахер просил тебе передать, чтобы ты не забыл прийти к нему в пятницу, — обратился я к отцу. И стал ему рассказывать об услышанном разговоре между парикмахером и дядей Семой о каком-то Барском и Лейбе. Что мне дядя Сема не понравился. Он невоспитанный, грубил парикмахеру, пожилому человеку, — у реб Велвла длинный язык.

— Ер редт ин дер велт аран³. Своими разговорами он может накликать беду не только на себя, но и на других. Никому о его болтовне не рассказывай. Это одни глупости. Забудь о них, — задумчиво говорит отец, и, тяжело вздохнув, спрашивает меня, — ты понял? И я киваю головой, что понял.

Правда, из сказанного отцом я понял только то, что в разговоре реб Велвла таится какая-то опасность и о нем, об этом разговоре, нужно забыть, и еще я понял, что дядя Сема, оказывается, был прав.

3 Ер редт ин дер велт аран — поговорка в смысле, что человек говорит не думая, не отдавая себе отчета в сказанном (евр.)

Тут мне вспомнилось, услышанное от дяди Семы, что Симха строгаёт детей, не хуже клепок. Прямо мороз по коже прошёл. Наверное, дядя Сема пошутил, такого не может быть, успокаивал я себя. Несмотря на это я стал с опаской заходить к ним в дом. В доме всегда воздух был пропитан запахом дубовых стружек от клепок для бочек и бадей, которые Симха строгал целыми днями. К запаху стружек примешивался какой-то запах неустроенности этой большой, голодной семьи. Когда бы Ньюма ни приходил к нам, мама всегда давала ему что-нибудь покушать, иногда всего лишь кусок ржаного хлеба, политый пахнущим подсолнечным маслом и посыпанный крупной солью. При этом меня мама тоже не забывала. До чего же, я вам скажу, вкусная еда! Мне всегда казалось, что мы самые зажиточные на нашей улице. Возможно потому, что мама умела соблюдать в доме идишкейт. Я не знал, что это значит. Но мама плохого говорить не станет.

Что мама не родилась у Ротшильда, я имею в виду у нашего соседа Мейлеха, меня ничуть не печалило. Больно мне нужно иметь дело с буржуем — думал я. Не люблю я толстосумов, богачей. Поэтому невзлюбил я Мейлеха, не как человека, нет, а как буржуя, если он взаправду буржуй. И еще потому он мне не нравился и Ньюме тоже, что был он какой-то непонятный, не был похож на настоящего Ротшильда. Дом в котором живет Мейлех похож на все другие дома на нашей улице. Нет у него ни заводов, ни фабрик. Если без всяких догадок, а просто так со стороны взглянуть на Мейлеха, то каждый согласится, что Мейлех скорее похож на Йосю водоноса, чем на богача. Их разнит только то, что Йося моложе и здоровее Мейлеха. Сам Мейлех был стариком с небольшой седой бородой и согнутой спиной в виде буквы «Г». В любую пору года он был обут в растоптанные кирзовые сапоги, одет в выцветшие штаны и такой же пиджак, на голове его покоилась плоская кепка с небольшим козырьком. Только по субботам и на праздники, когда он отправлялся в синагогу, вместо пиджака надевал черную накидку, похожую не то на пиджак, не то на капоту. Он ходил, не поднимая головы, заложив руки за спину, был молчалив. Даже со своей старухой, Фейгой, по ее словам, он мог за целый день и словом не обмолвиться. Раз человек молчит, значит, он занят, он думает. О чем может думать целыми днями старик? О светлом будущем? Зачем оно ему? Оно нужно детям, как говорит парикмахер. Несмотря на его отрешенный вид, люди Мейлеха уважали и жалели. Уважали его за сочувствие к нуждам человека. Никому он не отказывал дать в долг несколько рублей. Конечно, с выгодой для себя, но божеской, как говорила моя мама. Он мог подождать с возвратом долга. Никогда не шумел, не ругался. Уж кого он не любил, терпеть не мог, так это обманщиков. С этим все соглашались, что так справедливо. Потому, что обманывать нельзя. Взял в долг — не забудь вернуть его. Жалели Мейлеха из-за его переживаний по поводу младшей,

любимой дочери, которая вопреки воле родителей вышла замуж за гоя¹, красноармейца-пограничника и уехала с ним на край света. Поговаривали, что с того времени спина Мейлеха еще больше стала сгибаться, а сам он становился все менее общительным. Конечно, были у него и завистники, которые радовались его горю. Без этого, как говорила тетя Марьям, местечко не местечко. Стоило мне встретить Мейлеха на улице или услышать его имя, как обуревавшие меня сомнения буржуй он или нет, не давали мне покоя. Нельзя же не любить человека, не зная за что. Лично к Мейлеху, как к человеку, претензий не было. Не любил его только потому, что считал буржуйем. Вдруг я ошибаюсь? Как быть тогда? Вот я и мучился в догадках, буржуй он или не буржуй. Я не знаю, как в других местах, но в нашем местечке что-либо утаить невозможно. Не только то, что действительно имело место, но даже то, чего никогда не было. Наконец, я узнал правду, которая развеяла все мои сомнения. Вы себе представить не можете, как я этому обрадовался. Тогда я узнал, что Мейлех это просто Мейлех, и никакой он не Ротшильд, и никакой он не буржуй, и к Ротшильдам никакого отношения не имеет. Я сразу перестал смотреть на него, как на буржуя. Жалеть, я его и раньше, когда он еще был Ротшильдом, жалел. Честное слово, можете мне поверить. Ведь, что не говори, больно и обидно, когда твоя любимая дочка, аидише кинд², против воли родителей выходит замуж за гоя. Я уже не говорю о переживаниях Мейлеха. Его жена Фейга говорила, что она стала затворницей, ей стыдно людям в глаза смотреть. Я понимал, что все это глупости, пережитки прошлого. Теперь все равны, это я точно знаю. Мне об этом Пиня говорил. Он очень грамотный, много знает. Он говорил, что нет разницы, русский ты, украинец или еврей, даже можешь быть негром. Об этом, говорил, в кино «Цирк» показано. Я видел это кино. Мне очень понравилось. Жаль, что Мейлех не ходит в кино. Тогда, возможно, он бы так не переживал, и Фейга тоже. Но, пойдя, объясни это им. Правду о Мейлехе, которая меня очень обрадовала, я узнал в один из базарных дней, после обеда, когда к нам пришла в гости наша добрая знакомая тетя Марьям. Я уже говорил, что в нашем местечке что-либо утаить невозможно. Не помню, чем я занимался, когда я услышал, что разговор зашел о Мейлехе. Затаив дыхание, я стал прислушиваться.

— ...Мейлеха? — о чем-то спрашивала тетя Марьям.

— Да, недавно я его встретила на улице, — ответила мама, — зачем он вам понадобился?

— Я никогда бы не подумала, что этот молчун, ваш сосед Мейлех, из которого слова не вытянешь, такой грубиян, если бы не слышала это собственными ушами, — говорит возмущенно Марьям. — как он обругал непотребными словами Нехаму,

1 Нееврей (евр.)

2 Еврейский ребенок (евр.)

бедную вдову точильщика Зуни, пусть земля ему будет пухом, и под конец еще плюнул в ее сторону. Бессовестный он человек.

— За что же он ее бедную так обидел? Вы не знаете? — слушая внимательно тетю Марьям, спрашивает мама.

— Нехама мне рассказала, что весь сыр-бор разгорелся из-за курицы. Она не заметила, что Мейлех торгует курицу, и спросила у крестьянки, сколько та за нее просит. Вот тут-то на нее взъелся Мейлех.

— Марьям, все это не совсем так, как вы рассказываете, — говорит мама, — я эту историю уже слышала. Мне рассказал ее сам Мейлех. Я ему больше верю, чем Нехаме с ее нымисными¹ выходками и трэфным пыском².

— Я Нехаму не хуже вас знаю, но я сама слышала, — говорит тетя Марьям.

— Вы слышали часть спора и по нему судите, — говорит мама, — а начало этого спора, как я понимаю, вы не слышали и как это было не видели.

Тетя Марьям остыла и призадумалась. Тетя Марьям умная и справедливая женщина, за что родители ее уважают.

— Вы правы, — говорит тетя Марьям, немного подумав, — я действительно пришла, как говорится, к шапочному разбору. Я только слышала ругань Мейлеха. Если вы знаете все о споре от начала до конца, то расскажите мне. Хочу услышать, что рассказывает реб Мейлех. За что он так обругал Нехаму?

— Спор действительно возник из-за курицы. Когда Нехама стала интересоваться курицей, Мейлех попросил ее отойти, не мешать ему. Он, мол, сам уже давно торгует эту курицу. Нехама завелась, как она умеет это делать, и стала кричать на весь базар, что он, Мейлех, мол, думает, будто базар только для него одного, что если она вдова, так он ее может обижать. Что ничего удивительного, что у такого отца дочка вышла замуж за гоя. Мейлех, когда рассказывал, чуть не плакал, — говорит мама, — как у нее только повернулся язык такое говорить, наступить человеку на больное место, на кровоточащую рану? Мейлех ведь не ангел, он всего лишь обычный человек и, конечно, не сдержался и нагрубил ей. Не знаю, кто бы на его месте стерпел бы наглость Нехамы, ее черствость к чужой болячке.

— Ну, Нехама. Я ей расскажу, кто она такая, — с новой силой вспыхнула тетя Марьям.

— Это ни к чему. Нехама останется Нехамой, ее не переделаешь. Вы, Марьям, только нервы себе попортите, — говорит мама и немного помолчав, продолжает, — мы с Мейлехом живем по соседству много лет и никогда не слышали от него плохого слова. Вы, может быть, не все знаете о Мейлехе. Немало трудностей пришлось вынести его семье после революции, но он

1 Отвратительными (евр. Свободный перевод.)

2 Грязным ртом (евр. Свободный перевод.)

никогда не терял менчлихкейт.

Оказывается, что до установления советской власти в нашем местечке Мейлех содержал небольшую лавку. Торговал он мукой, разными крупами, скобяными изделиями. Советской власти это не нравилось и у Мейлеха забрали лавку вместе с товаром, который в ней находился. А-а, значит, он таки был буржуй — замечаю я про себя, и продолжаю прислушиваться к разговору женщин. Для семьи Мейлеха наступили черные дни. Работы нет, денег нет, ценных вещей для обмена нет. Несколько лет промучились, а тут еще дочка выкинула номер. Вышла замуж за гоя — догадываюсь я. А помощи не от кого ему дожидаться. Чтобы как-то сводить концы с концами, Мейлех решил вернуться на мельницу, где в молодости работал долгие годы помощником мельника. Таскал мешки с зерном наверх, засыпал его в бункер, и готовую муку ссыпал в мешки. Тогда он был молод и работа с зерном, теплым помолом, постоянным шумом жерновов и трансмиссий ему нравилась. Он разбирался в качестве помола, в жерновах. Иногда даже замещал мельника. Теперь уже силы были не те, работа перестала ему нравиться и он решил уйти с мельницы.

— Мейлех говорит, что теперь не та мельница, — жаловалась Фейга маме, — раньше, говорит он, возы с зерном стояли в очереди, жернова вертелись, только успевай ссыпать муку. Теперь, говорит, мало привозят зерна на помол, приходится часто мельницу останавливать. В общем, нет ни работы, ни оплаты.

О том, что ему тяжело таскать мешки с зерном, Мейлех не стал жене рассказывать. Такой уж был у него характер. Не любил он жаловаться. Сам искал выход.

Во время работы на мельнице, он явно почувствовал, что молодые силы покинули его навсегда, и ему пришла мысль попробовать открыть у себя дома пекарню по выпечке мацы на пасху.

— Зачем вам перед пасхой беспокоится о муке для мацы, думать о дровах и пекаре? — говорил Мейлех соседям, — я все заботы возьму на себя, обеспечу всем: мукой, печью, опытным пекарем и опытными месильщицами. Ваше дело только раскатать тесто для мацы, и складывать выпеченную мацу. Тем, кто не может сразу оплатить, смогу дать на небольшое время в долг. И назвал цену за фунт готовой мацы.

Соседи слушали, потом дома делали расчеты, прикидывали условия, советовались, и приходили к выводу, что это сносно, можно согласиться. Меньше забот, их и так хватает. Не нужно думать о муке, сухих дровах, хорошей печи, опытном пекаре, с кем и где кооперироваться. А еще немаловажным являлась возможность занять мацу в долг. За деньги, вырученные от продажи золотой цепочки своей жены, единственной оставшейся в доме ценности, Мейлех закупил хорошую муку, он знал в ней толк, катальные доски и сухие дрова, подготовил печь. Он нанял

опытного пекаря и опытных месильщиц теста. Первый же год выпечки мацы у себя в доме принес Мейлеху успех. Пусть получил он небольшой доход, но приобрел добрую славу. И, понятное дело, появилась куча завистников. Человек, видите ли, на золотую жилу попал, не дай Бог еще разбогатеет. К нему уже несколько раз наведывался инспектор¹, все рассматривал, расспрашивал. Слава Богу, пока все обошлось благополучно. Может, он ему что-то сунул? Это, наверное, тот самый, которого отец опасается — догадывался я.

— С тех пор, — продолжила мама, — из года в год Мейлех занимается выпечкой мацы. Желающие принять участие задолго до Песах делают заявки с указанием количества мацы. Мейлех немало сил тратит на подготовку к выпечке. Не скупится на оплату лучшего местечкового пекаря, на оплату умелых месильщиц теста. Запасает хорошую муку и сухие дрова. Подготавливает посуду для замешивания теста и катальные доски. Ремонтирует печь. А-а, он трудится. Значит он уже не буржуй — обрадовался я. Еще, мне кажется, я понял, почему Мейлех такой молчун и о чем он думает. Он избегает общаться с людьми, чтобы они, не дай Бог, не напомнили бы ему о его болячке, о поступке его любимой дочери. А о чем он может думать? Наверное, о том, как лучше и вовремя подготовить все необходимое для выпечки мацы, как избежать встречи с тем человеком, которому нужно что-то сунуть, а также еще о судьбе своей дочери. Вот так бы я ответил, если бы меня спросили.

Во время выпечки мацы Мейлех взвешивает заказанное количество муки и наблюдает за тем, как продвигается выпечка. Все остальное выполняется по заведенному давно порядку. Выпечка, как всегда проходит весело, шумно, бывают довольные и не очень довольные, но на саму выпечку мацы никто не жалуется.

— Мейлех и сейчас не очень жирует. Это завистникам кажется, что он деньги лопатой гребет, — говорит в заключение мама.

— Такие наши люди. Злятся, что ум к ним приходит с опозданием и завидуют тем, кому улыбнется удача, — заметила тетя Марьям, — а что с дочкой, они переписываются?

Это меня уже не интересовало, и я не стал дальше слушать. Только вчера мама снова ходила к Мейлеху за несколькими рублями. Как хорошо, что к Мейлеху, а не к Ротшильду. Не люблю я буржуев. Я побежал к своему другу Ньюме поделиться новостью. Мы с ним собираемся в следующем году пойти в школу, в первый класс. Правда, мне не хватает несколько месяцев, но мама говорит, что раз я уже умею читать, то, возможно, меня примут. Ньюму я застал за уборкой дубовых стружек от клепок, которые настрогал его отец. С опаской, как я это делал последнее время, бывая в доме у Ньюмы, огляделся вокруг. Других стружек,

1 Нужно понимать, что имеется ввиду фининспектор.

о которых говорил дядя Сема, не видно. Я помог Нюме собрать стружки, и мы побежали на речку купаться. Вода была теплая-теплая, и мы долго плавали и барахтались. Неохота было выходить на берег под жгучее солнце. Когда мы вдоволь накупались и надоело мокнуть, мы выбрались на берег согреться, позагорать под палящим солнцем.

— Ты хотел что-то рассказать мне о Мейлехе, — говорит Нюма и смотрит мне в глаза. — помнишь, Нюма, — говорю я, — мы с тобой читали (вообще то, я читал один, а Нюма только слушал, он читать еще не научился) рассказ о тяжелой жизни детей за границей, где богатые и буржуи издеваются над ними. Дети голодают, не имеют крыши над головой, в школу не ходят. А у нас все по-другому, строится счастливое будущее, о котором рассказывал Пиня. Потому, что нет больше у нас богатых. Поэтому я очень рад, что Мейлех, оказывается, просто Мейлех, а никакой не буржуй. Я это теперь точно знаю. И я могу его даже любить. Правда, хорошо? Как ты думаешь?

— Я тоже не люблю богатых, но плохо, когда нет денег, чтобы купить хлеба, — подумав, ответил Нюма.

— Я тебя спрашиваю о Мейлехе, что ты думаешь? — говорю я, — я же тебе говорю, что мы ошибались, он не богач. Я это понял из разговора мамы и тети Марьям.

— Хорошо, что он не богатый, — выслушав меня, как-то скучновато, как будто новость о Мейлехе его не волнует, говорит Нюма, — я уже давно догадывался, что он не буржуй. Но не хотел тебе говорить. Думал, что ты мне неверишь.

— Как ты мог догадаться? Тебе кто-то говорил об этом? — с удивлением спрашиваю его.

— Мой папа его уважает. Он говорит, что Мейлех понимает бедного человека. А богатый, ты сам знаешь, не может понимать бедного человека, — объяснил мне Нюма.

— Ты очень верно рассудил, — похвалил я Нюму, удивленный его сообразительностью. Как же я сам до этого не додумался? — подумал я, — ведь все так просто.

Мы еще немного покупались, позагорали и отправились домой.

— Где тебя носит целый день? Тебе кушать не нужно? — видно, недовольная моим поведением встретила меня мама.

— Мы с Нюмой были на речке, — ответил я, — очень жарко и мы немного покупались. — иди, помой руки, и садись за стол.

Во время еды и после я все думал о разговоре с Нюмой, о светлом будущем и о том, что мы с Нюмой в следующем году пойдем в школу. И еще о том я думал, что когда наступит это светлое будущее, возможно, отцу не нужно будет работать по ночам и опасаться того человека, который все высматривает и вынюхивает. Что денег от выполнения плана днем будет достаточно для дома. Тогда маме не нужно будет жалеть, что не

родилась у Ротшильда. Я вспомнил слова директора школы, о чем рассказал мне Пиня, и дал себе честное пионерское слово, что буду учиться только на отлично. Тогда скорее придет это светлое будущее. Ничего, что я пока не пионер. Парикмахер, реб Велвл, сказал, что это от меня не уйдет.

Цви бен Дов
Москва 07.2013 г.

Колман и шпины¹.

На днях получил письмо из Израиля от друга детства. Мы с ним расстались еще в дошкольные годы. Я смотрю на письмо и калейдоскоп событий прошлого проходит перед моим взором. Я вижу наше бывшее местечко на Подоле в Украине, в бывшей черте оседлости, в окружении села. Белые хатки села, крытые соломой, черепицей и шифером утопают в зелени. С одной стороны местечка, в низине, расположен пруд с мельницей и белокаменная церковь за высокой каменной оградой, на возвышенности, с другой стороны местечка. В самом местечке несколько прямых улиц, идущих с запада на восток. Дома одноэтажные, в основном старые, крытые соломой и кровельным железом. Они, как будто опасаясь неизвестного, жмутся друг к другу. Дополняют их две синагоги и еврейская школа. Освежают местечко несколько палисадников у домов и кучка старых лип на пустыре, где сохранились два покосившихся каменных креста Бог весть когда и кем установленные. Местечко, по существу, было центром села. Здесь находились магазины, амбулатория, парикмахерская, колхозный клуб. Но не это было главным. Весь цимес² был в самих обитателях местечка, его ремесленниках. Портные, кузнецы, сапожники, скорняки, бондари, кровельщики, всех не перечесть, оказывали требуемые услуги селу. Люди трудились, растили детей, соблюдали праздники, радовались жизни и с верой в своего единого Бога, с надеждой смотрели в будущее.

Открываю письмо, на листке несколько строк. Друг пишет, что живет в Кирьят-Бялик вместе с семьей уже восьмой год. Ему нравится здесь жить. Всем семья обеспечена. Внуки взрослеют, учатся, служат в армии. Но временами его покидает сон, вспоминаются прожитые годы. Недавно вспомнилось ему, как однажды мы с ним игрались возле синагоги и он подвернул ногу. Какой-то старик помог ему. Не могу ли я рассказать ему об этом старике все что мне известно о нем? Почему, думаю, не рассказать, раз человек просит. Тем более, что был знаком со стариком и многое о нем слышал от других. К тому же мне самому воспоминания не дают покоя. Не буду откладывать в долгий ящик, решаю я. Не люблю я этого. Бумага и перо под рукой и я сразу же приступаю к ответу другу. Опишу ему все, что мне самому известно и что слышал от других.

Дорогой мой Фима, твое письмо меня удивило и в то же время обрадовало. После твоего отъезда из местечка, если память

1 Шпин (идиш) — человеконенавистник, в том числе антисемит.

2 Цимес (идиш) — десертное блюдо еврейской кухни. В переносном смысле — самая суть вопроса.

мне не изменяет, мы встречались всего один раз, лет тридцать тому, в Одессе. Давно ли это было? Кажется, только вчера. Память вещь занятная. Играет со временем в непонятную игру, то сжимает его, то растягивает. Но старости от этой игры не легче и не уйти от нее.

Явно стареем, друг мой, коль стали вспоминать детство. В то время, помнишь, мы босоногие в коротких штанишках, вопреки запрету родителей, бегали вниз с горы к пруду искупаться, позагорать под жгучим солнцем или заниматься акробатикой на крутой лестнице крыльца старой синагоги. Вслед нам непослушным мамы зывали — смотри, утонешь, или шею сломаешь, домой не приходи. Бедные мамы, их призыв был «гласом в пустыне». С каким вдохновением мы не пропускали ни одной лужи после летнего теплого дождя, радуясь зависшей за селом в чистом небе многоцветной радуге. С каким удовольствием возились в бегущих ручейках, пускали кораблики. Мамам потом была забота отмывать нас от грязи и стирать запачканную одежду. Это было самое счастливое время нашего детства. Впереди нас ожидала школа и очень хотелось быстрее взрослеть.

Ты вспомнил о старике, который помог тебе, когда ты неудачно спрыгнул с крыльца и подвернул ногу. Потом он еще отвел тебя домой. Это случилось незадолго до отъезда вашей семьи в соседний район. При расставании ты обещал, что будешь часто приезжать сюда в гости к своей тете. Но жизнь распорядилась по-другому. Теперь, спустя много лет, ты с ностальгией вспоминаешь прошлое. Ты хочешь больше узнать о старике? Как его звали, где и как он жил? Не знаю, какие мысли тебя навели на эти воспоминания, но постараюсь изложить все, что мне известно о нем. Я знал этого старика и воспоминания о нем живы в моей памяти. Он жил недалеко от нашего дома на соседней улице. Его звали Колман. Чуть сгорбленный, с пейсами и длинной седой бородой, он особенно ничем не отличался от других стариков нашего местечка, если не считать его одеяния. Направлялся ли Колман в синагогу или в другое место, он неизменно был в своей

черной капоте¹, и такого же цвета кипе² на голове. Капота была ветхая и выцветшая, как и ее хозяин. Был ли Колман хасид или миснагед³ не знаю. Но то, что с книгами Священного писания он не расставался, все время занимался изучением Торы⁴, об этом знали не только постоянные участники миньяна в синагоге, но и все жители местечка. Одни за это его превозносили, другие (молодые) считали чудачеством. Но все его уважали.

На улице уже темнеет, но я перо откладывать не стану. Сейчас включу настольную лампу и продолжу письмо.

Жил Колман в старой хатке, которая прислонилась к двум соседним домам. Нахлобученная на хатку тяжелая соломенная крыша, увенчанная покосившейся трубой, все глубже вдавливала в землю это неказистое строение. Со стороны хатка напоминала подвыпившего мужика в несуразной шапке на голове, ищущего опоры. Одной стороной, по фасаду, хатка примыкала к дому, который купил Аврум Гершон у вдовы Баси после ее переезда в Ольгополь к старшей дочери. Ты, я думаю, помнишь Аврума, колхозного кузнеца. Его прозвали «полтора Аврума», как человека рослого, широкоплечего. От него веяло здоровьем и спокойствием. Настоящий Самсон⁵ — с гордостью, при случае, говорил Колман о своем новом соседе, как будто он был создателем этого творенья. Бог наградил кузнеца и его жену, маленькую жизнерадостную женщину, шумной оравой вечно голодных детей. — Вы только посмотрите на эту саранчу, — радостно говорил кузнец гостю, — чтобы они мне были здоровы. Такая славная компания. Один другого краше. Вы бы видели, с каким удовольствием эта хевра⁶ за столом расправляется с картошкой в мундире. И если еще, Бог даст, имеется возможность приобщить к картошке малость подсолнечного масла, немного лука и все это круто посолить, не оставят миску в покое, пока не очистят ее до дна. Ну, а если, не дай Бог, нет масла и лука нет, тоже не беда. Аппетит, слава Богу, у ребят на все сто, как нагель в подкову, — к месту и не к месту у кузнеца Аврума всегда было, — как нагель в подкову.

Тыльная сторона хатки наклонилась в сторону дома вдовы Енты, фасад которого смотрел в сторону нашей улицы.

Жил Колман бобылем, ни семьи, ни родных. Один одинешенек. Он лишился семьи в смутное время революции и гражданской войны. Тогда власть беспрерывно менялась и разные банды терроризировали жителей местечка. В один из таких дней, когда Колман занимался комментариями Раши⁷, его

---

1 Капота — обычная одежда хасидов, одного из течения иудаизма, имеет вид халата.

2 Кипа (иврит) — традиционный еврейский мужской головной убор.

3 Хасид, миснагед (иврит) — участники различных течений в иудаизме

4 Тора — Пятикнижие Моисеево. Священное писание иудеев.

5 Самсон — великий герой древнего Израиля.

6 Хевра (идиш) — компания.

7 Раши — комментатор Торы.

отвлек шум идущий из лавки, где его жена торговала разными крупами. — Наверное, покупательница недовольна товаром, или она жалуется на свое горемычное житье — решил Колман. Такое нередко случалось и он ладонями прикрыл уши. — Все это суета сует — подумал он про себя, стараясь углубиться в комментарии. Но донесшийся из лавки крик жены прервал его занятие. Последнее время пошатнулось ее здоровье, и это вызывало у него беспокойство. Он сделал закладку в книге и со всей прытью, на которую был способен, побежал в лавку. Колман не помнит, как это произошло. У него в руках очутилась гиря, которую он с силой опустил на голову петлюровца, навалившегося на его жену, лежащую на полу. Петлюровец тут же сник, даже не ойкнув. Колман его сдвинул в сторону. Потом он поднял жену на руки, откуда только силы взялись, отнес ее в дом и уложил на кровать. Она была без сознания и тихо постанывала. Охваченный страхом от происшедшего он вернулся в лавку, к бандиту, который остался лежать на полу. — Откуда взялся этот пьяница? — охватившее Колмана волнение не покидало его, — что с ним делать? Оставить его лежать в лавке, пока не протрезвеет или, может, вытолкать его на улицу? — Бандит лежал без движения. На полу возле его головы виднелась небольшая лужица крови. Колман нагнулся над бандитом, пригляделся. — Кажется, он не дышит. Его рука отдает мертвящим холодом. Он мертвый, я его убил — отдернув руку и обливаясь холодным потом, прошептал Колман. Он вконец растерялся. Жена без сознания, бандит мертвый. Он прикрыл изнутри двери лавки на засов и вернулся в комнату. Жена по-прежнему была в беспамятстве. — Что делать, что делать? — Колман метался по комнате, страх все возрастал. Он выбежал на улицу, намереваясь зайти к соседке. Двери оказались запертыми. Он стал звать, стучать в двери, но ответа не было. Посмотрев на пустынную улицу, Колман пришел в еще большее замешательство и, не задерживаясь, вернулся в дом. Он подошел к кровати, на которой лежала жена, накрыл ее одеялом и уселся рядом.

— Чего вы сидите в темноте? Уже все стихло, банда, говорят, ушла, — сквозь дрему услышал Колман голос соседки Баси.

Охватившее его чувство своей безвинной вины, опасение за здоровье жены, страх и поиск решения, как ему поступить с трупом бандита, все смешалось в один клубок. Он столько передумал за это время, что ничуть не удивился, услышав ее голос. Он бы не удивился даже, если бы перед ним явился Машиах¹.

— Я стучался к вам, — отрешенно глядя на соседку, проговорил Колман.

— Я с детьми была в сенях и подумала, что это бандиты стучатся, — ответила соседка и рассмотрев в темноте лежащую на кровати жену Колмана, Блюму, с беспокойством поинтересовалась, не заболела ли она?

1 Машиах (иврит) — мессия.

Глубоко вздохнув, нерешительно, волнуясь, Колман стал ей рассказывать о событиях происшедших днем в лавке. Бася была самый близкий человек. С кем еще он мог поделиться с настигшей его бедой?

— Бася, я большой грешник. Простит ли меня Всевышний. Хотя не намеренно, но я же убил человека, — в заключение с горечью проговорил Колман.

— Какого человека? Это же бандит. Туда ему и дорога. Сам Всевышний вложил в вашу руку силу воздаяние этим негодяям за их злодеяния, — взволнованная рассказом Колмана, переполненная ненавистью к бандитам, вскричала Бася.

— Бася, что вы говорите? Разве этот человек кого-то убивал? Откуда мы можем это знать? Каждый отвечает только за себя и должен получить воздаяние, равное им содеянному злу, а не за злодеяние содеянное другими, — возмутился Колман.

— Вы сами говорите, что он чуть Блюму не убил, — заметила Бася.

— Бася, но он же ее не убил, хвала Богу.

— По-вашему, реб Колман, нужно было ждать, пока он ее убьет? Я вас не могу понять, да и никто другой вас не поймет. Успокойтесь, сейчас нужно думать о другом — как поскорее избавиться от трупа. Счастье, что бандиты не спохватились.

— Будь здесь ваш Нухем или мой Симха, мы бы бандита оттащили за нижнюю улицу, на пустырь, и там погребли его. Но где они теперь, один Бог знает, — в раздумье проговорил Колман.

— Ой, как вы правы, реб Колман. Я бы все отдала, чтобы увидеть Нухема живым и здоровым. Я об этом без конца молю Бога, прошу его, чтобы Нухем скорее вернулся с войны. Уже сил моих нет терпеть одной с детьми. Когда уже этой кутерьме придет конец? — вздыхая, проговорила соседка.

— Пусть Бог вам поможет и нам тоже — вернуть сына.

— Реб Колман, мы с вами теряем время. Нужно что-то решать. Бандит не может оставаться в лавке, — повысив голос, проговорила Бася. Она была недовольна Колманом и собой. К чему пустые разговоры?

— Не знаю, что делать. Я опасаясь кого-то просить о помощи. Не дай Бог, пойдут разговоры, беды не оберешься, — тихо, как бы про себя, растеряно проговорил Колман. Конечно, любой сосед оказал бы содействие, помог бы, но Колман и слушать об этом не хотел.

— Тогда, реб Колман, больше не о чем говорить. Мы с вами это сами и сделаем, — решительным, не терпящим возражения голосом, сказала Бася. Колман усомнился, сумеют ли они дотащить бандита до пустыря. Бася с ним согласилась.

Когда наступила ночь, не найдя другого решения, Колман с помощью соседки вырыли яму в промежутке между его хаткой и домом вдовы Енты. Они с трудом перетаскивали туда бандита,

пропахшего сивухой и дегтем, и опустили в яму. После того, как яма была засыпана и разровнена земля, Колман взял слово с соседки, что ни одна живая душа не узнает о происшедшем, даже Блюма. Она, мол, бедная и так натерпелась. Закончив с погребением, уставшие, они вернулись в дом. Состояние Блюмы оставалось без изменений, она лежала с закрытыми глазами и тихо стонала. — Что делать? Чем можно помочь Блюме? — прислушиваясь к ее стонам, озабоченно проговорил Колман.

— Вы ее не тревожьте, ей нужен покой. Если к утру не будет улучшения, нужно будет позвать доктора, — посоветовала Бася.

— Чтобы я без вас, Бася, делал? Вы мне очень помогли, один Бог знает, как я вам благодарен. Пусть Бог бережет вашу семью, — говорит Колман.

— Разве может быть иначе, Реб Колман? Мы же с вами соседи, не первый год знаем друг друга, — ответила Бася, — пусть Бог внемлет вашим добрым пожеланиям. Ну, я уже пойду домой, там дети одни. Даст Бог, Блюма придет в себя. Вам, реб Колман, нужно тоже отдохнуть, — устало проговорила соседка и отправилась домой.

Колман, не раздеваясь, улегся рядом с женой. Под утро Блюма пришла в себя. Она стала жаловаться на боли во всем теле, особенно на головную боль. Из событий вчерашнего дня, окутанных завесой густого тумана, она только помнила, как ввалился в лавку бандит. Он начал ругаться, что-то от нее требовать. Потом он схватил ее, вытянул из-за прилавка и бросил на пол. А что было дальше она не помнит. — Ну, и, слава Богу, что не помнит — обрадовался Колман.

— Бандит еще немного пошумел и ушел, — ответил Колман на расспросы жены.

С утра в местечке только и разговоров было о бандитском налете. Что за банда, от кого и куда она бежала? — удивлялись люди. Обычно, бывало, что на хвосте убегающей одной банды вдогонку появляется другая банда. На этот раз пьяная орда без остановки пробежала мимо, никто ее не преследовал. Видно было, что бандиты торопятся. Кого-то по пути они избили, вышибли стекла окон в нескольких домах. Слава Богу, жертв не было. Только днем все прояснилось. Жители узнали от красноармейцев, отряд которых прошествовал через местечко, о том, что им удалось вчера в соседнем селе окружить и ликвидировать банду. Теперь они прочесывают местность в поиске остальных бандитов, которым удалось выбраться из оцепления.

— Велик Бог, реб Колман, можете успокоиться, — придя в лавку, соседка рассказала ему, услышанные ею на рынке новости о вчерашней банде, и продолжила, — зайдя к Блюме. Отдам ей продукты, которые она просила купить. Молоко я уже не застала.

— Голову, прямо раскалывает. Наверное, ударилась головой, когда бандит меня бросил на пол. С трудом поворачиваюсь

с боку на бок, боль такая во всем теле, как будто его месили, — жаловалась Блюма соседке и, помолчав, продолжила, — бедный Колман, ему приходится сидеть в лавке, а я тут разлеглась как барыня.

— Блюма, не грешите. Слава Богу, что так все обошлось. Полежите немного, восстановите силы, и слабость пройдет, — успокоила ее Бася. Но слабость не покидала Блюму, и Колману теперь часто приходилось ее замещать в лавке.

Заглядывать в священные книги в лавке Колман не решался, считал это недопустимым. Зато появилось у него много времени для раздумий. Думать было о чем. Он думает о жене, здоровье которой с каждым днем ухудшается. Доктор говорит, что это на нервной почве. Легко сказать — спокойствие. Единственная надежда на Бога, на молитвы. Он знает, как жена переживает из-за сына, о котором давно не было известий. А тут еще эта напасть с бандитом. Колман вспоминает, сколько было радости в доме с рождением сына. Первые две беременности жены были неудачными, оба раза были выкидыши. И, наконец, с Божьей помощью, родился долгожданный ребенок. Сын рос как все еврейские дети, посещал хедер, изучал Священное писание, уже шодхен¹ искал ему невесту. Так, на тебе — революция, перевороты, войны, мир с ума сошел. Вот и сына затащил водоворот революции и один Бог знает, где он теперь и жив ли, а тут еще погромы, грабежи и, избави нас Бог, он, Колман убил человека, может безвинного. — Может человек спьяну наделоширил, а я его лишил жизни. Разве я ему судья? Что с того, что бандит, что убийство было неумышленным? Но человек мертв. Если бы я его только ранил, одно дело, а убивать его я не имел права — размышляет Колман и у него перед глазами, в который раз встают картины того дня и ночи, убийство бандита в лавке, его захоронение. Он бесконечно спорит с собой и Басей. То он ей возражает, иногда соглашается с нею и тут же снова возражает.

— Я уже четверть часа обращаюсь к вам, реб Колман. Вы что, совсем оглохли? — возмущенно кричит покупательница и дергает Колмана за рукав, — будьте добры, отвесьте мне фунт гречневой крупы. Колман, вырванный из забытья, с недоумением смотрит на покупательницу, с трудом передвигаясь, отвешивает фунт крупы, бросает деньги в ящик и снова усаживается на прежнее место, которое нехотя на время покинул. Снова одолевают его разные мысли. — Бандит. Виноват, не виноват, воздаяние по заслугам, но человек мертв — Колман обхватывает голову руками, — почему не отзывается Симха? Жив ли он? — вдруг он вспоминает, что нужно Блюму покормить и отправляется в дом. Жизнь Колмана, когда он мог ни о чем не беспокоясь, заниматься изучением Священного писания, в то время когда жена занималась лавкой и ухаживала за ним, ушла в прошлое. Теперь он мог только

1 Шодхен (идиш) — сват.

урывками вечерами заниматься Священным писанием. При этом его бесконечно одолевали разные мысли, которые мешали полноценным занятиям.

Однажды утром, когда Колман входил в лавку, ему привиделось, что на том месте, где лежал бандит, шевелится большущий шпин со светящимся глазом, смотрящим на него. — Наверное, душа бандита поселилась в нем — подумал в волнении Колман, прислонившись к косяку дверей. Он неотрывно смотрел на шпина, который на глазах стал таять. На том месте, где ему привиделся шпин, на полу лежала тень, окруженная лучами солнца, которые пробивались сквозь щели в наружной двери. — Фу ты, привидится же такое — с облегчением прошептал Колман. Однако, большой отвратительного вида шпин, с огненным глазом запечатлелся в его сознании.

Колман ничуть не опечалился, когда новая власть запретила частную торговлю. После смерти жены заниматься торговлей ему претило и он давно бы бросил это занятие, если бы не долготелая привязанность к лавке. Он запер двери, ведущие из дома в лавку, где ему привиделся большущий шпин с душой бандита, чтобы больше туда не заходить.

Теперь Колман жил за счет небольших сбережений, которые ему удалось припрятать от бандитов и новой власти. Много ли нужно одинокому старику? В хозяйстве, до своего отъезда, за Колманом присматривала соседка Бася. Она помогала ему в приготовлении пищи, стирке белья, уборке в доме.

— Хона, я понимаю, что у вас немало забот по дому. Семья у вас, слава Богу, не сглазить бы, большая, но я вас очень прошу присмотреть за Колманом. Он очень одинок и беспомощен, как дите малое, — обратилась к другой соседке старика Колмана Бася перед своим отъездом.

— Не беспокойтесь, Бася, я найду время за ним присмотреть. Кому же еще, как не мне, его соседке, — не задумываясь, ответила Хона.

С тех пор, как жена Колмана, Блюма, слегла и после ее смерти, он редко покидал свой дом. Его можно было встретить на улице разве только, когда он посещал синагогу, которая находилась на этой же улице, напротив, через дорогу. Иногда он ходил на рынок или в магазин, что случалось не так часто. Колман со своими нерадостными мыслями предпочитал одиночество. В местечке привыкли к этому и вспоминали о нем только по случаю сбора цдаки¹ для нуждающихся. Знали, что Колман всегда окажет посильную помощь. Цдака его всегда была не хуже, чем у других болеботым² местечка. Видение шпина, которое ему пригрезилось в лавке, иногда мелькало перед взором Колмана. При этом вспоминался бандит. — Ну, привязался — возмущался Колман,

1 Цдака (иврит) — одна из заповедей. Оказание помощи нуждающимся.

2 Болеботым (идиш) — уважаемый состоятельный член общины.

и сплевывал. После этого он на время терял покой. Его надежда, что с закрытием лавки исчезнет видение шпины, не оправдалась. Как-то раз приснилось ему, что большой шпин, который обитал в лавке, разделился на нескольких меньших по величине шпинов. И в каждом из них поселилась частичка души бандита. Это его не удивило. Каждый знает, что от шпины только шпины и бывают. Правда, его сын Симха с ним спорит, он не согласен. Но кто может понять этих молодых? Пусть живут своей жизнью. Колман знает, что шпинов на свете немало. Они бывают и большие, и меньшие. Но шпин всегда остается шпином. При этой мысли он просыпается, смотрит в темноту комнаты, и вздрагивает, — снова это наваждение. Колман встает с постели, зажигает лампу, осматривает комнату. Он теряет покой и уже до утра не может уснуть.

— Господи, ты на нас насылаешь этих шпинов, этих мучителей евреев. Они грабят нас, калечат и убивают. Как будто нет других забот у евреев, как только опасаться этих шпинов? Господи, разве нам мало других забот? Когда уже придет Машиах? Тогда, надеюсь, шпины исчезнут, как говорил мой Симха — думал про себя Колман, в сознании которого сплелись воедино шпины и бандиты. Он, по правде сказать, Богу предъявлять претензий не хотел. Но кому еще он мог пожаловаться, как не Господу. Он всю жизнь привык обращаться к нему за советом и помощью.

— С Колманом что-то неладное творится последнее время, — придя домой, обращается Хона к своему мужу, — он и раньше был замкнутый, задумчивый. Я понимаю его тоску за сыном. Он часто вспоминает жену и это можно понять. Сегодня он мне ни с того, ни с сего говорит, — Хона, в доме появились шпины. Ночью из-за них я глаз не могу сомкнуть.

— Могли же в доме завестись шпины. Как нагель в подкову. Чему же ты удивляешься? — спрашивает муж.

— Тому удивляюсь, что ни в лавке, ни в доме не видела я их. И он тоже говорит, что не видел.

— Так о чем же разговор? Как нагель в подкову, — возмущенно удивляется кузнец.

— Я с этими же словами обратилась к Колману. Мол, о чем вы говорите, реб Колман? Может, это вам показалось, говорю я, а он твердит свое, — полно шпинов и они меня мучают, — они сродни бандитам. Я даже догадываюсь, откуда они взялись. Вот выберу время, потравлю этих шпинов, если и вправду они завелись. Уже не знаю, верить Колману или нет, — сердито заключает Хона.

— Зачем же сердится, Хона? Сделай так, как ты решила, — потрави шпинов, и дело с концом. Как нагель в подкову, — заметил добродушно кузнец.

О появлении шпинов в доме Колмана заговорили в местечке. Эту весть разнес не кто иной, как сам Колман. При встрече на улице или в синагоге он интересовался у людей, не завелись

ли у них в доме шпины, как у него. — Поверьте — говорил он, — от них покоя нет. — Люди с удивлением слушали Колмана. То ли с головой у человека не в порядке, то ли действительно в его доме нашествие шпинов. — Бывает, появится шпин. Так его тут же убивают, — отвечали ему.

— Хона, вы же по соседству с Колманом живете, как вам не стыдно, — на рынке возмущенно обратилась Хая, жена бондаря Сендера, — почему не поможете ему избавиться от шпинов? Он уже всем голову прожужжал со своими шпинами. Пожалейте человека. Ее поддержали другие женщины. Хая, все это знают, не допустит, чтобы человека несправедливо обидели, или не помогли, если человек попал в беду. Вот такая она Хая. с ней лучше не связываться.

— Все это выдумки Колмана, — отвечала Хона, — нет шпинов ни в доме, ни в лавке, их и не было. Чтобы его успокоить, я кипятком ошпарила все щели в полу, кровати и стульях, полы и стойку в лавке, все углы в доме и лавке почистила. Потом все места промазала керосином. Хотя бы одного шпина видела. Ни одного. Что за наваждение на Колмана нашло — не пойму. Я стараюсь втолковать ему это, но никак убедить его невозможно. У него, возможно, что-то с нервами. То ему шпины мешают, то бандиты.

— Кому, кому, а Хоне верить можно. Это не яхна¹ какаянибудь, — говорили женщины.

С тех пор в местечке появилась новая поговорка: «Как шпины у Колмана», с которой обращалась к человеку, который завирался, или говорил несуразные вещи. Прошло время. От взбудоражившей местечко истории со шпинами осталась только одна поговорка. Да и мало какие другие вопросы одолевали обитателей местечка. Слава Богу, их всегда было вдоволь. Однако, спустя некоторое время Колман снова оказался на языке обывателей. Пошли разговоры, что Колман занялся мелкой торговлей. У него можно было приобрести немного чернил или таблетку для чернил, тетрадку в прямую линейку, в косую или в клеточку, карандаш, ручку. В общем, все необходимое для школьника. Откуда он все это доставал, никто не знал. То ли ему кто из родных присылал, то ли он был «оптовиком-перекупщиком». Пошли всякие толки, догадки. Договорились до того, что, мол, его сын Симха, который в свое время был связан не то с сионистами, не то с бундовцами, о котором теперь редко кто вспоминал, оказывается, жив. Что он сменил фамилию и проживает в большом городе. Вот он, мол, и поставляет товар.

Весь товар помещался в небольшой плетеной корзинке, которую Колман прятал под кроватью. Не дай бог нагрянет фининспектор и обвинит его в спекуляции. Когда я стал учеником еврейской школы, меня с Колманом познакомила

1 Яхна (идиш) — болтуня, сплетница.

одноклассница Доня, девочка с длинными светло-рыжими косичками и солнечным личиком, покрытым веснушками. Она проживала недалеко от дома Колмана, на той же улице.

— Он любит детей, за сыном очень скучает, — рассказывала Хона о своем соседе Колмане, — он на Рош-ха-Шану моим детям яблоки, конфеты приносит. И в такие дни тоже, когда ходит в магазин. Халву им принесет или конфеты, а в Хануку всех оделит мелочью.

В хатке, куда дневной свет еле продирался сквозь стекла перекошенного окна, Колман в ермолке, жилетке и старых истоптанных шлепанцах казался нам сказочным волшебником. При этом он всегда дружелюбно встречал нас, было видно, что он рад нашему приходу.

Колман делал закладку страницы в талмуде или гемаре и отложив в сторону книгу узнавал, что нам нужно — карандаш, перо, чернила — нет вопроса, — говорил он, — пожалуйста. Он не забывал поинтересоваться нашими школьными успехами. При этом не упускал каждый раз приговаривать, — еврейские дети должны хорошо учиться, лучше всех. Грамота, — говорил он, — ноша не тяжелая, но довольно приятная, всегда может в жизни пригодиться. Так что не ленитесь, учитесь прилежно и не забывайте, дети, что вы евреи. При этом он поднимал глаза к потолку и вслед тянул указательный палец правой руки. Лицо его становилось вдохновенным, глаза прищуривались и часто-часто вздрагивала длинная седая борода. В полумраке комнаты вид старика, как будто сошедшего со страниц страшной сказки, пугающе действовал на нас. Поэтому мы старались не задерживаться в доме Колмана и как можно скорее выбраться на улицу. Мы не понимали почему должны помнить, что мы еврейские дети. Это и так все знают. Однако, нам льстило, что именно еврейские дети должны прилежно учиться. Потому, что мы были такие. Нам учиться нравилось.

Со временем жители местечка переварили и усвоили новость о торговле Колмана школьными принадлежностями. Даже перестали делать догадки об источнике поставки товаров. Но Колман этого не забывал. Пакеты с товаром ему привозили, правда, не часто, разные люди, мужчины и женщины. Одни говорили, что они проездом, другие — что приехали по делу то ли в колхоз, то ли в сельсовет. И все они утверждали, что не знают от кого именно пакет. Просили, мол, передать, больше ничего не знают.

— Хона, я думаю, что это Симха мне присылает, больше никому. Наверное, он не может себя проявить. Но я благодарен Богу, что ему удалось выжить. Скольких упрятали в тюрьмы, сколько исчезли неизвестно куда, — говорил тихо, оглядываясь по сторонам, Колман. Ему очень хотелось верить в то, что говорит.

Что Бог не делает — все к лучшему. Кому это неизвестно?

Судьба, похоже, не могла допустить забвения имени Колмана в местечке. Вскоре после празднования жителями местечка славного праздника Песах, когда сошел снег, оголилась и просохла земля, приключился пожар. Пожары в местечке бывали частенько. Соломенные крыши, скученность домов, лепившихся один к другому, неаккуратное обращение с огнем — всего было предостаточно для возникновения пожара.

Одной тихой ночью, когда ясно светила луна и мириады звезд подрагивали в глубине черного неба, мирно спавших жителей местечка разбудил тревожный густой гул рельса, по которому методично ударяли, — горим, горим, пожар, — раздалось со всех концов местечка взволнованные голоса и люди, наскоро одевшись и прихватив с собой кто ведро, кто лопату, выбегали из домов и устремлялись к месту пожара.

Огонь то разгораясь, то затухая, вился над крышей хатки Колмана. Языки пламени аппетитно облизывали свалевшуюся прелую солому крыши. Опасались, как бы огонь не перекинулся на соседние крыши. По соседству лежали бочки, принадлежащие артели бондарей. От жары бочки нагревались и потрескивали. Раскатить их было самым простым делом. Труднее было бороться с огнем на крыше. Вместе с жителями местечка в тушении пожара принимали участие сельчане, дома которых находились по соседству.

— Дувид, расставьте людей, тащите воду с колодца. Янкл, берите лестницу, вместе с Велвлом и Петром лезьте на крышу, как нагель в подкову, — командовал Аврум с крыши, где он старался лопатой сбивать пламя, — Нухим с Федором, перебирайтесь в торец крыши, не дайте перекинуться огню на крышу дома Енты, как нагель в подкову.

Люди старались изо всех сил сбивать пламя, не дать ему разгореться.

— Хона, что вы вертитесь под ногами. Не кричите, вытаскивайте все, что можно, из хатки. Николай помогите ей. Вы только посмотрите на Колмана, стоит как свеча, как будто это не его дом горит, — приказывала Сура, дом которой тоже недавно горел. Советы, команды усиливались вместе с пожаром. А пожарники все не приезжали. — Где пожарники? Когда они приедут? Снова, когда все сгорит дотла? — все чаще раздавались возмущенные голоса людей.

Народ волновался, выбивался из сил, чтобы не дать перекинуться пожару на соседние крыши. Воды для тушения не хватало. Ее приходилось ведрами по цепочке передавать от колодца, находившегося на неблизком расстоянии. Надеялись на пожарников, а их не видать. Неизвестно, когда появятся.

Непритязательное добро — постельные принадлежности, книги, стулья, посуду и другие вещи вытаскивали из хатки, сбрасывая в кучу.

Пожарники все не появлялись, все труднее становилось бороться с огнем, люди устали, со всех сторон слышались тревожные, негодующие голоса. И только один Колман, опершись на палку, спокойно смотрел на бушующее пламя пожара. Лицо его выражало задумчивость, легкий утренний ветерок пошевеливал длинную седую бороду, глаза его были полуприкрыты и шевелящиеся губы тихо произносили какие-то слова, очень похожие на заклинание смешанное с жалостью, — так им и надо, так им и надо... они этого заслужили...

— Реб Колман, очнитесь, разве это не ваш дом полыхает, что вы стоите как свечка и беспрестанно что-то шепчете? Может быть, не приведи Господи, реб Колман, вы потеряли рассудок? — стараясь перекрычать толпу, раз за разом спрашивала обеспокоенная соседка. При этом она немилосердно трясла Колмана, хватая его то за полы кафтана, то за палку, на которую он опирался. А Колман все стоял молча и глядя на горящий дом, думал, — Господи за что меня наказываешь? Чем, когда я провинился перед тобой? Разве не должен был я спасти свою жену от бандита? Я не собирался его убивать, ты это знаешь. Может тебе, Господи, надоели мои извечные вопросы, просьбы и жалобы? Велик ты, наш Бог, и мы твой избранный народ. Кого еще вопрошать, кому еще жаловаться? Когда уже обещанный мессия придет и выведет нас в землю обетованную? И он все стоял в оцепенении и думал. Он чувствовал жаркое дыхание пожара, видел метущихся людей. Но все это как будто во сне. Он хотел проснуться, он делал усилия над собой. В голове все смешалось: смерть жены, издевательство бандита. Ему вспомнилась Бася и еще — неизвестный поставщик товара. Колман был уверен, что это сын, который, хотя находится в опасности, отца не забывает и невольные слезы туманили ему глаза. Ему виделся Цви Шабтай¹ — великий обманщик и еще ему виделась его одинокая старость и эти извечные шпины, которых никто не хочет замечать. — Вот-вот, именно шпины с душой бандита. Вот что главное. Хорошо, что они сгорели. — И, как будто очнувшись, он выпрямился, поднял высоко руки к небу и во всю мощь своих легких радостно воскликнул, — Господи, до чего ты велик, благословенно имя твое.

Пожар, слава Богу, с помощью пожарных, которые с опозданием, но прибыли, удалось унять. Временно Колман нашел приют в доме соседа, кузнеца Аврума. Но только на время. Семья кузнеца, хвала Богу, большая, шумная. Здесь, в тесноте оставаться Колман не мог. Люди жалели погорельца, сочувствовали ему. Как обычно было принято в местечке, посыпались советы, все старались принять участие как лучше устроить жизнь Колмана. Одни предлагали его дом снести, он, мол, скоро сам завалится, а Колман пусть поселится или в доме вдовы Енты, или у вдовы Рухл, дом который находился рядом с рынком. Но Колман

1 Цви Шабтай — имя лжепророка.

воспротивился этим советам.

— В этом доме я прожил свою жизнь, никуда отсюда не уйду, — категорически заявил он, — отремонтирую и здесь буду жить.

Больше всех участие в ремонте дома принял сосед, Аврум. С участием жителей местечка была отремонтирована крыша и другие части дома, пострадавшие от пожара. По просьбе Колмана снесли пристройку к дому, где размещалась лавка. Двери, ведущие из лавки в дом, заложили.

Человек не всегда замечает и понимает происходящие в нем изменения душевного состояния. Тем более трудно другим со стороны это понять. Однако, люди, которые общались с Колманом в синагоге и на улице заметили, что после пожара он как-то изменился. Раньше других это заметила соседка Хона, которая больше других общалась с ним.

— Не знаю, что подействовало на Колмана, но после пожара его не узнать, — говорила она мужу, — за все время после пожара ни разу не слышала от него прежние его постоянные жалобы и непонятные разговоры, от которых меня мучило. Он и внешне как-то изменился, распрямился что ли, как будто его освободили от непосильной ноши.

— Слава Богу, человек перестал себя мучить всякими выдумками. Как нагель в подкову, — высказал свои соображения по этому вопросу кузнец Аврум.

В синагоге также были удивлены поведением Колмана. Миньян волновался, не знал, чем это объяснить. Подумать только, Колман вдруг стал интересоваться жизнью общины местечка. Долгие годы, со времени болезни жены, когда ему приходилось ее замещать в лавке и после ее смерти, он этого избегал.

— Он понял, что отделяться от общины невозможно. Люди всегда готовы помочь в беде. Кто помог унять пожар и затем отремонтировать дом? — рассуждал седвласый старик, поглаживая бороду, и сам отвечал, — конечно, община.

— Колман никогда не отделялся. Не помню случая, чтобы он отказал кому-либо в помощи или чтобы он не сделал взнос на благотворительность, — возразил рядом стоящий пожилой мужчина.

— Странный он человек, скрытный. Раньше он таким не был. Я хорошо это помню. Но это, правда, было очень давно. После смерти жены с ним что-то произошло, — высказал в заключение свое мнение другой почтенный старик. Все с ним согласились.

Сам Колман эти изменения в себе не замечал. Он, как и раньше, занимался изучением Священного писания, посещал синагогу. Ему время от времени снова виделись шпины. Но он уже спокойнее относился к ним, стараясь не обращать внимания. Теперь он не отказывался принимать участие в общественной жизни общины: в сборе благотворительных взносов, в судьбе

сиротки на выданье, в обеспечении жителей местечка кошерным мясом и в других важных делах общины.

Помню, как я первый раз после ремонта дома пришел к нему за тетрадью и чернилами. Я заметил, что в доме после пожара стало как будто светлее. Он приветливо встретил меня, как всегда поинтересовался учебой и не преминул дать наставления. Так же тянул палец к небу, тряс бородой. Но меня это ничуть уже не пугало. Ничего пугающего не было в нем. Я видел перед собой старенького, доброго дедушку. Возможно, я к этому времени повзрослел, или привык к нему.

Время шло своей чередой, мы выросли. Власть решила, что еврейская школа излишняя роскошь и ее закрыли. Мы стали учениками украинской школы, которая помещалась в бывшей помещичьей усадьбе с обширным парком. Только год я успел проучиться в этой школе, как наступило тревожное время войны. Мужчины ушли на фронт, подростки были эвакуированы на восток. В местечке остались одни старики, женщины, дети. Красная армия отступала, война все ближе. Что ожидать от прихода немцев? Люди волнуются. Надежда, единственная, на Бога. Пожилые люди успокаивают. Мол, немца мы помним, народ культурный, бояться не нужно. Никто в самом кошмарном сне не мог себе представить зверства немцев — расстрел безвинных жителей местечка, трудные годы за проволокой и борьбу за выживание в гетто.

Не было предела радости выживших жителей гетто, когда пришло освобождение от фашистов. Через год жители местечка вместе со всем советским народом праздновали победу над фашистской Германией, народ радовался окончанию кровопролитной войны. Возвращались домой к родным солдаты, выжившие на полях кровавой войны с фашистами. В родные края возвращались эвакуированные.

Как и многие другие вернулись из эвакуации Бася с дочкой и внуками. Первое, что Бася решила сделать — еще раз, пока здоровье позволяет, побывать в родном местечке, где прошли ее молодые годы, где они с мужем прожили, хотя и трудные, но счастливые годы, посетить могилы своих предков, которые покоятся на старом еврейском кладбище.

Приехав в местечко, Бася, без расспросов, направилась в свой бывший дом. Куда же ей еще идти? Там должна проживать семья кузнеца Аврума. Она не знала, эвакуировались они или оставались на месте и какова их судьба. Она помнила большую дружную семью кузнеца. Аврум и Хона ей понравились с первого знакомства. Она была довольна, что именно этой семье продала свой дом, когда собралась переехать к дочери. К дому Бася подходила с опаской. Кто знает, кого она там застанет, кто теперь там живет. Когда она готова была взяться за ручку дверей, они приоткрылась и на пороге появилась Хона с тазом воды в руках.

— Добрый день, Хона, — опешив от неожиданности, поздоровалась Бася.

— Добрый день, — ответила Хона, всматриваясь в пожилую женщину.

— Не узнаете меня, Хона? Я Бася. Видать, так постарела, что трудно меня узнать.

— Конечно, это Бася. Как она изменилась — подумала Хона и отставив в сторону тазик обняла Басю и пригласила ее в дом.

— Хона, я очень боялась Вас не застать на месте. Я приехала на несколько дней. Вы приютите меня? — обратилась она к жене кузнеца после проявленной обоюдной радости встречи.

— Бася, не беспокойтесь. Места хватит, Живите здесь, сколько вам нужно, — ответила Хона.

— В этом доме, Хона, мы с мужем прожили наши лучшие годы, здесь родились наши дети, здесь овдовела я после гибели Нухема, — взволнованная нахлынувшими воспоминаниями, обратилась Бася к жене кузнеца и продолжила, — завтра, дай Бог, чтобы здоровье не подвело, пойду на кладбище навестить могилы родителей.

Ей одной идти нельзя, — глядя на Басю, думает Хона, — и года не те, и здоровье у нее, видно, слабое.

— Бася, освежитесь, покушайте. Я вам постелю и приляжете отдохнуть с дороги, я давно собираюсь сходить на кладбище, посетить родных. Все откладывала, — говорит Хона, — так, что воспользуюсь вашей компанией. Прямо с утра, когда дети уйдут в школу, мы с вами отправимся на кладбище, — так, чтобы успеть вернуться домой к приходу детей из школы — думает Хона.

Они долго ходили по кладбищу в поисках могил родителей Баси. Встречалось много разрушенных надгробий, многих вообще не было. Исчезли склепы, по которым обычно ориентировалась Бася. Время шло, Хона, стоя у могилы своей матери, начала беспокоиться, что не успеет вернуться домой к приходу детей из школы. — Но как предложить Басе отложить поиски на завтра? — с сомнениями думала Хона.

— Нашла, нашла, — услышала она крик Баси, — идите сюда, Хона.

— Смотрите, Хона, что эти свиньи натворили, — чуть не плача, говорит Бася. Они поломали надгробие на могиле мамы, вот валяется плита. С могилы отца плита исчезла. Как можно такое творить, издеваться над памятью усопших?

— Я сама не ожидала увидеть подобное. Что можно сказать? Сволочи. К сожалению, находятся такие подлые люди, для которых нет ничего святого, — горестно сказала Хона, — Бог их накажет за кощунство.

Вдоволь наплакавшись и пообщавшись с родными, расстроенные увиденным разорением кладбища, женщины проклиная разрушителей надгробий, отправились домой.

— Бася, не расстраивайтесь. Я вам обещаю, что когда мой Аврум демобилизуется и вернется домой, он непременно восстановит разрушенные надгробия на могилах ваших отца и матери, — чтобы успокоить Басю, проговорила Хона.

Уставшая от посещения кладбища, с большими трудностями, с помощью Хоны, Бася добралась домой. Наутро Бася еле поднялась с постели, жаловалась на общее недомогание.

— Надеюсь сегодня побывать в местечке, встретить знакомых, но нет сил, — пожаловалась она Хоне, и добавила, — также хочу побывать на могиле Колмана. Я до сих пор не могу поверить, что его нет в живых, что его убили.

— Колман, пусть земля ему будет пухом, спас меня и детей от смерти. Если бы не он, я бы сейчас с детьми тоже покоились вместе с ним в братской могиле, — проговорила Хона и тут же пожалела о сказанном. Хотя она понимала, что если не сегодня, то завтра разговора о Колмане не избежать.

Бася не стала расспрашивать, как это случилось, она молча сидела в комнате за столом, ожидая услышать от Хоны продолжения начатого разговора.

— Бася, я сейчас управлюсь с обедом, скоро дети придут из школы, — проговорила Хона, понявшая ее молчание, — и тогда поговорим.

Хоне было тяжело начать разговор. От воспоминаний пережитого у нее начиналось сердцебиение. Потом с трудом она приходила в себя. Поэтому она все оттягивала разговор. Но вот закончился обед, была убрана и перемыта посуда, дети ушли на улицу.

— Это произошло через несколько дней после того, как немцы заняли село, — начала Хона рассказывать. При этом она изо всех сил пыталась говорить спокойно, не волноваться, — утром, когда мы встали и я только успела застелить постели, к нам зашел Колман. Я этому не удивилась. Он часто к нам заходил по утрам. Интересовался здоровьем детей, не требуется ли его помощь. Я иногда брала у него в долг несколько рублей.

— Я из своего окна видел, как солдаты на соседней улице выгоняют людей из домов и куда-то их ведут, — говорит Колман, — они, возможно, и сюда придут. Вам, Хона, с детьми, я думаю, нужно на время спрятаться. Бог знает, что они задумали.

— Где же мы тут можем спрятаться? — говорю я, — в сенях ведь не спрячешься.

— Можно забраться на чердак. Поднимитесь туда, уберите лестницу и прикройте лаз.

— А как же вы, реб Колман? — спрашиваю его.

— За меня не беспокойтесь, — отвечает он, — стариков, думаю, не трогают, зачем они им. Кроме того, если солдаты никого не застанут в доме, они могут усомниться и начнут искать по всему дому. Вы, Бася, представляете мое состояние. Рядом

дети, куда и зачем ведут людей неизвестно. Думать некогда, в голове разные неясные мысли. Что делать, на что решиться? И совет Колмана мне показался самым разумным. С детьми забралась я на чердак, убрала лестницу и прикрыла лаз. Несмотря на все старания, волнение не покидало Хону. Она почувствовала сухость во рту и вышла на кухню утолить жажду. Вернувшись, она принесла и поставила на стол кружку воды. Бася молча ждала.

— Дети, напуганные разговорами, необходимостью прятаться, забились в угол, и сидели тихо. Я не отходила от лаза, стала прислушиваться. Не знаю, сколько прошло времени, как мы забралась на чердак, в дом пришли солдаты, — продолжила Хона, — доносились их голоса. Чего они спрашивали или требовали, я не поняла. Голоса Колмана не было слышно. Потом я услышала, как скрипнули двери в сени, затем вскоре хлопнули наружные двери. Мне показалось, что солдаты вышли из дома одни, без Колмана. Чтобы убедиться в этом и посмотреть, что творится на улице, я раскрыла солому крыши. От того, что увидела, у меня подкосились ноги. Меня охватил страх и больно сжалось сердце. Колман шел впереди, за ним шли солдаты, подталкивая его прикладами. По улице медленно продвигалась толпа жителей местечка в окружении солдат. В ней были старики, женщины, дети. Когда толпа поравнялась с домом, к ней присоединили Колмана. Все удалились. Больше я Колмана не видела.

Вечером, когда на улице стемнело, началось разграбление местечка. Сельчане тащили добро, нажитое трудом жителей местечка, на себе, на тачках. Разграбили и наш дом. При этом, казалось, что дом разнесут. Слышались крики, топанье ног. Я в страхе ожидала, что вдруг они вздумают лезть на чердак.

Пришли с улицы дети. Хона занялась ими. Воспользовавшись этим, Бася прилегла отдохнуть, чтобы унять головную боль. Горькие воспоминания Хоны были какие-то нереальные, от них дрожь пробирала, они волновали и раздирали душу.

Поздно вечером, когда уснули дети, Хона продолжила воспоминания.

— Когда забирались на чердак, о еде некогда было думать. Так что с утра у нас во рту маковки не было. Ночью с опаской я спустилась в дом в надежде найти что-нибудь съестное. Дом был пуст. Под ногами мусор, хруст разбитого стекла и никакой еды. На печи я нашла в миске несколько сухарей. Я ими обычно кормила кур, если сразу не относила их к шойхету¹. Это была единственная наша еда. После двух дней пребывания в безвестности на чердаке мой старшенький, Мехл, вызвался сходить в местечко. Может, кого встретит из наших, разузнает, что творится там. Что делать? Отпустить его боюсь, а с другой стороны, до каких пор сидеть с детьми голодными на чердаке. И я его отпустила. А сама места себе не нахожу. Бегаю по чердаку, выглядываю на улицу, ломаю

1 Шойхет «идиш» — человек выполняющий ритуальный убой птицы.

руки. Дети, глядя на меня, расплакались. Прошло совсем немного времени, которое казалось мне вечностью, как прибежал Мехл и зовет меня. Слава Богу, я уже ни о чем не думаю, рада, что вижу сына. Он поднялся на чердак и стал рассказывать, что встретил на нижней улице старика. От него он узнал, что там, на нижней улице собираются люди, которые выжили после расстрела. Среди них, говорил старик, имеются раненые и покалеченные. И главное, что Мехл узнал — солдат в местечке не видно. Тогда мы решили тоже перебраться на нижнюю улицу, и поселиться в пустующем доме. Ребята, как и другие жители, ходили в село за подаванием. Спасибо, сельчане не отказывали в куске хлеба.

Я у встречных пыталась узнать о судьбе Колмана, но никто ничего определенного сказать не мог. В тот день было расстреляно много народу — местных жителей и беженцев, которые поневоле оказались здесь. Были расстреляны старики, женщины и дети. Какая была их вина, я вас спрашиваю? Никакой. Только та, что родились евреями.

На следующий день, как я с детьми поселилась на нижней улице, приходит ко мне Йосл, в доме которого находились раненые.

— Хона, — говорит он, — прошу вас, помогите Голде. У нее силы уже на исходе, а помочь некому. Я пришла в дом Йосла и стала помогать Голде в уходе за ранеными. В доме воздух был затхлый, лечить больных нечем было. Больные, покалеченные женщины, дети стонали, жаловались. Одни лежали прямо на полу, другие сидели у стен. От сочувствия и переживания я сама чуть не заболела. Вместе с Голдой перевязывала больных, лежащих и сидящих, кормила их, водой поила, стирала бинты и нижнее белье. В общем, целыми днями крутилась как белка в колесе. Среди сидящих больных была жена портного Хаима, Рухл, раненная в плечо и руку. Она сидела на полу, привалившись к стене. В один из дней, когда я ей поправила повязки, дала напиток воды, она как-то странно на меня посмотрела.

— Вам еще чего-то нужно? — спрашиваю я ее.

— Нет, ничего, — отвечает она и продолжает, — Хона, я видела вашего соседа. Дайте мне немного воды — мы с ним все время были вместе, — закончив пить, проговорила она, и продолжила, — когда солдаты его вывели из вашего дома и присоединили к нам, он оказался рядом со мной. Я с ним шла под руку до самого подвала, куда нас вели. Так и держались мы вместе до самого конца. Люди вокруг волнуются, тихо переговариваются. Никто не знает, куда их ведут. Один Колман, наверное, не волновался. Он шел так, как будто в синагогу направился. Когда мы подходили к магазину сельпо, Колман говорит, — вот клубок шпинов. Из щелей сволочи вылезли, — и показывает глазами в сторону немецкого офицера, окруженного местными подонками.

— Вы их знаете? — спрашиваю. Зачем я это спрашиваю? Не

знаю. Возможно, боялась узнать правду о Колмане. Ведь я еще надеялась.

— Нет, зрение плохое, но вора Вербицкого я узнала, других нет. Но кто там мог быть? Его дружки, такие же подонки как и он, — отвечает она и продолжает, — когда подошли ближе к магазину, мы увидели, как солдаты подталкивают впереди идущих людей прикладами, направляя их в подвал. Вы можете себе представить наше состояние. Слышится крик и плач из подвала, рядом плачут женщины и дети. Мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание. Когда мы поравнялись с подвалом, Колман вырвался у меня из рук, и с криком, — Бася была права! — ухватил рядом стоящего солдата и вместе с ним повалился в подвал. Они упали в зазор между лестницей и стеной. Поднялась суматоха, солдаты подняли крик и начали стрелять. То ли от чувства боли в плече, его как будто обожгло, то ли споткнувшись, я тоже очутилась на полу. По мне топтались, наваливались на меня тела живых и убитых. Я лежала, не могла сдвинуться. Стрельба все продолжалась, смешавшись с криками и плачем. Временами я теряла сознание. Сколько длился кошмар мне трудно сказать. Потом все стихло, ни звука, ни стоны. И тут снова зазвучали выстрелы прямо у меня над ухом. Это длилось недолго, и снова наступила тишина.

— А что с Колманом случилось? — справившись с собой, спрашиваю я.

— Я думаю, что его убили. Как, когда — не знаю, не видела. Но среди людей, которым удалось выбраться из подвала, которым удалось избежать смерти, его не было, — ответила она и замолчала. Ей трудно было говорить, попросила воды.

— Я все время думаю, Хона, кто такая эта Бася, и что она ему такого говорила? Не та ли это женщина, у которой вы дом купили, и что же она могла ему сказать? — перехватив дыхание, вопрошающе проговорила Рухл.

— Не знаю, он мне ничего не рассказывал. Ну, а вы то как выбрались? — спрашиваю ее.

— Я лежала приваленная телами убитых и чувствовала себя раздавленной, еле могла дышать. Звать на помощь я опасалась, да и голоса не было. В очередной раз, выйдя из забытья, я услышала какое-то движение и тихий говор. Говорили на идиш. Позвать не было сил. Я ухватилась за ногу проходившего мимо человека и меня освободили, вывели из подвала на улицу. Ночь, ничего не могу рассмотреть, еле держусь на ногах. До нижней улицы, вслед за другими, я добиралась почти ползком.

От слов Хоны глаза Баси наполнились слезами, защемило сердце. Последние слова, сказанные Колманом перед смертью, вызвали у нее невольный вскрик. Она больше не могла сдержаться и навзрыд расплакалась.

— Хона, я себе не прошу, если не посетую могилу Колмана. Очень прошу Вас пойти со мною завтра, — перестав всхлипывать,

проговорила она.

— Не волнуйтесь, Бася, я с вами пойду, — ответила Хона, — уже поздно, засиделись мы с вами, пора спать.

— Всю ночь не спала, только под утро уснула. Его последние слова разбередили в памяти давнюю историю, — сказала Бася, когда утром они вышли из дома. По пути к могиле Колмана она рассказала Хоне о случае с бандитом в лавке у Колмана.

— Вот в этой братской могиле вместе с другими невинными жертвами жителей местечка, которых расстреляли фашисты, покоится Колман, — указывает Хона на площадку, на которой высится бугром земля. — Сейчас жители местечка собирают деньги, чтобы ее обустроить. Ждать помощи от власти не приходится. Колхозы бедные, а в сельском совете таких денег нет.

Они стояли возле могилы и молчали, охваченные своими горестными мыслями, на которые не было ответа. Почему? За что?

— Теперь, Бася, мне кажется, я начинаю понимать, что его мучило все эти годы, его стремление уединиться, избегать людей. И о каких таких шпинах с душой бандита он говорил, — по дороге домой, заметила Хона, — Боже, как он мучился, и никто его не понимал.

На этом кончаю письмо. Я описал тебе, по возможности, все, что мне известно о жизни и смерти Колмана. Пусть земля ему будет пухом.

Будь здоров. Привет родным с наилучшими пожеланиями.

Твой друг Миша.

Цви бен Дов

2014 г.

ЗОВ Жизни и памяти

I

— Вставай, кинделе¹, пора.

Дина слышит голос бабушки, но ей так хочется спать!

— Еще минут пять, бабушка, — просит она.

— Вставай, пора.

— А где мама?

— Нет мамы.

— А папа?

— И отца нет, и Лилечки нет.

— Я тебя не вижу бабушка. Где ты?

— Меня тоже нет, никого нет. Вставай, пора.

Ей становится страшно, но она ясно слышит тихий зов.

Ее кто-то будит.

1 Ласкательное обращение к ребенку (идиш.)

— Вставай, Дина, тебе пора уходить.

Она с трудом разомкнула глаза. Было темно, пахло сеном, сквозь прореху в соломенной крыше виднелось серое небо. Она посмотрела в сторону, откуда слышался зов, и еле разглядела человека, который находился рядом. После вчерашних событий Дина долго не могла уснуть. Навязчивые воспоминания о том, как она с родными оказалась в местечке в день расстрела не давали ей покоя. Почему они остались еще на один день? Ведь могли уехать на день раньше и тогда, может, все бы остались живы. Может, права была бабушка, когда говорила о судьбе?

— У каждого своя судьба, и у человека, и у скотины. Никуда от нее не денешься, — сказала бабушка, когда одну из наших лошадей убили.

Был солнечный день. Обоз беженцев с трудом продвигался по запруженной дороге. Появился немецкий самолет. Он низко пролетел над людьми непрерывно стреляя из пулемета и скрылся. Многие даже не успели выскочить из телег, спрятаться. Были убитые, раненые. Нас никого не задело, только лошадь. А то, что мы эвакуировались тоже судьба? Она вспоминает, как с началом войны родители после долгих раздумий решили эвакуироваться.

— Уезжайте, спасайте себя и детей. А я только обузой буду, — говорила бабушка.

Но отец не соглашался. Он не может оставить мать одну.

— Ведь остаются в местечке евреи, не все уезжают. Вот, Малка с Хаимом тоже остаются, — возражала бабушка. Однако, после долгих споров она согласилась ехать.

Опасались, что поездом им с бабушкой ехать будет затруднительно и, кроме того, много вещей с собой в поезд не возьмешь. А ведь уезжаешь неизвестно на какое время. Поэтому решили ехать на пароконной подводе. Дороги были запружены такими же беженцами, как они. Ехали долго, с большими остановками. Фронт их обогнал, когда они подъезжали к Бершади. Дальше ехать не было смысла. Немецкие солдаты на беженцев внимания не обращали и они, как многие другие беженцы, решили вернуться домой. По пути они проезжали небольшое местечко Жабокрич. Чтобы самим отдохнуть и дать отдохнуть лошади, решили остановиться в местечке на два дня. Почти во всех домах находились беженцы. С трудом они нашли дом, где их приютили. Дом был небольшой, так что пришлось спать на полу. Но никто на это внимания не обращал. В то утро, когда они уже собирались уезжать, начался расстрел жителей местечка. Из всей семьи удалось выжить только ей. С отчаяния она готова была покончить с жизнью, броситься в колодец. Ее остановил мужчина, который с мальчиком находился поблизости. Если бы мужчина ее не остановил, она бы уже покоилась на дне колодца. Мужчина успокоил ее и посоветовал ей добираться до своего дяди в Томашполь. В дороге выдавать себя за крестьянку, которая

гостила у родственников и добирается домой.

Теперь, проснувшись, она почувствовала охватившую ее невыносимую усталость, в голове шумело, с трудом вспомнила, где находится. Где же мальчик? — подумала она и протянув руку, коснулась его. Он лежал рядом и спал.

— Дина, вставай, тебе пора уходить, — повторил мужчина.

— Вы остаетесь? — спросила она.

— Мы позже уйдем. Тебе безопаснее идти одной, — ответил мужчина.

С сеновала они спустились по деревянной стремянке, прошли через двор и мужчина вывел ее на дорогу. Серое прохладное утро окутало ее, по телу пробежала дрожь. Сельчане еще отдыхали, отдыхала и природа. Кругом все было покрыто тишиной. Дома и деревья дремали. Перед уходом мужчина еще раз объяснил ей маршрут и дал ей старую, грязную с прорехами косынку, которую он снял со стремянки.

— Постираешь, и будет чем голову прикрыть, — сказал он.

Они попрощались, и Дина ушла по указанной им дороге. Она шла, как во сне, не глядя на дорогу, часто спотыкаясь на выступах и рытвинах. Уже на выходе из села ее словно сковала невидимая сила и она внезапно остановилась. Ноги как будто налились свинцом, она не могла сдвинуться с места. Ей ясно вспомнились события вчерашнего дня. Дом, в котором приютили их семью, состоял из двух небольших комнаток, кухни и сеней. В нем проживали молодая женщина с мальчиком лет четырех и ее отец, немощный старик с редкими седыми усами и бородой, за которыми скрывался беззубый рот. Накануне вечером за разговорами и суждениями о войне, о прежней жизни, о том, что их ожидает в будущем их семья с хозяевами засиделись допоздна. Спать, за исключением Дининой бабушки, которую устроили на софе, остальным членам их семьи пришлось на полу. Утром покой первым нарушил мальчик. Он появился в комнате, где на полу спали приезжие, в одной рубашонке, босиком и стал прыгать перед ними на одной ножке. Похоже, хотел им показать на что он способен.

— Эдакий бесстыдник, уже большой парень, почти жених, а бегаешь без штанов. Отцу, будь он дома, было бы стыдно за твое поведение. Сейчас же перестань прыгать. Люди еще спят, — прошамкал дед, угрожающе помахивая скрученным подагрой пальцем в сторону внука.

Мальчик перестал прыгать, внимательно посмотрел на деда, как бы удивляясь его словам.

— Чего уставился? — прошамкал грозно дед, — или надень штаны, или залезай на кровать. Некрасиво парню бегать голышом.

Мальчик, не проронив ни слова, пошел в другую комнату, нашел свои штанишки, одел их, и вернулся назад.

— Дедушка, папа скоро домой приедет? — потянув старика

за руку, спросил мальчик.

— Закончится война, и тогда он приедет, — ответил дед.

То ли мальчишку ответ деда не удовлетворил, то ли вообще негодно парню бездельничать, он, сопя, с большими усилиями притащил к окну тяжелый деревянный стул, залез на него коленками и уставился в окно.

Уже рассвело, на дворе было пасмурно, тучи заволокли небо.

Дина с мамой стали убирать постели, складывать вещи. Отец пошел на улицу готовить телегу к отъезду, напоить лошадь, подкинуть ей корм.

— Солдаты с винтовками, — сказал мальчик, указывая пальчиком в окно, возле которого он стоял на стуле.

Старик подошел к окну, протер рукавом халата оконное стекло, приблизил к нему лицо и стал смотреть на улицу.

— Мойшеле прав, солдаты идут к нашему дому, — поглаживая внука по голове, прошамкал старик.

— Что им нужно? — обеспокоилась Динина мама, — куда можно спрятать девушку? — обратилась она к старику, — знаете, все-таки солдаты.

Старик огляделся и указывая рукой в сторону второй комнаты, прошамкал, — туда, в чулан, — иди сюда, — позвала Дину дочка старика, открывая двери чулана, — вот сюда.

Дина зашла, вернее, втиснулась в чулан, заполненный всякими вещами и прикрыла дверь. В чулане было темно, из-за затхлого воздуха от лежалых вещей трудно было дышать, слезились глаза. Ей было слышно, как пришли в дом солдаты и начали выгонять жильцов на улицу. Потом все стихло. Она еще некоторое время отсиживалась в чулане, боясь выйти наружу. Наконец, решилась. В доме ничего не изменилось, все вещи оставались на своих местах. Но чувствовалась опустошенность. Дом был лишен жильцов, живого духа. Она посмотрела в окно в надежде понять, что творится в местечке. На улице никого не видно. Не видать ни людей, ни живности, даже собак. Ее охватил страх одиночества в этом безлюдном затерянном мире, — знать бы, что творится за стенами дома, куда увели родных, — мечась по дому, волнуясь, раздумывала Дина, но она не знала, куда ей пойти, у кого спросить. К тому же выходить на улицу небезопасно и она решила на улицу не выходить, лучше, думала она, дожидаться родных дома. Время шло, но никто не приходил. Она металась из комнаты в комнату, подбегала то к одному окну, то к другому. Куда их увели, зачем? На улице по-прежнему живой души не видать. Чем дольше шло время, тем больше ее охватывало волнение. Когда на улице стало темнеть, ей послышался какой-то шум. Решив, что это возвращаются домой родные, она бросилась к окну, но вместо них она увидела на улице бегущую толпу незнакомых людей. Не зная, как быть, она снова залезла в чулан и прикрыла дверь. Скоро дом наполнился шумом и руганью.

— Не трогай, перина моя, — кричал мужчина.

— Я первый ухватил, не отдам, бери что-нибудь другое. Всем хватит, — огрызнулся другой мужской голос.

— Смотрите, жидовка живая, — ни то от удивления, ни то со страху охрипшим голосом закричал парень увидев Дину, когда открыл двери чулана.

На минуту грабители застыли на месте, прекратили грабеж и ругань. Они уставились на Дину, как будто перед ними предстала нечистая сила или привидение.

— Может, солдат позвать? — раздался нерешительный голос.

— Никаких солдат, — ответил пожилой сельчанин, — не трогайте ее. Ты, вот что, сиди тихо, — обратился он к Дине, — когда стемнеет, уходи из местечка, беги, куда глаза глядят, не то и тебя убьют, как и всех остальных евреев поубивали. Здесь оставаться тебе нельзя.

После этого на Дину больше никто внимания не обращал. Все продолжили заниматься грабежом. Имуущество таяло на глазах. Грабеж завершился, и грабители удалились, оставив после себя на полу битое стекло, разбросанные книги и фотографии. Воздух был пропитан запахом смеси пота, дегтя и самогонного перегара. Дина не помнит, что с ней творилось в эти минуты. К ней с трудом пробивались слова мужика. Ей казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди, тошнота подбиралась под самое горло. Ведь могло закончиться по другому, если бы не пожилой мужик, — думала она, — я одна осталась в живых, родные погибли. Бежать, нужно бежать. Еле дождавшись, когда совсем стемнело, она, охваченная горем, отчаянием и тревогой, бросилась бежать из местечка, — куда я бегу, зачем? — всхлипывая, думала она. Увидев рядом с дорогой колодец, она направилась к нему, — брошусь в колодец, и все будет окончено — решила она. Возле колодца ее встретили пожилой мужчина с мальчиком лет десяти. Мужчина спас ее, не дал броситься в колодец. Он убедил ее, что своей смертью она никому не поможет и что ей нужно добраться в свое местечко, к своим родным, дяде и тете.

Находясь ночью рядом со своими спасителями в доме, где они вместе заночевали, она чувствовала себя защищенной. Теперь она осталась одна в этом враждебном, жестоком мире со своим горем и путаными мыслями.

Куда я иду, зачем? — снова возвратилась Дина к мысли, которая не давала покоя, — как мне жить дальше? Нет больше у меня родителей, сестры, бабушки. Одна я осталась в целом мире, — она всем телом ощутила свое одиночество, неизбывную боль и тревогу, — жаль, что не успела броситься в колодец, — эта мысль всю ночь и сейчас не отпускала ее, — и покончить с отчаянием и страхом, — а как же дядя и тетя? Им нужна моя помощь. А Фима, мой Фима на войне, я обещала дожидаться его.

Все завертелось, закружилось. Она не помнит, как очутилась

на выходе из села. Стало светать, рассеялся туман. Под первыми лучами солнца всеми цветами радуги заблестели капельки росы на траве, из роши послышались птичьи голоса, природа просыпалась. Казалось, все вокруг зовет к жизни. И Дину вдруг охватила жажда жизни такой силы, которую, как ей казалось, она никогда ранее не испытывала. Радость заполнила все ее существо, хотелось петь.

Что произошло? Может быть, я с ума сошла? — подумала она, — откуда такие мысли, такие чувства, когда родные расстреляны, убиты злодеями? Она презирала себя, возмущалась своим бессердечием и черствостью.

В то же время ее неотступно преследовала мысль, зовущая: «жить, жить, жить».

— Я, кажется, действительно схожу с ума. Нужно идти, больше ни о чем не думать — решила Дина и двинулась в путь.

Взор ее покрылся влажной пеленой, кружилась голова, она почувствовала слабость в ногах. Исчезло зеленое поле, наполненная птичьим пением роща, синее небо в вышине. Она шла, спотыкаясь в рытвинах проселочной дороги, никого и ничего не видя. Солнце поднималось все выше. Становилось жарко. Она скинула с себя плащ, который ей подарил вчера мужчина у колодца. Из дома она убежала в одном летнем платье с короткими рукавами. От пережитого страха, волнений и вечерней прохлады ее пронизывала дрожь. Мужчина достал из мешка старый прорезиновый плащ и набросил ей на плечи.

— Возьми, одень, согреешься, — сказал он.

Плащ оказался заскорузлым. Она с большим трудом с помощью мужчины его надела. Теперь она рассматривала этот старый плащ, который ее согрел и с теплотой вспоминала мужчину с мальчиком, имена которых она даже не узнала. Постирать бы еще косынку, чтобы прикрыть голову от палящего солнца. Во рту пересохло, хотелось пить. Она осмотрелась. В колеях, оставленных колесами телег, поблескивала дождевая вода. Дина опустила на колени. В чистой, незамутненной воде отражалось высокое синее небо. Она утолила жажду. Постирать косынку не удалось. С трудом поднявшись с колен Дина пошла дальше.

— Добрый день, — услышала Дина голос подростка.

Она посмотрела в сторону, откуда шел голос. Девочка лет десяти на обочине пасла козу, которая спокойно пощипывала зеленую травку.

— Добрый день. Далеко ли еще до села?

— Нет, тетенька, совсем близко. Вот за теми деревьями уже начинается село, — указала вытянутой ручкой в сторону села девочка.

Уже было за полдень, когда Дина подошла к селу. Болели ноги, чувствовалась усталость во всем теле. Хотелось отдохнуть, утолить голод. У них дома никогда не отказывали в подаянье. Но просящие были люди пожилые, калеки, больные. Она же здоровая, молодая. Она могла бы выполнить какую-либо работу в огороде или в хозяйстве. За это пусть ее покормят, еще на подходе к селу размышляла Дина.

На улице никого не видно. Только несколько кур копошились в пыли. Вот пробежала собака с опущенной головой и высунутым языком. Одиноко, как будто оставленные жителями, стояли дома за оградами в окружении зелени. Идя по улице села, она увидела в одном дворе пожилую женщину, которая созывала цыплят, разбрасывая корм.

— Добрый день, бабушка, — обратилась к ней Дина, — не могу ли я чем-нибудь помочь вам по хозяйству, или в огороде?

— Добрый день, — ответила женщина, — и удивленная предложением Дины, оставила цыплят и подошла к ограде, чтобы лучше рассмотреть ее.

— Ты откуда, доченька? Куда это ты идешь? — спросила старуха.

— Добираюсь домой, бабушка. Гостила у родных в Ободовке, — ответила Дина, как советовал ей мужчина, — мне бы переночевать, устала я и проголодалась. Могу и в хозяйстве помочь, и в огороде.

— Заходи, дочка, во двор, — открывая калитку, пригласила старуха Дину. При этом она внимательно оглядела ее.

— Присядь сюда, к столику, в холодок, отдохни.

Старуха ушла в хату и принесла яички, стакан молока и кусок хлеба. Все это выставила на стол.

— Пойди, дочка, умойся, освежись, — указывая на умывальник во дворе, проговорила старуха, — и покушай. Не стесняйся, кушай на здоровье, — добавила она и ушла в хату.

Дина, благодарная старухе за ее доброту, с аппетитом поела и, разморенная усталостью и теплынью, незаметно для себя, уснула. Ей снится ранее утро в доме. Ставни еще закрыты. Бабушка будит ее, — вставай, внученька, уже пора, завтрак на столе, — она сбрасывает с себя одеяло. Ее охватывает прохлада и она открывает глаза. Смешались сон и явь. На дворе наступили сумерки, чувствуется дыхание освежающей прохлады, идущей с полей. Запахи цветов, зелени, земли, жилья дурманят голову. Рядом слышатся тихие женские голоса.

— Так говоришь, Марфа, что в гостях она была и теперь домой добирается, — слышится голос незнакомой женщины, обращенный к старухе.

— Да, так она мне говорила. Попросилась на ночь. Устала бедняжка и уснула прямо сидя за столом.

— Сейчас всякие ходят. Не поймешь кто, — проговорила

женщина. Да, забыла тебе сказать. Сын Иванчихи объявился. Не то дезертировал, не то с плена сбежал. Так я пойду.

— Иди с Богом, — ответила Марфа, и проводив соседку взглядом за калитку, тихо проговорила, — и ко всему у нее дело, лезет в душу.

Марфа недолюбливала соседку за ее длинный язык и выдумки. То ли ей что привидится, то ли сама сплетет какую-то историю, что потом всей улицей долго будут распутывать. При этом соседи переругаются, поссорятся. И сейчас ей очень нужно знать, что за дивчина, откуда она, что ей здесь нужно. Хоть не пускай ее во двор.

— Пойди, дочка, в хату и укладывайся, — заметив, что Дина проснулась, проговорила Марфа, — я тебе постелила. Выпьешь узвар¹, что на столе в чашке.

— Я еще немного посижу на улице, — сказала Дина.

Марфа еще некоторое время повозилась во дворе и немного успокоившись от разговора с соседкой отправилась в дом.

Как нехорошо получилось, — укоряет себя Дина, — я обещала этой доброй старухе помочь по хозяйству, а вместо этого уснула. Завтра отработаю — успокаивает она себя и идет в хату. Старуха уже улеглась, комната освещается лампадой перед образами. Дина выпивает узвар и укладывается на лавке. Несмотря на усталость, сон к ней не приходит. Она ворочается с боку на бок. В этом не вина постели. Ее одолевают разные мысли: о гибели родителей, о Ефиме и его судьбе, о дяде с тетей, живы ли они и удасть ли ей к ним добраться. Мысли, как тяжелые жернова медленно ворочаются в ее отяжелевшей голове. Наконец она погружается в глубокий, спасительный сон.

— Дочка, вставай, пора, — будит ее старуха, — вставай, покушаешь и соберешься в дорогу.

— Видно, что старуха чем-то обеспокоена, торопит меня, — еще не полностью отошедшая от сна, думает Дина.

С улицы в окно просачивается серый свет. Ночь на исходе, скоро наступит рассвет. В доме полутьма, едва рассеиваемая слабым светом лампы.

— Мне как-то неудобно, — встав с постели и одевшись, обращается Дина к хозяйке, — я хотела вам помочь по хозяйству или в огороде.

— Не беспокойся, дочка. Покушай, и иди себе с Богом. Твои родные переживают, ждут тебя.

Когда Дина собралась уходить, поблагодарив и попрощавшись с Марфой, та провела ее до ворот и сунула в руки узелок.

— Бери, дочка, это еда. В дороге пригодится.

Дина шла вдоль улицы и чувствовала спиной, что Марфа все еще стоит у ворот, глядя ей вслед. Она на миг оглянулась. Чувства ее не обманули. Несмотря на расстояние, Дине показалось, что

1 Узвар — напиток из сухофруктов (укр.)

она видит глаза Марфы, в которых отражены доброта, сочувствие и беспокойство. У нее учащено забилося сердце. Глубоко вздохнув, она быстрее зашагала по дороге.

Природа еще отдыхает. Ни один листок на деревьях не шелохнется, трава покрыта росой, не слышно пения птиц. Кругом разлита тишина, нарушаемая утренней переключкой петухов. То в одном дворе, то в другом начинается движение. Животные, почуяв людей, заявляют о себе мычанием, блеянием. Потревоженные собаки своим лаем, как будто дают понять, что недаром хозяйский хлеб едят, что они на посту и не теряют бдительность. По дороге встречаются сельчане, идущие по своим делам. Село оживает, встречая новый день с его заботами и тревогами.

Идти было легко после ночного отдыха и взбадривающей утренней прохлады. С появлением первых лучей солнца легкий ветерок прошелестел по верхушкам деревьев, взволновал пшеничное поле с налитым поспевающим зерном колосьев, куда-то погнал легкие белые облака по высокому синему небу, которые временами скрывали солнце.

— Почему Марфа отказалась от моих услуг и поторопилась меня проводить? Видать, женщина, которая приходила, чем-то ее напугала. Жаль, что я проспала начало разговора, — идя по проселочной дороге, с беспокойством размышляла Дина. Когда уже показались первые хаты соседнего села, Дина решила, что нет смысла в нем останавливаться. Время еще раннее. К вечеру она успеет добраться до следующего села, — пообедаю, — решила она, устраиваясь в тени кустов на обочине, — немного отдохну и двинусь в дорогу. Дина присела на расстеленный плащ и развязала мешочек с едой. Невольные соленые слезы, вызванные душевным отношением старухи Марфы, чувством своей неприютности и одиночества, увлажнили еду. Немного отдохнув, Дина отправилась в дорогу.

Села для городского жителя похожи одно на другое. Те же грунтовые, заросшие травой дороги. Безлюдные улицы, оживляемые редкими прохожими, разгуливающей домашней птицей. Во дворах видны белые хаты под крышами, покрытыми соломой, шифером, черепицей в окружении зелени кустов и деревьев.

Дина шла мимо этих хат, завидуя размеренности и спокойствию жизни сельчан. Неизвестно откуда появились румынские солдаты, идущие ей навстречу. Их было двое уже немолодых вояк. Винтовки с примкнутыми плоскими штыками за плечами придавали им бравый вид. Дина почувствовала, что сердце у нее усиленно забилося, стало трудно дышать. Ноги отяжелели, ступать стало тяжело, — останавливать, не останавливать? — стараясь не показывать волнения, гадала Дина. Они прошли мимо, не обращая на нее внимания. Только солдат, который

казался моложе, на мгновение бросил взгляд в ее сторону, — слава Богу — на этот раз пронесло. Но могут встретиться другие солдаты, задержат ее и начнутся расспросы: кто ты такая, где документы, откуда и куда путь держишь? — она много раз для себя повторяла продуманные ответы, но все равно было тревожно и еще в большей мере усиливалось беспокойство, вызванное непонятным поведением Марфы. Теперь Дина внимательно глядявалась вдаль. В случае появления солдат, может ей удастся избежать встречи с ними.

Чтобы ей добраться до соседнего села, потребуется пересечь железнодорожный путь. Опасаясь встречи с солдатами, Дина решила обойти стороной районный центр с железнодорожным вокзалом. Она без каких-либо сложностей добралась до дороги, которая вела в сторону переезда. Однако, опасаясь будочника, который охраняет переезд, она остановилась в нерешительности, сейчас война. Там могут дежурить солдаты, — подумала она и не решилась идти к переезду. Она осталась стоять в растерянности, не зная как быть. Оглядываясь по сторонам, она увидела женщину, которая шла по тропинке на обочине, пролегающей вдоль железнодорожного пути. Это была пожилая сельчанка с ношей за плечами, — наверное, она идет на базар, — предположила Дина, и подумала, что раз сельчанка шла по тропинке, можно и ей пойти. Отойдя на довольно большое расстояние от переезда, Дина осмотрелась. Никого не видать, и она решительно пересекла железнодорожный путь. Не тратя времени, Дина постаралась уйти подальше от него. Наконец, она вышла на проселочную дорогу. Дина облегченно вздохнула, вытерла пот с лица. Успокоившись немного, она, несмотря на усталость, прибавила шаг. Хотелось скорее добраться до человеческого жилья. Возможно, удастся достать еду, отдохнуть. И в тоже время она опасалась встречи с людьми, — они все разные. Кто встретится? Как они себя поведут? — с беспокойством раздумывала она.

К вечеру, как Дина рассчитывала, она добралась до намеченного села. Рано стало темнеть. Тучи заволокли небо, стал накрапывать мелкий дождик. В поисках ночлега она пошла вдоль улицы, заглядывая во дворы в надежде увидеть хозяина или хозяйку. В одном дворе женщина торопливо снимала белье, развешанное для сушки на веревках, протянутых между деревьями.

— Добрый вечер, — подойдя к ограде двора, поздоровалась Дина с женщиной, — я добираюсь в соседнее село (она назвала его), очень устала. Уже поздно и дождик припустился. Не смогу ли я у вас переночевать? Я могу вам помочь по хозяйству, или в огороде. С такими же словами она обращалась к доброй Марфе, и та ей помогла.

— Идите, идите отсюда. Нечего тут высматривать. Ничего нам не нужно. Ходят тут всякие. Уходите, не то сейчас собаку спущу, — с натугой закричала женщина, как будто ненароком

задели ее старую болячку, и еще долго Дине слышно было сердитое невнятное бормотанье недовольной хозяйки.

Неожиданная злая ругань женщины напугала Дину. Она поспешила поскорее уйти от этого подворья, — неужели в этом селе все такие злые? Не может такого быть. Возможно, у нее какие-то неприятности, а тут и я еще с ночевкой, — идя вдоль улицы, Дина искала оправдание проявленной женщиной злости. Она вспомнила, с каким сочувствием к ней отнеслась Марфа. Такая же сельская женщина. И тут же в памяти возникла соседка Марфы, которая чем-то ее напугала, — село это такое же, как и все другие села. И люди здесь всякие имеются, как и в других местах. И такие люди, которые способны сочувствовать, и такие, которых нужно опасаться, — решила Дина. Она шла улицей снова и снова заглядывая во все дворы. Темнота сгущалась, дождик, не переставая, накрапывал. Редко в каком доме светился огонек, — что делать? Нужно постучаться в какой-то дом? Вдруг снова обругают и прогонят? Тогда постучаться в следующий дом. Найдется добрый человек. Иначе придется ночевать на улице, мокнуть под дождем, — решила Дина, и не заметила, как оказалась почти на краю села. Вдруг ее внимание привлек идущий откуда-то неясный шум и плеск падающей воды. Она всмотрелась в темноту. С трудом она разглядела человека, который возился у колодца возле ближайшего двора. Дина, не мешкая, направилась к нему.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — ответил человек, — ты чья? Темно, не разгляжу.

Дина ему объяснила, кто она и что ей нужно найти ночлег под крышей, чтобы не мокнуть.

— Идем в хату, там поговорим. Он понес наполненные водой ведра. Дина пошла вслед за ним, довольная, что встретила доброго человека.

Комнату освещала небольшая настольная керосиновая лампа с еле выдвинутым фитилем.

— Маланья, — к кому-то обратился старик, которого при свете лампы рассмотрела Дина, — дивчина просится переночевать. Она добирается в соседнее село. На улице темень и дождь, — и, помедлив, глядя на Дину, добавил, — к тому же она голодная и уставшая.

— Пусть, Федя, она ночует. Дай ей покушать, — послышался из соседней комнаты очень слабый голос женщины и, наконец, она добавила, — постелешь ей на лавке.

— Жена приболела, уже третий день ей неможется, а медпункт закрыт. Лечу ее сам, как могу и вожусь один по хозяйству, — пожаловался старик.

— Я могу несколько дней, пока жена поправится, побыть у вас, помочь по хозяйству, — предложила Дина.

— Утром поговорим. А сейчас поужинай, и ложись отдыхать.

Постелишься вот здесь, на лавке, — ответил старик, поставив на стол стакан молока и миску с куском хлеба. Потом он принес подушку из соседней комнаты и кожух из сеней.

Старик постоял перед образами в углу комнаты, тихо помолился, кладя поклоны, перекрестился.

— Будешь укладываться, повесь к печи сушиться одежду и туфли и задуй лампу, — закончив молиться, сказал старик и ушел в другую комнату.

Лежа на лавке под образами, Дина, пока не уснула, слышала тихий шепот старика и старухи, доносившийся из другой комнаты.

— Маланья говорит, что если ты не торопишься, — начал старик за завтраком, — то побудь у нас, сколько можешь. Мне по дому поможешь и старой, может, в чем подсобишь.

— Могу, мне можно не спешить, — ответила Дина, и тут же спохватившись, добавила, — они не ждут меня. Родные уверены, что я эвакуировалась.

Четыре дня прожила она у стариков, помогая по дому, в огороде и по хозяйству. В первый же день, вечером, когда старик занимался во дворе, Маланья позвала к себе Дину. Она дотошно расспросила Дину, кто она такая, откуда идет, куда направляется и к кому.

— Трудно простым людям живется на этом свете. То революция, то гражданская война. Белые придут: убивают, грабят. Красные придут: убивают, грабят. Потом колхозы и голод. И снова люди умирают. Не пойму я, дочка, зачем Бог создал людей. Неужели только за тем, чтобы одни убивали других? Пусть Бог мне простит богохульные речи, — перекрестив свое неможное тело, с горечью в голосе говорила Маланья, небольшого роста, исхудалая больная женщина, — последнее время часто болею. Вот лежу, и всякие мысли приходят на ум. Сколько радостей было, когда подняли детей на ноги. Старший стал кадровым военным, младший работал в колхозе. Поженились, внуки пошли. Снова радость. И жизнь, как будто налаживаться стала. Гадала, что уже хотя бы внуки будут жить в мире и достатке. Так нет же. Снова война, снова одни будут убивать других. Для этого разве мы мучаемся в родах, чтобы как вырастим детей, их убивали? Как началась война и младшего сына мобилизовали, Федя себе места не находит, все молчит, а у меня сердце разрывается. В один миг все наши надежды развеялись.

Разговор утомил и разволновал Маланью.

— Я что-то устала, дай мне напиться, — и добавила после того, как утолила жажду, — заговорила я тебя. Уже поздно, иди, дочка, ложись отдыхать.

Слова Маланьи о несправедливом и жестоком мире больно отозвались в душе Дины. Как понять этих нелюдей, которые убивают безоружных, мирных, безвинных жителей: стариков, женщин, детей. Они убили мою бабушку, родителей, сестру

и многих жителей местечка лишь только потому, что они родились евреями. Чем они провинились? Почему у них отняли жизнь? Тот мужчина говорил, что всегда так было. Но почему, он тоже не знает. Я чудом избежала расстрела и прячусь под личиной христианки. А как же тот мужчина с ребенком? Куда им несчастным деваться? Куда я иду? Может, там уже никого в живых нет. Что делать? Вспомнился Ефим, выпускной вечер, их мечта об учебе в институте. А теперь он на фронте, жив ли он. Только под утро Дина сомкнула очи. Рано утром Федор разбудил ее.

— Вставай, дочка, позавтракаем, поможешь мне в огороде. Сорняки замучили. Все глушат, — они весь день работали и, наконец, глядя из под руки на солнце, старик сказал, — мы славно с тобой потрудились, пора обедать.

— Маланья, ну чего ты с постели сползла? Полежала бы лучше. Ведь ты еще слаба, — сделал ей выговор Федор, когда они зашли в дом.

— Мне уже полегчало, Федор. Да и лежать не могу. Кости болят. По дому повозишься и чувствуешь себя лучше, — ответила Маланья.

Дни в доме стариков промелькнули незаметно в работе на огороде, в доме и по хозяйству. Накануне ухода, вечером, Дина сидела у кровати Маланьи и слушала ее исповедь о том, как в молодости ей пришлось тяжело батрачить, как она вышла замуж за Федора, о радости рождения первого ребенка.

— Теперь сыны на войне. Разве для этого мы их растили? Сколько было надежд, и все прахом пошло, — жаловалась Маланья, утирая глаза краем платка.

Дина сочувствовала горю матери. Где найти нужные слова? Чем она может помочь этой худенькой, измотанной жизнью женщине?

— Я рада, что вам полегчало. Мне так спокойнее будет уйти, — сказала Дина.

— Не беспокойся, дочка. Иди, отдохни перед дорогой. Пусть Бог тебе поможет благополучно добраться до своих родных, — ответила Маланья.

Не успела Дина подняться, чтобы выйти из комнаты, как в хату вошел Федор со своим кумом и она осталась сидеть у кровати старухи.

— Добрый вечер, кума. Катерина просила проведать тебя и узнать о твоём здоровье.

— Спасибо, Василий, уже полегчало. Как Катерина себя чувствует? Давно ее не видела.

— Слава, Богу, здорова, обещалась на днях зайти.

Пока гость с Маланьей обменивались новостями, Федор поставил на стол бутылку самогона, принес хлеба, тарелку с салом, лук, соль.

— Ну, что, кум, посидим немного, поговорим, — пригласил Федор гостя к столу.

Не торопясь, они выпили по стопке, закусили и потекла беседа. Говорили о войне, о мощи немецкой армии. Что наши все отступают, сдают города.

— Говорят, что много наших солдат в плен угодили. Многие дезертируют, до дому бегут хлопцы. В нашем селе уже некоторые заявили. Кому-то из плена удалось вырваться. Большая сила у немца. Скоро до Москвы доберется, — рассказывал Василий.

— Кум, не все дезертируют. И о победе немца еще рано говорить. Что правда, то правда: проворонили немца, поверили ему. Договор заключили. Все торочили: мы сильны, нам никто не страшен. И, вот тебе, непобедимая, — тихо, чтобы Маланья не слышала, с горечью и болью говорил Федор, — но, кум, это еще не конец.

— На все воля Божья. Вот говорят, что в Жабокриче всех жидов местечка постреляли. И старых, и женщин, и детей. И в других местах их убивают, — опрокинув рюмку и закусывая, вел разговор Василий, — из-за них говорят все беды: и войны, и неустройство в мире и что они хотят всех поработить. Вот немец решил этого не допустить.

— Слышал я об этом. Эка новость. И раньше, когда погромы устраивали всякая пьянь, убивали и грабили евреев, те же самые разговоры велись и еще, конечно, их обвиняли в распятии Христа и других грехах. Разве, Василий, ты этого не помнишь? — опрокинув рюмку, со скрытой злостью говорил Федор. Он злился на себя, что ему не хватает духа высказать куму все, что он думает о нем.

— Так то забулдыги были всякие, которых власть и церковь натравляли на жидов, а это армия, государство, — резонно заметил Василий, не преминув выпить и закусить.

Гость захмелел, терялась нить разговора, да и время уже было позднее.

— Уже пора мне идти, а то Катерина выволочку мне устроит. Спасибо, кум, за угощение. Будьте здоровы, — поклонившись и перекрестившись в угол, где висели иконы, Василий ушел. Федор пошел его проводить.

Хлопнули наружные двери. Это Федор вернулся со двора. Слышно было его недовольное бормотанье.

— Ты чего, старый, бубнишь. Снова с Василием поругался? — спросила Маланья.

— Ну его к чертовой матери, старого дурака. Совсем старый разум потерял, — со злостью проговорил Федор, и продолжил, — надеется, что его Николай может явиться домой. Говорит, что он или дезертирует или, если в плен попал, то возможно, ему удастся убежать. Мол, немцы только жидов и комиссаров не жалуют, а к православным относятся хорошо. Может, его Николай уже

дома, на печи прячется, — сердито закончил Федор, и стал шумно убирать со стола.

— В молодые годы Федор и Василий дружили, а со временем перестали понимать друг друга, — тихо проговорила Маланья.

— Мне Василий тоже не понравился, — про себя подумала Дина. Федор, видимо, растревоженный разговором со своим другом, еще долго возился по дому, выходил во двор. Успокоившись, он помолился перед образами и пошел спать. Дина потушила лампу и улеглась на лавке. Она не могла уснуть. До нее еще долго доносились из соседней комнаты голоса стариков, — взволнованный, сердитый Федора и спокойный голос Маланьи.

Когда Дина проснулась, Федор уже хозяйничал во дворе.

— Спасибо тетя Маланья за вашу доброту. Я уже пойду, — собравшись, проговорила Дина.

— Спасибо и тебе, дочка, за помощь. Садись к столу, покушай, а затем уже с Богом в дорогу, — поставив еду на стол, сказала Маланья и добавила, — вот узелок с едой, — она рукой ткнула в него, — возьмешь в дорогу.

Поблагодарив хозяев дома и попрощавшись с ними, как с родными, Дина покинула их приветливый дом. Федор смотрел ей в след. Маланья провела ее до калитки и перекрестила.

— Бог тебе в помощь, — добавила она.

Летнее свежее прохладное утро. Влажная от росы трава холодит ноги. Первые несмелые лучи солнца на чисто вымытом высоком синем небе освещает верхушки деревьев в садах, где поспевает поздняя вишня, где яблоки наливаются соком. Слышится пение птиц. Легкие белые облака оживляют синеву неба. В такие часы хочется думать о вечном. Но Дину занимали другие мысли: и в других местах их убивают, говорил Василий, живы ли дядя с тетей? Что случилось с жителями нашего местечка? Я ничего не знаю, но иду туда. Куда мне еще идти? Что другого я могу придумать? Маланья, добрая душа, почувствовала, как я содрогнулась, когда Василий говорил об убийстве евреев. Недаром она сказала, что Федор его не уважает. Дина шла проселочной дорогой. С одной стороны вдоль дороги тянулась лесозащитная полоса, с другой — пшеничное поле. Обремененная своими мыслями, она ничего вокруг не замечала, — я сегодня, пусть к вечеру, доберусь домой, в местечко. Мне бы добраться до соседнего села. А там уже недалеко, совсем рядом — она не знала, сколько времени она в пути. Ее разморила жара, одолела жажда, кружится голова. Остановиться бы, отдохнуть, но она не может решиться. И она все идет и идет. Наконец она поняла, что если не отдохнет, то свалится на дороге, — посижу в посадке, перекушу, немного отдохну, — решила Дина и свернула с дороги. В тени под деревцом, расстелив плащ, она прилегла. Тишина, прохлада, слипаются глаза, — отдохну немного, — решила Дина, — и уже потом покушаю. Последнее, о чем она подумала,

что долго рассиживаться ей нельзя, что ей нужно до наступления вечерних сумерек добраться до местечка. Но, как она не силилась, незаметно для себя задремала. Ее разбудил какой-то шум, голоса. Косые солнечные лучи еле освещали дорогу, вечерело, — вот и добралась домой. Полдня проспала, — недовольная собой, подумала Дина, — что же делать? Скоро совсем стемнеет, — она стала оглядываться, искать, откуда доносится говор. На небольшом расстоянии от того места, где она расположилась, по проселочной дороге шел старик. Он тащил козу на веревке, а она упиралась, мотала головой и не переставая голосила свое жалобное протяжное мээ-мээ. Мол, куда меня тащите, я хочу домой.

— Ну, чего ты упираешься, с места не сдвинешься. Уже сил моих нет. Целый день с тобой вожусь, — с обидой выговаривал старик козе, поправляя шапку на голове.

Дина собралась и направилась к старику.

— Добрый вечер, дедусь, — поздоровалась Дина.

— Добрый, — коротко ответил старик.

— Вы мне не подскажите, далеко ли еще до села?

— Нет, недалеко. А что тебе в селе?

— Я иду в Томашполь. Мне говорили, что это недалеко от этого села, — говорит Дина. — Кто тебе об этом говорил, — старик как-то странно на нее посмотрел, — Томашполь в другой стороне.

— Как же так? Мне об этом сказали в селе, — она рукой указала в сторону села, откуда она пришла.

— Все верно, — ответил старик — только Томашполь не за нашим селом. Тебе нужно было при выходе из села свернуть на дорогу, которая уходит влево, а ты взяла вправо. Ушла в другую сторону.

— Куда же мне теперь идти, далеко отсюда до Томашполя? — озадаченная путницей, спросила Дина.

— Неблизко, верст двадцать с гаком будет, — ответил старик, не переставая дергать веревку вместе с козой, которая упиралась.

— Что же мне делать, может вернуться назад к развилке? — спросила Дина.

— Возвращаться не к чему. Вот видишь лесополосу. Вдоль нее дорога, которая тебя выведет к нужному селу, а уже за ним до Томашполя останется совсем малость, — занятый козой, почти сердито ответил старик.

— Спасибо, дедушка, — попрощалась Дина и собралась уходить.

— Уже темнеет, скоро ночь наступит. В поле, что ли ночевать будешь? — буркнул недовольно старик, — ты помоги мне козу домой доставить. Переночуешь у нас, а утром пойдешь в свой Томашполь. Возьми, — он сунул в руки Дине конец веревки, — а я сзади ее буду подгонять.

Как только веревка оказалась в руках у Дины, коза, издав

свое мелодичное мээ-мээ, покорно пошла за нею.

— Свят, свят, — прошептал старик и стал креститься, — что за наваждение. Может, ведьма? — с опаской глядя на Дину, подумал старик. Дина, занятая своими мыслями, шла не оглядываясь. Коза не отставала, так что веревка почти волочилась по земле. Старик шел сзади, и всякие тревожные мысли лезли в голову. О нечистой силе он немало был наслышан, хотя встречаться с ней ему не приходилось, — кто ее знает, как она выглядит. Говорят, что она креста боится. Попробую ее перекрестить, — волнуясь, размышлял старик, и сотворил крестное знамение вслед Дине. Но она продолжала идти, как в ничем ни бывало. Уже на подходе к селу подул легкий ветерок и распахнул полы плаща, накинутого на плечи Дины, — взлететь собирается, — испугано глядя на Дину, подумал старик, — еще и козу утянет, — старик бросился к козе, чтобы удержать ее, но споткнулся и растянулся на дороге, подняв кучу пыли. Услышав шум падения, Дина обернулась.

— Что случилось, дедушка?

— Голова закружилась, — чертыхаясь, отплевываясь от пыли, с трудом поднимаясь с колен, буркнул старик.

— Куда дальше идти? — обернувшись к старику, спросила Дина, когда они приблизились к первым домам в селе.

— Иди прямо по этой улице. Я скажу, где свернуть, — дрожащим голосом ответил старик.

Чем больше темнело на дворе, тем больший страх охватывал старика, — зачем я позвал ее ночевать? — ругал он себя. Когда они подошли к нужному подворью, старик с опаской опередил Дину.

— Вот сюда, в этот двор, — открывая калитку, проговорил старик.

Во дворе их встретила старуха и двое маленьких детей: девочка лет пяти и мальчик двух-трех лет, который ручонкой цеплялся за платье девочки.

— Где тебя носило целый день? За это время можно было три раза обернуться, — набросилась на старика пожилая женщина.

— Та коза все упиралась, не хотела идти, — стал оправдываться старик.

— Детей спать не могла уложить. Ожидают, когда дедушка козу приведет, — уже более спокойным голосом проговорила женщина.

— Коза, хорошая коза. Молочко будет, — нежно поглаживая козу, лепетала девочка.

— Танюша, возьми Толика и айда спать, уже поздно. С козой завтра играть будете, — обратилась к девочке женщина.

Девочка послушно отправилась в дом и увела с собой мальчика. Наконец, женщина обратила внимание на Дину.

— Кто такая? — обратилась она к старику, глядя в сторону Дины. У себя во дворе, в присутствии жены страхи у старика как

будто отступили.

— Она добирается в Томашполь и заблудилась, — ответил старик, — она помогла мне козу привести. Переночует у нас, а утром уйдет.

— Пусть ночует, — согласилась женщина, — и добавила, обращаясь к Дине, — ты подожди немного. Сейчас козу определим и будем ужинать. Старики повели козу в сарай и старик стал шепотом рассказывать, как коза ему упиралась, не хотела идти и как она побежала за Диной, и он подумал, что она ведьма.

— Ведьма, — рассмеялась женщина, — вот старая Матрена настоящая ведьма. Об этом все село знает. И сглазить может, и порчу навести. А то, что коза за жиночкой¹ побежала, так она ее приняла за свою хозяйку. Вот и побежала. В сених стоит похлебка, я приготовила. Неси сюда. Пусть коза поест.

— Идем до хаты, — закончив хлопоты с козой, обратилась к Дине женщина, — тебя как звать?

— Маша.

В доме было темно. Старик зажег настольную лампу и искоса глядя на Дину обратился к иконе, висевшей на стене в углу, перекрестился и прошептал молитву. За ужином, кушая горячий наваристый борщ, рассыпчатую гречневую кашу и запивая грушевым узваром, Дина внимательно слушала, о чем говорила хозяйка.

— Я уже ненароком думала, может, что разузнал у Насти про Наталку, поэтому задерживаешься — обратилась женщина к старику, — уже не знала, что и думать. К Насте заходил, невестка не приехала?

— Что толку заходить к Насте? Может Наталка, как Мария, пешком добирается, — высказал предположение старик.

— Мы дочку ожидаем. Поехала домой за зимней одеждой и до сих пор ее нет, — решила женщина объяснить Дине о чем речь.

Перед самой войной Наталка с детьми приехала проводить родителей. А тут вскоре началась война, пришла телеграмма от мужа, что он призван в армию. Старики уговорили ее остаться у них.

— Тебе, Наталка, одной с детьми будет трудно, — говорила мать, — зиму побудете у нас. Может к весне война закончиться, тогда и поедете.

— Дом остался без пригляда и одежды зимней нет. Если здесь оставаться, все едино мне нужно съездить домой, — согласившись с матерью, ответила Наталка.

На этом они порешили и Наталка поехала к себе за зимней одеждой, и заодно попросить соседа пригладеть за домом. Уже четвертая неделя к концу идет, а Наталки все нет. Вот приходится бабе с детьми возиться. Дети скучают. Все спрашивают, когда

1 Жиночка — ласковое обозначение женщины (укр.)

мамка приедет. Скорее бы уже приехала. Чтобы не зависеть от соседей решили приобрести козу. В обмен три пуда зерна отдали. Будет молоко для детей. Корову трудно держать, сил не хватает. Еще долго старая женщина жаловалась на наступившие трудности, невзгоды в связи с войной.

— Уже поздно, старая, пора на боковую, рано вставать, — проговорил старик.

Рано утром Дина собралась в дорогу. Старик еще раз объяснил ей, как добираться до Томашполя. Попрощавшись со стариками, она отправилась в дорогу.

— Снова дорога в неизвестность. Как будто всю жизнь только и делала, что ходила по дорогам. Что ждет меня там? Живы ли тетя и дядя? — думала Дина, направляясь в сторону дороги, идущей вдоль посадки. Это была неширокая полевая дорога, огороженная с одной стороны лесозащитной полосой, с другой стороны стеной созревшего пшеничного поля. Утро было наполнено тишиной. Природа отдыхет. Ни один листик на деревьях не шелохнется, не слышно пения птиц, пшеничное поле покоится, как замороженное. Надо всем простирается высокое синее небо без единой тучки. Дине уже знакомы эти утренние часы. Она знает, что как только появится из-за горизонта первый луч солнца, все вокруг оживится. Легкий ветерок, лаская спелые колосья, взволнует пшеничное поле, пробежится по деревьям и задрожит листва. Птицы, встречая рассвет, отзовутся пением на все лады. Пока, спасаясь под плащом от утренней прохлады, Дина снова и снова возвращалась к событиям в Жабокриче, к гибели родных. Ее не покидало чувство вины перед ними. Как будто своей смертью она смогла бы спасти им жизнь.

— Их убили, а я живу, куда-то иду, на что-то надеюсь, — при этих мыслях до боли сжималось сердце, невольные слезы застилали глаза, — может война к весне закончится, — вспомнила она слова пожилой женщины за ужином, и мысли свернули на другую тропинку. Ефим — он сейчас ее самый родной человек. Вместе с восходом солнца радужные мысли охватили ее существо. Она не останавливаясь шла вперед, но мысли улетали ввысь, не догнать их. Из-за пригорка показалось село, — в село заходить не буду, обойду его, — решила Дина. Тропинка пролегла вдоль небольшого ручейка, за огородами. Выйдя за село, она присела отдохнуть, перекусить. Запахи трав дурманили, рядом муравьиная колония неустанно трудилась, слышалось жужжание пчел, прилетевших за нектаром, стрекотание кузнечика. Птицы прочерчивали зигзаги в вышине бездонного неба. В пении птиц слышалось: «жить, жить».

— Нужно идти, а то снова усну, как вчера, — с трудом вставая, подумала Дина. За все время пути ни один человек не повстречался. Только проходя низом огородов, она видела нескольких жителей села, которые трудились по хозяйству возле

хат. Соблюдая осторожность она вышла на проселочную дорогу.

III

Солнце все выше, она сняла плащ и подставила лицо встречному ветерку. Несмотря на усталость, Дина продолжала путь. Уже солнце клонится к закату, а села не видать. Впереди поле и вдаль за ним виднеется кучка деревьев, — там, за деревьями, наверное, уже село, — думает она.

— Дина, — слышится ей зовущий голос. Наверное, показалось, решает она, и продолжает идти.

— Дина, подожди, — более явно слышится голос.

Она оглядывается и видит бегущую к ней женщину.

— Уф, мне старой, Дина, уже тяжело бегать, — с трудом, еле отдышавшись, проговорила женщина.

Дина удивленно смотрит на женщину. Не может вспомнить, кто она.

— Откуда она меня знает? — думает она, — расспрашивать неудобно, — и она стоит молча,

— Ты меня не узнала, Дина? Я часто бывала в вашем доме, — замечает женщина, видя растерянность Дины.

— К отцу многие приходили, — отвечает Дина,

— Кто эта женщина? Что ей от меня нужно? Боже, как я устала, — думает она, глядя на женщину и оглядывается вокруг.

— Дина, Василина я. Давно не встречались, забыла меня. Не волнуйся, я здесь одна.

— Тетя Василина, а я сразу вас не признала, да, давно не встречала вас, — немного успокоившись, отвечает Дина, разглядывая забытые знакомые черты лица женщины.

Перед ее взором пронеслись предвоенные годы. К ним в гости часто приходили Василина со своим мужем. Она помнит, как переживали родители, когда узнали о его смерти. Как они жалели Василину, которая осталась одна с детьми. Как иногда Василина приносила гостинцы: клубнику, огурцы, фрукты. При этом всегда говорила: «Это для Диночки».

— Я шла собрать немного сушняка, топить нечем. Когда мы встретились, поздоровались, ты даже глаза не подняла. Видно, устала девушка, подумала я. Что-то знакомое мне показалось в твоем лице. Но никак не могу вспомнить. Иду, и думаю. И вдруг, как молнией пронзило. Так это же Дина, дочка портного Шимона, говорю себе и окликнула тебя, — торопливо, будто она боится, что ее не выслушают до конца, проговорила Василина.

— Я всегда радовалась, тетя Василина, когда Вы к нам приходили. Особенно нравилась мне ваша клубника. Последнее время вы редко бывали у нас. Даже не помню, когда Вас видела в последний раз, — говорит Дина.

— У тебя очень усталый вид, Дина. Давай посидим в холодке, отдохнем и поговорим, — предложила Василина.

— Мне действительно не мешало бы отдохнуть, голова просто раскалывается, — ответила Дина и последовала за ней в посадку у обочины дороги.

Дина расстелила плащ, присела сама и указала Василине на место рядом с собой.

— Ты откуда идешь? Почему одна? Где родители? Вы же вместе уезжали, — усевшись рядом с Диной, стала расспрашивать Василина.

— Нет больше родителей, нет бабушки и сестренки — их всех убили, — безутешные рыдания отчаяния, горя, безысходности и усталости сотрясали Дину. Василина обняла ее и молча сидела, пока Дина не успокоилась. Рассказ Дины о расстреле жителей местечка, гибели родителей, о ее мытарствах в дороге потрясли Василину.

— Горе то, какое. Сволочи. Разве это люди? Хуже зверей, хуже разбойников с большой дороги. Убивают безвинных людей — детей, женщин, — с болью и возмущением сказала Василина, — не избежать им Божьей кары и людской тоже. Куда же ты теперь идешь?

— Хочу добраться домой, в Томашполь, до дяди Хаима. Он оставался на месте с тетей Молкой. Они отказались ехать с нами, — немного успокоившись и утирая слезы продолжила Дина.

— Рассказывали люди, что неладное творится в местечке. Так что идти тебе туда сейчас небезопасно, — сказала Василина.

— Так что же мне делать, куда могу я идти? Напрасно меня отговорили. Я давно уже покончила бы с этой проклятой жизнью, — с горечью в голосе произнесла Дина.

Они некоторое время сидели молча, погруженные каждая в свои мысли.

— Первое время поживешь у меня, — прервала молчание Василина, — сынок мой на войне, живу одна. Картофеля, зерна пока в достатке. А дальше с Божьей помощью решим, как быть.

— Вы сами говорите, что в местечке неспокойно. Что выискивают евреев по селам. Не дай Бог, если меня найдут у вас.

Снова наступило молчание. Она права, — про себя думала Василина, — ведь это не на день, на два. Прятать в подполье человека, неизвестно на какое время, не будешь. Могут искать. Да и соседи разные. Ее погубишь и себя. Но я не могу ее оставить. Дина сидела задумчиво, прикрыв глаза. Снова и снова мыслями возвращалась к ночи после расстрела родителей.

— Зачем мне встретились тогда у колодца мужчина с мальчиком? Зачем они отговорили меня броситься в колодец? Со всеми тревогами тогда было бы покончено — думала она. И тут же начинали прорываться другие мысли.

— Кому поможет моя смерть? Трусиха я. Боюсь себе признаться, что не хочу умирать, что хочется жить. Ефиму на войне не легче. Мир такой огромный и прекрасный, а мы так молоды. Ничего еще не видели. Как хочется встретить Ефима, быть с ним рядом. — Василина обняла ее, ей на миг показалось, что это Ефим и она счастливо улыбнулась.

— Дина, — тревожно обратилась к ней Василина, — как себя чувствуешь?

— Все хорошо, тетя Василина, — смущено ответила она.

— Помнишь, Дина, — оживлено заговорила Василина шепотом, как будто кто-то мог ее подслушать, — со мной к вам иногда приходил мальчик. То был мой сын Петро.

Дина с трудом вникала в слова Василины, не понимая, какое это имеет к ней отношение.

— Этот, который на войне? — спросила Дина.

— Да, — ответила Василина, — погоди, Дина, тут у меня одна мысль появилась. Ты девушка разумная. Давай, вместе и обсудим.

Василина сидела задумчиво, теребила рукой концы косынки. Дина молчала, не понимая, к чему она клонит.

— Ты будешь моей невесткой, — сказала Василина, — Петро перед войной женился.

— Что? Какая невестка?

— Сиди спокойно и слушай, не перебивай меня. Вникай в то, что я буду говорить. Петро незадолго перед войной женился на медсестре из военного госпиталя и отписал мне, что он в отпуск придет с женой. Ее звать Галя Харченко. Об этом знают мои соседи. Вот, ты и будешь той самой невесткой, которая придет ко мне.

— Как же она может приехать, если она медсестра в военном госпитале? Кто в это поверит?

— Возможно, Бог меня в свое время надоумил. О том, кто невестка, какая она из себя, чем занимается, я никому ничего не говорила. Я и сама толком не знала, о чем говорить. У меня даже ее фотографии нет. На все расспросы я отвечала, что вот придет она и вы сами увидите. Конечно, она не придет, она, бедная, тоже на войне.

Дина начинала понимать, о чем речь.

— Но ведь у меня нет документов. И что я буду отвечать на всякие расспросы?

— Вот это мы с тобой сейчас и обсудим.

Дина не возражала против вымышленной истории, предложенной Василиной. Правда, сама история была какая-то странная. Ничего подобного Дина никогда не слышала. Чтобы советская власть отправляла людей в какие-то лагеря, убивала честных советских тружеников, возможно ли это? Из учебников по истории она знала о борьбе советской власти с кулаками, саботажниками и прочими врагами советской власти. Это

было понятно. Но то, что рассказывает Василина, казалось ей чудовищной выдумкой.

— Тетя Василина, это правда или выдумка? Не могу поверить.

— Все так и было. Я знала эту семью, — сказала в заключение Василина, — можешь мне поверить. Такие истории тогда случались сплошь и рядом.

Пока они вели беседу, спала жара, день клонился к вечеру.

— Теперь, Дина, иди в село и спрашивай Василину Рипак. Говори, что ты, мол, моя невестка и приехала в гости. Я соберу немного дров и приду следом. Не забудь, что тебя звать Галя Харченко.

Василина понимала, что она рискует своей жизнью. Она слышала о карательных операциях, которые проводили фашисты, о расстреле евреев в Томашполе и соседних деревнях, о розыске спрятавшихся евреев. Но по-другому поступить она не могла. Вспомнилось ей, как ее мужа, большевика, во время коллективизации обвинили в связях с социально опасными и антисоветскими элементами, исключили из партии и осудили, как врага народа. Вина его была в том, что он выступил против раскулачивания хозяйств, поднятых собственными руками, без привлечения наемного труда.

Николай Рипак, муж Василины, до гражданской войны работал слесарем на сахарном заводе, отстаивал права рабочих, принимал участие в рабочих стачках. В одно из воскресений семнадцатого года он ввязался в драку с местными селянами, которые громили еврейские лавки. Его сильно избили и он остался лежать в луже крови после разгона погромщиков. Отец Шимона привел Николая в свой дом. Он там находился до полного выздоровления. Шимон подружился с Николаем и они долгими вечерами вели разговоры о жизни, мечтали о счастливом будущем. Правда, каждый это счастливое будущее видел по-своему. Николай был уверен, что при большевиках национальный вопрос исчезнет, все народы будут жить одной дружной семьей. Шимон, как член организации «Гехалуц» видел счастливое будущее евреев в труде на своей земле в Эрец Исраэль. Несмотря на расхождение во взглядах на будущее они остались друзьями и после прихода Николая с гражданской войны. Когда он с Василиной бывали на базаре в местечке, они заходили в гости к Шимону. Шимон и его жена Рахиль всегда приветливо их встречали, не отпускали, пока они не отдохнут, не пообедают.

— Шимон, ты должен признать, что ошибался в отношении национального вопроса. Все стремился в Палестину. Думал, что только там евреи могут быть свободными, в безопасности, заниматься любимой работой, — посмеиваясь, говорил Николай.

— Время покажет. Очень хочу надеяться, что ты оказался правым и всегда так будет, — задумчиво отвечал Шимон.

— Будет, обязательно будет, это линия партии. Сейчас евреи

могут жить в любом месте страны, учиться, где пожелаешь, найти себе работу по душе. И это только начало. Да и село оживло. Хочешь на земле трудиться, получай надел. Только сам трудись, не пользуйся наемным трудом, — говорил Николай, и под конец добавил, — восстановим народное хозяйство и заживем не хуже буржуев.

— Дай то Бог. Может, наконец, будем жить по-человечески, не опасаться погромов.

— Жаль, что твой отец не дожил до этих дней. Хороший был человек, правильный. Он спас мне жизнь после полученных побоев от погромщиков. Я бы своими руками задушил эту сволочь, петлюровца, который поднял руку на беспомощного старика.

— Когда это было? — думает Василина, — сколько всякого произошло с того времени. Когда осудили Николая, она осталась одна с малолетними детьми: болезненной дочкой и сыном. От страха перед властью многие от нее отвернулись. Время было тревожное. Шло раскулачивание, реквизиция зерна, селяне сопротивлялись коллективизации, наступал голод. Если бы не Шимон с Рахилью, она бы с сыном не выжили. Дочку, несмотря на все старания, спасти не удалось, болезнь и голод свели ее в могилу. Как же она может теперь отвернуться от Дины? Да и не будь этого, она не могла бы оставить человека в беде.

Первого, кого встретила Дина, при входе в село был пожилой сельчанин, толкавший впереди себя груженую тачку.

— Добрый вечер, — обратилась она к нему, — не подскажете мне, как мне найти Василину Рипак и как пройти к ее дому?

— Добрый, — ответил он, остановился и внимательно осмотрел Дину.

— Пойдешь по этой улице, — начал он, немного призадумался и продолжил, — дойдешь до второго проулка и поднимешься вверх. Там еще кого расспросишь.

По дороге она расспросила встречных и ей указали дом Василины. Дина подошла к усадьбе и стала ее звать. На шум выглянула соседка.

— Вам кого, жиночка? — услышала Дина.

— Я к Василине Рипак. Мне сказали, что этот ее дом, — ответила Дина.

— Зачем она вам? Кем вы ей будете?

— Я ее невестка, жена Петра. Так это ее хата? Я все зову, зову, но никто не отзывается. Вы не знаете, где она может быть? — проговорила Дина.

— Она скоро должна прийти. Пока можете ко мне зайти.

— Спасибо, я уже здесь подожду.

Через некоторое время появилась Василина с вязанкой дров за плечами. Увидев стоящую возле калитки Дину, она остановилась.

— Вам чего, жиночка? — опуская вязку дров на землю, обратилась Василина к Дине, — Вам чего-то нужно?

— Я ищу Василину Рипак, — ответила Дина.

— Я Василина Рипак, — с удивлением проговорила она, внимательно рассматривая Дину, — а вы кто будете? Зачем я вам понадобилась?

— Я Галя, жена Петра. Как началась война, он велел мне к вам поехать.

— Боже, как я сразу не догадалась. Он же мне отписывал про твой приезд. Где же ты так долго была? Я уже думала, что не приедешь. Чего же мы тут стоим? Идем, доченька, в хату, — взволновано сказала Василина и направилась во двор. Галя пошла вслед за ней, прихватив вязанку дров.

— Фу, кажется, все хорошо обошлось, — сделав глубокий вздох, сказала Василина, когда они вошли в хату и улыбнувшись добавила, — думаю, что соседка поверила.

Благодаря стараниям соседки, которая все время внимательно из своего двора наблюдала за встречами Василины и Дины, на следующее утро уже половина села узнала новость: к Василине Рипак приехала невестка.

Несмотря на сельское одеяние, спидницу¹ и кофту, было заметно, что Галя (как теперь звали Дину) человек городской. Соседкам невестка Василины понравилась. Она и статная, и пригожая, и работающая, хотя и городская.

— Така гарна та тендитна, як жидивочка, — высказалась одна из соседок.

В православные праздники Галя вместе с Василиной посещала церковь, ставила свечку, крестилась, что похвально воспринималось пожилыми сельчанами.

Когда в селе установилась новая власть, старостой села был назначен бывший кладовщик колхоза. До коллективизации он батрачил у зажиточного хозяина. Парень он был статный, ловкий, работающий. Его полюбил дочка хозяина. Старику парень тоже пришелся по нраву, и он стал его приобщать к хозяйству, дело шло к свадьбе. Когда началась коллективизация, Родион ушел от хозяина, был среди первых в селе, кто поступил в колхоз. Его бывшего хозяина раскулачили и вместе с семьей, в том числе и невесту Родиона, отправили в Казахстан. Родиона, как бывшего батрака и рачительного колхозника назначили кладовщиком, кем он и работал до прихода немцев. Человек он был скромный, с народом ладил. В партию под всякими предлогами не вступил. На сельском сходе префектура назначила его старостой села. После назначения его старостой, Родиона как будто подменили, его невозможно было узнать, он стал другим человеком. Ходил по селу с гордой осанкой, высоко поднятой головой, смотрел на сельчан свысока.

— В селе должен быть порядок. Это вам не Советы. Я за этим прослежу. Будет так, как требует новая власть. Иначе, — Родион

1 Спидница — старинный фасон женской юбки в сельской местности (укр.).

поднимал вверх кулак, кому-то угрожая им, и добавлял, — мои казаки досмотрят, ничего не упустят.

Василина решила, что уже пора выправить документы для невестки. Отсутствие документов беспокоило женщин. Теперь, с появлением новой власти в селе, было к кому обратиться.

— Схожу, Дина, в управу к старосте. Попрошу выправить тебе документы, уже пора. Люди в селе к тебе уже присмотрелись, — проговорила Василина за вечерей — завтра же и схожу.

— Пан староста, у меня к вам просьба, — обратилась Василина.

— Для тебя, Василина, как пострадавшую от советской власти, я просто Родион Павлович, не зови меня пан староста, — отозвался он, — так, что за просьба у тебя?

— Родион Павлович, ко мне приехала невестка, жена Петра.

— Знаю, люди говорили.

— У нее в дороге вместе с вещами пропали документы.

— Это серьезное дело, время военное.

— Надеюсь на вашу доброту, Родион Павлович. Не откажите выправить для нее новые документы. Ведь без них никак нельзя, — просила Василина.

— Что верно, то верно, без документов никак невозможно. Люди хорошо отзываются о твоей невестке, Василина. Говорят, что несмотря что городская, работающая она, церковь не обходит стороной. А что, Петро пока не дал о себе знать? Некоторые хлопцы уже объявились в селе. Кто дезертировал, кому с плена удалось бежать.

— Нет, ничего не знаю я о сыне. Жив ли он, или может уже голову сложил в чужой стороне, — горестно проговорила Василина.

— На все Божья воля, — сказал староста, — значит, просишь документ. Ну, что же, раз просишь, тебе отказать не могу, — потом добавил, — завтра вечером зайду к вам в гости, познакомлюсь с твоей невесткой, поговорю с нею и буду решать.

— Что за человек этот Родион? Все время, как змея, меняет кожу — идя домой, думала Василина.

Она рассказала Дине о разговоре со старостой и что завтра вечером он обещался зайти в гости. Они еще раз обсудили, что Дине отвечать на расспросы, как себя вести.

Староста, как и обещал, на второй день вечером пришел до Василины в хату. Через окно видно было, как степенно он идет, словно пан.

— Проходите, Родион Павлович, будьте как дома, — радушно встретила его Василина, как только он переступил порог.

Староста поздоровался и перекрестился на иконостас в углу хаты.

— Прошу, Родион Павлович, присаживайтесь к столу.

— Благодарствую, Василина. Дай вам Бог здоровья

и благополучия, — проговорил староста, опускаясь на лавку у стола.

— Мы вас ждали, Родион Павлович, спасибо, что не отказали. Прошу, угощайтесь, чем Бог послал.

Бог, надо заметить, не поскупился. На столе появилась жареная курица, распространяя аппетитный запах, сало, нарезанное аккуратными ломтиками, жареная картошка, соленые огурчики и много всякой другой снеди. И в завершение Василина поставила на стол бутылъ самогона.

— Присаживайтесь, хозяйки, и поговорим, — предложил староста.

— Вот за едой и поговорим, — присаживаясь к столу, сказала Василина. Она наполнила стаканы самогоном.

— Родион Павлович, выпейте на здоровье.

— Почему, Василина невестку обходишь, не налила ей?

— Молодая. Еще не привычна.

— Это похвально, — сказал староста, выпил содержимое стакана и принялся закусывать, — хорошая ты хозяйка Василина, еда очень вкусная, — добавил он.

— Это Галя постаралась, — сказала Василина.

— Похвально, молодец, — похвалил он Галя, — выпил очередной стакан жгучей жидкости и, закусывая, продолжил разговор, — значит, твоего отца советы осудили. Мне об этом рассказала Василина. За что же это его так? Чем он власти не пришелся?

— Признали его врагом народа. Что был членом какой-то антисоветской партии.

— Одна песня у них, кругом враги народа. А на самом деле они и есть враги народа, антихристы, безбожники, иудино племя. Мать тоже осудили?

— Нет, от безысходности она отравилась.

— Это не по христиански.

— Когда отца осудили, мать не могла найти работу, часто болела, мы голодали, — оправдывала поступок матери Галя.

— Значит, сиротой осталась?

— Да, сиротой, и меня определили в детдом.

— Сколько бед принесли Советы людям, — хрустя соленым огурчиком, говорил староста, — теперь немцы помогают нам избавляться от партийных и жидов, этих антихристов. С Божьей помощью скоро всю Украину очистим. Ты, Галя, наверное, комсомолка?

— Нет, не приняли.

— Оно и понятно, отец враг народа, — выпивая и закусывая, проговорил староста, — ну, благодарствую за угощение. Раз, Галя, в дороге тебя обокрали, что вполне могло случиться, справку выдам, — вертя перед собой пальцем вытянутой руки, говорил староста и продолжил, пытаясь при этом встать, — ты, Василина,

завтра заходи в управу, получишь бумагу. С трудом поднявшись из-за стола, староста перекрестился на иконы, попрощался и нетвердой походкой вышел из хаты.

У Дины от испытываемого напряжения, от разговоров старосты разболелась голова. Она еле дождалась, когда он уйдет.

— Тетя Василина, почему он, как и немцы, ненавидит евреев? Он радуется, что их убивают.

— Не знаю. Не могу объяснить. Мне во время погромов Николай пытался объяснить, откуда это все берется. Но многого я не поняла. Только знаю, что эту ненависть к евреям посеяли давно. И царская власть и церковь немало этому способствовали. Слава Богу, не все православные так мыслят, как староста. Разные бывают люди.

— Почему, за что ненавидят и убивают евреев? Никто не может ответить. Мужчина у колодца сказал, что такое творилось всегда. Но почему — не знает. Василина говорит, что ненависть к евреям посеяна давно. Виновата церковь, царизм. — Дина ворочается на постели, голова болит, уснуть бы. Но мысли сверлят мозг, не дают покоя. — При советской власти такого не было. Евреи учились и работали наравне со всеми. Она никогда не слышала о ненависти к евреям ни на улице, ни дома. И она вспоминает отца, который много трудился и в артели, и дома. А теперь его убили, и всех родных, и жителей местечка поубивали. Ей приходится спасаться. Говорит Василина, что не все такие, как староста. Она вспоминает Маланью и Федора. Голова раскалывается, ее окутывает мягкое бесшумное облако. В забытьи ей представляется, что она с Ефимом, как и договаривались, вместе поступают в педагогический институт. Она на факультет иняза, Фима — на физико-математический. Идет экзамен, абитуриенты волнуются. Открываются двери аудитории. Оттуда выходит с улыбкой на лице Ефим и спешит к Дине.

— Все хорошо, Дина. Теперь, твоя очередь, — говорит Ефим, показывая рукой на двери, откуда он вышел. Она собирается идти к указанным дверям и замечает, что осталась одна. Ефим и абитуриенты исчезли. Дина делает шаг и чувствует прикосновение к плечу холодной, как лед, руки. «Геть звидсы»¹ — кричит староста, крутя перед носом пальцем правой руки, указывая на выход из института. От обиды и страха Дина просыпается. Одеяло соскользнуло на пол. Ей холодно, дрожь пробирает тело. Дина укрывается одеялом, согревается и засыпает тревожным сном.

Село находилось в румынской зоне влияния и относилось к Тульчинскому уезду. В первый год оккупации за счет даров с колхозных полей село обогатилось, стало зажиточным. Несмотря на отсутствие товаров первой необходимости: мыла, спичек, керосина, и прочего, основная масса крестьян была довольна новой властью и ожидала обещанный раздел земли.

1 Геть звидсы — убирайся отсюда (укр.)

Стояли теплые осенние дни. Крестьяне торопились убрать урожай с огородов до наступления дождей. Дина с Василиной с утра занялись копкой картофеля. Василина выкапывала корчи, Дина выбирала картофель. Урожай выдался хороший. Приятно было выбирать крупный, без изъянов, картофель. Вспомнилось Дине, что когда она училась в пятом или шестом классе, ей с Ефимом выделили несколько грядок на пришкольном участке. Они посадили две грядки картофеля и одну грядку морковки. С каким волнением они ожидали всходов и как радовались их появлению. Даже во время каникул они ухаживали за растениями. Убирали сорную траву, рыхлили землю, при необходимости занимались поливом. Она вспоминает, как однажды она с Ефимом и другими ребятами занимались на участке. Пролился летний теплый дождь. Ребята промокли и направились домой. Дина в какой-то момент заметила отсутствие Ефима. Она оглянулась. Ефим стоял один и внимательно смотрел в одну точку.

— Фима, чего стоишь? Мы уходим, — позвала его Дина.

Он посмотрел в ее сторону и помахал рукой, как бы призывая ее.

— Иди сюда, Дина, — крикнул он ей.

Не обращая внимания на насмешки ребят, она побежала к Ефиму.

— Почему ты остановился, что случилось?

— Смотри, Дина, — указывая рукой в сторону колхозного сада, — тихо проговорил Ефим, как будто он боялся вспугнуть не то птицу, не то зверька а, может быть, чтобы не нарушить царившую вокруг тишину. Она посмотрела в сторону, куда указывал Ефим, но ничего примечательного не увидела.

— Ты о чем, Фима? Я ничего не вижу.

— Посмотри, Дина, на это умытое дождем чистое синее небо, на лучи солнца, пронизывающие густую листву деревьев. Ты видишь, листья снизу темные, а сверху как будто покрыты серебром. Посмотри на капельки дождя, свисающие с веток и листьев. Они как жемчужины переливаются всеми цветами радуги.

Их руки соединились, они, как замороженные, впитывали увиденное чудо. Что-то неясное, волнующее охватило Дину. Нахлынувшая непонятная волна чувств затопила ее. Дина разволновалась и резко отдернула свою руку от руки Ефима. Они еще постояли некоторое время молча, и так же, молча, дошли до ее дома. Ефим, как бы уличенный в непростительном проступке, стыдливо попрощался и убежал.

Теперь Ефим был ее единственной далекой звездочкой, которая соединяла прошедшее и будущее. Где он сейчас? Жив ли? Вспоминает ли он ее? Сохранил ли он ее фотокарточку? Это было перед их отъездом из Томашполя. Ребят восьмых, десятых классов отправляли на восток, вглубь страны. Она вместе

с подругами пришла проводить своих школьных товарищей, друзей. Ей с Ефимом удалось несколько минут побыть наедине. Они взялись за руки, смотрели друг на друга. Нужно было что-то сказать друг другу. Но слова не находились, главные слова. Прозвучала команда садиться на подводы. Ефим заторопился. Дина сунула в руки Ефиму свою фотокарточку

— Я буду ждать тебя, — проговорила она. Ефим улыбнулся ей, помахал рукой на прощанье, что-то крикнул, но из-за шума провожающих она не расслышала. Его перехватили родители, попрощались и он побежал к подводе.

— Дина, ты бы отдохнула, — обратилась к ней Василина, которая стоя отдыхала, опершись на лопату. Пока воспоминания уносили ее в прекрасные дали, она аккуратно безостановочно выбирала картофель. Она обращалась с ним, как с желанным свидетелем ее радостных волнений. Ей хотелось еще раз их прочувствовать.

Наступила осень. Погода с каждым днем все больше портилась. Холодные дожди и порывистый ветер срывали последние листья с деревьев. Почерневшие стволы и ветки деревьев со стекающими по ним ручейками дождевой воды, сиротливо гнулись под напором ветра. Проселочные дороги превратились в сплошное месиво. Люди, по возможности, старались лишней раз не выходить из дома. Зима была ранняя. Наступил новый год с морозами и обильными снегопадами. Молодежь, хлопцы и девчата собирались на посиделки. Было шумно, весело, пели народные песни, устраивали танцы. Несмотря на то, что румыны вывезли собранный урожай зерновых, картофеля и пр., установили налоги на хозяйство, село не бедствовало. Церковные праздники проводились всем народом в радостном настроении, с песнями и танцами. Староста, сельские полицейские и их осведомители смотрели за порядком. Люди настороженно относились друг к другу, боялись высказать свои мысли. Присматривались к новой власти, выжидали.

— Тетя Василина, неужели можно так шумно радоваться, когда твой муж, отец, брат находятся на войне, когда неизвестно живы ли они? — спросила Дина, когда они пришли домой из церкви.

— Из боязни радуются. Ясно, не все. Некоторым эта власть по душе, — ответила она.

В одно из воскресений, уже после Нового года, при выходе из церкви, к Дине подошла знакомая женщина.

— Приходи, Галя, ко мне во вторник. Я буду справлять День рождения. Народу будет немного, одни солдатики. Посидим, пообщаемся, а то вскоре совсем скиснем.

— Меня Татьяна из нижней улицы пригласила на День рождения. Там, она сказала, соберутся одни солдатики. Но мне не очень хочется идти туда, — обратилась Дина к Василине.

— Сходи, дочка, а то разговоры пойдут, что не уважаешь их, будет обида. Да и тебе чуть развеяться — не грех.

Снежная метель застилала все пространство. Дина с трудом пробиралась сквозь снежные заносы. Местами они достигали верха крыш домов.

— Проходи, раздевайся, — приветливо встретила ее Татьяна.

В хате было уютно, тепло. На лавках вдоль стен сидели ранее пришедшие гости. Это были молодые женщины, почти все знакомые Дине. Они тихо между собой переговаривались. В одном месте подвинулись, давая возможность Дине присесть.

— Подождем еще немного Марию. Что-то она замешкалась, — обратилась хозяйка к гостям. Не успели гости заскучать, как пришла Мария.

— Еле бабу Любу уговорила посидеть с Катькой.

— Уж больно она капризная у тебя, — говорит она. Но, слава Богу, уговорила, — оправдывая свою задержку, сказала она.

— Катерина, помоги мне, — обратилась хозяйка к молоденькой, похожей на школьницу, гостье. На столе появились тарелки с холодцом, яичница со скворчащими кусками сала, соленые огурчики и помидоры, банка самогона, хлеб и нарезанные аккуратно сало и лук. Гости повеселели. Шумно придвинули лавки к столу и расселись. Мария, как самая старшая, разлила самогон в стаканы.

— Поздравим, подруги, нашу именинницу Татьяну с Днем рождения. Пожелаем ей здоровья и чтобы скоро живым и здоровым вернулся с войны ее Роман, — произнесла тост Мария.

Все выпили и стали закусывать. Дина пригубила стакан, чуть отпила. От запаха самогона, отдающего бурячиной¹, закружилась голова, тошнота подступила под самое горло. Дина старалась все это перебороть, стала закусывать соленым огурцом. Уже был произнесен следующий тост, выпили по второму разу. Становилось все шумнее, посыпались шутки, стали вспоминать своих мужей.

— В первую ночь, — рассказывала Параска, — мой Грицько как кутенок ласкался. Еле его надоумила.

— Твоего Грицька, — громко рассмеялась Мария, — уже до тебя успели раз десять надоумить. Уж очень ловкий он у тебя. Настоящий казак. Все дружно рассмеялись.

— Выдумываешь все, Мария, это неправда, — обиделась Параска.

— Вот, даст Бог, вернется с войны твой Грицько, он нас и рассудит, — миролюбиво отпарировала Мария.

— А мой Тимофей всю первую ночь прохрапел. Ну, думаю, хорошо, что спит. Честно скажу, я боялась, — стала рассказывать Наталка, — спит и пусть себе спит. Утром мама меня спрашивает — Ну, как, дочка? — я и сказала, — хорошо храпит. Все со смеху покатались, за животы хватались.

1 Буряк (бурячина) — свекла (укр.).

— Выдумщица ты, Наталка, никогда не поверю, — стараясь унять смех, проговорила Варвара.

— Вот тебе крест, что правда, — крестясь, ответила Наталка.

Гана непонимающе смотрит на веселящихся друзей. Слезы сами собой застилают большие карие глаза на миловидном свежем личике, обрамленным русым волнистым волосом.

— Мы в тепле, нам весело, — задумчиво проговорила Гана, самая молодая гостя, у которой и первой ночи не было, — где теперь наши хлопцы в такую стужу. Как подумаю, места себе не нахожу. Когда уже кончится эта проклятая война?

Слова Ганы больно отозвались в душе Дины. Она подумала о Ефиме и глаза невольно увлажнились. Все приутихло, призадумались. Как будто черная туча их накрыла.

— Ты, Гануся, напрасно. Мы все волнуемся, переживаем. Ты и Катюша не успели обзавестись детьми, — в раздумье говорила Наталка, — а у нас дети. Их растить нужно. Для этого нам нужно жить, не опускать руки. И не киснуть. Этим мы им не поможем, — и помолчав немного, продолжила, — слышала я, что староста говорил, — война закончится, как только от последнего жида избавимся.

— Совсем рехнулся старый чурбан. На городе бузина, а в Киеве дядько, — отозвалась Параска.

— У немцев такая политика. Я на днях в одесской газете читала, — продолжила разговор Наталка, — там написано, что еврея после войны можно будет увидеть разве что только в музее.

— Изверги они, издеваются над людьми. В Томашполе загнали евреев за проволоку и морят их голодом, — с жалостью и гневом, охватывая товарок взглядом, высказалась Мария и продолжила, — говорят, что и наших пленных тоже содержат в таких условиях. Бандиты, палачи. Чтобы их Бог покарал.

— Мария, девочки, хватит разговоров, — тихо проговорила Татьяна, выставляя на стол пирог с капустой, — не дай Бог, кто-нибудь услышит, и донесет. Старого Пилыпа, что живет возле кузницы, по наговору притянули в управу. Полицаи его так побили, что старый на карачках еле до дому приполз. Давайте лучше еще раз выпьем за здоровье наших солдат, чтобы они живыми вернулись с войны и споем наши песни.

Выпили, похвалили хозяйку, пирог. Пытались настроиться на песню, но почему-то не ладилось. Еле пропели одну тягучую, жалостливую. Завели про черноброву Галю, но тут же песня заглохла. Все так хорошо начиналось, а чем закончилось. Знать, время такое. Гости начали собираться уходить. Дина, одурманенная запахами самогона, разговорами, еле находя дорогу в темноте вечера и метели, которая кружила с завыванием, спотыкалась, падала несколько раз в глубокий снег, пока добиралась до дома. Не говоря ни слова, она разделась и повалилась на кровать. Василина не стала ее тревожить.

У Дины, сидевшей за столом, и слушавшей разговоры женщин о судьбе евреев, создалось впечатление, будто они ведут речь о чем-то для них далеком, непонятном. Не о людях, которые живут рядом с ними, в одной стране, под одним небом. А о чем-то таком, что находится за тридевять земель, на другой планете. Этих женщин нельзя было уличить в ненависти к евреям. Но их, за исключением Марии, зверства фашистов по отношению к евреям не затрагивали, проявлялось полное безразличие. Как будто разговор шел о голодающих животных в далекой Африке из-за постигшей край засухи или о гибели животных при лесных пожарах. Жалко, конечно, но чем мы можем помочь. Когда Дина рассказала об этом Василине, она в ответ услышала, — не думай, дочка, плохо о них. Они обычные люди со своими тревогами и заботами. Я знаю этих девчат и уверена, что при случае, каждая из них оказала бы посильную помощь человеку, попавшему в беду, не обращая внимания на то, православный он или еврей.

В связи с затяжной зимой, которая была отмечена снежными заносами и морозами, ограниченной возможностью посещать соседние села, отсутствием вестей из внешнего мира, село казалось одиноким, заброшенным среди пустынных снежных просторов вдаль от всего живого. Всю ночь село засыпало снегом. Утром Дина с трудом выбралась из дома во двор. От снежной белизны слезились глаза. Село обьято тишиной. Ни шороха, ни дуновения ветерка. Сизая морозная пелена окутала все вокруг. Деревья стояли, как замороженные, покрытые белыми одеждами, дым из труб колечками поднимался кверху, прямо в небо. Расчищая от снега проходы к хлеву, на улицу, Дина вспоминала недавнюю встречу с девчатами.

— Все метет без конца. Как будто конца зимы не будет, — сказала Наталка, — мы, Галя, с Ганой идем к Татьяне. Пошли с нами.

— Я бы с охотой, но не могу, маме нездоровится.

— Я слышала, что немец скоро будет в Москве, — сообщила Наталка.

— Откуда тебе известно? — закрывая лицо от ветра и снега, спросила Дина.

— Говорят, что об этом в газете прописано.

— С самого лета об этом разговору, — заметила Гана, — не верю я их газетам. Живем, как в глухомани. Ничего не знаем.

— Вчера батюшка молебен справлял о даровании Богом силы немцам в борьбе с жидами и большевиками, — выдает последнюю новость Наталка.

— Это, наверное, староста заказал молебен? — догадывается Гана.

— Не знаю, Гана. Кто их разберет. Пойдем, а то совсем я озябла.

— Все с жидами воюют, просят Бога о помощи, — повторяет

про себя Дина услышанное, — когда же этому будет конец? Невыносимо все время об этом думать.

Лютая зима с морозами и метелями, оторванность села от мира, представляется Дине определенной защитой в этой тревожной, неустойчивой жизни. Ей хочется, чтобы как можно дольше длилась зима со снегами и морозами.

Весна не торопилась, но с каждым днем все явственнее чувствовалось ее дыхание и видны были признаки возрождения природы. Жизнь звала и Дине становилось все тревожнее, все больше ее охватывало какое-то необъяснимое беспокойство. Днем, в хлопотах по хозяйству, в общении с Василиной, соседями можно было забыться. С наступлением ночи беспокойство усиливалось. Бывали ночи, когда она глаза не смыкала. Вот и сегодня, как она не старается, и считает до трехсот, и пытается ни о чем не думать, ничего не помогает, сон не приходит.

— Я жива, живу, радуюсь жизни, жить хочется. Разве может так себя вести нормальный человек? Родные убиты, а я мечтаю, надеюсь, какое-то сумасшествие. Плакать хочется, но нет слез, только сердце болит, разрывается. Что делать? — поворачиваясь к боку на бок, укоряет она себя.

— Шимон, ты мог бы в святой день, в субботу, отдыхать, — слышится ясно Дине голос бабы Фейги, — совсем мы как гоем¹ стали.

— Не мог я ей отказать, — защищается Шимон, — это, мама, жена налогового инспектора.

— Ну, и что. А гройсер махер² — отвечает бабушка, — могла бы и в будний день прийти, ничего бы с нее не упало.

Шимон работает закройщиком в артели. Все хотят его крой. Готовые изделия его кроя на улице узнают. Дома ремесленникам работать не разрешается. Но для него сделано исключение. Все высшее общество, жены начальников, никого другого знать не хотят. И приходится начальству закрывать глаза на нарушение запрета. Баба Фейга возмущается, если ему приходится работать дома в субботу, в праздничный день, или в день поста.

У нее своя посуда, горшки. Она сама для себя готовит пищу, соблюдает кашрут³. Баба Фейга всеми силами старается соблюдать в доме идишкейт⁴. На субботу и праздники она готовит пищу для всей семьи. В пятницу, перед наступлением субботы, баба Фейга водружает на сервант две свечи в подсвечниках, до блеска начищенных. Она с трепетом зажигает субботние свечи, закрывает ладонями глаза и тихо, еле заметно шевеля губами, произносит благословение. Лицо бабы светлеет, кажется, что морщинки на

1 Гой — нееврей (идиш.).

2 А гройсер махер — буквально: большая шишка (идиш.)

3 Кашрут — канон применения дозволенной к употреблению пищи у иудеев (иврит)

4 Идишкейт — проявление векового уклада жизни евреев (идиш.)

нем расправились. В доме чувствуется какая-то приподнятость, торжественность. После этого все усаживаются за стол, накрытый белой накрахмаленной скатертью, и начинается вечерняя трапеза. Кушанья подает мама. Боже, какие кушанья. Куриный бульон с мандлехами⁵, фаршированная рыба с халой, цимес⁶ из бобов, компот. В доме за столом создается ощущение торжества. Дина пытается понять или это наяву, или ей снится. Вдруг сменилось видение. Вдалеке бушует пламя, видны взрывы бомб, в воздух поднимается земля и со вздохом оседает, чуть слышно строчит пулемет. Фима в военной форме с винтовкой в руках куда-то спешит. Он ей махнул рукой и скрылся, а пулемет все строчит. Дина открыла глаза, прислушалась. Кто-то тихо стучится в окно, через которое просачивается утренний свет.

— Тетя Василина, кто-то стучится в окно, — будит ее Дина.

Соскочив с постели, в одной нательной рубаше Василина прильнула к окну.

— Кто там? — вглядываясь в лицо мужчины за окном, спрашивает Василина.

— Я, мама, Петро, — еле слышно доносится ответ.

Василина бросилась в сени, дрожа от волнения, стала открывать двери. В темноте не различить, но сердце матери чувствует.

— Петро, дите мое, — обнимая его, всхлипывает Василина.

— Идемте в хату, мама, — просит Петро.

— Сейчас лампу зажгу, наверное, проголодался.

— Лампа не нужна, с улицы могут увидеть, — говорит Петро, — никто не должен знать о моем приходе.

Василина не понимает поведения сына. Всегда такой ласковый, теперь он кажется чужим, далеким. Она усаживает его за стол и выставляет еду.

— Покушай, сынку, потом поговорим.

Петро моет руки и берется за еду. Василина сидит напротив и неотрывно смотрит на него. Руки безвольно лежат на коленях.

— До чего же исхудал, постарел. Может, в темноте так кажется? Откуда он явился? Может, дезертировал? — думает она, и тут же отбрасывает эту мысль, — наверное, из плена сбежал, потом сам скажет, — раздумывает Василина.

— Я, мама, вырвался из плена, — как будто он услышал вопрос матери, говорит Петро, — потом все расскажу. Теперь мне нужно умыться, переодеться и отдохнуть. Я ужасно устал.

Василина постелила ему на лавке.

Лежа в постели, Дина прислушивалась к разговору Василины с гостем. Она поняла, что это ее сын, что он сбежал из плена и также боится, как и она. Василину беспокоить она не стала.

Василина провела бессонную ночь. Ее одолевали разные

5 Мандлех — пончики к куриному бульону (идиш.)

6 Цымес — десертное блюдо евр. кухни (идиш.)

мысли, ее беспокоило непонятное поведение сына. Несмотря на усталость, Петро поднялся раньше всех в доме.

Василина тут же соскользнула с кровати.

— Это дочка портного Шимона из Томашполя, — на вопрос Петра, что за женщина здесь ночует, шепотом объяснила Василина, и добавила, — ее звать Дина. Но сейчас ее зовут Галя, как и твою жену. Потом я все объясню.

За завтраком Петро и Дина познакомились. Он смутно помнил ее родителей и вспомнил, как желанно ему было бывать у них дома.

— Бедная девушка, одна осталась, родителей убили немцы, — тихо проговорила Василина, когда Дина вышла на улицу и добавила, — в селе ее знают, как мою невестку, твою жену. Я иначе не могла.

— Я, мама, Вас понимаю, не переживайте, все правильно, — ответил коротко Петро.

Дина при первом знакомстве была разочарована видом Петра. Она ожидала увидеть высокого стройного командира Красной армии, каких она видела в кино, или похожего на того военного, которого она видела на танцплощадке. Она вспомнила тот предвоенный летний вечер, когда она с Катей, опасаясь встретить учителей, с завистью из-за кустов смотрели на танцующую молодежь. Музыка гремела, пары кружились в вальсе. Было шумно, весело. В действительности Петро оказался худощавым парнем среднего роста. Из-за щетины на смуглом лице, которое оживляли серые внимательные глаза и плотно сжатые губы, трудно было определить его возраст. При этом Дина не могла не заметить его военную выправку и какую-то скрытую в этом тщедушном теле силу.

После завтрака втроем они обсудили, как лучше обустроить в хлеву укрытие для Петра. Добро, что места там достаточно. Коза не мешает. Скрытно от чужих глаз Петро месяц с лишним отлеживался, залечивая раны и набираясь сил. Первое время Василина сама навещала сына два раза в день, приурочивая посещения к уходу за козой: утром, когда козу выводили на пастбище, и вечером, во время дойки.

Дина понимала желание матери больше общаться с сыном, и с нетерпением ждала, когда ей тоже представится такая возможность.

— Как себя чувствует Петро? — после каждого посещения его Василиной, интересовалась Дина.

— Сегодня, дочка, лучше, идет на поправку, — коротко отвечала Василина. В другой раз она добавляла, — он просил сварить ему кулиш¹ со шкварками, соскучился, давно не ел или что-то другое в этом роде.

---

¹ Кулиш — густой сытный суп, который казаки готовили в полевых условиях (укр.)

— Ой, — пожаловалась в один день Василина, стоя у печи. Она с трудом добралась до лавки, и присела.

— Что случилось, тетя? — спросила Дина, убиравшая постели в другой комнате.

— Ничего страшного, доченька, — ответила Василина, — сейчас пройдет. Опять болячка стрельнула в поясницу и продолжила, — отнеси Петру еду и прихвати похлебку для козы. Как покушает, выведешь ее на пастбище.

Петро для Дины был человеком из другого мира. Ей казалось, что он может знать такое, что ей неизвестно. Зардевшаяся, охваченная непонятным волнением, она с ношей вышла из дому. Первые утренние солнечные лучи осветили синеву неба и кинжально пробивались сквозь белый цвет яблони, доставая до хлева. Дине с трудом одолела небольшое расстояние от дома до хлева. Она вся дрожала от утренней прохлады и охватившего ее волнения. В хлеву стоял полумрак. Проникающие через щели солнечные лучи висели пеленой, рассеивая его. Дина поставила на пол похлебку для козы и направилась к заставке, за которой было устроено место для Петра.

— Доброе утро, Галя, — поднялся навстречу ей Петро.

— Добрый день. Я вам принесла завтрак, — застывши на месте, проговорила Дина.

— Спасибо, проходи, гостем будешь, — улыбаясь, проговорил Петро, — почему обращаешься ко мне на «вы», разве я выгляжу стариком? Или мы графья, чтобы жена к мужу обращалась на «вы»? — и рассмеялся.

Пронизанный солнечными лучами человек, стоящий за перегородкой, не был похож на того Петра, с которым она недавно познакомилась. Только серые глаза и очертания рта на свежеевыбритом, помолодевшем, посвежевшем лице напоминали того Петра. Так вот он какой. Она неотрывно смотрела на него, чувствуя какое-то волнение.

— Жена должна быть послушна, — немного успокоившись, в тон шутки Петра ответила Дина, — покоряюсь тебе, мой супруг. Теперь буду обращаться к вам только на «ты» — и смущенно улыбнулась.

— Значит, договорились. Скучать не приходится? У тебя завелись подруги в селе?

— Скучать некогда. Забот хватает, и по дому, и по хозяйству. Подруги тоже имеются, все солдаты, как и я, — ответила Дина, улыбнувшись. Мне пора идти, вывести козу на пастбище.

— Хорошо, иди. В другой раз расскажешь мне о них.

— Что Петро, как себя чувствует? — спросила Василина.

— Выглядит хорошо, я его с трудом узнала. Помолодел, посвежел, — улыбаясь, ответила Дина, и добавила, — Одарка справлялась, не приболели ли Вы. Я сказала, что у вас поясницу ломит.

— Придется мне некоторое время дома побыть. Все высматривает, тощая холера, — возмутилась Василина и с тревогой в голосе продолжила, — уж больно она завидущая, все в чужой огород норовит заглянуть. Нам нужно опасаться ее любопытства. Не дай Бог, если она что пронюхает.

С некоторого времени Петро стал уходить и приходить в разное время, никого не предупреждая. В конце лета его не было более трех недель. С началом зимы вообще стал приходить реже и оставался дома не более одного, двух дней. В очередной приход он передал Дине листовки и указал, кому их отнести.

С этого времени каждый раз, когда он появлялся, находил поручение для Дины. То листовки отнести, то записку передать, то передать сообщение на словах.

Василина догадывалась о деятельности Петра, о риске, которому он и Дина подвергаются, но ни разу об этом не заводила разговора. Единственное что ей было известно, что у Петра документы на другую фамилию и что звать его теперь Тимофей.

В листовках, которые приносил Петро, говорилось, что немец терпит поражение, что Красная Армия ведет упорные бои и что победа будет за нами. Листовки призывали бороться с фашистами всеми доступными методами, не давать им покоя.

До их появления пользовались всякими слухами, неизвестно откуда взятыми. Также новости черпали из националистической газеты, где говорилось о победах немецкого оружия и скором падении советской власти. В церкви время от времени проводились молебны, призывающие Бога содействовать немцам в борьбе с жидками и большевиками.

Однажды Петро рассказал Дине о гетто в Томашполе. Ей хотелось узнать о судьбе дяди Хаима и тети. Но она не решилась его об этом просить. Между Диной и Петром сложились дружеские отношения. Иногда ей казалось, что эти отношения более глубокие и что Петро к ней тоже равнодушен. С волнением ожидала она редкие минуты встречи с ним. Одновременно они были для нее желанны и в то же время страшили ее. При очередной встрече, когда Петро, как обычно, просил Дину выполнить поручение, он по дружески обнял ее за плечи. Дина прильнула к нему, проникнутая чувством беспокойства, уважения и близости. Она почувствовала живительные токи тела, учащенное биение сердца. Он привлек ее к себе и поцеловал в щечку. Это длилось мгновение, он тут же отстранился от Дины.

— Что скажет Галя? — смущенно проговорил он, деланно рассмеявшись. Дина тоже смутилась.

— О какой Гале он говорит? — подумала она и стала укорять себя за чрезмерно, как ей показалось, проявленное чувство. Петро может ее неверно понять. На всю жизнь ей запомнилась эта счастливая минутная слабость, память о которой она хранила втайне от всех.

С начала весны и до поздней осени сельчане работали, отдавая все силы собственному хозяйству, работе в огороде, в саду. Они старались избегать давно уже надоевшей работы в колхозе. За отказ от работы человек подвергался порке розгами. Все время увеличивались налоги натурой: мясо, яйца, шерсть. Вера в новую власть в народе резко пошла на спад. Ширились слухи о партизанах, о сопротивлении населения. Говорили о диверсиях на железной дороге, убийстве фашистов и изменников Родины, о саботаже. Полиция проводила рейды по селам в поисках партизан и их пособников, искали распространителей листовок. Под угрозой расстрела, каждый нашедший листовку, должен ее передать в управу. За сокрытие, передачу листовки другому лицу или хранение ее, грозил расстрел. Наступила зима, морозы сковали землю, снежный белый покров накрыл все вокруг.

IV

В один из зимних дней в село из Тульчина приехала группа полицейав для проверки лояльности сельчан. В управе начальник группы и староста обговорили положение в селе, наметили неблагонадежных у которых необходимо произвести обыск.

— Ты, вот что, пусть твои орлы с моими ребятами обойдут намеченные дома. Обыск должен быть тщательный, ничего не упустить. Я загляну к своей тетке, мать просила, — перечитывая список неблагонадежных, говорил начальник группы, и спросил, — Рипак Василину знаешь?

— Василину знаю, и ее невестку знаю, выправил ей справку, — ответил староста.

— Тогда дай мне хлопца, чтобы указал, где живет тетка. А сам проследи за работой полиции. Головой отвечаешь.

— Добрый вечер, тетя Василина, — зайдя в дом, поздоровался Федор, — не узнаете? Я сын Оксаны. Мама велела вам кланяться и передать гостинец.

Увидев полицейя, Василина растерялась. Она присела на лавку и широко открытыми глазами смотрела на незнакомца.

— Что ему нужно? Боже, как хорошо, что Петра нет дома, — подумала Василина

— Как здоровье мамы, не болеет ли она? Значит, ты Федя, сын Оксаны? Вырос, как настоящий мужик. Последний раз я тебя видела перед отъездом Оксаны из села, когда она связалась с этим непутевым сапожником, тебе было лет пять, — немного успокоившись, проговорила Василина.

— Я знаю, мама рассказывала. А отчим погиб. Попал под машину.

— Раздевайся, Федя, садись к столу, будь гостем.

Василина принесла бутылку самогона, поставила закуску,

налила в стаканы самогона.

— Выпей, племянник на здоровье, и сама пригубила стакан.

— За ваше здоровье, тетя Василина, — сказал Федя, опрокинул стакан, сделал глубокий выдох и стал закусывать.

— Ты, Федя, специально приехал, или проездом?

— Нет, я сюда по делу, — ответил он и продолжил, — народ шалит, власть не уважает. Кажется, чего ему не хватает. Советы разогнали, с жидами вопрос решается. Живи себе и радуйся. Так нет же. Находятся смутьяны, народ против власти настраивают. Вот этих смутьянов и ищем, вылавливаем. Всех их ждет виселица.

— Как живется Оксане? — решила изменить разговор Василина.

— Мама хорошо себя чувствует, всем обеспечена. Так что ей жаловаться не на что, — ответил он. Выпив очередной стакан самогона и закусывая, он спросил, — тетя Василина, а где твоя невестка? Мне староста говорил, что очень славная она у тебя.

— Скоро будет. К соседке пошла за солью. Ее сейчас не достанешь.

— До чего женщины мудрые. Мама прислала вам немного соли, там, в гостинце, — Федя рукой указал на мешочек, который лежал на лавке.

— Вот и моя невестка, — указывая на появившуюся в дверях Дину, сказала Василина, и продолжила, — Галя, познакомься, это мой племянник Федя, сын моей младшей сестры Оксаны.

Федя и Дина сразу узнали друг друга, но виду не подали.

— Староста правду говорил. Славная, тетя, у вас невестка, — начал Федя, — о Петре ничего не известно? Война всех разбросала. Кто голову сложит за бандитскую, жидовскую власть, а кто борется за свою родную. Женщины молча слушали его. Немного погодя Федя стал собираться.

— Спасибо, тетя, за угощение. Вот рада то будет мама, что я у вас побывал. А теперь мне пора уходить, дела. Твою невестку, тетя, я на день, на два возьму с собой. Староста сказал, что у нее не было документов. Нужно проверить. Теперь время такое.

— Федя, сынок, это же моя невестка, жена твоего брата, Петра. Побойся Бога.

— Не беспокойтесь, тетя. Я же говорил, что это ненадолго. Я на службе, иначе не могу. Пусть Галя оденется потеплее, не забудет взять с собой справку. Она пойдет со мною.

Они шли гуськом по узкой расчищенной снежной дорожке. Федор шел впереди, за ним Дина. Село было объято тишиной. Временами она нарушалась скрипом снега под ногами Федора и Дины. Снег, освещенный луной, искрился. Местами на нем лежали темные тени от домов и деревьев. На черном небе перемигивались звезды.

— Узнал он меня. Конечно, узнал. Зачем он это скрывает? Куда и зачем он меня ведет? Может он знает о листовках, он же

комсомолец. Может, скрывается под личиной полиция? — идя следом за Петром, рассуждала Дина.

— Ну, и ловкая ты, Дина. Тетку обкрутила, мол, — «невестка я твоя», — веселая пьяная речь Федора уносилась попутным ветром, — или сговорились?

Дина промолчала, только облегченно вздохнула, — о Петре и листовках он не знает.

— Можешь ничего не говорить. Знаю вас, жидов. Одним обманом живете, все лазейку ищите, — довольный собой, разглагольствовал Федор, — вот, приедем на место, там разберемся.

В управе, куда они пришли, Дину впихнули в комнату, в которой находились мальчик лет пятнадцати и пожилой крестьянин с подбитым глазом.

— Смотри, чтобы никуда ни шагу, — приказал Федор полицая, стоявшему возле дверей комнаты. Сам он направился в комнату, где заседал староста. В управе поднялся шум, полицаи забегали, что-то несли, тащили. Из комнаты старосты послышались веселые голоса, стук стаканов и топанье ног.

— Это как же понимать, — кричал Федор в наступившей тишине, — по селу листовки разбрасывают, народ мутят, а вы ничего не знаете, — он захлебнулся, откашлялся и продолжил, — тоже мне улов! Старого хрыча привели. Мол, зерно нового урожая прячет. А где зерно не знаете. Ладно, мы дознаемся. И пацана притащили, который от работы в Германии бежит. И то, случайно он вам попался. Даю вам неделю срока. Найти, кто распространяет листовки и откуда они поступают. Не то смотрите, дармоеды, другой будет разговор. Власть вам доверяет, надеется на вас. А вы только знаете самогона жрать и за бабами гоняться, уже несколько жалоб поступило, жеребцы поганые. Вам все понятно?

— Все сделаем, не сомневайтесь, — заверил староста.

— А ты, Родион Павлович, тоже хорош, выдаешь липовые справки, разобраться толком не можешь. Смотри мне, не посмотрю, что тебя назначил старостой сам комендант. Стало тихо. Только слышалось сопенье.

— Что приуныли? Налей всем, казак, и выпьем за здоровье фюрера, за победу Германии, — примирительно проговорил Федор, и продолжил, — нам власть доверяет, и мы должны ей служить правдой и верой, и нашей стороне тоже. Слава Украине.

— Героям слава, — хором ответили староста с полициями и опорожнили стаканы.

— Родион Павлович, сани готовы? Мы прямо сейчас выезжаем.

— Все готово, давно дожидаются, — ответил староста.

Арестантов усадили в сани управы и приказали им ехать впереди. Полицаи уселись в свои сани и двинулись вслед. На небе появились небольшие тучи, луна, скатываясь к горизонту, как кораблик в море, плыла среди них. Звезды по-прежнему мерцали

в глубине черного неба. Сани, скрипя полозьями, покачивались с боку на бок, наезжая на сугробы снега нечищенной дороги. Лунный свет освещал еле различимую дорогу. Снег, ближе к горизонту темнел, сливаясь вдаль с чернотой неба. Мороз к утру усиливался, холод пробирался к телу. Арестанты сидели молча. Сгрудились, сдвинулись поближе друг к другу. Посредине сидел мальчик, по сторонам пожилой крестьянин и Дина. Мальчик, стиснутый с двух сторон, немного согрелся. Он сидел, опустив голову, руки зажав между ногами.

— Все равно, сбегу, — беспрерывно шептал он, как будто ему возражали.

— Ты, что не смог спрятаться? — спросил крестьянин.

— Я прятался, сосед Василь выдал, — обиженно ответил мальчик.

— Какой Василь?

— Да наш сосед, Мелешко.

— Этот тихоня, святоша?! Не может быть?! — с удивлением и сомнением воскликнул крестьянин. Мальчик посмотрел в сторону говорившего, но ничего не сказал.

Дина не прислушивалась к разговору соседей. Она чувствовала тепло мальчика, которое передавалось в прижатое к нему плечо. Дина вспомнила другого мальчика. Их в один день утверждали в райкоме комсомола в члены ВЛКСМ. Он был русоволосый, невысокого роста, худенький, бедно одетый. На болезненном лице, усеянном угрями, невыразительные серые глаза. Рядом с ним она с подругой выглядели принцессами. Мальчик вызывал у нее жалость своей стеснительностью и болезненным видом. Он учился в их школе в шестом классе, а она с подругой в пятом. Они часто встречались, но не были знакомы. Теперь, они сидели рядом в приемной райкома комсомола и волновались. Они должны были предстать перед комиссией, которая вынесет решение, достойны ли они стать членами Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи.

— Я Дина, а это моя подруга Катя. А тебя как звать?

— Федя, — смущено ответил он.

— Как давно это было. А может, это мне приснилось? Он говорит, что я Василину обманула. Да, да, конечно, обманула. Василина не виновата. Только я виновата. Меня в гетто отправят или... он Василине, своей тетке обещал... Голова раскалывается, а тут еще эта ужасная пьяная ругань и крики бандитов, — прикрыв глаза, Дина хочет забыться.

Полиции горланили песни, взхлеб что-то рассказывали, перебивая друг друга, оглашая поле взрывами хохота. В одном селе по пути следования Федор приказал остановиться. Один из полицейских разбудил хозяина дома, возле которого остановились. Полиции, за исключением одного, оставшегося охранять арестованных, направились в дом. Спустя некоторое время

охранник сменился и зашел в дом. Арестанты сошли с саней, чтобы размять ноги и немного согреться. Вскоре, повеселевшие полицаи вывалились из дома и все двинулись в путь. С первыми несмелыми солнечными лучами, которые позолотили верхушки покрытых снегом ветвей деревьев и крыши домов, они въехали в Тульчин. Улицы почти пустынные, редко можно увидеть прохожего. Один из полицаев пересел на передние сани. Возле двухэтажного здания они остановились.

— Куций, арестантов отведи в подвал, пусть их покормят, — распорядился Федор и обратился к сельскому вознице, — а ты езжай домой.

В полутемном подвале, куда ввели арестантов, сидели и лежали на полу несколько мужчин и женщин. Прибывшие арестанты разместились в свободной части подвала и уселись на солому, которой был застлан пол. Им принесли по кружке теплой воды и по куску хлеба. Дина задремала. Ее разбудил поднятый арестантами шум. В подвал полицаи втянули и бросили на пол избитого мужика, стечения которого еле были слышны. Обитатели подвала сделали ему постель из соломы и уложили на спину.

— На, возьми, накрой его, — сняв с себя телогрейку, мужчина передал ее женщине, которая сидела рядом с избитым мужиком.

— Звери. Что сделали с человеком. Куда они вчерашнего мужика девали? Еле живого увели, — накрывая сброшенного в подвал избитого мужика, проговорила женщина.

— Вот чем занимается вчерашний комсомолец — про себя подумала Дина.

И снова вспомнился день встречи с Федором в райкоме комсомола. Федя вышел из комиссии весь красный, вспотевший. Даже угрей не было видно на лице. Товарищи наперебой забросали его вопросами: что, да как? Он, сияя радостью, взволновано, высоко держа в руке новенький комсомольский билет, делился своими впечатлениями.

— Самое главное, — сказал он под конец, — что им понравился мой ответ на вопрос «обязанности комсомольца». Я ответил точно, как в уставе написано. Сказали, что я правильно все понимаю, и можно утвердить решение первичной организации.

Федя подошел к нам и уселся на свое место.

— Не волнуйтесь девчата, вас примут. Нужно только правильно ответить, — смущаясь, обратился он ко мне и Кате.

— Вот, тебе и комсомолец, и патриот, — мысли Дины путались, — а теперь полицай, пособник фашистов. Как же это так?

На следующей день, когда на улице уже темнело, Дину повели в управу.

— Стой, — скомандовал один из приведших ее полицейских, когда они вошли в дом и скрылся за дверями одной из комнат.

— Заходи, — приоткрыв двери комнаты, позвал Дину

полицейский.

В комнате за столом в кресле сидел Федор. Лицо свежее, как будто вчерашней оргии не было в помине.

— Куцый, можешь идти.

Дина осталась стоять у дверей. Федор молча смотрел на нее.

— Ну, чего стоишь, как сонная тетеря? Садись, — и он рукой указал на табуретку в углу комнаты.

Как только Дина уселась, Федор поднялся из-за стола и стал ходить по комнате, красуясь перед Диной. На нем был хороший костюм, штаны заправлены в хромовые сапоги, начищенные до блеска.

— Что ты устави́лась в пол, подними глаза, — проходя рядом он стукнул ее тыльной стороной ладони по подбородку. Мол, смотри какой я, и выше тебя, и лучше. А ты сидишь в помятом пальто и с таким же помятым лицом, с нечесаными патлами.

— Как я вас, жидов, ненавижу, — наклонившись к Дине, прорычал он, — комсомол. Тоже придумали. Хорошо, что отчим меня надоумил и я после седьмого класса расстался с этой глупостью. Густой запах самогона ударил ей в лицо, она закашлялась.

— Я тебя сразу признал и по твоему взгляду понял, что ты меня тоже. Тетка, старая дура. Она не понимает, что ей грозит.

— Она не виновата. Это я ее обманула, — тихо проговорила Дина.

— Не будь она моей теткой, маму жалко, — не обращая внимания на ответ Дины, кричал Федор, — большевистско-жидовская власть ее мужа убила, а она жидовку прячет. Старая дура. Федор все больше возбуждался, бегал по комнате, размахивая руками.

— Всю власть захватили, православный народ извести захотели. Все беды от вас, жидов, и войны, и голод. Румыны панькаются с вами, но скоро очистится земля от вас, от вашего смрада, — в порыве гнева он задохнулся, закашлялся. Федор уселся за стол, подперев рукой лицо, появился звериный оскал.

— Куда девалась твоя подруга? Так же была расфуфырена, как и ты. Она к Советам сбежала или она в гетто?

— Катя украинка. Не знаю, где она.

— Папочка, наверное, начальником был, не иначе.

— Ее отец грузчиком работал на сахарном заводе, — сказала Дина.

Он сжал губы, вышел из-за стола, подошел к окну, побарабанил пальцами по стеклу. Он вспомнил их знакомство во время приема в комсомол. Члены приемной комиссии задавали ему вопросы. Он не все понимал, о чем спрашивают. Он волновался, отвечал невнятно, неуверенно.

— Ты нам, Федя, можешь сказать, какие обязанности у комсомольца, — спросил один из членов комиссии, — не волнуйся,

спокойно отвечай. Каждый комсомолец это должен знать.

Да, это он знал. Он на память выучил обязанности члена ВЛКСМ.

— Комсомолец должен быть самоотверженным патриотом Советской Родины, готовым отдать для нее все свои силы, а если понадобится — жизнь, — без запинки отвечал он.

Единодушно члены комиссии проголосовали за принятие Феди в члены ВЛКСМ, поздравили, вручили ему комсомольский билет и значок.

— Старайся всегда быть достойным высокого звания комсомольца. Комсомольский билет храни, как зеницу ока, — напутствовали его.

После поздравлений товарищей он присел рядом с Диной и Катей. Девочки ему нравились. Он чувствовал, как искренне они за него рады. А что же теперь? Он закурил папиросу, нервно комкая мундштук. Глядя в окно на заснеженную улицу, он ругал себя за неизвестно откуда взявшуюся слабость, — патриот, жизнь отдать. Да, я патриот и готов жизнь отдать. Только не за жидовскую власть, а за нашу, за вильну Украину. Насчет Кати она врет. Дочка грузчика, а как была одета. Не грузчик он был, а начальник. Отчим сапожником был, не то, что какой-то грузчик. И то мы всегда жили впроголодь. А девку жалко. К черту жалость. Всем им туда дорога и чем раньше, тем лучше. — Немного успокоившись, он подошел к столу, ткнул дымящуюся папиросу в пепельницу.

— Вот, будь ты православная, жила бы себе, — обратился он примирительно к Дине, — а то теперь возись с тобой.

Он продолжал ходить по комнате не глядя в сторону Дины, потом подошел к дверям и рывком приоткрыл их.

— Где Куцый? Пусть идет сюда, — крикнул он кому-то и уселся в кресло за столом.

Вскоре в комнату вбежал, запыхавшись, Куцый.

— Отведешь ее в гетто, к председателю общины. Скажешь, что я приказал отправить ее в Печору вместе с остальными, он знает, — указывая на Дину проговорил Федор и добавил, — смотри мне, по дороге никаких выхилисов¹. Узнаю, головой ответишь.

Когда Дина уже была в дверях, она услышала.

— Иначе никак, по другому нельзя, — неизвестно кому и по какому поводу проговорил Федор.

— Слава Богу, обошлось. Василину он не выдаст, — подумала Дина и не прощаясь ушла. Выйдя из тепла на улицу, Дина почувствовала, как она устала, дрожь пробирала тело. Куцый что-то говорил, что-то предлагал. Дина его не слушала, не отвечала. Она упорно, с трудом шла вперед. Впереди показалась огороженная колючей проволокой улица. У калитки их встретил полицейский гетто. Он ее открыл и взял под козырек Куцему.

— Идем, — не обращая внимания на полицейского гетто,

1 Выхилисы — по смыслу выборы.

подталкивая Дину вперед, проговорил Куцый. Недалеко от входа на территорию гетто он остановился возле неприметного дома, хозяйским глазом посмотрел вдоль улицы. Улица была пустынна, не на чем было остановить взгляд.

— Пришли, проходи, — открывая двери дома и пропуская вперед Дину, проговорил Куцый.

V

Председатель общины, мужчина среднего роста, толстый, с одутловатым лицом и толстыми губами сидел за столом. Комната освещалась настольной керосиновой лампой. Возле печки возилась худощавая женщина средних лет, стараясь удобнее уложить в топку кусок деревянной доски.

— Федор Фомич приказал вот ее, указывая на Дину, первым же этапом отправить в Печору, — когда они вошли в комнату, не здороваясь, сказал Куцый.

— Передай Федору Фомичу, что все будет выполнено. Через два дня отправляем этап, ее включим в него, — подняв свое грузное тело и выйдя из-за стола, ответил председатель.

После ухода Куцего председатель присел к столу, стал перебирать листки в стопке бумаг.

— Сейчас я заполню твои данные, и Бася тебя отведет в соседний дом. Там тебя покормят и дадут место для ночлега, — не глядя на Дину, проговорил председатель после того, как нашел нужную бумагу. Со слов Дины он заполнил данные: фамилию, имя, отчество, год рождения, откуда родом.

— Бася, скажешь Файвлу, что она отправляется первым этапом, — обратился председатель к женщине у печки.

— Я слышала, — ответила Бася.

Файвл, высокий худощавый мужчина с чисто выбритым постным лицом, оказался человеком обходительным. Он не стал ни о чем расспрашивать ее. Молча указал Дине на пустую кровать и кого-то позвал.

— Сима, покорми ее, — обратился он к женщине, которая появилась из соседней комнаты.

— Ты от немцев сбежала, с какого гетто? — спросила худощавая старуха, у которой из под платка свисал седой клочок волос, а во рту виднелись считанные зубы, подавая тарелку супа и кусок хлеба, — садись, кушай.

— Нет, я не сбежала, — подсаживаясь к столу, ответила Дина.

— Ладно, дите, кушай. Какая разница, сбежала ты, не сбежала. Горе, и только. Таких, как ты много собралось, — вздыхая, прошамкала старуха, — покушаешь, ложись отдыхать.

Файвл в разговор не вмешивался. Он сидел с отрешенным видом возле печки и смотрел на потухающие угли.

— Сима, сходи к Рувину, попроси несколько поленец. Я ему верну, — как будто очнувшись от раздумий, проговорил Файвл.

— Я с вами пойду, помогу, — предложила Дина.

— Видишь, Файвл, меня за старуху принимают, — улыбаясь беззубым ртом, прошамкала Сима, — мне, дите, еще и сорока нет. Спасибо, я сама справлюсь.

Дина улеглась на кровать и укрылась своим пальто. Несмотря на жесткость, рваная сетка кровати была застелена одним только рядом, Дина вскоре уснула. Дали себя знать усталость, волнения. Среди ночи она проснулась. В доме было темно, слышалось посапывание спящих в соседней комнате Файвла и Симы. Сетка надавила бока. Дина постелила пальто и улеглась поверх него. Спать уже не хотелось, — Федя, «достойный комсомолец». Мы с Катей за него радовались. Может и Катя такая же «комсомолка»? Нет, не может быть. Петро борется с фашистами, а «достойный комсомолец» помогает немцам. Хорошо, что Федя о нем не знает. Я больше всего этого боялась, — перебирала в памяти события последних дней Дина. О себе она не думала. Все время, что она жила в доме Василины, ее не покидало беспокойство за нее, за Василину, которая рисковала своей жизнью. Теперь она была спокойна, как будто сбросила давившую на нее тяжесть. Василине ничего не грозит. Федор ее не выдаст, все-таки родная тетка. О Петре он ничего не знает. В листовках писалось, что под Москвой немцев разгромили и под Сталинградом они несут большие потери. Народ узнает правду, ширится партизанское движение. «Федоры» ничего не добьются, придет время и за их зверства с них спросят. Мысли накатывались волной, терялась нить и то ли ей снилось, то ли виделось наяву, что она очутилась на каком-то поле. Она осматривается, никого не видать и поле какое-то странное, безжизненное. Ни травы, ни деревца, не видать солнечного света, серая неподвижная мгла стелется по полю. В тишине Дина явственно слышит звуки, похожие на далекое цоканье копыт по мостовой. От увиденного зрелища ее охватывает страх. К ней ползут какие-то твари, похожие на ящериц, их много. Передние лапы у них длиннее задних, тело шарообразное, голова небольшая, глаз не видно, широкий рот наполнен зубами. Они беспрестанно открывают и закрывают рот, как будто зевают или собираются загрызть того, кто им попадется. Твари все ближе и ближе. Дина ищет куда убежать. Недалеко виден пригорок и она взбирается на него. Но и твари, их тьма, разворачиваются и ползут в ее сторону. Тут она замечает вдаль, в серой мгле, контур танка, да, настоящего танка. Такой она видела в кино. Танк медленно приближается. Она видит на танке человека, который машет ей рукой. Он хочет ее спасти, но как медленно танк движется! А твари все ближе. Она уже различает человека на танке. Он в комбинезоне, на голове шлем. — Быстрее, быстрее, — зовет Дина и тоже машет рукой.

— Я же говорила, что он а шейнер бухер¹ — слышит Дина голос бабушки.

Она оборачивается на голос и видит бабушку, а рядом с ней стоят ее родители. — О ком она говорит? О Фиме? Это он на танке? Конечно, он, — думает Дина, забывает о ползущих тварях и бежит навстречу танку. — Фима, Фима, это я, Дина, — кричит она. Отец, Шимон, бежит рядом и торопит ее, подталкивает и кричит, — торопись, Дина, торопись, — и она изо всех сил бежит. А бабушка и мама смотрят ей вслед.

Сима тормозит Дину, будит ее, — проснись, тебе что-то страшное приснилось, ты так кричала во сне, — Дина села на кровати. Голова трещит, как будто стиснута обручем, — это еще сон, или явь? — думает она, закрывает глаза в надежде на продолжение сна. В заиндевшее окно пробивается утренний зимний свет.

— Нам только сны оставили, — растапливая печку, говорит Сима, — еще рано, можно еще поспать. — Когда будут отправлять в Печору? — интересуется Дина.

— Не знаю, у них это всегда решается в одну минуту, — отвечает Сима, — у них, — думает Дина, — это, наверное, у начальства, у Федора, — говорить больше не было сил и не хотелось. Дина задремала и снова появились твари. Они еще шире разевают свои пасти и стучат зубами. Но Дина их уже не страшится. Она ждет Ефима. Она знает, что он придет и спасет ее, прогонит этих противных тварей.

— Вставай, пора, покушай, — Сима разбудила Дину. Файвл сидел у окна и смотрел на улицу.

— Файвл, мне пора в столовую, — одеваясь, говорит Сима.

— Зайдешь к Моте, узнаешь, что с заказом, привезли уже обувь? — попросил Файвл. Уже два дня не хожу на работу, ожидается большой заказ на ремонт солдатской обуви, — это Файвл уже обращается к Дине, — то хотели послать на заготовку дров, то отменяли в ожидании заказа. Теперь придется сутками работать.

Поздно вечером в дом ввалился полицей из гетто.

— Завтра утром к восьми часам быть возле школы, — обратился он к Дине.

Она спокойно выслушала это сообщение, она была к нему готова.

— Файвл, смотри без фокусов. С тебя спрос будет, — с угрозой обратился к нему полицей.

— Значит, завтра вас отправят в Печору, — сказал Файвл после ухода полицей, — смотри, чтобы у тебя все было подготовлено к выходу. От этих вырождаков все можно ожидать. Симе скажу, чтобы приготовила тебе еду на дорогу.

— Ну и сволочи наши полицей, — переступив порог

¹ А шейнер бухер — в смысле хороший парень (идиш.)

и раздеваясь, начала Сима. Понимаешь, Файвл, эти шкуродеры избили до полусмерти двух Вапнярских мальчишек за то, что будто бы они хотели скрыться от отправки в Печору. Тебя тоже, Дина, известили? Дина кивнула головой, мол, да. — Ты у Моти была, заказ привезли?

— Горели бы они синим пламенем, убийцы проклятые, со своим заказом. Пока он не поступил. Ожидают, что ночью он придет, — ответила Сима шепотом.

Рано утром они вместе вышли из дома. Небольшой морозец бодрил, под ногами поскрипывал снег. Сима отправилась в столовую. Файвл привел Дину к школе и передал ее полицаяу. Пожилые люди, женщины с детьми понемногу заполняли площадь перед школой. Полицаи бегали по домам, торопили людей, назначенных в этап. Собралось человек шестьдесят. Группа состояла из остатков жителей Могилев-Подольска, Вапнярки. Здесь также были люди, которые попали в руки полиции при облаве, или их выдали местные жители. Среди них были те, которым удалось убежать из немецкой зоны влияния и те, которых прятали сельские жители.

Помощник председателя общины вместе со старшим полицаем префектуры проверяли по списку, все ли обитатели гетто, подлежащие отправке в Печору, явились. Брезжил рассвет, морозная пелена окутала людей. Было холодно, люди переминались с ноги на ногу. Полицаи гетто наблюдали за порядком, ругались, пускали в ход палки. В стороне стояли полицаи местной префектуры, безучастно разглядывая толпу, дожидаясь выхода из гетто. Это были молодые здоровые парни, одетые в овчинные полушубки, обутые в валенки, их головы от холода защищали меховые шапки ушанки.

— Все на месте, — после переклички заключил помощник председателя общины и передал список людей отправляемых в Печору старшему полицаяу префектуры.

— Слушать всем, повторять не буду, — обратился тот к толпе, — в дороге не отставать, из колонны не выходить. Любое нарушение будет наказываться.

Разношерстную толпу мужчин и женщин разных возрастов, от пожилых до подростков и детей, окружили полицаи префектуры, вооруженные винтовками и дубинками и повели их к воротам, на выход из гетто.

VI

До Печоры добирались два дня. Одну ночь люди провели в бывшем коровнике одного села на пути к Печоре. Полицаи в пути жестоко избивали отстающих, не жалея ни пожилых людей, ни женщин. На дороге остались лежать избитые до полусмерти

старики, муж и жена, у которых не было сил идти дальше. На этапе Дина оказалась рядом с девушкой ее лет. Девушка шла держа под руку женщину. Дина познакомилась с девушкой, ее звали Люба.

— Ты на каких работах была? Я тебя ни разу не встречала, — поинтересовалась Люба.

— Я всего два дня, как прибыла в Тульчин, — ответила она. Дина не стала вдаваться в подробности.

— Где же ты была эти дни? В полиции тебя держали? — продолжала интересоваться Люба.

— Нет, всего одну ночь продержали, а потом поселили в доме Симы.

— Я знаю эту старуху. Она в столовой работает.

— Сима добрая и внимательная женщина. И муж у нее славный. Они отнеслись ко мне, как родные. Когда я уходила, они мне еду дали на дорогу. Я им очень благодарна.

— Мне она тоже нравилась. Всегда спокойная. Никогда не накричит, как другие работники столовой, — говорит Люба и обращается к женщине, которую ведет под руку, — мама, держись крепче, можно поскользнуться.

— Вы местные? Я поняла, что вы уже давно находитесь в Тульчине. Почему же вас тоже отправляют в Печору? — спросила Дина.

Люба рассказала, что они из Вапнярки. Когда их пригнали в Тульчин, они, как некоторые другие, дали выкуп, чтобы их здесь оставили. Им в префектуре и общине обещали, что никуда больше их перемещать не будут. Однако, это оказалось обманом. Прошло немного времени и вот от них снова потребовали выкуп за то, чтобы их не отправляли в Печору. У кого еще была возможность, те снова откупились и остались в Тульчине.

— Префектура состоит из одних шантажистов и вымогателей, — говорит Люба, — они обогащаются на бедах евреев. С ними заодно руководители общины. Они тоже стараются урвать свою часть.

Дина слушала рассказ Любы и перед очами возникли бывший комсомолец, а теперь полицей, Федор, председатель общины, староста села, — вот, кто вершит нашу судьбу, — с горечью подумала она.

— Я возьму тебя под руку, так легче нам будет идти, — проговорила Люба, — это моя мама, ее звать Фира, — она повернула голову в сторону рядом идущей женщины средних лет.

— Мама, это Дина, она из Томашполя, — обратилась к ней Люба, — ее на днях пригнали сюда. Втроем, взявшись под руки, они шли, стараясь не отставать. Дорога была нечищенная, местами лежали сугробы. С каждым часом становилось идти все труднее. Остановиться, отдохнуть полицаи не разрешали. В хвосте колонны слышалась ругань и крики. Полицаи подгоняли

отстающих, грязно ругались, пускали в ход кулаки и палки. Уже поздно вечером остановились на краю какого-то села. Людей на ночь разместили в бывшем коровнике. В коровнике стекла окон разбитые, полотна ворот отсутствуют, крыша местами раскрыта. Дина с новыми знакомыми выбрали угол в коровнике, где меньше сквозит и в нем сгрудились. Несмотря на усталость и холод разговоры о лагере в Печоре, начатые при выходе за ворота гетто в Тульчине, продолжались и в коровнике. Что это за лагерь, что их там ожидает? Кое-что слышали о нем, но достоверных данных не было, слышались разные предположения. Но все согласились, что ничего хорошего ожидать не приходится. Люба с мамой и Дина, сидя на холодном земляном полу, прижимались друг к другу, чтобы согреться.

— Мне неудобно было Симу расспрашивать, почему, если, как она уверяет, ей около сорока лет, она выглядит старухой: с седыми волосами и без зубов. Что с ней такое могло случиться? — обратилась Дина к своей новой знакомой из Вапнярки, чтобы скоротать время, отвлечься.

— Нет, не знаю. Разве она не старуха?

— Никакая она не старуха, — вмешалась Любина мама, — однажды во время добычи торфа меня чуть не затянула трясина. Я тебе, Люба, не стала об этом рассказывать, не хотела волновать. Женщина, которая помогала мне очиститься, отмыться от грязи, говорит

— Тебе, Фира, повезло, что рядом были люди, не то могла бы, как Сима оказаться под землей.

— Какая Сима, я ее знаю? — спрашиваю я.

— Та, которая в столовой работает, — отвечает она.

— Она тоже тонула? — спрашиваю.

— Нет, она не тонула. Ее живую землей засыпали, — говорит женщина, и рассказывает.

— Сима была самой красивой девушкой в небольшом местечке. Стройная, смуглая, как цыганочка. Все парни завидовали сапожнику Файвлу, когда он на ней женился. Во время расстрела евреев в их селе, когда Сима приблизилась к краю ямы, она потеряла сознание и свалилась на тела убитых. Ее вместе с ними и засыпали землей. Каким-то чудом ей удалось выбраться из могилы. После этого смуглая цыганочка превратилась в пожилую поседевшую женщину.

— Что было потом? — спрашивает Люба.

— Что дальше было, не знаю. Мы заметили, что к нам приближается полиция и принялись за работу, добывать торф.

— Возможно, поэтому и зубы выпали у нее? — предположила Дина.

— Не знаю. Может быть. Ух, как холодно. Прижмись поближе ко мне, Люба.

Рано утром полицаи устроили подъем, стали выгонять людей

на улицу и строить в колонну. Женщину, которая не выпускала из рук своего ребенка, умершего ночью, избили. Вырвали у нее из рук ребенка и бросили в угол коровника. После пересчета и переключки колонна измученных людей продолжила свой путь. Во второй половине дня с неба посыпалась сухая снежная пороша. Ветер взметал ее, кружил, слепил глаза. Люди отворачивались, подставляя спину ветру, защищая лицо. Полицаи, как накануне, торопили, ругались, избивали тех, кто отставал, у кого силы были на исходе. Поздно вечером второго дня изгнанные из Тульчина, измученные, промокшие, обессиленные люди прошли через ворота на территорию лагеря в Печоре. Начался прием прибывшего этапа, переключка, счет. Люди уже еле держались на ногах. Долго решали, куда их разместить. Наконец, староста лагеря согласовал вопрос и их разместили в кирпичном здании, в комнате на втором этаже. При входе в дом их окутал затхлый смрад. Чем выше они поднимались, тем сильнее он чувствовался. Из-за малой площади выделенной комнаты, куда их втиснули, людям пришлось спать сидя на полу. И началась для них беспросветная, полная невзгод, лагерная жизнь в Печоре.

Утром их выгнали на расчистку дороги от снега. Полицаи не давали разогнуться. Особенно от дубинок терпели пожилые люди. Вечером им выдали по половине мисочки супа, в котором плавали несколько листиков капусты и несколько кусочков свеклы и по кусочку черного липкого хлеба. Дина тут же выпила суп и съела хлеб. Позже она научилась полученную небольшую пайку хлеба делить на несколько маленьких кусочков, чтобы на дольше хватило. Спустя несколько дней после прибытия в лагерь трудоспособных мужчин и подростков из их комнаты погрузили на машины и увезли. Говорили, что будто бы к немцам на работы. Это дало возможность оставшимся обитателям комнаты после проведенных мучительных ночей, когда из-за тесноты приходилось после изнурительной дневной работы спать в сидячем положении, ночью прилечь на полу, расправить ноющие кости. Людей каждый день выгоняли во двор убирать территорию лагеря, выполнять нужные и ненужные работы. По двору ходили люди более похожие на тени. От голода, болезней они потеряли всякий человеческий облик. Особо тяжелых больных размещали в бывшей конюшне, укладывая их на голый земляной пол. Оттуда редко кто возвращался. Каждые два дня собирали умерших. Их сбрасывали в отрытую траншею и присыпали тонким слоем земли. Дину вместе с другими женщинами несколько раз отправляли на противоположный высокий берег реки к немцам. Зимой они расчищали дорожки от снега, стирали белье, работали на кухне. Осенью их заставляли кроме стирки и работы на кухне, чистить обувь, одежду. По-разному относились к женщинам дежурившие там немцы. Одни проявляли к ним какое-то сочувствие, старались незаметно дать женщинам кусок хлеба, иногда даже кусочек

сахара. Другие, наоборот, издевались над ними. Особенно, зверствовал немец непонятного возраста, сухощавый, с постным, болезненным, мятым лицом. Если бы ему заменили военную форму обносками, которую носили обитатели лагеря, он бы даже очень походил на них. Возможно, он это понимал, что особенно оскорбляло его арийское превосходство. Его излюбленным видом наказания было стегать ремнем женщин по ногам за малейшую провинность.

С каждым днем от голода и болезней, особенно дизентерии, обитатели лагеря все больше теряли силы, умирали. Не дожили до освобождения знакомые из Вапнярки, с которыми Дина подружилась по дороге из Тульчина до Печоры. В середине лета умерла мать Любы. Когда утром у нее не было сил подняться с пола, ее отнесли в конюшню, откуда она уже не вернулась. Сама Люба умерла уже незадолго до освобождения. Это случилось после зверского избиения ее полицаем во время уборки снега на территории лагеря. Постоянное чувство голода мучило людей. Не меньше, чем от голода, обитатели лагеря страдали от отсутствия самых простых санитарных условий. Местом, где можно было очиститься от паразитов, помыться, постираться, была река, из которой они и утоляли жажду. Приближаться к реке не разрешали. За этим зорко следили полицаи лагеря. Пробирались туда тайком, чтобы не быть избитым, покалеченным. За пределы лагеря не выпускали. Любая попытка выйти жестоко наказывалась. Редко кому удавалось бежать из лагеря. Пойманных беглецов забивали до смерти. Некоторые лагерники кончали жизнь самоубийством, другие теряли разум и потихоньку умирали. По территории лагеря бродили, сидели, валялись тени, потерявшие всякий человеческий облик. Несмотря на эти невыносимые условия, люди до конца себя не теряли, проявляли заботу о детях. По неписаному закону каждый от своей скудной пайки хлеба хоть крошку, хоть две отдавали старику Мейлеху, который отдавал их детям, — иначе нельзя, мы люди — говорил каждому Мейлех.

Слухи о приближении Красной армии шепотом разносились по лагерю и звали не сдаваться, терпеть, ожидать освобождения, а значит и спасения жизни. С приближением зимы начали проявляться небольшие послабления в лагере. Шептались, что немцы терпят поражение. Но особых изменений жизни в лагере не было. Смертность не уменьшалась. Выживших в лагере детей румыны увезли, как говорили, в детдом. Говорили, что лагерь собираются ликвидировать. Полицаи лагеря по-прежнему занимались грабежом обездоленных людей. Они доставляли им еду, или разрешали выход за территорию лагеря собирать подаяние за непомерную плату в виде драгоценностей или ценных вещей.

Ко времени освобождения Печоры от фашистов состояние здоровья Дины, как и большинства освобожденных узников лагеря, было тяжелейшим. Выжить после лагеря, восстановить здоровье, Дине помогла еврейская община Тульчина. Сима и ее муж Файвл, как родную, приняли Дину к себе в дом и ухаживали за ней.

— Будем, надеется, что молодой организм, хорошее питание и правильный уход помогут поставить ее на ноги, — резюмировал врач после осмотра Дины.

— В постели у Дины под подушкой я нашла куски хлеба, — шепотом говорит Сима Файвлу, — наголодалась бедная. В чем только душа держится? Одна кожа и кости.

— Ничего ей не говори, не смущай ее, это от боязни голода, — ответил Файвл, — со временем пройдет.

— Ты уже, слава Богу, идешь на поправку, Дина, раз перестала прятать куски хлеба, — пытаюсь улыбнуться, сказала Сима.

— Знаете, Сима,— смущаясь, говорит Дина, — я еще и сейчас, к моему стыду, нахожу куски хлеба под подушкой. Даже не могу вспомнить, когда я их туда сунула. В Печоре я поняла, что человек в самых трудных условиях старается выжить. Может, это самое основное, что присуще ему. Помню, что в первые дни в лагере я еще вспоминала о родных, знакомых. Но скоро я почувствовала, что кроме, как об утолении голода, ни о чем другом думать я не в силах. Даже сны были голодные. Мне каждый раз снился один и тот же сон: я стою в очереди вместе с другими узниками лагеря за похлебкой. Очередь продвигается медленно, очень медленно. С каждой минутой все труднее держаться на ногах, но надежда добраться до раздачи прибавляет сил. Еще немного, уже совсем близко. Я протягиваю свою миску, и слышу: «Геть звидси», кричит полицай, и я просыпаюсь со слезами обиды на глазах. При этом голод еще больше начинает донимать.

— Доченька, благодари Бога, что выжила. Чувство голода мне хорошо известно, и я немало слышала от других, — заметила Сима, — что от него люди теряют человеческий облик. Да что я тебе рассказываю. Ты сама все видела.

— Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас за вашу доброту и заботу? — еле сдерживая слезы, проговорила Дина.

— О чем ты говоришь? Разве не святая наша обязанность помогать друг другу? — ответила Сима.

Доброжелательное отношение Симы и Файвла и наступившие теплые весенние дни благотворно сказались на состоянии здоровья Дины. В один из теплых дней Дина сидела на улице, вдыхая свежий весенний воздух, прикрыв глаза, подставив лицо солнечным лучам.

— Вы знаете, Фаня, что нашего председателя арестовали? Говорят, что его будут судить, — донеслось до Дины.

Она открыла глаза. Мимо проходили две женщины.

— Он этого заслужил, пусть ответит за свои проделки, — ответила вторая женщина.

Перед взором Дины возник председатель общины, который проявил к ней полное безразличие, Федор со своими бандитами.

— Файвл, Вы не знаете, куда подевались полицаи и их начальник Федор? — обратилась к нему Дина, — их поймали, или им удалось сбежать?

— Многим бандитам удалось сбежать с немцами. Возможно, что и Федору. Но надеюсь, что ни один злодей не уйдет от возмездия. Им не удастся скрыться, их найдут и осудят, — ответил Файвл.

Нездолго перед отъездом из Тульчина Дина, вспоминая о Печоре, рассказывала Симе о судьбе ее знакомых из Вапнярки, которые там погибли.

— Сима, — смущаясь, говорит Дина, — я знаю, что вы были заживо погребены. Мне об этом рассказала мать Любы. Может, поэтому вы остались без зубов?

— Возможно, я не знаю. Но золотые мосты, которые украшали мой рот, я отдала на откуп, чтобы меня и Файвла оставили в Тульчине. Но что значат зубы, Дина? Нужно благодарить Бога, что мы выжили в этом кошмаре. Со временем новые зубы вставлю, волосы покрашу и снова я буду молодой, — горько улыбаясь беззубым ртом, проговорила Сима, — чего жалеть? Скорее бы пришла гибель на фашистов и чтобы сын мой вернулся живым и здоровым с войны. Вот о чем я сейчас прошу Бога.

Больше двух месяцев Дина пробыла в гостеприимном доме Файвл и Симы. Когда ее состояние здоровья улучшилось, Дина собралась в Томашполь. Файвл проводил ее, помог ей с попутным транспортом.

VIII

Тетя Молка, выжившая в гетто, состарилась и коротала свой век в одиночестве. Дядя Хаим погиб во время расстрела фашистами жителей местечка, их дом был разграблен. Вещи, которые тете удалось унести с собой в гетто, она выменяла на продукты. И теперь она жила за счет скудного заработка от продажи подсолнечных семечек.

— Боже, откуда только у человека находится столько сил, чтобы пережить невыносимые муки и страдания, — сказала старая Молка, узнав о гибели родных, — плакать бы нужно, рвать на себе волосы. Но сердце мое окаменело, не осталось слез. Слава Богу, Дина, что ты выжила.

Дина понимает чувства этой старой одинокой женщины, от жалости к ней сжимается сердце. Она рассказывает тете, как после расстрела родных, вся ее надежда была на них, на тетю и дядю Хаима.

— Я была уверена, что вам удалось убежать от немца. Я каждый день ждала вашего возвращения. Горе то какое. Ты очень плохо выглядишь, Дина, — говорит Молка, — тебе нужно поправиться.

— Теперь, тетя, будем жить вместе, — говорит Дина, — вместе нам будет легче. Как только получу паспорт и решение о выселении гоя из нашего дома, мы туда переберемся.

— Знаешь, куда твой «квартирант» перебирается? — зайдя с улицы, говорит Молка, — он покупает дом Баси Вассерман. Она уезжает к сыну в Жмеринку.

— Я тебе тетя не стала рассказывать. После того, как я написала заявление о выселении Кузьменко, я зашла предупредить его, хотела посмотреть состояние дома.

— Жиды проклятые, добрым людям покоя не дают, мало вас побивали, — с ненавистью и злостью шипел он, как будто у него собираются отнять его кровное, его собственность.

Еще не совсем окрепшая, Дина от слов Кузьменко на миг потеряла сознание и, наверное, свалилась бы на пол, если бы не прислонилась к стене. Она ясно услышала голос старосты и увидела, ползущих к ней отвратительных тварей, цокающих зубами. Придя в себя, она, с трудом ступая, покинула дом.

— Такие, как он, грабители и антисемиты, радовались, когда расстреляли евреев местечка, моего Хаима. Не меньше они радовались и насмехались, когда оставшихся в живых евреев власти использовали на тяжелых работах при строительстве дорог, в каменоломне, на расчистке дорог от снега, колке дров, переноске угля. Сколько я перетащила камня, угля под руганью и понуканием полицаев, — с болью выговаривает Молка.

Дина, оберегая старую от переживаний, пыталась ее отвлечь, но безуспешно.

— А что они творили, когда нас выгнали в гетто, — с горечью продолжила Молка, — это было в начале зимы, уже начались заморозки. На переселение дали сутки. Я успела взять с собой, что было под силу и отнести в гетто. Пока я нашла, куда поселиться, наступил вечер. Когда я вернулась домой за другими вещами, там уже все успели разграбить. Все дома, которые остались вне гетто были разграблены местными гоями, и стали ими заселяться. Гетто было огорожено колючей проволокой. Жили мы в страшной тесноте, по 10—12 человек в комнате. Как и раньше, нас гоняли на тяжелые работы. За территорию гетто мы выходили только тогда, когда нас гнали на работу. Люди страдали от голода и холода, были истощены, началась эпидемия тифа, дизентерии. Люди умирали на улице, по дороге на работу. Каждый день появлялись новые братские могилы. По дороге на работу нам иногда удавалось обменять уцелевшие вещи на продовольствие, но и тут отдельные гоим старались нас обмануть, а полицаи хорошие вещи забирали. Правда, были отдельные украинцы, которые, опасаясь полицаев,

по мере возможности, помогали нам, передавали еду через колючую проволоку. Но их было немного. Молка, взволнованная воспоминаниями о невыносимой жизни в гетто и уставшая от разговора, опустилась на стул. Дина принесла чашку воды и дала ей попить.

После получения паспорта Дина добилась возвращения своего дома. Она уже не обращала внимания на злобное рычание Кузьменко. Главное, что секрет¹ в доме уцелел, не заметил его любитель чужого. Содержание секрета обеспечило Дине и ее тете средства на жизнь. Сохранившиеся вещи обменивались на продукты, топливо.

Сводки Совинформбюро с каждым днем становились все более оптимистичными. Появилась надежда на скорое окончание войны. Немного обустроив свой быт, Дина собрала гостинец: буханку хлеба, килограмм сахара, полкило кильки, и отправилась в село, к Василине. Она шла проселочной дорогой. По сторонам лежали необработанные поля, поросшие бурьяном. Она вспоминала колоссящиеся стеной хлеба на полях, плантации сахарной свеклы, которые она видела три года тому назад. В селе, как и тогда, улицы пустынные. Василина с решето в руках что-то просеивала и не слышала, как открылась калитка.

— Добрый день, тетя Василина, — дрожащим от волнения голосом произнесла Дина.

От неожиданности Василина вздрогнула, посмотрела в сторону Дины.

— Дина, доченька, — решето выпало из рук, Василина обняла Дину, прижалась к ней, и как ребенок ищущий утешения, расплакалась.

— Жива, доченька, — всхлипывая, как будто не веря своим глазам, говорила Василина, — жива. Как я рада тебя видеть. А я все корила себя, что не уберегла от подлеца Федьки.

Дина проводила рукой по голове и лицу Василины, целовала морщинистое лицо, такое родное и близкое, вытирала слезы с глаз и складок морщин.

— А я все беспокоилась за вас. Я боялась, что Федя вас выдаст. И за Петра беспокоилась. Я слышала, как Федор требовал от старосты найти тех, кто распространяет листовки, — говорила Дина.

— Нет моего сыночка Петеньки, убили его немцы, одна я осталась на белом свете, — не переставая всхлипывать, проговорила Василина. Две одинокие души, они искали друг в друге опоры. Они стояли обнявшись, прижавшись друг к другу, не замечая времени.

— Что же мы тут стоим, идем в хату, — спохватилась Василина, — идем, доченька, покушаешь, отдохнешь с дороги.

За обедом, и до поздней ночи они пересказывали друг другу

1 Секрет — тайное укрытие в доме.

события прошедшего года. Особенно больно в сердце Дины отозвалась смерть Петра. Незадолго до освобождения, в начале года, провокатор выдал членов подпольной организации. Их арестовали и передали в руки гестапо в Виннице. После жестоких пыток их расстреляли.

— Вскоре после прихода наших я получила письмо от Гали. Она писала, что работает в госпитале в Казани. Спрашивала о Петре. Я ей отписала все, как было, — рассказывала Василина, — просила ее приехать.

— Вы продолжаете переписываться? — спросила Дина.

— Сейчас нет. Я тогда получила еще одно письмо. Она прислала мне фотокарточку, — Василина встала, достала из-за иконы завернутую в газету фотографию, — вот смотри, Дина, это моя невестка и мой внук.

Дина осторожно развернула газету. С черно-белой фотографии на нее смотрела молодая, симпатичная женщина с широко открытыми красивыми глазами на чуть вытянутом, скуластом лице. Рядом с ней сидел мальчик, в чертах лица которого улавливалось сходство с Петром.

— Галя очень красивая и мальчик славный, похожий на Петра, — проговорила Дина.

— Да, у Митеньки глаза и ушки Петра, — сказала Василина, — и еще подбородок. Галя обещалась после войны приехать с внуком в гости.

— Доброе у нее сердце, — заметила Дина.

— Я, Дина, вот что подумала. Галя молодая, красивая, ей нужно выходить замуж. Когда придет, я попрошу ее Митеньку оставить у меня. Я бы его вырастила. Как ты думаешь, она согласится?

— Приедет Галя и вы с ней, тетя Василина, и решите, — ответила Дина. Дина понимала чувства Василины, ее желание иметь рядом с собой внука, родную кровинку, напоминающую о Петре. Она замолчала. Призадумавшись, молча сидела и Василина.

— Уже за полночь, засиделись мы с тобой, доченька, пора укладываться, — тяжело вздохнув, сказала она.

Дина долго не могла уснуть. Она была взволнована судьбой Петра, его жены Гали с ребенком, который остался сиротой. И еще желанием Василины, одинокой пожилой женщины, иметь рядом с собой внука, родную душу. Только под утро, обессиленная от раздумий и переживаний, она уснула тяжелым сном. Когда Дина проснулась, на столе уже был для нее приготовлен завтрак. Василина занималась по хозяйству. Дина хотела ей помочь.

— Спасибо, я уже убралась. Вот схожу еще полить рассаду. А ты садись, Дина, покушай хорошенько перед дорогой.

— Тетя Василина, я думаю, что не нужно Вам здесь оставаться одной. Переезжайте ко мне. Будете жить со мной, — собираясь

в дорогу, обнимая и целуя ее, предложила Дина.

— Спасибо, доченька. Никуда я отсюда не уеду, здесь буду коротать свой век. Не знаю я, где могилки мужа и Петра. На кладбище возле могилы моей матери я установила крест. Я прихожу туда на встречу с душами мужа и Петеньки. Они знают, что я их жду. Побуду с ними и легче становится. Да и как я могу уехать отсюда? Приедут Галя с Митенькой и не застанут меня на месте. Нет, нет. Ты, доченька, не беспокойся, иди с Богом. Будь здорова, счастья тебе, не забывай меня. Не нужно плакать, милая. Даст Бог, все хорошо будет, — говорила Василина, провожая Дину до калитки.

Василина, стоя у калитки, смотрела вслед Дине, пока та не скрылась за поворотом. Дина шла, не различая дороги. Глаза застилали слезы. Она не понимала, что с ней творится. Откуда эти слезы? Она не помнит, когда последний раз плакала. Ей казалось, что это было в другой жизни, давно минувшей, которую она уже не помнит. Может, ей жаль стало одинокую Василину, Петра погибшего в застенках гестапо? Или вспомнились тревожные дни, проведенные в доме Василины, отношения с Петром, которого она обожала. Может, растревожили воспоминания об испытанных ею мучениях в Печоре, о которых она поведала Василине и которые ей самой казались нелепыми, дикими. Разве могут одни люди так относиться к другим людям? Может это не люди, а те самые злые твари, которые ей приснились. Она их явственно видит, слышит скрежет их зубов. Вспомнились родные, Ефим. Где он, жив ли? Никаких вестей, никто не знает.

Из задумчивости Дину вывел возница, подросток лет пятнадцати, который остановил лошадей, когда телега поравнялась с Диной.

— Тетя, садитесь, подвезу.

Дина забралась на телегу, возница гикнул и телега бесшумно покатила. Сидя рядом с возницей, она вспомнила парнишку, который пытался избежать отправки его к немцам на работу. Тот, кажется, был старше.

— Тебя как звать? — обратилась Дина к пареньку.

— Антон.

— Ты не учишься, бросил школу?

— Нет, не бросил, я в шестом классе учусь. Мамка приболела, и мне пришлось поехать.

— Может, нужно было остаться еще на день, повидать подруг? — укоряет себя Дина, — в другой раз непременно их навещу.

— Вы, тетя, учительница? — поинтересовался Антон.

— Нет, почему ты так подумал?

— К нам прислали из города учительницу по географии. Она на вас, тетя, похожая, — ответил Антон.

— Если бы не война, я бы уже кончала институт, и была бы

учительницей — размышляет Дина, слушая Антона.

— Вам, в какую сторону? Я еду в ремонтную мастерскую, — въезжая в местечко, проговорил Антон.

— Я здесь сойду. Спасибо тебе Антон, что подвез. Ты славный мальчик. Учись хорошо, — Дина попрощалась, и направилась домой.

Общение с Антоном напомнило Дине о мечте ее с Ефимом стать педагогами. Они договорились вместе готовиться к экзаменам, поступать в один и тот же институт, она на факультет инъяза, он на физико-математический факультет.

— Ты понимаешь, Дина, как это будет замечательно. Все время будем вместе, рядом. Можно будет вместе в театр пойти, в кино, в библиотеку, — мечтательно, заглядывая в будущее, говорил Фима. Это было под утро, он провожал ее домой после выпускного бала. Радость общей мечты, перемешанная с ожидаемым прекрасным будущим, волновала, переполняла их души, — проклятая война, что натворила. Как пронесшийся ураган, всех разметала. Где теперь Ефим? О родителях его тоже ничего неизвестно, — думала Дина. Уже на подходе к дому она вспомнила, что собиралась поговорить с тетей и все откладывала со дня на день. Ее заботит, как ей с тетей выживать дальше, — заработок тети небольшой, вещей для обмена осталось немного. здоровье мое поправилось. Иначе нам трудно придется.

— Я ждала тебя только к вечеру, — встретила Молка Дину.

— Мне, тетя, повезло. Встретился славный паренек, и я с ним приехала на подводе. А это гостинец от Василины, — укладывая узелок на стол, проговорила Дина и в нескольких словах рассказала о встрече с ней.

— Такая добрая душа, и как ей бедной тяжело приходится в этой жизни. Осталась одна на старости лет, — тяжело вздохнула Молка.

— Тетя, я думаю, что мне пора найти работу. Вещей для обмена осталось мало. На одних семечках, понятно, мы не проживем, — проговорила Дина. И добавила, — что касается здоровья, так я уже достаточно окрепла.

— Сначала умойся с дороги, покушай, потом поговорим. Разве Шимон и Рахиль допустили бы, чтобы дочка не училась? Пусть семечки, пусть небольшой заработок. Но Дина должна учиться — размышляет Молка, выставляя на стол еду.

— Тебе учиться нужно, Дина. Даст Бог, с голода не умрем, — говорит она.

— Ты права, тетя, нужно учиться. Вот закончится война и тогда займусь учебой, а пока устраюсь на работу.

— Ты сама решай, я тебе не указ, — с обидой в голосе ответила Молка.

После недолгих поисков работы, так как выбор в местечке был небольшой, Дина поступила ученицей в швейный цех.

Вскоре ее пригласили в отдел кадров, и предложили должность учетчицы, а затем перевели ее на работу в бухгалтерию. Работа ей нравилась, она легко усваивала премудрости бухгалтерского учета. В коллективе ею были довольны. Как-то придя на работу, в коридоре она столкнулась с горько плачущей швеей, которая пробежала мимо. «Какие-то неприятности по работе, наверное» — решила Дина.

— Вы не знаете, Клава, что случилось у Брони, почему она плачет? — обратилась Дина к сотруднице, молодой женщине лет тридцати.

— Горе наше. Она узнала, что ее родственники, которые жили под Одессой, были расстреляны фашистами. Никто из их семьи не выжил.

— Фашисты проклятые. Сколько страданий и мучений нам принесли, — тяжело вздохнув, говорит Дина, — моего дядю Хаима тоже фашисты расстреляли. Здесь, в Томашполе. Тетя Молка говорит, что это гоим науськивали немцев убивать евреев.

— Я прекрасно помню этот горестный день, — говорит Клава, — как же спаслась тетя Молка, или ее не было в местечке?

— Тетя рассказывала, что когда в дом пришли солдаты, она в это время в сенях чем-то занималась. Услышав какой-то непонятный шум, зная о недомогании дяди, тетя поспешила в дом. Но дядю она уже не застала. Возможно, он вышел на улицу, подумала она, и выглянула в окно. От увиденного ее охватил такой страх, что она даже не могла сдвинуться с места. Дядю Хаима вместе с другими людьми солдаты куда-то уводили, подгоняя их прикладами винтовок. Больше она его не видела, его вместе с другими убили немцы.

— Да, у каждой семьи в тот день были свое чудо спасения, и своя горесть смерти. Мне на всю жизнь запомнился тот день, — говорит Клава.

Она рассказывает, что после захвата Томашполя, немцы, не задерживаясь, двинулись дальше на восток. Наступило безвластие. Люди беспокоились, не знали, что их ожидает. Улицы обезлюдели. Жители выходили из дома только по самым неотложным делам.

В день расстрела жителей местечка погода, несмотря на конец лета, в отличие от настроения людей была чудесная. В палисадниках цветы источали аромат, из садов доносился дурманный запах спелых плодов. Высоко в небе светило солнце. Природа радовалась жизни и звала к жизни.

— Взяв с собой сыночка, я отправилась навестить родных. Уже несколько дней, я их не навещала, — говорит Клава. — Родители обрадовались нашему приходу, мама стала готовить угощение для внука. В это время в дом вбежала Женя, это моя младшая сестра. — По улице бежит пожилая украинка и кричит во весь голос: «Люди добрые, тикайте, куда ваши очи бачут, бо вас хотят нимци вбиваты!» — волнуясь, говорит Женя. От этой

вести мы растерялись, не знали что делать.

— Какие немцы, откуда они взялись? Может, это какая-то мишигене¹, — говорит мама, — но кто знает?» На всякий случай, мама настояла, чтобы мы спустились в подполье. Отец нас высмеял, остался в доме: «Если даже немцы. Ну и что? Слыханное ли такое, чтобы культурные люди убивали мирное население. Это вам не петлюровцы или погромщики» — говорил он. На горе наше, слова старухи оказались правдой. Но даже тем жителям местечка, которые поверили ее словам бежать из местечка, к сожалению, уже не было возможности. Кругом были немецкие солдаты. Они окружили местечко и стали выводить из домов пожилых домочадцев, женщин и малолетних детей. Не миновали они и наш дом, и увели отца. Рассказывают, что к выходу из местечка собралось до двухсот человек. Их привели на еврейское кладбище, где царило безмолвие и покой. И тут, на святом для евреев месте, фашисты из автоматов и винтовок начали их расстреливать, слабых и больных убивали лопатами. Убитые, а некоторые заживо, были засыпаны землей.

— Фашисты проклятые, убийцы. Их злодейства не забудутся, они будут прокляты всем миром навсегда. Но при чем же здесь местные гойим, о которых говорила тетя Молка? — спрашивает Дина, — разве они принимали участие в расстреле жителей местечка?

— Потом поговорим, — ответила Клава, заметив приход рабочего, которому она обещала подготовить справку по заработной плате.

— Ты спрашивала причем здесь местные гойим, какое их участие в расстреле жителей местечка? — дня через два вернулась Клава к прерванному разговору, — нам об этом стало известно позже. Рассказывают, что в тот злосчастный день в Томашполь прибыл карательный отряд, возглавляемый эсэсовским офицером. Ранним утром был собран сход представителей украинского населения с тем, чтобы решить вопрос о евреях. Среди выступавших на сходе были известные в Томашполе люди, которые заявили, что «евреев надо уничтожать, как гнилое мясо, поскольку они всегда жили за счет украинцев». Большинство интеллигенции и безликая толпа, которые принимали участие в обсуждаемом вопросе, единодушно поддержали этих антисемитов, и сход вынес смертный приговор жителям местечка. Тем самым людям, с которыми они долгие годы жили по соседству, с которыми они дружили, вместе учились, вместе трудились. Единственный голос, прозвучавший против такого решения, был голос православного батюшки, но озверевшая толпа ничего слушать не хотела. Только у одной старухи, которая присутствовала на сходе, хватило силы, и не думая о риске, она побежала в местечко предупредить жителей о грозящей им опасности. Она с болью и тревогой

1 Мишигене — ненормальная, сумасшедшая (идиш.)

приняла близко к сердцу происходящий на площади шабаш. Ее поразила и напугала проявленная чудовищная ненависть к евреям, звучащая из уст антисемитов, и ожидаемое злодеяние.

— Слава Богу, не все антисемиты. Немало есть таких людей, как старуха. Только не у многих хватает сил и смелости, как у ней. Мне, Клава, в жизни повезло. Встречались мне такие славные люди. Благодаря им я смогла выжить. Я никогда не забуду этих людей.

Дина с Клавой засиделись за разговорами. Уборщица им напомнила, что пора домой. По дороге домой, взволнованная воспоминаниями о трагической судьбе своего отца, Клава никак не могла успокоиться, и продолжала разговор, пока не они расстались.

— Воспоминания о дне расстрела, о жизни в гетто не дают покоя. После нашего разговора я долго не могла уснуть, — на следующий день при встрече с Диной говорила Клава, — я вспомнила слова нашего родственника из Киева об участии местных антисемитов в уничтожении евреев. Он человек грамотный, преподает историю в институте. «Ваши антисемиты, — сказал он, — не исключение. Немцы везде старались приобщать местное население к злодеяниям, сделать их соучастниками. Понятно, говорил он, что фашистам мнение местного населения о судьбе евреев было абсолютно безразлично, но им нужно было их соучастие в уничтожении евреев. И немцы их обрели среди местных антисемитов, как интеллектуалов, пропитанных духом нацизма, испытывающие животную ненависть к евреям, так и среди маргиналов, унаследовавших с детства в семье враждебность к евреям». Рассказывали, что местные антисемиты радовались расстрелу жителей местечка. Они были рады и гордились, что немцы прислушались к их требованию. Единственное, что их печалило, было то, что «не всех повбывалы». Так, что твоя тетя очень даже права в отношении соучастия гойим в расстреле жителей местечка.

IX

Уже закончилась война, отпраздновали победу. Возвращались домой солдаты, выжившие на войне. О Ефиме никаких известий. В военкомате Дине сказали, что из части, где он служил, сообщили, что он выбыл по ранению.

— Дина, тебе пора подумать о замужестве, — в один из вечеров завела разговор тетя.

— Выходить замуж? — с удивлением спросила Дина, — что за спешка, разве я уже старая дева?

— Ты все ожидаешь Ефима. Уже больше года, как закончилась война, а о нем ничего не известно. И родители его не появляются.

Бог знает, где они и что с ними.

Время от времени, как бы, между прочим, тетя возвращалась к разговору о замужестве. Время было тяжелое, об учебе она уже не вспоминала.

— Я сегодня встретила Натана, ты его должна помнить. До войны он работал в пекарне. Жена его умерла в гетто, остался мальчик семи лет. Натан говорит, что трудно ему одному без хозяйки в доме. Жалко его, хороший он человек.

— Пусть женится, вдов много осталось после войны, — высказалась Дина.

— Вот, и я говорю, молодой, здоровый. Ну и что, что имеется сынок. Может познакомить тебя с ним?

— Спасибо, тетя, за беспокойство. Я как-нибудь сама найду себе жениха, без сватов, — обижено проговорила Дина.

— Как знаешь, ты уже взрослая. А я думала, — посмотрев на выражение лица Дины, тетя оборвала разговор.

Начало весны. В коллективе отмечали женский праздник, 8-ое марта. После торжественной части с докладом устроили небольшое застолье. У Дины было прекрасное настроение, ей объявили благодарность за хорошую работу и выдали денежную премию. Танцы ее не интересовали, и сразу после застолья она отправилась домой. По дороге она решила зайти в чайную купить что-нибудь сладкого к чаю, побаловать тетю в честь праздника и полученной премии. В чайной, как обычно при завозе пива, было полно народа. Одни устроились за столиками, другие пили стоя. Было шумно, люди пили пиво, вели разговоры и курили. Дина заняла очередь. Впереди нее стояли два подвыпивших мужика с пивными кружками в руках, дожидаясь своей очереди.

— Вот, друг Петро, не повезло мне, — заплетающимся языком жалуется один.

— Что случилось? Неприятности на работе или дома? — интересуется Петро.

— Да нет. На работе и дома все в порядке. Тут, понимаешь, другое дело, жидок один меня донимает. Из-за него мне придется другой дом подыскивать. Ну, куда ты лезешь без очереди, — он повысил голос и оттолкнул подвыпившего парня, — становись в очередь, а не то по шее получишь. Ишь ты, бессовестный. Да, придется искать дом.

— Чем же он тебя донимает? — поинтересовался Петро, — и продолжил, — Значит, свой дом ты решил продать, или искать обмен? Не пойму зачем. Мне, Николай, всегда нравился твой дом. Он большой, крепкий, и в хорошем месте стоит. Но, как говорится, дело хозяйское.

— Ге, — махнул Николай рукой, — надеялись, Петро, на одно, а получилось другое. Понимаешь, хозяин дома на мою голову объявился.

— Но раз ты его купил, он не имеет право его требовать

назад.

— Не покупал я его, поселился при немцах, когда он пустовал.

— Вот, тебе новость. Разве это не твой дом? — удивленно спрашивает Петро.

— Когда пришли немцы я свой продал, а сам в этот дом поселился. До войны в нем проживал этот самый жидок, Лейзерко. Может, ты его знаешь, он на почте работал. Хотя, навряд ли. Ты же недавно сюда переехал.

— Не кричи, говори тише. Я все понял, Николай, теперь понял. Дом, конечно, тебе придется вернуть. Это по закону. Но зачем же ты, как будто бы мужик с головой, не дурак, полез в чужой дом? Тем более, что был свой.

— Я, что ли один, многие так делали, — понизив голос, говорит Николай, — откуда я знал, что все вернется назад. Думали, что немец навсегда, что жидов больше не будет. Еще бы одну зиму, и в гетто ни одного бы не осталось. А этот Лейзерко, мать его ..., выжил с семьей. Всю войну где-то в Ташкенте просидел. Торговал, спекулировал, пока другие воевали. Теперь он вернулся с женой и сыном, и дом, видишь ли, им подавай. Прямо злость берет. Мало их, скажу тебе, поубивали. Снова нам православным на шею сядут жида проклятые.

Стоя в очереди, Дина, не смотря на шум в зале, уловила отрывочные слова разговора стоявших впереди нее пьяных мужиков. Из услышанного ею разговора она поняла, что Фима и его родители вернулись. У нее учащено забилося сердце, хотелось бежать к ним. «Куда бежать? — думает она, — кто знает, где они временно поселились, дом их занят. Там пока Николай проживает. Если она правильно поняла, и правда, что Фима приехал, он непременно к ней придет».

— Женщина, заказывайте, не задерживайте очередь, — обратилась продавщица к Дине. Она не заметила, когда подошла ее очередь, и растеряно смотрела на продавщицу.

— Чего смотрите? Очередь ждет, говорите, чего вам дать, или уходите, не мешайте, — повторила продавщица. В очереди началось волнение. Дину начали торопить.

Она купила две булочки со сладкой начинкой и отправилась домой. Взволнованная новостью о приезде Ефима, она шла медленно, еще раз перебирая услышанные слова. Может, она ошиблась, не так поняла. Нет, убеждала она себя, речь шла об отце Фимы. Конечно, о нем. Его звать Лейзер, и он работал на почте. И у него есть сын.

— Говорят, что родители Фимы приехали, и он тоже, — за чаем, как бы, между прочим, стараясь не показывать волнение, проговорила Дина.

Молка оставила чашку с чаем в сторону, и посмотрела на Дину так, как будто слышала что-то невероятное, не мыслимое.

— Я целый день дома была, не выходила на улицу, — как бы

оправдываясь, проговорила тетя.

Дина провела беспокойную ночь. Со временем, в связи с отсутствием каких либо известий о Ефиме и его родителей, она начинала привыкать к мысли, что, возможно, тетя Молка права. Нечего надеяться на возвращения Ефима. Она, правда, не хотела, не могла согласиться с такой мыслью. Но невольно, несмотря на внутреннее сопротивление, нет, нет, да такая мысль появится. Тогда она думает, что напрасны были ее мучения, надежды, что ничего хорошего в жизни ей не ожидать. Теперь ее охватило беспокойство. «Даже, если он только сегодня приехал, он должен прийти» — надеялась она, долго не укладывалась спать, все ждала его. Но он не пришел. «Может, не было никакого разговора о Лейзере, о почте? Может, мне все это привиделось?» — сиясь уснуть, думала она.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Клава, когда Дина пришла на работу, — вижу, что тебе нездоровится. Может тебе лучше домой пойти?

— Все хорошо, Клава, не беспокойся, я просто немного устала. Допоздна помогала тете по дому, и не выспалась, — придумала Дина объяснение своего болезненного состояния.

— Это правда, — услышала Дина голос тети из кухни, как только она переступила порог дома вечером, когда вернулась с работы, — они приехали, и добавила укоризненно, — мог бы зайти, поинтересоваться, имея в виду Ефима.

— Ты их видела? — спросила Дина входящую в комнату тетю. — «Тетя права. Конечно, он мог бы зайти».

— Нет. Говорят, что они пока поселились у соседа. Их дом занят рабочим из сахарного завода. Они переберутся в свой дом через пару дней, как только его освободит теперешний хозяин. Я нарочно прошла мимо дома, где они поселились, но никого не встретила, — рассказывала тетя.

Несколько дней Дина с нетерпением и надеждой ожидала, что Фима обязательно придет к ней. Но он все не приходил. Она этого не могла понять, чего только не передумала. Когда она узнала, что родители Фимы уже поселились в своем доме, переборов мучительные чувства неизвестности, она стала себя уговаривать, что ничего зазорного самой сходить к ним в гости. Ведь знакомые, давно не виделись. Как же не зайти повидаться? Вся в сомнениях, волнуясь ожидаемой встречи, Дина медленно приближалась к дому Лейзера. Она с минуту постояла у дверей, и, собравшись с силами, постучалась. Двери открыла Рива, мать Фимы.

— Проходи, Дина, — обрадовавшись ее приходу, пригласила Рива, — как я рада тебя видеть.

Фима, попытался приподняться из-за стола, за которым он сидел, но только кивнул головой, оставаясь на месте.

— Садись, Дина, — указывая на место у стола напротив

Фимы,— проговорила Рива.

Дина чувствовала себя очень неуютно, несмотря на гостеприимство Ривы. Односложные вопросы и ответы тяготили. Больше отвечала Рива. Дина заметила, что Фима несколько раз, как бы опасаясь чего-то, посмотрел в ее сторону. Не понимая, что происходит и, чувствуя неловкость, Дина поднялась и, сославшись на занятость, откланялась. Фима, как и при ее приходе, кивнул головой, не двигаясь с места. Слезы, сдерживаемые в доме, застлали глаза Дины. Она ступала медленно, не различая дорогу. Ее догнала Рива.

— Дина, подожди, — услышала она голос Ривы.

«Что ей нужно? Она хочет извиниться за Ефима? Хочет сказать, что он уже женат?» — думала Дина, глядя на Риву.

— У нас, Дина, большое горе. Фима лишился ног на войне. Он еще не привык к протезам, он их только недавно получил, — одним духом проговорила Рива и расплакалась. «Вот, в чем дело. А она невеста что надумала» — несмотря на печальное известие, Дину охватила радость, она обняла Риву, стала ее целовать, вытирать ее слезы.

— Рива, дорогая, не плачьте, радоваться нужно. Человек прошел через такую страшную мясорубку и остался жив. Скольких война покалечила. Слава Бога, что Фима жив остался. А к протезам он привыкнет, — оживленно проговорила Дина, — сейчас же идемте к нему.

— Нет, Диночка, не сейчас, — Риву смутил порыв Дины. — я ему сказала, что иду к соседке. Лучше, если придешь дня через три. Скажешь, что случайно узнала о его беде.

Вернувшись в дом, Рива испугалась вида Ефима. Он сидел с закрытыми глазами, бледный, на лбу блестели капельки пота.

— Боже,— она подбежала к нему, вытерла ему пот со лба, — Фима, как ты себя чувствуешь? На, выпей воды.

— Не волнуйся, мама, все хорошо, я немного устал.

Нежданная встреча с Диной застала Ефима врасплох. Он боялся шевельнуться, не мог сдвинуться с места. Проклятые протезы стояли в стороне. Он растерялся, не знал о чем с ней говорить. Нехорошо как-то получилось. Она ушла с обидой. «Смелости не хватило рассказать ей, что стал инвалидом. Не нужно было мне сюда приезжать. Но не мог я устоять перед желанием родителей вернуться в свой дом» — думает он. Ефим вспоминает, как в самые тяжелые дни на войне он не забывал Дину, бережно хранил ее фотографию. После ранения, в госпитале он тоже не переставал думать о Дине. Он жаждал встречи, и боялся ее. «Может, и хорошо, что так произошло. Что с того, что я не могу ее забыть? Зачем я ей такой, без ног?» — говорит он себе, но сердце не перестает щемить, — любит он ее, любит, очень любит». Он вспоминает школьный выпускной вечер. О том, как они друг другу клялись в вечной любви, и неловкий поцелуй на

прощанье у калитки ее дома. Ему становится душно, он ощущает, как тревожно бьется сердце.

Рива занялась приготовлением ужина. Скоро должен прийти Лейзер. «Бедное дите. Как его расстроил неожиданный приход Дины. На нем лица не было, как он меня напугал. Сказать ему, что Дина знает о его беде, и что она любит его? — но тут же у нее возникают сомнения, — может, порыв Дины был минутный? Может, это порыв молодости, жалости? Успокоится, и по-другому отнесется к беде. Кто знает? Не нужно спешить. Посоветуюсь с Лейзером. Какие могут быть советы? Смешно. Время покажет» — между делом думает Рива.

Дина, обрадованная разговором с Ривой, шла домой, не чувствуя под собой землю. Как будто за плечами выросли крылья. «Бедный Ефим, я чувствую, что он любит меня. Меня смущали его взгляды украдкой. Теперь я их понимаю. Он боится, что я его разлюблю. Почему он сам мне не сказал о своей беде? Боится, что я откажусь от него? Дурачина, как он мог такое подумать?» — размышляет Дина, и чувство любви, как тающий воск, обволакивает все вокруг. И улицу, и дома, и прохожих, и небо. Она счастлива. Она готова раскрыть свои объятия всему миру.

— Что случилось, Дина? — видя блеск в ее глазах, при входе в дом, спросила тетя.

— Замечательная погода, тетя, — тихо ответила Дина, — я заходила к Риве.

— Ну, что у них?

— Все хорошо, — еще тише ответила Дина, как будто опасаясь расплескать переполненный счастьем сосуд.

— Ну, и, слава Богу, — недовольная скупостью ответов, — заметила тетя.

Радости Дины не было предела. Даже на работе обратили внимание. Она как будто распрямилась, помолодела, глаза оживились, на губах заиграла улыбка. Сотрудники с изумлением шушукались между собою по этому поводу, высказывая разные предположения.

Через два дня после разговора с Ривой, больше не в силах ожидать, Дина пришла в гости к Фиме. Ее встретила Рива. Фима, как и в тот раз, сидел за столом на своем месте. Лейзера, отца Фимы и на этот раз дома не было. Дина, охваченная радостью и смущением, еле сдержалась, чтобы не кинуться на шею Ефима, обнять его, расцеловать.

«Пришла. Я думал, что она больше не придет. И снова неожиданно» — с горечью подумал Ефим, не зная на кого больше злиться. На себя, что опять оказался в нужное время без протезов, или на Дину с ее неожиданными приходами. Дина осталась стоять у дверей, Ефим сидел с опущенной головой. Риве, тоже не ожидавшей сегодняшнего прихода Дины было как-то не по себе.

Она зачем-то побежала на кухню, послышался шум перебираемой посуды, вернулась, и как бы спохватившись, проговорила: «Что же ты стоишь? Проходи, Дина, садись к столу. Дети, я вас угощу пирогом с капустой. Его хорошо кушать, пока он свежий».

— Спасибо, тетя Рива, я уже не припомню, когда ела домашнюю выпечку, — проговорила Дина, усаживаясь за столом напротив Ефима.

— И сладкий чай к пирогу, чайник только закипел — продолжила Рива. Она поставила на стол две чашки чая и пирог, нарезанный квадратами.

— Кушайте на здоровье, а я пойду к соседке ненадолго. Она жаловалась на здоровье. Если еще чая захочется, — уже в дверях проговорила Рива, — чайник на плите.

Когда они остались вдвоем, Дина прервала неловкое молчание.

— Помнишь, Фима, наш выпускной вечер, наши мечты? Как давно это было. Но я его никогда не забывала. Я всегда вспоминала тебя. Может быть, вера в тебя, что ты меня любишь, помогла мне выжить в самые трудные дни моей жизни. Я очень беспокоилась за тебя все время, но не теряла надежду. Особенно тяжело было после освобождения. Я каждый день ждала от тебя весточки, и так целых два года, — одним духом, стараясь не показывать охватившее ее волнение, проговорила Дина.

Не глядя на нее, он слушал и впитывал в себя ее слова, как путник в пустыне живительную влагу. Выражение лица его временами, то, как бы светлело, то болезненно искажалось.

— Я тоже часто тебя вспоминал, но теперь, — тихо проговорил Фима. Он поднял голову и несмело, как и в первый ее приход, посмотрел на Дину.

— Фима, ничего не говори, не нужно. Я все знаю. Только жаль, что узнала об этом только сегодня, и от чужих людей. Как ты думаешь, что я должна была подумать, глядя на твое поведение, когда я пришла повидаться? Сидишь с опущенной головой, слова не вымолвишь. Значит, он забыл меня, подумала я, разлюбил, забыл, как мы друг другу клялись в вечной любви. Может быть, он полюбил другую женщину, или он уже женат. А я все еще на что-то надеюсь, — уже более спокойно продолжала Дина.

— Это все не так, — почти крикнул он, и, почувствовав неловкость, замолчал.

— Аа что так? — спросила Дина.

— Я теперь никому не нужен, — с горькой усмешкой ответил он, и продолжил, — кому нужна обуза, инвалид, человек без ног?

— Ты возмнил себя особенно обиженным судьбой, — подошла к Ефиму, сказала она, — и никак не насладишься этим? Я пришла потому, что узнала о твоей беде. Если еще любишь меня, знай, что я тебя никогда не оставлю.

Он, как обиженное дите, прижался к ней головой. Дина

обхватила его голову и расцеловала его глаза, лицо. С улицы слышались шаги. Дина еле успела отойти от Ефима, как в дом вошла Рива.

— Уже поздно, тетя будет волноваться, — проговорила Дина, — если у меня будет время, я завтра приду.

— Приходи, мы всегда рады тебе, — ответила Рива.

Она заметила, что ни к пирогу, ни к чаю никто не притронулся, но ничего не стала говорить. Она взглянула на Ефима. Он сидел в обычной своей позе. Заметно было, что он чем-то взволнован. Лейзер и Рива делали вид, что не замечают новое в поведении Ефима. Ночью шушукаясь, они вспоминали, сколько сил им пришлось приложить, чтобы увести Ефима из госпиталя домой, как он сопротивлялся возвращению в Томашполь. Слава Богу, кажется, он стал оживать. Спасибо Дине. Славная девушка. Любит она его или только жалеет? Похоже, что любит. О Фиме говорить нечего. Видно, что любит.

Дина с нетерпением ожидала окончания рабочего дня. Хотелось поскорее снова встретиться с Ефимом. Но время, как заколдованное, лениво текло. Она забежала домой на минуту, сказала тете, что у нее срочные дела, и убежала.

— Знаю, какие это у нее срочные дела. Зачем ей этот инвалид? Всю жизнь мучиться будет, — недовольно брюзжала Молка, — совсем девка голову потеряла.

— Добрый вечер, — войдя в дом, проговорила Дина.

— Добрый вечер, — в один голос отозвались Рива и Ефим. При этом Ефим встал, опираясь руками об стол. Протезы на ногах издали характерный звук, — проходи, Дина, садись, — пригласил Ефим.

Вечер прошел за чаем с яблочным пирогом. В основном говорила Дина. Она рассказывала о пережитом ею во время оккупации. О расстреле евреев в местечке Жабокриче и гибели родных. Как ее спасала Василина, вспомнила о Петре. Коснулась жизни в Печоре, вспомнила седую, беззубую Симу. Ефим и Рива, затаив дыхание, внимательно слушали. Рива временами вздыхала, и незаметно смахивала слезу. Они знали, что Дина осталась сиротой. Но услышанный рассказ из уст Дины потряс их. Они сидели призадумавшись. Не находили слов, чтобы выразить сочувствие. Наступившее молчание было нарушено приходом Лейзера.

— Добрый вечер, — произнес Лейзер, переступив порог, — у нас гости? Здравствуй, Дина, как поживаешь?

— Добрый вечер, дядя Лейзер, спасибо, у меня все хорошо. Я уже, пожалуй, пойду.

— Оставайся, Дина, поужинаешь с нами, — предложила Рива.

— Спасибо, засиделась я у вас. Тетя ожидает меня с ужином, будет беспокоиться. Будьте здоровы, — она попрощалась и ушла.

Сон не приходил. Фима снова и снова, забывая о себе, думал о Дине. О том, что ей пришлось пережить, о ее муках и надеждах. «Откуда взялось у этой хрупкой девушки со стройной осанкой столько внутренней силы? Неужели это та самая добрая, нежная, наивная школьная подруга?» — задавался он вопросом. И все его существо наполнялось неизбывной нежностью, которую он готов без остатка отдать Дине. Сделать все, чтобы она была счастлива. «Что за бред, или я с ума схожу? Какое счастье я, безногий, могу ей дать? — ругает он себя, — может, сказать ей, что я ее разлюбил, что я решил никогда не жениться. Что она найдет свое счастье с другим человеком. Но где взять силы об этом ей сказать? Нет, я не смогу. Я всегда любил ее, она мне дорога, она мне нужна. Особенно, теперь. Ее любовь возвращает меня к жизни. Но нельзя быть эгоистом, если ты хочешь ей счастья. Что же мне делать, как поступить?» — мысли широким потоком заливают его, и в не силах больше бороться с ними, засыпает тревожным сном.

Однажды днем, воспользовавшись обеденным перерывом, Дина забежала в гости к Ефиму на пару минут. Она соскучилась. Ефим был дома один, и вышагивал в протезах, опираясь на трость.

— Какой молодец, — Дина, поднявшись на цыпочки, обняла Ефима за шею и расцеловала его, — чем ты недоволен? Что за кислая мина? У тебя все отлично получается, — усмехнувшись, добавила она.

— Дина, я многое передумал о нас. Я боюсь, что своей жалостью ко мне ты погубишь свою жизнь. Я долго боролся с собой, я люблю тебя, как никого на свете не любил. Но не могу обречь тебя на мучения, чтобы ты связала свою жизнь с безногим инвалидом. Я хочу, чтобы ты была счастлива, ты этого заслужила. Скажи мне, зачем тебе нужна такая обуза, как я, безногий инвалид? — устало, с горечью спросил он, отстранившись от нее.

— Я тебе уже говорила, что мне нужна эта обуза, — ответила Дина, — знай, что я тебя никому, никогда не отдам. Ты мой, и только мой. Я любила тебя всегда, а сейчас еще больше, мой глупенький.

— Дина, мне все это в тягость, у меня сердце болит. Ты молода, красива. Ты встретишь хорошего человека, и будешь с ним счастлива. Мне бы очень хотелось, чтобы так и было, — продолжил он.

— Если ты действительно желаешь мне счастья, если любишь меня по-прежнему, — прильнув к нему, проговорила Дина, смахивая с глаз набежавшую слезу, — перестань себя мучить, и меня. Счастье, что тебе удалось выжить на войне. Встряхнись. Вся жизнь впереди. Я тебя никогда, слышишь, никогда не оставлю.

Они стояли молча, взволнованные. Казалось, что время остановилось. Одной рукой Ефим опирался на палку, второй прижимал к себе Дину. Он слышал, как беспокойно бьется ее сердце. Он еще крепче прижал ее и стал целовать.

— Отпусти, милый, больно. Мне пора на работу, — спохватившись, тихо проговорила Дина, — я приду вечером.

Дина стала часто бывать в гостях у Ефима. В один из летних вечеров, когда спала дневная жара и на дворе наступила прохлада, Дина решила, что пора вывести Ефима на улицу.

— Сколько можно дома сидеть? — прильнув к Ефиму, проговорила Дина, — идем, прогуляемся возле дома, подышим свежим воздухом.

— Хорошо, согласен, — неуверенно проговорил Ефим, нежно поглаживая свободной рукой выющиеся локоны на голове у Дины, другой он опирался на трость, — к протезам я уже немного привык, но это дома.

— Я буду рядом, не бойся, — успокоила его Дина, — идем.

Они шли медленно. Ефим с одной стороны опирался на трость, с другой, — его поддерживала Дина, взяв его под руку. Свежий воздух пьянил, Ефим с трудом делал небольшие шажки по улице. Вместе с этим в нем росла уверенность в свои собственные силы.

— Рива, мы прекрасно прогулялись. Верно, Фима? — не скрывая радости, проговорила Дина, когда они вошли в дом, — что с того, что недолго гуляли. Это же первый раз Фима вышел на улицу.

— С твоей помощью Дина, спасибо тебе, — проговорил Фима.

— Я видела, — сказала Рива взволновано. Она отвернулась, чтобы незаметно смахнуть набежавшую слезу, — садитесь, дети, к столу. Будем пить чай с вареньем и пряниками.

— Добрый вечер. Вы можете меня поздравить, — переступив порог, радостно произнес Лейзер, — меня, наконец, приняли на работу. Назначали помощником начальника почты.

— Слава Богу, будешь при деле, — сказала Рива, — перестанешь нервничать.

Все годы до войны Лейзер работал начальником почты. Возможно, если бы они вернулись домой сразу после освобождения города, он занял бы свой пост. Но теперь уже был другой начальник. Учитывая его многолетний опыт работы на почте, его назначали помощником.

— Пусть будет помощником, — проговорил он, как будто кто-то был не согласен с таким его назначением, — главное, что работа на почте.

Все лето вечерами в погожие дни, Фима с Диной прогуливались. Они больше вспоминали школьные годы, стараясь не говорить о войне с ее горестями.

— Фима, я скоро лишусь работы, — смеялась Дина, — ты уже можешь обходиться без помощника. Придется мне искать другую работу.

Молке нужно было бы переговорить с Диной. Но не решается.

Она помнит, как пыталась ее сосватать, и какой получила отпор. Дина все ждала Ефима, хотя это казалось безумством. Уже давно закончилась война, и ни о нем, ни о его родных никаких известий. Но, Бог милостив, она его дождалась. Теперь уже другое волнует Молку. Ей не по душе больно частое общение Дины с Ефимом. Как только у нее появляется свободная минутка, она бежит к нему. «Человек ног лишился на войне. Конечно, жалко парня, жизнь его искалечена. Оно хорошо, что Дина его навещает, поддерживает. Они еще в школе дружили, и у нее отзывчивое сердце. Дина понимает чужое горе. Сама немало перетерпела горя, — думает Молка, — Ну, слава Богу, дождалась она Ефима. Что же теперь? Неужели она решила связать свою жизнь с инвалидом, с человеком без ног? По тому, как она расцвела с его появлением, сколько времени пропадает в доме у Лейзера, похоже на то. Она не думает, как ей в жизни придется рядом с калеккой. Молодая она, не понимает, какие трудности ее ожидают. Сейчас за Фимой ухаживают родители, они и материально помочь могут первое время, а потом все ляжет на ее плечи. Поговорить бы с нею, так разве она послушает меня. Были бы живы Шимен и Рахиль, пусть земля им будет пухом, может, их бы послушалась». Эти мысли не давали Молке покоя. Первое время она думала, что Диной руководит простая человеческая жалость к товарищу. Но чем дальше, Молка по поведению Дины и ее коротких ответов на вопросы поняла, что она от Ефима не отступится. «Куда смотрят Рива с Лейзером? Разве они не понимают, что могут поломать жизнь Дины, если допустят ее женитьбу с Ефимом? Она Лейзера и Риву давно знает. Очень приличные, порядочные люди. Может, они ничего не замечают? Но Молка так же понимает другое. Это их покалеченный войной сын, их горе. Что они на все готовы ради его благополучия, и не все могут разглядеть». Поэтому Малка надеялась при встрече с Ривой или Лейзером поговорить о судьбе Дины, чтобы они прозрели, поняли и помогли уберечь Дину от опрометчивого шага, который кроме трудной, несчастной жизни ей ничего не сулит. Дина уже и так достаточно нагоревалась. Но, какое-то внутреннее беспокойство и охватившие ее сомнения мешали такому разговору. Теперь она опасалась встречи с Шиманом и Ривой и старалась ее избежать.

X

Наступила осень с холодными ветрами, дождями и слякотью под ногами. Все реже можно было выходить на улицу прогуляться.

— Как дела, милый? Чем занимаешься? — сняв боты у дверей и скинув пальто, Дина подошла к Ефиму, и поцеловала его.

— Почему так долго не приходила? Я беспокоился, не заболела ли ты. Погода ужасная, сижу и скучаю, — проговорил

Фима, привлекая к себе Дину.

— Поэтому, и не приходила. Слякоть непролазная, и рано темнеет на дворе, — взяв его руку в свою, ответила Дина, — я тоже соскучилась. Что за книга?

— «Воскресенье» Толстого.

— Я не читала. Ты мне потом расскажешь, — попросила Дина, высвободившись из объятий, — пора тебе, Фима, найти себе занятие, покончить со скукой.

— Чем же я могу заняться? — проговорил он обиженно, — я ничего не умею. И не всякую работу я смогу выполнять.

— Я, милый, тебе не предлагаю быть землекопом или сторожем. Думаю, что тебе пора подумать об институте, начать готовиться к поступлению на свой любимый физико-математический факультет.

Он посмотрел на нее с изумлением, как будто услышал что-то немыслимое. Какая учеба с его протезами, да еще вдали от дома?

— Разве это возможно, Дина? Это не серьезно. Мы же не дети.

— Это даже очень серьезно, мой дорогой. Ты будешь, ты обязан учиться, — она пронизывала его взглядом своими сияющими карими глазами. Голос ее звучал мягко, но как всегда убедительно, — главное, чтобы у тебя было желание учиться. Но я нисколько не сомневаюсь, что у тебя оно есть, и что ты хочешь учиться. Это главное. Все остальное мною уже обдумано.

Чем дальше он ее слушал, тем больше он мрачнел. «Она что, решила посмеяться надо мной, или она витает в облаках? Разве он сам не мечтает об учебе? Но он гонит от себя эту мысль. Он понимает, что ему одному, вдали от родных не справится. Разве она этого не понимает?».

— Ну, и смешная ты, моя дорогая, «ты обязан учиться, мною все обдумано» — со злостью в голосе начал Ефим, — может, и со мной было бы не грех поделиться толикой своего «обдумано» — и добавил с кривой улыбкой, — уверен, что придумано что-то необыкновенное, гениальное. Взрыв злости Ефима был для Дины непонятным и неожиданным. Она никогда его не видела таким. Это напугало ее, в растерянности она прислонилась к нему, и разревелась, как дите. Слезы текли рекой. «Боже, какой я дурак. Чего я взъерошился? На больное место наступила? Разве ее вина, что я такой беспомощный? Она желает мне добра, но не понимает, что это невозможно» — целуя ее глаза, слизывая слезы, корил себя Ефим. Дина немного успокоилась, продолжая тихо всхлипывать в объятиях Ефима.

— Мне жаль, что так получилось, — перестав всхлипывать и вытерев слезы, сказала Дина, — ты не выслушал меня, и почему-то рассердился, напугал меня.

— Извини меня, я не прав. Но и твои разговоры об учебе,

признайся, смешны.

— Может быть, Фима, мне сразу нужно было начать разговор с того, что именно «мною обдумано», над которым ты смеешься? — проговорила Дина.

Ефим, укоряя себя за вспыльчивость, с опаской смотрел на Дину, ожидая продолжения разговора. Она в задумчивости сидела, опустивши голову, и молчала.

— Что же дальше? — прервав неловкое молчание, спросил Ефим. «Она сама поняла несуразность затеи с учебой. Надумала чего-то неисполнимого. Вот и не знает, что ей говорить» — одновременно, с жалостью и обидой думает он.

— Ты, наверное, думаешь, что я не понимаю, что тебе одному в чужом городе будет трудно, и нужно, чтобы с тобой был кто-то рядом? — говорит Дина, — Поэтому ты стал злиться на меня. Ведь угадала я, признайся.

— Так что с того, что ты поняла? Кому от этого легче? — с обидой ответил он.

— Вместо того, чтобы возмущаться, лучше было бы выслушать меня до конца, — говорит Дина, — уверена, что ты согласишься с моим предложением.

— Я весь внимание, — улыбнувшись, говорит Ефим, — так в чем же суть этого прекрасного предложения, от которого я не смогу отказаться?

— Можешь, дорогой, смеяться, сколько душе твоей угодно. Мое предложение очень простое. Я решила поехать с тобой, быть рядом, если ты не возражаешь. Я буду работать, а ты, мой милый, будешь учиться. Вот именно это было мною обдумано, — проговорила Дина. Предложение Дины оказалось для него неожиданным. Он на мгновение растерялся, не понимал, что с ним происходит. Смешались чувства радости и опасения, что это сон.

Такая, казалось бы, простая мысль никогда ему в голову не приходила. Непередаваемое чувство признательности, любви и нежности к этой хрупкой девушки охватили его. Он обнял ее и стал целовать. Но тут же он отстранил ее от себя. «Какой я эгоист, только о себе и думаю».

— Дина, мне ужасно стыдно. Думаю только о себе. А как же ты, тебе разве учиться не нужно?

— Я же говорила, что все обдумала. У меня имеется специальность, я буду работать. Это решено, — не терпящим возражения голосом ответила она, — а в отношении моей учебы пока думать рано. За время их общения Ефим привык соглашаться с ее доводами, и сразу же загорелся мыслью об учебе, о которой даже мечтать боялся.

— Боюсь, что за эти годы все позабылось, — высказал опасение Ефим.

— Возможно, но у нас впереди целый год, — ответила она.

— Попрошу отца, чтобы достал учебники.

— Я уже приобрела некоторые учебники, и остальные сама достану, — сказала Дина, — и тетради куплю, и ручки, и все необходимое, что нужно для учебы.

— Сейчас придут родители, и мы им расскажем о нашем решении. Думаю, что они возражать не будут, — безмерно довольный перспективой, говорит Ефим.

— Непременно, а как же иначе. Только не сегодня. Лучше будет, если мы вдвоем их об этом известим. А мне сейчас нужно уйти. Они уже пришли, — увидев через окно Лейзера и Риву, которые шли в направлении к дому, проговорила Дина. Она поцеловала Ефима и стала собираться.

— Сквалыжная погода, сверху льет и под ногами сырость, — войдя в дом, говорит Рива. Это она с Лейзером вернулась с базара, — почти пустой базар. Из сел в эту слякоть людям трудно добираться. «Говорил же ей, что в такую погоду нечего ходить на базар, — думает Лейзер про себя, — но ей, Риве, больно захотелось идти. Теперь будет брызгать всю неделю, до следующего воскресенья».

— Куда ты собралась, Дина? На улице дождь, слякоть. Останься, пообедаешь с нами, — заметив, что Дина собирается уходить, говорит Лейзер.

— Спасибо. Но мне пора идти домой, — ответила Дина, — тетя Молка ждет с обедом. Обижаться будет.

— Возьми мой зонтик, не то промокнешь, пока до дома доберешься, — посоветовала Рива.

— Спасибо, — Дина взяла зонтик, попрощалась и собираясь уходить, добавила, — Фима, если распогодится, посреди недели приду.

— Почему Дина плакала, или мне показалось, что у нее покрасневшие глаза? — после ухода Дины спросила Рива, — какие-то неприятности, кто-то ее обидел, Фима?

— Мама, тебе показалось. Никто ее не обижал, — зардевшись, ответил он. Ему было стыдно и радостно одновременно. Его порывало сейчас же рассказать родителям о его решении поехать в Одессу на учебу. «Дина права. Лучше, если вдвоем известим их об этом. Успеется, — говорит он себе, и вспоминает слова Дины: впереди еще целый год. Чтобы я без нее делал?». и он вспоминает еще одну девушку, Валю из Костромы, которая спасла ему жизнь. И их образы сливаются в один. Когда в последний раз он с разведгруппой, как переводчик, шли за «языком», на обратном пути они наткнулись на шальную мину. Видать, минеры упустили ее, когда готовили окно. «Языка» привели, но один солдат погиб, и он раненный остался лежать, истекая кровью, на ничейной полосе. Медсестра Валя пробралась к нему, наложила жгуты, и на плащ-палатке вытянула к своим. После ампутации, перед отправкой в тыл, она зашла в медсанбат. Своей шершавой

ладошкой погладила его по голове, поцеловала его в чело, и, улыбнувшись, проговорила: «долго жить будешь лейтенант. Желаю тебе скорее поправиться». Это курносое лицо девушки с добрыми глазами и милой улыбкой навсегда запечатлелись в его душе.

Ефим с нетерпением каждый день ожидал прихода Дины. Хотелось поскорее окунуться в учебу. Попробовать свои силы. Ведь столько времени упущено.

— Вот, Фима, это тебе, — придя в воскресенье, начала Дина. Она достала учебники из сумки, положила их против него на стол, — здесь все необходимые учебники, еле их собрала. Раньше прийти я не смогла, и добавила, обращаясь к Риве и Лейзеру, — он будет готовиться к экзаменам в институт.

Лейзер и Рива непонимающе посмотрели на Дину, потом на Фиму, который устремил любящий взгляд на Дину.

— Дина, о чем ты говоришь? О каком институте? — после некоторого замешательства спросила Рива.

— Мы решили, что Ефим будет учиться в Одесском педагогическом институте на физико-математическом факультете, о котором он всегда мечтал.

— Решение у вас, дети, славное, — задумчиво сказал Лейзер, — но все ли вы продумали, и с нами можно было бы посоветоваться.

— Мы все продумали, не беспокойтесь. Фиме нужно учиться. Я с ним поеду в Одессу. Город большой, работу себе найду, и буду рядом с ним. Мы думаем, что вы возражать не будете.

— Спасибо, Дина, что вы о нас подумали. Все-таки мы родители, — криво улыбнувшись, проговорил Лейзер, — это, дети, не простой вопрос. Нужно тщательно все обдумать, — после непродолжительной паузы проговорил Лейзер на этот раз спокойно и добавил, — у тебя, дочка, доброе сердце, но вопрос учебы Ефима вдали от дома очень, очень серьезный. — Дядя Лейзер, мы с Фимой уже не дети, а вполне взрослые люди. И мы вправе сами решать, как нам жить.

— Доченька, кто же возражает, что Фиме нужно учиться. Но ты же понимаешь трудности. Не мешает нам все хорошо обдумать.

В следующий свой приход Дина Лейзера дома не застала. По виду Ривы, и что Фима сидел с раскрытым учебником, она поняла, что родители с ее предложением согласились.

— Садись, Дина, будем чай пить. Скоро Лейзер придет. Он хочет с тобой поговорить. То, что вы затеяли в наше время дело не из легких.

— Фима, трудно дается повторение? Мне кажется, что я уже ничего не помню, — чтобы сменить тему, спросила Дина.

— Я вначале тоже так подумал. Признаюсь, даже с опаской открывал учебник. Но по мере того, как стал вникать, почувствовал, что весь материал, как добрый старый знакомый, радостно бежит мне навстречу.

— Здравствуй, Дина, хорошо, что застал тебя, — входя в дом и снимая пальто, говорит Лейзер. Он прошел на кухню, помыл руки и присел к столу, — мы с Ривой обсуждали вашу, твою и Фимы, затею. Господи, что мы можем решать? Если бы нам удалось перебраться в Одессу. Но кто знает, когда мы это сумеем.

— Дядя Лейзер, — Дина не дала ему договорить, — с Фимой в Одессу поеду я. Мы люди взрослые, не пропадем.

— Вот-вот, я так и сказал Риве. Раз Фима хочет учиться, и с ним будет Дина, пусть едет. Мы вам будем помогать всем, чем можем. Дай, Бог, в добрый час.

— Дина, я тебе верю, — провожая Дину домой, говорил Лейзер, — Ты на меня не обижайся, но прошу тебя, еще раз все хорошо обдумай. Ты связываешь свою жизнь с инвалидом, и это не на один день.

— Я все обдумала, дядя Лейзер, Мы с Ефимом любим друг друга. И никто нам не может помешать быть вместе.

— Я верю тебе, доченька, — тихо проговорил Лейзер.

— Дядя Лейзер, меня волнует один вопрос, не знаю, как быть, — немного помолчав, сказала Дина, — тетя Молка остается одна.

— Я поговорю с Ривой. Если Молка захочет, пусть живет с нами. Если нет — я за ней присмотрю. Ты можешь, не беспокоится, поверь мне.

— Спасибо, дядя Лейзер,

Ефим усердно готовился к сдаче экзаменов в институт. Дина помогала ему.

— Тетя, я завтра уезжаю в Одессу на день, два, — за ужином говорит Дина.

— Это по работе? Ты никогда не ездила в командировку. Чего вдруг тебя посылают?

— Это не по работе. Я еду сдавать документы Фимы в институт, — ответила Дина.

— Снова Фима. Ой, смотри Дина. Я вижу, куда все клонит. Намучаешься ты в этой жизни. — Тетя, мы об этом уже много раз говорили. Люблю я его, — проговорила Дина.

— Ты такая же упертая, как твой отец, будь благословенна его память. Если что втемяшит себе, то хоть кол на голове теши. Разве Лейзер сам не может отвезти документы? Он же, наверное, собирается переехать в Одессу?

— Нет, не может. Ехать нужно мне, — коротко ответила Дина, и добавила, — пока еще рано говорить о переезде. Главное, чтобы Фима успешно сдал экзамены и поступил в институт. На время сдачи экзаменов я тоже с ним поеду в Одессу. Буду рядом с ним, помогать ему.

— Ну, ну, помочишь ты мои слова, локти кусать будешь, но будет поздно, — сказала со вздохом Молка.

Когда пришел вызов, Дина поехала с ним в Одессу. Экзамены

Фима сдавал успешно. Они были уверены, что его зачислят. На время сдачи экзаменов им дали место в общежитии. «Только на время сдачи экзаменов» — сказал комендант. Пока Ефим готовился к очередному экзамену, Дина время даром не теряла. Она занималась поиском квартиры. Дина обходила ближние к институту дворы. Но квартира не находилась. То предлагали угол, то второй этаж. Найти подходящую квартиру, чтобы была отдельная комната на первом этаже, ей не удавалось. Неожиданно ей повезло. Она уже второй раз входила в этот небольшой двор. Осмотревшись, и поняв это, она собралась уходить.

— Вы кого ищете? — обратилась к ней старушка. Дина ей сказала, что ошибочно зашла сюда, и стала рассказывать о своих мытарствах в поиске квартиры.

— Вот здесь, указывая на остекленную веранду, имеется подходящая для вас комната. Если бы хозяйка согласилась, вам бы очень подошло, — сказала старушка. Она рассказала, что до сих пор квартирантов не пускали. Но сейчас хозяйка осталась одна. Муж умер в прошлом году. Мол, пусть попытается.

Хозяйка, Клавдия Васильевна, пожилая женщина внимательно слушала Дину. О том, что Ефим инвалид, что он успешно сдает экзамены, что ему тяжело далеко ходить, а этот дом рядом с институтом. Что Дина будет с ним рядом, так как ему одному невозможно.

— Мы квартирантов не держали. Теперь я осталась одна, вышла на пенсию, так что не мешало бы взять их. Только молодых я не хочу. Они шумные, беспокойные. Посмотрите комнату, а я подумаю. Приходите завтра в любое время.

На следующий день после экзамена Дина вместе с Ефимом пришли к Клавдии Васильевне. Она их приветливо встретила. За чаем с вареньем она сказала, что решила им помочь с квартирой. Что она видит, что они люди культурные и надежные, как ей кажется. — Когда вы переберетесь? — в заключение спросила хозяйка.

— В конце августа, перед началом занятий. После экзаменов, на время до начала учебы, мы поедem домой. Чтобы у вас, Клавдия Васильевна, не было сомнений, я оставляю залог, — ответила Дина и положила на стол деньги.

— Вот, — радостно встретил вошедшую в дом Дину Ефим, держа в руках бумагу, — здесь черным по белому написано, что я зачислен на первый курс физико-математического факультета института.

— Поздравляю дорогой. Я ни капельки не сомневалась в этом, — обняв и расцеловав Ефима, ответила Дина, — я сегодня подала заявление на расчет.

— Тетя, теперь уже наступило то время, когда нам нужно серьезно поговорить, — придя домой, проговорила Дина, — Ефима приняли в институт.

— Пусть его родители радуются, я то при чем, — говорит Молка.

— Я увольняюсь с работы и уезжаю с Ефимом в Одессу.

— Вот как, — проговорила Молка, опустившись на стул, — значит, все-таки едешь.

— Тетя, не беспокойся. Если хочешь, можешь перейти жить к Лейзеру. И он, и Рива не возражают. Они люди добрые. Там тебе лучше будет, чем жить одной.

— Никуда я ходить не буду. Как-нибудь проживу одна, — с обидой говорит Молка. — Тетя, ты на меня не обижайся, — обнимая и целуя Молку, говорит Дина, — я иначе не могу, я должна с ним быть рядом.

— Я буду просить Бога, чтобы все было хорошо, — расплакавшись, говорит Молка, — видит Бог, что я желаю тебе добра.

— Добрый день, Клавдия Васильевна, вот мы и приехали. А это знакомьтесь, Лазер Наумович, отец Ефима. Он помог нам добраться, и сегодня же уезжает, — говорит Дина. Лейзеру комната понравилась, и хозяйка тоже. Они долго о чем-то говорили. Потом Лейзер со всеми попрощался и ушел. Дина с Ефимом остались одни, без родных. Для них началась новая жизнь.

Через военкомат Дина, как сопровождающая инвалида, получила разрешение на временное проживание в Одессе, что дало ей возможность устроиться на работу. Ей было нелегко, все силы были отданы, чтобы создать нормальные условия Фиме для учебы. Спасибо Клавдии Васильевне. Она не раз выручала Дину. Закупит продукты, приготовит обед. Бывали дни, когда она сопровождала Ефима до института. Он стал одним из лучших студентов на своем факультете. Когда после окончания второго курса они зарегистрировали брак, партком института помог Фиме, как кандидату в члены партии, инвалиду ВОВ, одаренному студенту, получить комнату в институтской коммуналке. Они были счастливы. Через год Дина родила девочку, которую назвали Рая в память бабушки Рахиль. Клавдия Васильевна, с которой они остались дружны, иногда навещала их и с удовольствием баловала девочку.

После окончания института Ефиму предложили остаться в аспирантуре. Одновременно он преподавал. Семья пополнилась еще одной девочкой, Шурочкой, названной в память Шимона, отца Дины.

К этому времени отец всех народов отправился в мир иной. И хотя изгнанного из института профессора, из-за его еврейства, на работу не восстановили, в общем антиеврейские настроения в институте внешне ослабли.

Прошли года, Ефим подготовил и успешно защитил кандидатскую диссертацию, и занял должность доцента на кафедре. Девочки, Рая и Шура, подросли. Дина, как всегда,

была в работе и хлопотах. Спасибо Риве, что много времени уделяла детям. То она гостила у Дины и Ефима в Одессе, то увозила детей к себе, в Томашполь. В начале семидесятых годов они получили трехкомнатную квартиру со всеми удобствами в новостройке. Счастью Дины не было предела. Любимый муж, прекрасные дети, теперь просторная квартира. Несмотря на это, ее не покидали ночные кошмары, которые временами охватывали Дину. Воспоминания о событиях прошлых лет не давали покоя. Особенно, тяжело ей бывало долгими зимними ночами, когда казалось, что утро никогда не наступит. Как она не старалась убедить себя, что нельзя жить прошлым, она не могла от него освободиться. То вспоминался день расстрела жителей местечка, гибель родных. То вспоминалась добрая душа Василина, ее сын Петро и его трагическая гибель. Недавно вспомнились подруги, с которыми отмечала день рождения Татьяны. Будучи в гостях у Василины она повстречала их. Многие из них не дождались своих мужей с войны. Овдовели Мария, молоденькая Катерина, смешливая Наталка. Вспоминался лагерь в Печоре с его ходячими тенями. Воспоминания перемежались сонными кошмарами. Утром она с трудом поднималась с постели, болело сердце, кружилась голова. Каждый раз после бессонной ночи с воспоминаниями и кошмарами она себе твердила: «помнить, не забывать о прошлом, но жить нужно настоящим и будущим. Иначе можно сойти с ума». Но все повторялось. «От этого, видать, пережившим холокост, никуда не деться» — понимала Дина.

— Что случилось, Ефим? — придя с работы, спросила Дина. Она еще была под впечатлениями от поездки в Томашполь. Скоропостижно умерла тетя Молка. Соседка рассказывала, что вечером перед смертью к ней заходила Молка. Они пили чай, разговаривали. Молка без усталости расхваливала Дину. За то, что она не забывает ее, часто пишет ей, помогает материально. Что она скучает за Диной и детьми. Что будь она в силах, хотя бы на день съездила бы в Одессу повидаться со всеми. А ночью она умерла. Дина корила себя, что не нашла время побывать у тети, пока та была жива.

За годы совместной жизни с Ефимом она научилась понимать его состояние по одному взгляду. Ефим лежал на диване с раскрытой книгой в руках. Но по его виду она поняла, что он чем-то встревожен, и мысли его далеки от раскрытой книги. Дома была только младшая, Шурочка.

— Где Рая? — с озабоченностью обратилась она к Шуре.

— Она с подругой пошла в кино, — ответила Шура.

— Так, что же случилось, Ефим? — повторила вопрос Дина, не дождавшись от него ответа.

— Немного устал я. Отдохни, Дина, покушай. Потом поговорим, — с трудом подбирая нужные слова, ответил Ефим.

Поздно вечером, когда дети улеглись спать, Дина с Ефимом

на кухне за чашкой чая тихо вели беседу.

— В институте сегодня было заседание парткома, — начал Ефим.

— Сложные вопросы решали? У тебя неприятности?

— И да, и нет, — ответил он. Поступила в партком анонимка. Нет, не на меня, — поспешил успокоить Дину Ефим, — на молодого ассистента Моню Котлика.

Дина сидела молча, ожидая узнать, что так разволновало Ефима.

— Налей мне, пожалуйста, чая, — попросил Ефим, и продолжил, — его обвинили в связях с диссидентом Гольдбергом. И еще, будто он принимал участие в сионистском заговоре, устроенном на читательской конференции в одной из библиотек города при обсуждении какого-то произведения теперешнего русского писателя об истории основания Одессы.

— Раз анонимка, наверное, выдумка?

— Ты права, — помешивая ложечкой чай, ответил Ефим, — только анонимка эта отдает то ли завистью, то ли антисемитизмом. Моня молодой, подающий надежды ученый. Он только недавно успешно защитил кандидатскую диссертацию и работает ассистентом на параллельном курсе. Он мне говорил, что намерен готовить докторскую диссертацию. И вот тебе сюрприз.

— Он же мог объяснить, что это неправда, — прервав молчание, говорит Дина.

— Кому доказывать, кому объяснять? Ты забыла, как изгнали профессора Лернера из института? — с горечью проговорил Ефим.

— Но сейчас, слава Богу, не пятьдесят третий год.

— Антисемитизма это не коснулось. Мне, кажется, он еще больше возрос на государственном уровне. Моня пытался объяснить парткому по сути анонимки. «Гольдберг, — говорил он, — знаком ему по школе. Он преподавал в их школе русскую литературу. Со времени окончания школы он раз или два случайно встречал его на улице, здоровался и не более того. По вопросу конференции, — говорил он, — что участие в нее он не принимал. В зале оказался случайно. Он читатель этой библиотеки, и в этот день приходил в библиотеку обменять книги». На что член парткома Игнатенко с места выкрикнул: «выкручивается». Между прочим, этот самый Игнатенко уже третий год готовит кандидатскую диссертацию, и никак не может защититься. Но он член парткома. И его слово весомо. В порядке обсуждения вопроса, сооротив серьезную мину, он высказался: «Товарищи, вопрос, который мы рассматриваем, в наше время очень актуален. Враги, внутренние и внешние, выступают единым фронтом. Здесь с одной стороны диссидентство, люди которые предают свою страну, а с другой стороны козни сионистов, врагов советской власти. Можем ли мы и дальше оказывать доверие товарищу Котлику, доверять ему воспитание самое дорогое для

нас, будущих строителей коммунизма? Вот вопрос. Считаю, что никакие выкрутасы товарища Котлика нас не должны увести от существа вопроса». Выступали все члены парткома, и мне тоже пришлось высказать свое мнение. Я сказал, что раз поступил сигнал, мы обязаны отреагировать. Однако, верить анонимке не допустимо, необходима проверка изложенных фактов. Что будет, спросил я, если завтра поступит анонимка на товарища Игнатенко, или на другого члена партии нашего института с обвинением в антисоветской деятельности? Разве, товарищи, мы поверим анонимке без ее тщательной проверки? Тут вскочила председатель профкома, как будто ей кольнули иголкой в нижнее место, и визгливым голосом закричала: «от вас ничего другого услышать никто не ожидал, своего решили защищать. Не выйдет. Парткому пора разобраться и с вашим обликом советского ученого, преподавателя вуза. Уже имеются на вас жалобы студентов».

— Какие жалобы? — разволновалась Дина.

— Откуда мне знать? Впервые слышу. Может, это такие же жалобы, как анонимка на Котлика, — ответил Ефим, и добавил, — решили вопрос о Котлике вынести на общеинститутское партсоборание.

— Как можно без проверки фактов обсуждать анонимку? — возмутилась Дина, — они ненормальные, что ли?

— Даже очень они нормальные. Они шагают в ногу с линией партии и правительства, при этом, не забывая о своих личных интересах.

Вскоре в институте состоялось открытое партийное собрание с одним вопросом в повестке дня: «Личное дело коммуниста Эммануила Моисеевича Котлика». После осуждения и предания анафеме диссидентство и сионизм, собрание единогласно решило: «Учесть изложенные в письме факты. На время их проверки товарища Э.М.Котлика освободить от занимаемой должности».

— Такого подлого, дикого решения я не ожидал, — возмущался Ефим, рассказывая Дине о партсоборании.

— Слушая тебя, что творится в стенах вашего института — перед моим взором все время возникают отвратительные твари. Помнишь, я тебе рассказывала про свой сон, когда твари с цокающими зубами хотели до меня добраться. Спасибо, что ты меня тогда спас. Но кто, спрашивается, может теперь спасти Котлика от этих тварей. Или нет от них спасения?

Вся эта атмосфера лукавства и обмана, неприкрытого антисемитизма тяжело отразилась на слабом здоровье Ефима. К этому еще добавились переживания за старшую дочь. Рая окончила школу с золотой медалью. Она с детства мечтала стать врачом. Однако, поступить в медицинский институт с первого раза она не смогла. Она была поражена несправедливым, грубым отношением к ней членов приемной комиссии. Мир потускнел, жизнь потеряла смысл. «Рая шла, не видя дорогу, и шаталась,

как пьяная, — рассказывала ее сестра Шура, которая ждала ее на выходе с института, — я испугалась ее вида, на ней лица не было».

— Не удивляйся, Дина, — с горечью говорил Ефим, — здесь знания не основное. Значение здесь имеется в другом. Члены приемной комиссии сами помнят или им напомнили урок об «убийцах в белых халатах», и не только. Сейчас в моде борьба с сионизмом, с диссидентами и еще многие другие страсти. Этим оправдываются любые их действия, решения.

— Вот, ты рассуждаешь, а у меня сердце разрывается. Думаешь, я не понимаю, что вокруг творится? Но девочку жаль. Она так старалась, столько было надежд. Больно смотреть, как тяжело она переживает.

— К счастью у нее сильный характер, твой характер, Дина. Она сама прекрасно все понимает, и решила пока поступить в медучилище. Не нужно расстраиваться, этим ничего не изменишь. Рая уже взрослая, и это ее решение. Я, пожалуй, прилягу, устал немного.

Рая проявила завидное упорство и добилась своего. В третий или четвертый заход она была принята в медицинский институт. За это время она успела закончить медучилище, поработать санитаркой в больнице, выйти замуж и обзавестись ребенком. Мальчику дали имя Леонид в память Фиминого отца Лейзера, который умер незадолго до рождения мальчика. Дине затея Раи поступить на учебу в медицинский институт была не по душе.

— Фима, поговори с нею, — попросила Дина, — может, она тебя послушается. Я думаю, что ей достаточно и медучилища. О какой учебе может идти разговор. Подумать только. Муж в дальнем плавании, ребенок маленький, а она собирается в институт. Как она одна с этим справится, кто за ребенком присмотрит?

— Пора, Дина, уяснить себе, что Рая уже не дитя маленькое. Она уже сама мама, у нее своя семья. Вот, с Николаем и пусть решают.

— Дети, почему вы про меня забыли? — вмешалась Рива. После смерти Лейзера, Фима ее забрал к себе — разве я не могу за ребенком присмотреть, пока вернется Николай? Пусть девочка учится. Она это выстрадала.

— Ребенок еще совсем кроха, мама. Хватит ли у тебя сил с ним возиться? — проговорил Фима, и, видя ее возражения, продолжил, — нужно переговорить с Раей.

Рива до конца своей жизни осталась жить с Раей и Николаем, рядом с правнуком Леней, которого воспитывала все годы и безумно любила его, своего родного «Лейзера».

Последние годы здоровье Ефима ухудшилось. Физическая боль от ран и протезов дополнялись нездоровой атмосферой в институте. Из-за недомоганий ему приходилось делать частые

перерывы в работе, что на него удручающе действовало.

— Я окончательно решил оставить работу в институте, — поделился он с Диной, когда в очередной раз вынужден был сделать перерыв в работе.

— В который раз я слышу об этом? — сказала Дина, поправляя ему подушку, — еще до моего ухода на пенсию ты собирался оставить работу. Надеюсь, на этот раз всерьез. Когда же это должно случиться?

— Как только выйду на работу, сразу подам заявление на увольнение.

— Мне хочется верить, Фима, — тяжело вздохнула Дина, и заметила, услышав звуки открываемой двери, — дети пришли. Почему одна, где Миша? — спросила Дина, как только Шура переступила порог квартиры.

— У него планерка, позвонил, что задержится.

— Что тебе сказали в консультации?

— Что беременность протекает нормально, — ответила Шура, и, улыбнувшись, добавила, — доктор сказал, что ожидается мальчик.

— Мальчик, девочка, — улыбнулась Дина, — какая разница. Дай Бог, чтобы все прошло благополучно.

— Мам, что случилось? Ты прямо светишься, — спросила Шура за ужином, — а отец такой серьезный, словно к лекции готовится. Признавайтесь.

— Отец, наконец, уходит с работы.

— Папа, ты уже подал заявление?

— Как только он выйдет на работу, он его подаст, — за Ефима ответила Дина.

— А-а. Ну-ну, прожевывая котлету, с сомнением произнесла Шура.

— Дожился, Фима, что даже родная дочь тебе уже не верит.

— Поверим ему, мама, еще раз, — примирительно произнесла Шура, и продолжила, — у меня тоже имеется новость. Мишу назначили главным инженером СМУ, в котором он работает.

— Даст Бог здоровья, в субботу отметим это событие, — сказала Дина, — Рая говорит, что отцу необходимо системное лечение и улучшенное питание. Организм его истощен, и подвержен любой инфекции.

— Мама оседлала свой любимый конек. Это надолго, — проговорил Ефим, — я же сказал, что ухожу с работы. Буду целыми днями отдыхать и набираться сил.

Несмотря на принятые меры, здоровье Ефима ухудшалось. Приходилось часто посещать военный госпиталь. Привыкший к повседневной работе, чтобы заполнить свободное время Ефим начал давать частные уроки и консультации. В первые годы перестройки, после длительного лечения в госпитале, его не стало. В этом же году умерла Рива. Она не вынесла смерть сына.

Здоровье Дины, которая была остоном и опорой семьи, после смерти Ефима сильно пошатнулось. Вместе с уходом из жизни Ефима для Дины был утерян стимул жизни, который покоился на любви и преданности к нему, семье. Дети зажили своей жизнью, она себя чувствовала путником на обочине рядом с пролетающими мимо поездами. Дина заметно постарела, седина покрыла голову, углубились морщины, прорезающие лицо, ухудшилось зрение, начались частые недомогания. Ее настигла старость со своими болячками и недугами.

Время перестройки с неразберихой, волнениями, всеобщим дефицитом, отказниками, ростом бытового антисемитизма создавали в обществе неустойчивость и неуверенность в завтрашний день, особенно в еврейской среде. Миша с Шурой решили при первой возможности выехать на ПМЖ в Израиль, или другую страну. Дина отказывалась ехать с ними, не хотела оставить могилу своего Ефима. Она решила остаться жить с Раей, которая тоже не собиралась уезжать из Одессы. Однако, несмотря на принятое ею решение, после долгих мучительных обсуждений отъезда Шуры и Миши с детьми, она решила с ними поехать, чтобы материально поддержать их первое время, с надеждой со временем вернуться в Одессу. Дина прожила в Израиле три года, последние три года своей жизни, и там похоронена на еврейском кладбище. Тоска за любимым, неисчерпанная до конца любовь к нему помогли ей не обращать внимания на превратности судьбы и трудности жизни на новом месте.

Наряду с памятью о Ефиме она помнила, не забывала добрую, родную Василину и ее сына Петра. Они помогали ей выжить и бороться в горниле Холокоста. Стараниями Дины, с помощью родных и друзей удалось собрать необходимые материалы, чтобы передать их в Яд Ва-Шем для увековечивания имя праведника мира Василины Рипак.

*Цви бен Дов
Москва, Винница
2013—2014 гг.*

Приложение

1. Акт вскрытия могил, госкомиссией по установлению злодеяний учиненных над гражданами СССР немецко-румынскими преступниками в период временной оккупации Крыжопольского района, Винницкой области УССР,, в м. Жабокрич от 21 июня 1944 года.

2. План гетто в Жабокриче.

3. Могила массового захоронения жертв нацистов —

расстрелянных жителей Жабокрича.

Цви бен Дов

Москва. 2014 г.

Архивные материалы по ХОЛОКАСТу м. Жабокрич
 “Reproduced from the holdings of the U/S. HOLOKAJST memoria
 museum “

Д — 1265

оп. 54

«Материалы о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над мирными гражданами и советскими военно-пленными в Крыжопольском р-не, Винницкой области.

Апрель 1945 г.

на 118 листах «

А к Т

в с к р ы т и я м о г и л

1944 года Июня 21 Дня м. Жабокрич

Мы нижеподписавшиеся, назначенная комиссия по установлению злодеяний учиненных над гражданами СССР немецко-румынскими пре-ступниками в период временной оккупации Крыжопольского района, Винниц-кой области УССР.

В составе: председателя Жабокричского сельсовета ПОЛИЩУК, председателя Жабокричского Национального Совета СПЕКТОР, председателя Районной Комиссии КУЗНЕЦОВА А.Е., врача Крыжопольской поликлиники ДРАЧИНСКОГО, сего числа произвели раскопку могил в селе Жабокрич, Кры-жопольского Района, Винницкой Области, похороненных граждан злодейски убитых немецко-румынскими преступниками во время оккупации в Июне 1941 года.

Всего было вскрыто три могилы.

Первая могила была вскрыта следующей величины: длина и ширина по два метра, глубина полтора метра, которая была вырыта возле помещения Национального совета м. Жабокрич.

В этой могиле обнаружено 27 трупов убитых, среди которых были мужчины, женщины и дети.

Вторая могила была вырыта среди домов (переулкa) м. Жа-бокрич, величина могилы: длина 6,5 метра, ширина 3,5 метра, глубина 4 мет-ра, в которой похоронено около 350 человек, в том числе мужчины, женщи-ны и дети.

Третья могила вскрыта, по величине: длина 4 метра, ширина 2 метра, глубина 2,5 метра в которой обнаружено 50 трупов, среди которых имеются мужчины, женщины и дети.

Во всех вскрытых трех могилах похороненные трупы пересы-

пались известью, в связи с чем большинство сохранились, т.е. полностью не разложились, особенно одежда сохранила свой вид, даже легко узнать цвет и качество материалов, а также на некоторых трупах хорошо заметно куда и чем производились убийства.

В основном убийства производились выстрелами из винтовок в голову, грудную клетку, ноги. На сохранившихся трупах и одежде имеются накипи крови. В одном из трупов был обнаружен 5 годичный паспорт на имя Шейва фамилие не известно (разложился) выдан Крыжопольским РО. НКВД 1939 году. Опознать личности трупов не представляется возмoж-ности, так как лицевая часть головы разложилась.

Кроме этого среди построек м. Жабокрич имеются мелкие могилы, где похоронены убитые граждане фашистскими захватчиками, оди-ночные могилы не вскрывались.

Со слов очевидцев, варварские злодеяния и убийства проводимые немецко-румынскими фашистами в основном расстреливалось еврейское население, как из местных жителей м.Жабокрич, а также евреев из и ближайших сел.

А поэтому точных данных установить персонально личности человека не представляется возмoжным.

О чем и составлен настоящий акт.

К о М и с с и Я: подписи членов комиссии и печать.

Р.С. Из 118 листов имеется всего 6 листов, охватывающие только к собы-тиям м. Жабокрич. Эти материалы Изя достал в Израиле.